

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

8/97

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/97

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Р. Г. Скрынников** — Древняя Русь. Летописные мифы и действительность 3
- Дэвид М. Гланц** — Операция «Марс» (ноябрь — декабрь 1942 г.) 14
- Г. М. Адibeков** — Коминтерн после формального роспуска (1943—1944 гг.) 28

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Д. И. Вдовиченко** — Энвер-паша 42

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. В. Головнин** — Записки для немногих 57

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Дневник Николая Михайловича Дружинина 74

ПУБЛИКАЦИИ

- Правые и конституционные монархисты в России в 1907—1908 гг. 92

СООБЩЕНИЯ

- А. Л. Юрганов** — Символ Русского государства и средневековое сознание 118
- П. Ш. Чхартишвили** — Черносотенцы в 1947 году 133

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А. И. Филюшкин** — Термины «царь» и «царство» на Руси . 144
Г. С. Паповян — Ф. Каваллотти — бард итальянской демократии 149

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С. Смит** — Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы 154
Л. И. Гинцберг — Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления 162
В. А. Федоров — Е. А. Дудзинская. Славянофилы в пореформенной России 165
В. А. Артемов — Г. Фойгт. Россия в немецкой историографии. 1843—1945 168
Г. И. Зверева — А. Л. Ястребицкая. Средневековая культура и город в новой исторической науке 170
М. Ю. Чуканов — Г. Оселиус. «Русская угроза» Швеции. Система представлений элиты, обеспечивающих безопасность малой державы в эпоху империализма . 172

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- Н. А. Ефимов** — Уточняющее дополнение к письму С. Н. Щеголихиной 174

Древняя Русь. Летописные мифы и действительность

Р. Г. Скрынников

«Повесть Временных лет» занимает особое место среди древнерусских источников. Ее сведения по ранней истории Руси уникальны. Их значение возрастает, когда имеется возможность сопоставить ее свидетельства с более ранними источниками византийского и еврейско-хазарского происхождения.

Киевская летопись сообщает сведения о деятельности вдовы князя Игоря Святославича Ольги в середине X века. С ее именем связывают первые в русской истории реформы, упорядочившие систему государственного управления. Реформаторская деятельность Ольги подтверждается следующим летописным известием: «В лето 6455 (947) иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли знамянья и места и повосты, и сани ее стоять въ Плескове и до сего дне». Для верной интерпретации приведенного отрывка сравним его с записками императора Константина Багрянородного, написанными во времена Ольги в середине X века. С приближением зимы, писал император, русские «архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно в земли древлян, дреговичей, северян и прочих данников славян. Кормясь там в течении зимы, они в апреле, когда тает лед на Днепре, возвращаются в Киев»¹.

«Поездка» Ольги в Новгород как две капли воды напоминала полюдь, описанное Константином VII. Различие заключалось в том, что император имел возможность использовать материалы, тщательно подобранные для него чиновниками и основанные на показаниях русских послов и лиц, ездивших по дипломатическим и торговым делам в Киев, тогда как Нестор трудился над летописью в начале XII в. и руководствовался историческими припоминаниями, дружинным эпосом и преданиями. Летописец XII в. озаглавил свое известие: «Иде Ольга Новугороду». Но полюдь не было путешествием. Византийский писатель очень точно описал его как «кружение». Именно таким «кружением» была описанная летописцем поездка. В Новгород Ольга отправилась бы обычным путем «из греков в варяги» — по Ловати на Волхов. Вместо этого она прошла через землю ильменских славян с востока на северо-запад по Мсте и Луге, после чего в конце зимы повернула на юг, в Псков. Судя по тому, что Ольга оставила свои сани в Пскове, ее полюдь закончилось весной. Но зима как раз и была временем полюдья.

Скрынников Руслан Григорьевич — доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Санкт-Петербургского университета.

Мудрой правительнице княгине Ольге приписывают установление на Руси новой системы административного деления — «повостов», а также системы поборов — «оброков». Слово «оброки» позднего происхождения, а понятие «погост» имело в X в. совсем иное значение, чем в XII. При Ольге погост обозначал языческое святилище и место торга славян («погост» от слова «гость» — купец). С принятием христианства власти стали разорять капища и на их месте ставить церкви. Крупнейшие погосты превратились к XII в. в центры управления округой. Но при Ольге погосты оставались языческими святилищами по преимуществу. Летопись заключает в себе одну любопытную деталь. Рассказ о посещении Ольгой ильменских славян летописец завершает словами: «Ловища ея суть по всей земли, знаменья и места и повосты»². Не следует считать, что Ольга сумела соединить административную реформу (учреждение погостов) с заведением княжеской охоты (устройством ловищ по всей земле). Во время «полюдь», как обнаруживается, русы не только собирали дань со славян, но и кормились охотой.

Помощники Константина Багрянородного собрали подробные и точные данные о полюдь киевского князя в Южной Руси. Карта, составленная Б. А. Рыбаковым на основе записок Константина VII, обнаружила, что князь во время полюдь действительно совершал «кружения», проходя через земли древлян, поворачивая на Смоленск и возвращаясь в Киев по левому берегу Днепра через Чернигов³. В полюдь уходили «все русы». Понятно, что они не рисковали оставлять надолго пустой город и заходить далеко на север. При Ольге господство русов в Киеве упрочилось, и она впервые предприняла далекое полюдь и стала собирать дань с наиболее населенных земель на Северо-Западе.

Обмен мирными посольствами между Византией и Русью, поездки Ольги в Царьград и ее беседы с Константином Багрянородным благоприятствовали тому, что в византийских источниках появились первые точные данные о славянских племенах и русских городах. В императорских записках подробно описан путь из Константинополя в Киев, при этом особое внимание уделено наиболее опасному участку пути — днепровским порогам, воспроизведены русские (скандинавские) и славянские названия большинства порогов. По мнению лингвистов, славянские названия порогов подверглись в византийской записи меньшему искажению, чем скандинавские. Это указывало на то, что составители записок использовали славянские источники информации⁴. Знания лица, представившего императорским чиновникам сведения о Руси, ограничивались преимущественно киевской округой. Из семи славянских городов, названных в записках, четыре располагались в Южной Руси. Их названия (Киова, Чернигога, Вусеград и Витичев) переданы более точно, тогда как наименования двух городов вне киевской округи искажены до неузнаваемости (Мелинисики и Телиуцы). Последнее название вообще не поддается расшифровке.

Среди славянских племен названы кривичины (кривичи), лендзанины (лендзяне) и дервленины (вервианы, древляне). Об этих племенах авторы Записок получили более подробную информацию и потому упоминают о них дважды. Кроме них, названы северяне (северии), другувиты (дреговичи) и ульгины (уличи). Название племен словен, полочан, вятичей, вольнян, тиверцев, обитавших вдали от Киева, в записках не фигурируют. Составители записок проявили большую осведомленность в отношении Киева и киевской округи. Однако в византийском списке славянских племен отсутствуют поляне, жившие в самом Киеве. В то же время авторы записок повествуют о неких лендзянах, отсутствующих в «Повести Временных лет». Возникает предположение о тождестве этих племен. Как установлено в литературе, имя «лендзяне» воспроизводит самоназвание поляков (lendjane; русск. лядский, ляхи). То же самое значение имеет название «поляне». Имя полян великопольских земель и полян из киевской округи совпадает. Примечателен порядок перечисления племен в записках Константина Багрянородного. Лендзяне упомянуты в одном случае рядом с кривичами, в другом — рядом с уличами и древлянами. При Несторе поляне жили в Поднеп-

ровье неподалеку от Киева, имея соседями на севере — кривичей, на юге — уличей, на западе — древлян. Эти данные соответствуют византийским сведениям о местоположении лендзян. Ближайшим соседом полян на востоке были радимичи. Это небольшое племя так же осталось не известным Константину Багрянородному, как и племя полян. Можно высказать предположение, что малочисленные племена полян и радимичей были осколками большого племени, сохранившего единство в середине X в., но распавшегося в XI—XII веках. Отражением этого факта были припоминания об общих родоначальниках и общем происхождении племен, записанные летописцем. «Радимичи бо и вятичи, — утверждал Нестор, — от ляхов: бяста бо 2 брата в ляхех — Радим и другой Вятко, и пришедъша седоста Радим на Съжу, и прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи». Радом был одним из старинных городов Польши. Имена «Радим» и «радимичи» соотносятся с этим топонимом.

Жители Киева считали себя полянами, что и определило отношение киевских летописцев к этому племени: «Мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дни». Мудрые поляне имели обычай «кроток и тих», к родственникам «велико стыдене имеху», имели «брачный обычай». Напротив того, радимичи, вятичи и их соседи «живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто и срамословье пред отцы». Очевидная пристрастность суждения ставила Нестора в затруднительное положение. Если бы он признал, что поляне имеют общих предков с радимичами и вятичами, тогда рассуждения об особой мудрости и добродетелях полян лишились бы основания. Становится понятным, почему летописец решил обойти молчанием вопрос о происхождении полян, хотя проблема происхождения полян, их первого князя Кия относилась к числу самых злободневных. Поляки, записал Нестор, поселились на Висле и «от тех ляхов прозвашася поляне»; «также и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, седоша в лесех»; «полянам же жившем особе по горам сим» и пр. Объяснив, что древляне получили свое имя потому, что жили в лесу, летописец оставил читателя в полном неведении, почему будущие киевляне, поселившись «на горах», стали именоваться «поляне». Назвав на одной странице польских полян и полян киевских, ученый книжник не стал пояснять, в каких отношениях между собой находились эти племена. Между тем название великопольских ляхов-полян строго соотносилось с названием киевских лендзян-ляхов-полян. Имя Киова (араб. Куявия) близко топониму Куявия в Польше. В договоре киевского князя Игоря 944 г. один из старших киевских «архонтов» (конунгов) носил характерное для полян-поляков имя «Володислав»⁶.

Исследователи выражали удивление по поводу того, что крохотное племя полян сыграло столь выдающуюся роль в истории Руси. В самом деле, малочисленное племя едва ли могло выжить, а тем более подчинить себе куда более могущественные племена, окружавшие его и занимавшие огромные территории. По признанию Нестора, поляне были «обидимы» ближайшими соседями древлянами, племенем отнюдь не крупным⁷. Записки Константина Багрянородного объясняют дело. До середины X в. поляне, радимичи и, вероятно, вятичи сохраняли принадлежность к единому племени лендзян, которое не уступало по численности и могуществу союзу кривичей или ильменских словен. Норманское завоевание ускорило распад этого племени. Жившие в Поднепровье лендзяне подчинились русам, тогда как вятичи еще долго оставались под властью хазар. Старые племенные связи подверглись разрушению на славянских землях, которые были освоены норманнами в первую очередь. Эти земли первыми подверглись также и христианизации.

Константин Багрянородный подробно описал полюдые русов. В этом описании отсутствуют поляне и радимичи. Русы не ходили в полюдые к лендзянам (полянам, радимичам) по той причине, что земли лендзян в Поднепровье стали местом их обитания, тогда как вятичи еще оставались данниками хазар. Нестор был образованным монахом, талантливым

и добросовестным писателем. Его описание быта и нравов древних славян отнюдь не было вымыслом. Летописец лишь следовал впечатлениям современной ему жизни. К началу XII в. киевские поляне не только приняли крещение, но и прониклись христианским духом, тогда как их соплеменники радимичи и вятичи еще оставались язычниками. В середине X в. лендзяне на всей территории от Киева до земель радимичей за Днпром и вятичей на Оке оставались язычниками. Лишь после принятия христианства различия между столицей и периферией выступили наружу. Предание о польском происхождении полян было известно Нестору. Но над ним довлела злоба дня — трения между христианской столицей и языческими окраинами, споры, чья волость — Киевская или Новгородская — была древнее, «кто в Киеве нача первее княжити» и пр. Отвечая на все эти вопросы, киевские летописи изложили легенду о Кие. Авторы киевских летописей не преминули сообщить о происхождении Рюрика, Радима, Вятоко и пр., но умолчали о происхождении родоначальника всех киевлян — первого киевского князя. Это значительно снижает историческую ценность легенды о Кие.

Вопрос о том, когда возник Киев, относится к числу наиболее запутанных и спорных в литературе. Некоторые историки без достаточных к тому оснований утверждают, будто Киев был основан князем Кием в V веке н. э. Археологические данные исключают столь раннюю дату. Киев был намного моложе таких городов, как Ладога в Северной Руси, существовавшая уже в VIII веке. Летописные предания о Киеве были записаны лишь в XI—XII веках. К более раннему времени относятся иностранные свидетельства о Киеве, датируемые серединой X века. Это — записки императора Константина Багрянородного, составленные не позднее 952 г., и письмо на древнееврейском языке X в. подписанное членами еврейско-хазарской общины Киева. Оба источника одинаково передают славянское наименование города: Киоава, Киав — в Записках и Кийув — в еврейском источнике. Еврейское письмо было сугубо деловым документом, Записки — политико-географическим трактатом. Неудивительно, что в Записках приведены географические подробности, ненужные в деловой переписке. Из материалов, подобранных для императора его канцелярией, следует, что Киев имел, помимо славянского, также хазарское назначение. В записках фигурируют данные о «крепости Киоава, называемой Самватас». Слово «sam» («высокий») присутствовало в имени ряда хазарских крепостей. Применительно к Киеву «sam» указывало на то, что хазарское укрепление располагалось на высоком месте — на киевских «горах». Отсутствие хазарского наименования в хазарско-еврейском письме X в. не подрывает доверия к византийскому свидетельству. К X в. Киев превратился в обширное поселение, а название «Самватас» сохранила, видимо, лишь та его часть, где располагалось небольшое хазарское укрепление⁸.

Обращение к наиболее ранним и достоверным источникам дает основание связать возникновение Самватаса — Киева с хазарским завоеванием Нижнего Поднепровья. Как полагают, основателями Киева были хазары. Малочисленное племя полян не могло основать свою «столицу» на самой границе с «великой степью», так как их город был бы немедленно сметен кочевниками. Норманны, не опасаясь нападений, основывали свои неукрепленные «торговые места» — вики посреди славянских земель. В отличие от вигов хазарская фактория на Днпре была крепостью. Впрочем, безопасность Киева обеспечивалась не хазарскими укреплениями, а военной мощью Хазарии, контролировавшей причерноморские степи. Собирая дань со славян, Хазарский каганат ограждал свою днепровскую факторию от набегов степняков⁹.

Описывая пороги на Днпре, Константин Багрянородный приводит их скандинавские и славянские названия. Среди городов лишь один фигурирует в записках под двойным названием. Это Киев. Но в этом случае употреблен не скандинавский, а хазарский топоним. Хотя информаторами Константина были норманны — русы и их подданные славяне, скандинавские наименования «Каенугард» (Киев) и «Хольмгард» (Новгород) остались

ему неизвестны. Упомянутое императором название «Немогард» близко к славянскому «Новгород» и не имеет ничего общего со скандинавским топонимом «Хольмгард». (Происхождение названия «Хольмгард» не поддается объяснению, поскольку «хольм» обозначает остров, между тем как Новгород стоит на материке, но никак не на острове)¹⁰.

В ранний период ни скандинавы, ни хазары не склонны были придавать исключительное значение днепровской фактории Самватасу. По традиции Хазария использовала древние пути в Византию, пролегавшие через хазарские города в Крыму, а со Скандинавией торговала через Верхнюю Волгу. В географическом комментарии к письму хазарского царя Иосифа, составленном в неизвестное время, приведены важные сведения о многих городских и торговых центрах Хазарии, но наименование «Самватас» в нем отсутствует. По летописи, власть хазар распространялась на земли полян, радимичей и вятичей, иначе говоря, охватывала преимущественно область лендзян. Хазарам не удалось покорить ни одного крупного племени (кривичей, словен, уличей, древлян), жившего вне территории лендзян. Исключением составляли северяне, занимавшие местность к югу от радимичей, непосредственно на хазарской границе. Для русов хазарский пост Самватас — Киев имел значительно более важное значение, чем для хазар, так как был крайним торговым пунктом на пути «в греки»¹¹.

Судя по скандинавским источникам, Киев пользовался значительно меньшей известностью, чем Новгород. В рунических надписях и памятниках древнескандинавской письменности топоним «Хольмгард» появляется уже в первой половине XI в., тогда как «Каенугард» — лишь во второй половине XII века. Скандинавы освоили Северную Русь много раньше, чем Южную. В их глазах Хольмгард сохранил значение главного города даже после того, как он утратил значение основной базы норманнов в Восточной Европе. Исландские саги нередко изображали всю Русь как владения конунга Хольмгарда¹². Хорошо известна традиция, в силу которой киевские князья сажали на княжение в Новгород старшего сына наследника. Традиция, без сомнения, восходила к тому времени, когда Новгород оставался основным опорным пунктом русов в их походах на юг. Судя по запискам Константина Багрянородного, к середине X в. архонты русов имели ставку в Киеве, но при этом старший из них князь Игорь продолжал держать сына-наследника в Новгороде. Отмеченный факт не означает того, что Новгород оставался «столицей» Руси. Ни Новгород, ни Киев, ни один другой город не были и не могли быть княжеской столицей в собственном смысле слова, поскольку в середине X в. само Древнерусское государство еще находилось в процессе становления и не имело ни сформировавшейся княжеской династии, ни столицы.

Согласно русским летописям, Олег пришел в Киев, не задерживаясь в Смоленске. В действительности Верхний Днепр был важнейшим рубежом на пути продвижения норманнов к границам Византийской империи. В родище Гнездово под Смоленском возник едва ли не самый крупный в Восточной Европе скандинавский некрополь. Как видно, русам в их движении на юг не сразу удалось преодолеть сопротивление Хазарского каганата. Длительное время Гнездово сохраняло значение опорного пункта русов, что объясняет наличие в его некрополе норманских захоронений всего периода с начала X и до начала XI века.

У русов, значит, в Записках Константина Багрянородного, есть данники славяне, «а именно, кривитеины, лендзянины и прочие славинии». Информаторы византийских чиновников назвали кривичей первыми среди «прочих славиний» неслучайно. Кривичи жили в центральной полосе на огромном пространстве от Смоленска до Полоцка и Изборска. В родище на Гнездово располагалось крупнейшее поселение русов. Земля кривичей могла стать ядром «Росии». Однако норманское завоевание бесповоротно раскололо племя кривичей на три части: кривичей смоленских, полоцких (они были включены в состав норманского Полоцкого княжества и стали именоваться полочанами) и изборских (вошли в состав Псковского княжества). Уже ко времени византийских походов Игоря

центр жизнедеятельности норманнов переместился в Южную Русь. Гнездово уступило первенство Киеву, Смоленская округа стала обычным районном полюдья для русов¹³.

Автор «Повести Временных лет» Нестор был первым из летописцев, получивших доступ к документам княжеского архива. Он включил в текст летописи три ранних договора между Русью и Византией. Сопоставление их позволяет судить о внутреннем строе Киевского княжества. Договор 911 г. заключили послы от Олега, «великого князя Русаго», и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь и его великих бояр». Судя по договору 944 г., послов в Царьград направил великий князь Игорь, «и князи и боляре его и люди вси рустии». Варварская Русь еще не выработала собственного дипломатического этикета, и ее иерархическая формула была зеркальным отражением византийской. Империю представляли «великие цари» и их «болярство». Протокол требовал, чтобы Русь представляли особы столь же высокого ранга — великий князь русский и «всякое княжье» и «боляри». Конунги из Приднепровья претендовали на титул «хакана». Но окрестные государства не признавали их титулов. В византийских дипломатических документах Игоря именовали «великим князем» или «князем руским». Но в тех случаях, когда греки не были стеснены дипломатическим этикетом, они отказывали Игорю даже в этих титулах. В Киеве, отметил Константин Багрянородный, живет Игорь, «архонт Росии», а также другие архонты. Термином «архонт» византийцы обозначали правителей провинций, военных командиров, очень богатых людей, чужеземных правителей и племенных вождей. Записки Константина Багрянородного доказывают, что в середине X в. ни династия, ни княжеско-боярская иерархия на Руси еще не сложилась¹⁴.

За время длительной войны со Святославом в 968—971 гг. греки лучше узнали русские порядки. В преамбуле мирного договора 971 г. значилось, что «великий царь» Иоанн Цимисхий заключает соглашение с «великим князем» Святославом. Но в тексте договора Святослав именовался просто князем. Вторжение на Балканы возглавили четыре военных предводителя: Святослав, Сфенкл, Свенельд и Икмор. В живых остались лишь Святослав и Свенельд, которые и представили русскую сторону на переговорах с греками. В 907 г. лиц, занимавших столь высокое положение в норманском войске, как Свенельд, именовали «великими и светлыми князьями» под рукой Олега, в 944 г. — «князьями» под рукой Игоря. В 971 г. византийцы не знали, как именовать Свенельда, и не наделили его ни княжеским, ни боярским титулом. Святослав скрепил договор присягой от имени всего войска — «иже суть подо мною Русь, боляре и прочии». «Княжье» в этом перечне отсутствовало¹⁵.

Летописные тексты договоров X в. отразили не столько реальные порядки Руси, сколько условности византийского дипломатического протокола, а кроме того, представления киевского книжника — переводчика греческих оригиналов X века. Книжник XI—XII вв. не мог перевести текст древнего договора иначе, как в терминах своего времени. Летописец видел великого князя киевского в окружении «княжья» и «боляр» и не сомневался, что такой порядок существовал извечно.

Договоры X в. дают наглядное представление о попытках норманнов найти устойчивые формы организации власти на завоеванных славянских землях в период, когда в Киеве не было ни великокняжеской династии, ни «болярства», опоры династии. Среди «мужей» (русов), заключивших вместе с Олегом договор 911 г., не отмечено ни одного его родственника. Это кажется необъяснимым, если следовать традиционному представлению об Олеге как основателе династии. Главными «архонтами» при Олеге были Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рудав, Гуды и др. Полагают, что, по крайней мере, один или два «мужа» со временем стали служить Игорю. В договоре Олега упомянут Гуды, в договоре Игоря — «Алвар (посол. — Р. С.) Гудов». Гуды попал в число шести старших предводителей при Олеге. По прошествии 33 лет службы Гуды значился на 22 месте в списке Игоря. Скорее всего, речь идет о разных лицах¹⁶.

Договор 944 г. называет русских «архонтов» по именам и дает возможность составить более точное представление об их взаимоотношениях. Чтобы управлять обширной территорией, князь должен был разделить Русь между родственниками и союзниками «архонтами» или конунгами. В деле же участвовали не только «мужи», но и жены князя и старших конунгов. «Архонты» и «архонтессы», владевшие городами («ярлствами»), получили право послать своих особых послов в Царьград для заключения мира. Богатые скандинавские купцы-гости не имели «ярлств» и подчиненных им воинских сил и потому не могли назначать послов, а сами участвовали в заключении договора. Новгород находился под управлением малолетнего сына Игоря Святослава, и это было самое крупное на Руси «ярлство». Вышгород был отдан в управление жене Игоря. Послы от Игоря, его сына, жены и племянника Игоря считались старшими послами. Сразу за именами старших послов в тексте договора названы послы Володислава и Передьславы (Предславы). То, что Володислав был вторым после Игоря «архонтом» в Киеве, не будучи его родственником или, во всяком случае, близким родственником, не подлежит сомнению.

В договоре 944 г. обозначены имена трех «архонтесс»: Ольги, Предславы и Сфандры. Лишь против имени последней имеется помета: «Шихьбернь (посол. — Р. С.) Сфандр(ы), жены Улебле». Сам конунг Улеб в заключении договора не участвовал.

Составители договора не дали пояснений насчет мужей Ольги и Предславы, видимо, потому, что мужья старших «архонтесс» принадлежали к высшему правящему кругу Киева и их имена названы в тексте перед именами жен. Мужем Ольги был Игорь, мужем Предславы, по-видимому, записанный перед ней Володислав. Принцип родства лишь отчасти определял структуру киевской «иерархии», что указывало на незавершенность процесса формирования киевской династии. Володислав числился четвертым в списке (после Игоря, его сына Святослава и племянника Игоря). Зато второй племянник Игоря Якун занимал лишь одиннадцатое место, уступая не только старшим архонтам, но и трем военным предводителям более низкого ранга — Турдуву, Фасту и Сфирьку. Если бы в середине X в. в Киеве сформировалась княжеская династия, киевская «иерархия» выглядела бы иначе.

Норманны не могли вести крупные войны без опоры на славянскую знать и славянские племенные ополчения. Володислав и Предслава, возможно, представляли могущественную лендзянскую знать.

В договоре 944 г. приведен список гостей, прибывших в Византию вместе с послами от Игоря и других конунгов. Все гости носят скандинавские имена. Лишь в конце списка названы имена двух купцов, по всей видимости, славянского происхождения — Синко и Борич. Имя «Борич» можно соотнести с топонимами, распространенными на Киевщине. Переправа через Днепр под Киевом носила название «Боричев увоз». В 945 г. послы древлян пристали «под Боричевым в лодьи». Выделение «Игорева рода» из прочей массы «великих князей» (конунгов) и завоевание им исключительного права на киевский трон имело характер длительного процесса (А. Е. Пресняков). Решающими факторами этого процесса было становление новой системы управления и формирование опоры династии — боярства¹⁷.

Полагают, что норманны ассимилировались в славянской среде очень быстро, едва ли не в самый момент их появления на Руси. В доказательство ссылаются на чисто славянские имена Олега и его преемников Игоря и Святослава. Однако надо иметь в виду, что сведения об этих именах почерпнуты из сравнительно поздних источников, являющихся памятниками исключительно славянской письменности. Греческие и еврейские источники середины X в. обозначали имена предводителей русов значительно точнее, чем киевские источники конца XI—XII века. «Царь» русов Олег фигурировал в них как Хелгу, княгиня Ольга — как Елга, Игорь — как Ингор (от шведского Ингвар), Святослав — как Сфендослав (от скандинавского Сфендислейф). Сподвижниками Игоря были конунги Асмуд

и Свенельд, Сфендослава — Сфенкл, Икмор и тот же Свенельд. Мать князя Владимира Святославича, по преданию, звалась Малушей. Но киевская летопись сохранила также ее подлинное скандинавское имя Малфред. Один из братьев Владимира носил имя Сфенг¹⁸.

Записки Константина Багрянородного свидетельствуют, что в середине X в. киевское общество было двуязычным¹⁹. Для русов основным языком оставался скандинавский язык. Однако они не могли бы управлять своими славянскими данниками, если бы не освоили их язык. Предводители русов отказались от титула «хакан» в пользу титула «князь», каким славяне издавна именовали своих старейшин и военных вождей. Не только титулы, но и имена правителей должны были быть понятны народу, признавшему их власть. Двойные имена князей возникли вследствие двуязычия общества.

Норманская дружина слагала саги о своих героях — викингах. Но саги не были записаны из-за отсутствия письменности у скандинавов. В дальнейшем героический эпос русов претерпел метаморфозу, обычную для памятников фольклора. Дружина киевского князя забыла собственный язык, саги превратились в славянские былины. Имена героев дружинного эпоса были окончательно переданы на славянский лад.

Ранние киевские летописи были продуктом не скандинавской, а греко-славянской культуры. Они были составлены в то время, когда верхи киевского общества окончательно забыли скандинавский язык, а двуязычие сошло на нет. Саги остались неизвестными русским книжникам XI—XII веков. Составители первых киевских сводов XI в., не имея в своем распоряжении текстов русско-византийских договоров X в., описали деяния первых киевских князей, следуя былинам, устным преданиям. Но в былинах эти князья фигурировали уже не под своими собственными норманскими именами, а под славянскими прозвищами.

Когда в руки Нестора в начале XII в. попали тексты договоров с греками (греческие оригиналы или их славянские переводы), летописец подверг их литературной обработке, прежде чем включить в «Повесть временных лет». При этом он прилежно переписал имена всех послов «от рода русского» (Карлы, Инегельд, Свенельд и пр.), но оставил князьям те имена, под которыми они фигурировали в исторических песнях, былинах и летописях XI века. Славянизированные имена князей стали привычными, тогда как подлинные скандинавские оказались давно забытыми.

Предположение, будто киевская династия ослабилась раньше дружины, не более чем миф. Князья имели возможность заключать династические браки, тогда как рядовым воинам приходилось выбирать жен из окружающей их славянской среды. Дружина князя, со времен Игоря пополнявшаяся славянскими воинами, подверглась ассимиляции в первую очередь. Своими славянскими именами первые киевские конунги были обязаны славянским данникам, но в еще большей мере — фольклору и книжникам XI—XII веков.

Многие страницы «Повести Временных лет» посвящены крещению Руси. В связи с этим Нестор привел некоторые подробности личной жизни князя Владимира Святославича. Крещение было результатом договора между князем Владимиром и императором Василием II. В соответствии с условиями договора, киевский князь отправил войско в помощь Василию III и принял таинство крещения, по-видимому, как частное лицо. Со своей стороны византийский император обязался выдать за князя свою сестру Анну, но своего обязательства не выполнил.

Византия с успехом насаждала христианство в варварских странах, попадавших таким образом в орбиту политического влияния империи. Крещение Руси отвечало высшим интересам Византии, но политические цели пришли в столкновение с династическими, что на два года задержало крещение.

Нарушение договора не было следствием прихоти или произвола императора Василия II. У князя Владимира было много языческих жен и десять сыновей от них, которые претендовали на киевский трон. Император не желал, чтобы его сестра пополнила гарем языческого князя. Он мог

отпустить царевну в Киев при одном непременно условии. Все предыдущие браки князя Владимира должны были быть расторгнуты с тем, чтобы христианский брак был признан единственно законным. Однако скандинавское семейное право оказалось несовместимым с христианским правом Византии. С точки зрения христианской религии, сыновья Владимира, рожденные вне христианского брака, были незаконнорожденными и не имели никаких прав на трон. Для Владимира такая точка зрения была неприемлема: старшие сыновья были опорой его власти. Переговоры о брачном контракте, по-видимому, закончились провалом, после чего Владимир разорвал союз с Василием II и захватил Корсунь, после чего император прислал на Русь царевну Анну.

Христианская жена князя Анна и ее греческое окружение много сделали для просвещения языческой Руси. Но киевский трон заняли не потомки Анны, а потомки язычницы Рогнеды, и придворный летописец не уделил внимания ни первой православной «царице» с детьми, ни окружавшим ее просветителям. Запись о смерти Анны отличалась редким коллодизмом и равнодушием: «В лето 6519 (1011). Преставися царица Володимеря Анна»²⁰.

Получив доступ к архивам, Нестор включил в «Повесть временных лет» договоры с греками языческих князей Олега, Игоря и Святослава. Решающую роль при крещении Руси сыграл договор с греками первого христианского князя Руси Владимира. Но этот договор определял права на трон потомков греческой царевны Анны, а потому он не был скопирован составителем «Повести временных лет» и погиб вместе с другими документами из княжеской казны. «Христианские» договоры конца X—XI вв. имели значительно больше шансов сохраниться до начала XII в., чем договоры первой половины X века. Они представляли неизмеримо большую ценность в глазах христианского летописца, чем договоры князей-язычников. Нестор понимал значение документов, попавших в его руки. Есть основание полагать, что он попытался сохранить фрагменты этих договоров.

После раздела Руси Ярославичами особую актуальность приобрел вопрос о внешних сношениях трех главных столиц — Киева, Чернигова и Переяславля. Статьи, определявшие порядок приема послов от названных столиц, включены в договор Игоря 944 года. Послам вменялось в обязанность по прибытии в Царьград вручить верительные грамоты, после чего они могли поселиться возле монастыря св. Мамы и получить «месячное свое — сълы (послы) слобное, а гостье месячное: первое от города Киева, паки ис Чернигова и ис Переяславля». Давно отмечено, что приведенный отрывок производит впечатление вставки, датируемой временем никак не ранее XI века. При Игоре послы от русских городов никак не могли предъявить грекам княжеские грамоты за отсутствием письменности, а послы от Переяславля вообще не имели возможности путешествовать куда бы то ни было, так как Переяславль еще не существовал. Константин Багрянородный старательно перечислил главные русские города, существовавшие при князе Игоре. Переяславля среди этих городов нет. Археологические данные подтверждают сделанное наблюдение. Древнерусские укрепления все без исключения имели небольшую площадь. На Городище под Новгородом укрепленная часть поселения составляла немногим более 1 га, в Киеве — 11, в Чернигове — около 8, тогда как в Переяславле — около 80. Все эти данные подтверждают сообщение летописи о том, что Переяславль был основан князем Владимиром в 992 году. Наименование «Переяславль» не могло появиться ранее похода Святослава на Балканы, когда князь перенес свою столицу в болгарский Преслав (Переяславль). Владимир отказался от мысли о завоевании Преслава, но основал свой собственный Переяславль на Днестре.

Статья, определявшая порядок приема послов от Киева, Чернигова и Переяславля, повторно использована летописцем в рассказе о походе Олега на Царьград в 907 году. На этот раз цитата из договора переработана в «речь» греческих царей и бояр, обращенную к Олегу. Послы и гости, значилось в речи, пусть «возмут месячное свое — первое от города Киева,

и паки ис Чернигова и ис Переаславля, и прочии гради». Из летописи следовало, будто Переяславль существовал уже в начале X века. В тексте договора 944 г. ситуация с послами и гостями обрисована просто и ясно: русы сначала входят, а затем выходят из города («слы и «купцы» входят в город, «творят куплю, яко же им надобе и паки да исходят»). При переделке статьи договора в «царскую речь» летописец отбросил последние слова, заменив их: «не платяче мыта ни в чем!». Так возник миф о том, что Олег добился исключительной привилегии беспошлинной торговли на рынках Константинополя. Это утверждение соответствовало представлению летописца о грандиозной победе Олега, но не отвечало истине²².

Не следует думать, будто Нестор сам сочинил «посольские» статьи договора 944 года. Отсутствие литературных штампов указывает на то, что он списал отрывок из подлинных документов — текстов первых договоров христианской Руси с греками. Киевский князь Святополк открыл перед печерскими старцами двери государственного архива. Русские летописи превратились в серьезный исторический труд. Но их составители оказались в положении придворных историографов. Это роковым образом сказалось на судьбах печерского летописания. После смерти Святополка князь Владимир Мономах и его наследники, понимая значение летописания, поспешили изъять «Повесть временных лет» из Печерского монастыря и передать ее в Михайловский Выдубицкий монастырь, семейную обитель Всеволодовичей.

Примечания

1. Повесть Временных лет (ПВЛ). Т. 1. М.-Л. 1950, с. 43. По Шахматову, эта запись была включена в новгородский свод 1050 г. (ШАХМАТОВ А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908, с. 613); КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении империей. М. 1989, с. 51.
2. ПВЛ. Т. 1, с. 43.
3. РЫБАКОВ Б. А. Киевская Русь и русские княжества. XII—XIII вв. М. 1982, с. 317.
4. BOLENSKY D. Commentary. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. II. Lnd. 1962, p. 19; BURY J. B. The Treatise De administrando imperio. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. 15, Munhen, 1906, S. 541; КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 45, 51, 157; LEHR SPLAWINSKI T. Ledzice-Ledzanie-Lachowic. Opuscula Casimiro Tymie nieski septuagenartio dedicata. Poznań. 1959, s. 195—197; ПВЛ. Т. 1, с. 14. Некоторые исследователи отождествляли лендзян с волынянами. (LOWMIANSKI H. Ledziane. — Slavia Antiqua, t. 4, 1953, s. 97—114; WASILEWSKI T. Dulebowie — Ledziane — Chorwaci. — Przegląd Historyczny, t. 67, 1976, № 2, s. 181—187). Но вылыняне обитали вдали от Киева и Поднепровской Руси. Константин Багрянородный сообщает, что Печенегия находится на расстоянии дня пути от Руси, то есть в 30—35 км от русской границы, проходившей под самым Киевом. Наименование «волыняне», «дулебы», «бужане», очевидно, не имеет точек соприкосновения с названием «лендзяне».
6. ПВЛ. Т. 1, с. 11, 13, 14—15.
7. Там же, с. 16; ср. МЕЛЬНИКОВА Е. А., ПЕТРУХИН В. Я. Комментарии. В кн.: КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 317.
8. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 45; GOLB N., PRITZAK O. Khazarien-Hebry Document of the X Centary. Lnd. 1982, p. 9—19; МЕЛЬНИКОВА Е. А., ПЕТРУХИН В. Я. Ук. соч., с. 315. Некоторые исследователи связывают наименование «Самватас» с мифической рекой Самбатрон (Субботня) из средневековой еврейской литературы (АРХИПОВ А. А. Об одном древнем названии Киева. В кн.: История русского языка в древний период. М. 1984, с. 224—240). Эта гипотеза недостаточно обоснована.
9. GOLB N., PRITZAK O. Op. cit., p. 44—59; БУЛКИН В. А., ДУБОВ И. В., ЛЕБЕДЕВ Г. С. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. М. 1978; ЛЕБЕДЕВ Г. С. Эпоха викингов в северной Европе. Л. 1985, с. 104—105.
10. О значении указанных топонимов см.: МЕЛЬНИКОВА Е. А. Восточноевропейские топонимы с корнем *gard* — в древнесеверной письменности. — Скандинавский сборник, 1977, № 22, с. 205; ЕЕ ЖЕ. Древнескандинавские географические сочинения. М. 1986, с. 46—48.
11. КОКОВЦОВ П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л. 1932, с. 98—99; Древнерусские

- города в древнескандинавской письменности. М. 1987, с. 18; ДЖАКСОН Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М. 1994, с. 205, 208—209.
12. ЛЕБЕДЕВ Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе, с. 189.
  13. КИРПИЧНИКОВ А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. В кн.: Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности). Вып. 1. Л. 1988; НОСОВ Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990; Смоленск и Гнездово. М. 1991; Древняя Русь. Город, замок, село. М. 1985; ЛЕБЕДЕВ Г. С. Эпоха викингов в северной Европе; СЕДОВ В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М. 1982, с. 158—166.
  14. ПВЛ. Т. 1, с. 25—26, 35; КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 45; БИБИКОВ М. В., ШУШАРИН В. П. Ук. соч., с. 291.
  15. ПВЛ. Т. 1, с. 52.
  16. ЛЕБЕДЕВ Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе, с. 246 (Лебедев отождествляет также «боляр» Фоста с Фастом и Труана с Туадом); ПВЛ. Т. 1, с. 34.
  17. ПВЛ. Т. 1, с. 13, 40; ПРЕСНЯКОВ А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М. 1993, с. 28—29.
  18. КОКОВЦОВ П. К. Ук. соч., с. 120; КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 45; см. также ПАШУТО В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, с. 77.
  19. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 45. Греческое написание сохраняет носовой согласный, что позволяет прочесть это имя как «Ингор» (МЕЛЬНИКОВА Е. А., ПЕТРУХИН В. Я. Ук. соч., с. 311—312).
  20. ПВЛ. Т. 1, с. 56—57, 83, 88.
  21. Там же, с. 36, 85—86; НОСОВ Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990; Древняя Русь. Город, замок, село, с. 53.
  22. ПВЛ. Т. 1, с. 25, 35—36.

Операция «Марс» (ноябрь — декабрь 1942 г.)

Дэвид М. Глантц

После долгих, ожесточенных и кровопролитных оборонительных боев в Сталинграде силы Красной армии 19 ноября 1942 г. нанесли массированный удар по сухопутной армии немцев. В течение одной недели советские войска окружили германскую 6-ю армию и заперли ее в смертельном котле. Десять недель спустя оборванные и истощенные остатки этой армии капитулировали. Самая знаменитая битва Великой Отечественной войны завершилась.

Историки утверждают, что Сталинградское сражение изменило ход событий на Восточном фронте. Отсюда начался путь немецкой армии и германского рейха к полному и позорному поражению. История наградила победителей Сталинграда вечной славой. Красная армия больше не знала стратегических или значительных оперативных неудач¹. Творцы сталинградской победы вошли в анналы военной истории. Наиболее знаменитым среди них был Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

И все же история не права. Музы ее переменчивы. Они охотно повествуют о том, о чем существуют официальные донесения, и замалчивают то, о чем таких докладов не поступало. Выражение «Добыча достается победителям» применимо и к истории в той же мере, как и к самой войне. Это особенно ясно видно на примере военных действий Германии на Восточном фронте. Одерживавшие победы немцы с гордостью и подробно описывали триумфальный ход войны вплоть до последних месяцев 1942 года. А затем уже победоносные советские войска превозносили свои подвиги, и мало кто из немцев спорил с ними.

Названия таких городов, как Минск, Киев, Смоленск и Харьков, справедливо вызывают в памяти образы немецких побед в 1941—1942 гг., тогда как названия — Москва, Сталинград, Курск, имена городов Белоруссии и Берлин говорят о советских победах. Но при этом надо иметь в виду, что германские операции «Барбаросса» и «Блау» провалились, а Москва и Ленинград так и не были захвачены немцами; последовавшие за этим катастрофические поражения германской армии привели к краху рейха.

Советы очень сильно сопротивлялись попыткам снять глянец со страниц своей военной летописи. Немцы же обходили в своих сочинениях о войне неприятный для них период, часто приписывая причины своего поражения бездарному руководству бесноватого фюрера, а также подавляя

Дэвид М. Глантц — американский военный историк, редактор издающегося в Лондоне журнала «Journal of Slavic Military Studies».

ющему превосходству советских сил. В результате советская летопись войны стала выглядеть как непрерывный, без сучка и задоринки марш к неизбежной победе, что извращало историю войны, поскольку скрывались многочисленные неудачи и поражения. Репутация ряда советских военачальников поднималась до невероятной высоты, а между тем и этим полководцам не были чужды свойственные обычному человеку слабости.

Настоящая статья преследует цель в какой-то мере исправить положение путем выявления ошибочных оценок и выводов относительно операции «Марс»².

Первоначально планировавшаяся на середину октября 1942 г., но отложенная до 25 ноября стратегическая операция «Марс» была родной сестрой операции «Уран» (стратегического контрнаступления советских войск под Сталинградом). Эти операции-близнецы задумывались как попытка советского верховного командования вернуть стратегическую инициативу и открыть путь Красной армии к полной победе. Планировавшаяся и осуществлявшаяся маршалом Г. К. Жуковым, проводившаяся группой прославленных советских генералов и не случайно названная в честь бога войны операция «Марс» была в центре советских стратегических усилий осенью 1942 года. Ее огромный масштаб и амбициозная стратегическая цель делали операцию «Марс» по меньшей мере столь же важной как и операция «Уран», а, вероятно, даже более важной. Однако, историография как бы забыла неудавшуюся операцию «Марс» и в то же время превознесла операцию «Уран», поскольку та увенчалась успехом.

Сегодня в нашем распоряжении имеется достаточно немецких и советских архивных материалов, чтобы исправить эту ошибку и должным образом отметить память полумиллиона бойцов Красной армии и многих немецких солдат, павших во время операции «Марс».

В конце сентября 1942 г. главные советские политические и военные руководители в Ставке сформулировали стратегию, которая должна была изменить ход войны³. Стратегическое планирование учитывало горький опыт предыдущих восемнадцати месяцев войны и противостоявшие им военные реалии. Во время трагического начального периода войны амбициозная германская операция «Барбаросса» привела германские войска к воротам Ленинграда, Москвы и Ростова, но жесткое советское сопротивление и обширность территории Советского Союза остановили наступление истощенных германских армий. Чрезмерная растянутасть немецких коммуникаций и отчаянное сопротивление Красной армии привели к беспрецедентному, но временному поражению блицкрига у ворот Москвы.

Не обескураженная этой неудачей германская армия в июне 1942 г. начала операцию «Блау», пытаясь вернуть себе стратегическую инициативу и выиграть войну. Повторяя амбициозные операции 1941 г. (хотя и в меньшем масштабе), немецкие войска летом 1942 г. рванулись на восток по бескрайней степи к Сталинграду, Волге и к богатому нефтью Кавказскому региону. В своем безудержном наступлении они достигли берегов Волги в сентябре, но вынуждены были в октябре остановиться в руинах Сталинграда и вдоль коварных северных отрогов столь внушительного барьера, каким является Кавказский хребет. И на этот раз германские стратегические планировщики, как и исполнители их планов недооценили способности Красной армии восстанавливать свои силы, особенности необъятного театра боевых операций и решительность своих противников. Осенью 1942 г. вермахт снова столкнулся с неистовой яростью советского зимнего контрнаступления.

Маршалу Жукову принадлежит значительная роль в разработке Ставкой в сентябре и октябре 1942 г. планов предстоящих операций⁴. Основываясь на собственном стратегическом анализе и личном боевом опыте, Жуков считал, что именно «северная» стратегия обеспечит выигрыш в войне. Расстроенный своей неудачей под Москвой зимой 1941—1942 гг. и в нескольких последующих более мелких операциях во время германского наступления на юге в 1942 г., когда ему не удалось уничтожить германские силы, Жуков был убежден, что Советский Союз может лучше всего достичь

стратегической победы, сокрушив немецкую группу армий «Центр», представлявшую наиболее серьезную угрозу Москве⁵. Он верил, что массивные стратегические резервы, которые Ставка собрала путем невероятных усилий летом 1942 г., позволят Красной армии осуществить два основных, поддерживающих друг друга стратегических контрнаступления, одно — против группы армий «Центр», расположенной в Ржевском выступе к западу от Москвы, и другое — против чересчур растянутой группы армий «Юг» в районе Сталинграда.

Зная о благоприятном для советской стороны соотношении сил на всем советско-германском фронте, Жуков делал особый упор на советском превосходстве в решающем—центральной—секторе. Здесь совокупные силы Калининского и Западного фронтов, поддержанные войсками Московской зоны обороны, насчитывали почти 1900 тыс. человек с более чем 24 000 орудий и минометов, 3300 танков и 1100 самолетов⁶. Три советских фронта в районе Сталинграда имели в своих рядах более 1 млн. человек с 15 тыс. орудий и минометов, 1400 танков и более 900 самолетов⁷. По общему признанию, румынские, итальянские и венгерские войска, действовавшие совместно с германскими, были более уязвимы, чем немцы, что несомненно повышало советские шансы на успех. Однако, Жуков утверждал, что было бы разумнее и продуктивнее сокрушить большую немецкую группировку, расположенную в Ржевском выступе раз и навсегда, отведя тем самым угрозу от Москвы. Кроме того, успешное наступление в районе Ржевского выступа неизбежно ослабило бы германскую оборону на южном участке фронта, что также способствовало бы успеху Красной армии и на этом направлении. В случае же, если бы наступление захлебнулось, резервы Ставки можно было бы использовать для проведения и развития наступления на втором направлении⁸. Сталин принял жуковские рекомендации, поскольку так же как и он все еще негодовал по поводу предшествовавших провалов попыток нанести поражение группе «Центр».

Вечером 26 сентября Сталин принял решение провести главные стратегические контрнаступления как под Ржевом, так и под Сталинградом. Первым должен был руководить Жуков, а вторым — А. М. Василевский, начальник Генерального штаба и заместитель наркома обороны⁹. Затем Генеральный штаб спланировал эти двухразовые операции-близнецы, при своем им упомянутые кодовые наименования. Первоначально планировалось начать жуковскую операцию «Марс» с середины октября, поставив перед ней — как ближайшую — цель окружить немецкую 9-ю армию в Ржевско-Сычевском выступе. В ходе последующей операции «Юпитер» (через две-три недели) мощные 5-я и 33-я армии Западного фронта, поддержанные 3-й гвардейской танковой армией, должны были атаковать немцев в направлении Вязьмы, поддерживая связь с успешно продвигающимися войсками, осуществлявшими операцию «Марс», и окружить всю группу армий «Центр», вплоть до Смоленска¹⁰.

Операция «Уран», руководимая Василевским, должна была привести к окружению 6-й армии вермахта в районе Сталинграда. Предварительно начало операции намечалось на середину ноября¹¹. Вторая фаза наступления, руководимого Василевским, — операция «Сатурн», должна была начаться в начале декабря и привести к окружению группы армий «Б», остатки которой планировалось прижать к побережью Азовского моря. Тем самым группе армий «А» был бы закрыт путь отхода с Кавказа¹².

Ставка направила директивы по операции «Марс» Западному и Калининскому фронтам 28—29 сентября; в свою очередь участвующие в операции фронты отдали приказы своим армиям 1 октября¹³. Наступление предполагалось начать 12 октября, но из-за плохих погодных условий приготовления затянулись и начало операции пришлось отсрочить¹⁴. Пересмотренная директива Ставки, посланная И. С. Коневу на Западный фронт 10 октября, оставила первоначальные цели без изменений: войска правого крыла Западного фронта и левого крыла Калининского фронта должны окружить ржевскую группировку противника, захватить Ржев и освободить железную дорогу, ведущую из Москвы на Великие Луки¹⁵. Директива

требовала, чтобы 20-я и 31-я армии Западного фронта, поддержанные 29-й армией, предприняли главный удар против немецких оборонительных линий на реках Осуга и Вазуза к северо-востоку от Сычевки. Когда эти армии преодолеют немецкую оборону на тактическую глубину, на участке 20-й армии для развития успеха должна была быть введена в сражение конно-механизированная группа (6-й танковый и 2-й гвардейский кавалерийский корпуса). В ее задачу входил захват Сычевки, расширение прорыва немецкой обороны южнее Ржева и соединение с войсками 41-й армии, наступающими в восточном направлении из района Белого. 20-я и 31-я армия во взаимодействии с поддерживающими их армиями должны были затем очистить выступ от немецких войск и подготовиться совместно с 6-м танковым и свежим 5-м танковым корпусами развивать наступление в южном направлении — к Вязьме.

Направление главного удара Калининского фронта (генерал армии М. А. Пуркаев) — южнее Белого. Этот удар осуществляла 41-я армия, а вдоль реки Лучеса к северу от Белого наступала 22-я армия, в то время как 39-я армия на северной оконечности Ржевского выступа должна была наносить вспомогательный удар на юг по направлению к Оленино¹⁶. Первокласный Сталинский 6-й добровольческий стрелковый корпус должен был действовать на острие главного удара 41-й армии. Форсировав германскую оборону, 1-й и 2-й механизированные корпуса должны были развивать успех в восточном направлении с тем чтобы западнее Сычевки соединиться с конно-механизированной группой 20-й армии. 22-я армия Калининского фронта с 3-им механизированным корпусом на острие главного удара должна была наступать на восток долиной реки Лучеса, прорвать германскую оборону, помочь захватить Белый и во взаимодействии с 39-й армией окружить германские войска в районе Оленино. При успехе главных наступательных ударов другие советские армии, расположенные по пылающему периметру Ржевского выступа должны были присоединиться к наступлению, уничтожить 9-ю армию немцев и перегруппироваться для участия в операции «Юпитер»¹⁷.

В этой операции значительно усиленные 5-я и 33-я армии Западного фронта, перерезав шоссе Москва-Вязьма, прорывали германскую оборону восточнее Вязьмы. 9-й и 10-й танковые корпуса, за которыми двигались части 3-й гвардейской танковой армии, должны были затем развить успех, захватить Вязьму и, соединившись с войсками Калининского фронта, при возможности, продолжать наступление в сторону Смоленска¹⁸. Чтобы гарантировать успех, Ставка обеспечила поддержку двух наступающих фронтов огромным количеством танков, артиллерии и инженерными войсками¹⁹ (фактически эта поддержка была большей, чем армий, предназначенных для операции «Уран»).

На рассвете 25 ноября на восточной, западной и северной сторонах Ржевского выступа началось наступление²⁰. После артиллерийской подготовки пехота 20-й и 31-й армий Западного фронта с танками непосредственной поддержки нанесла сильный удар по оборонительным позициям XXXIX танкового корпуса немцев вдоль и к северу от рек Вазуза и Осуга, — северо-восточнее жизненно важного для немцев железнодорожного узла Сычевка. Хотя немцы и ожидали атак и в ближайшее время, советское наступление застало оборонявшихся в неудобный для них момент, когда 78-я пехотная дивизия сменяла 5-ю танковую дивизию на позициях вдоль Вазузы²¹. Несмотря на вызванное этим ударом замешательство в немецких частях, яростная советская атака дала сомнительные результаты, во многом потому, что густой туман и снегопад понижали эффективность советской артподготовки. Севернее Осуги 102-я пехотная дивизия немцев успешно отразила неоднократные атаки пехоты и танков трех дивизий советской 31-й армии²². Три дня части Красной армии с большими потерями, но безуспешно атаковали позиции 102-й пехотной дивизии немцев, так и не прорвав ее оборону²³. Наступление 31-й армии оказалось неудачным; несмотря на увещевания Жукова и Конева оно так и не смогло быть возобновлено. Три стрелковые дивизии 20-й армии, атаковавшие немцев между

реками Вазуза и Осуга, постигла та же участь. Несмотря на сильную танковую поддержку, наступавшие, понеся ужасные потери, вынуждены были остановиться²⁴. Однако эти неудачи не обескуражили Жукова и Конева. Они настаивали на том, чтобы атаки продолжались — ради поддержки операций советских войск, развертывавшихся далее к югу.

Южнее же, на берегах замерзшей Вазузы 20-я армия генерал-майора Н. И. Кирюхина достигла блестящего, хотя и ограниченного успеха. Используя временное замешательство немцев, 247 стрелковая дивизия Г. Д. Мухина, поддержанная 80-й и 240-й танковыми бригадами, форсировала Вазузу и захватила плацдарм на западном ее берегу. Используя представившуюся возможность, генерал Кирюхин бросил через реку в образовавшуюся брешь 331 стрелковую дивизию полковника П. Е. Берестова. Весь день продолжалась жестокая схватка: советская пехота вела бои за расширение плацдарма. Было крайне важно добиться этого, поскольку Конев и Кирюхин планировали бросить в прорыв 8-й гвардейский стрелковый корпус вместе с 6-м танковым и 2-м гвардейским кавалерийским корпусами для того, чтобы расширить плацдарм и развить операцию в западном направлении²⁵. Целый день Жуков, Конев и Кирюхин то бушевали, то умоляли подчиненных им командиров продвигаться вперед. К концу дня, хотя плацдарм был еще слишком мал, Конев решил пойти на риск и приказал Кирюхину следующим утром ввести в сражение части второго эшелона и конно-механизованную группу.

Это рискованное решение оказалось поспешным и непродуманным; немцы упорно и яростно сопротивлялись. Застигнутые врасплох во время сложной перегруппировки своих сил, части 5-й танковой и 78-й пехотной дивизий сражались с отчаянной самоотверженностью. Осажденные немцы сформировали специальные «боевые группы», соорудили укрепленные оборонительные линии вокруг многочисленных каменных деревянных строений, разбросанных в этом местами лесистом районе западнее р. Вазузы. Атакующие советские войска оказались раздробленными на группы, которые захватывали некоторые из этих опорных пунктов, но многие из них, разбросанные в советском тылу, оставались крайне опасными для атакующих. Из-за проблем, возникших в связи с организацией командования, управления и связи германский XXXIX танковый корпус так и не смог в полной мере использовать тот хаос, который эта ситуация порождала в рядах советских войск. Тем не менее, корпус предпринимал отчаянные попытки, чтобы укрепить свои пошатнувшиеся оборонительные линии. Резервная 9-я танковая дивизия, находившаяся в тот момент в лагере к западу от Сычевки, получила приказ двигаться навстречу артиллерийской канонаде и закрыть брешь.

Советское командование тоже сознавало серьезность ситуации. Ночью 25 ноября и утром 26-го, в то время когда пехотинцы Мухина и Берестова напрягали все силы, чтобы расширить свой небольшой плацдарм, части второго эшелона и силы, предназначенные для развития успеха, пошли вперед. Под непрерывным огнем германской артиллерии более 200 танков, 30 000 пехотинцев и 10 000 кавалеристов, сопровождаемые обозами, упорно продвигались по единственным двум дорогам, ведущим к берегу. Поскольку обе дороги подвергались беспощадному артиллерийскому обстрелу, последствия нетрудно было предсказать. Хаос царил величайший. Предназначенные для усиления пехота и танки 8-го гвардейского стрелкового корпуса образовали пробки в местах переправ через Вазузу; сновавшие туда и сюда офицеры из штабов армии и фронта безуспешно пытались расчистить путь для движения бронетехники и кавалерии 6-го танкового и 2-го гвардейского кавалерийского корпусов. Это была невыполнимая задача. Хотя стрелковые корпуса и переправились через Вазузу, танковому и кавалерийскому корпусам это не удалось. Только в середине дня 26 ноября 170 танков танкового корпуса полковника П. М. Армана смогли вступить в бой, а 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора В. В. Крюкова вынужден был оставаться на восточном берегу реки вплоть до 27 ноября. К крайнему разочарованию Жукова и Конева стремительность наступательного порыва была уже утрачена.

Обороняющиеся немцы испытали всю силу предпринятого Кирюхиным штурма 27 ноября. Но к этому времени уже включились в действие резервы, и отчаянная, но умелая оборона германских частей на передовой линии фронта отразила советскую атаку вдоль Вазузы. Развернутые «боевые группы» 9-й танковой дивизии и стойкие защитники множества укрепленных деревень к западу от Вазузы полностью разрушили все надежды на развитие успеха советской кавалерии и танков. После полудня 6-й танковый корпус полковника Армана, поддержанный кавалеристами 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, шедшими в конном строю, нанес удар по германской обороне. Будучи не в состоянии подавить германское сопротивление в десятках укрепленных деревень, советское наступление распалось на отдельные фрагменты. Три бригады Армана прошли сквозь оборону немцев и пересекли жизненно важную дорогу Ржев-Сычевка; одна бригада так и не сумела сделать этого²⁶. Кавалерия Крюкова понесла тяжелые потери, когда подразделения трех его дивизий пытались прорваться в немецкий тыл под губительным огнем германской артиллерии, в то время как штаб корпуса и обозы оказались отрезанными на небольшом плацдарме далеко в тылу²⁷. Все это время усиленные части советской пехоты с огромным трудом старались расширить плацдарм, несмотря на неослабевающее сопротивление немцев. Последние отвечали контратаками с севера и юга вдоль шоссе Ржев-Сычевка, нанося удары по открытым флангам наступающих советских частей.

28 ноября с наступлением вечера стало ясно, что советское наступление приостановилось. Хотя основная часть танкового корпуса Армана и три кавалерийских дивизии Крюкова и пересекли ржевское шоссе, потери в бронетехнике оказались ошеломляющими, а германские контратаки вдоль этого шоссе воспрепятствовали их отходу. Еще хуже было то, что наступающие танкисты и кавалеристы оказались вне зоны действия поддерживающей их артиллерии, для размещения которой на плацдарме не было достаточного пространства. Грандиозная пробка на переправе через Вазузу также задержала развертывание артиллерии поддержки на передовых позициях. И несмотря на это Жуков и Конев приказали осажденным танкистам в ночь с 28 на 29 ноября прорваться в западном направлении, а частям, расположенным на плацдарме, поддержать их прорыв, добиваясь расширения бреши в германских линиях. Непреклонный оптимизм Жукова, упорное нежелание признать свою неудачу можно в какой-то мере объяснить впечатляющим успехом советских частей, который как будто бы намечался на участке фронта, расположенном западнее.

Там, в районе Белого и на реке Лучеса 41-я армия генерал-майора Ф. Г. Тарасова и 22-я армия генерал-майора В. А. Юшкевича за первые три дня сражения достигли впечатляющего успеха и, казалось, были близки к тому, чтобы прорваться глубоко в тыл обороняющихся немцев. Жуков полагал, что если они этого добьются, то временные трудности на Вазузе не будут играть существенной роли. 41-я армия начала наступление в 9.00 25 ноября, смяв переднюю линию германской обороны в артиллерийской подготовке²⁸. Продвигаясь в условиях не очень сильной метели по замерзшим лесистым болотам и стремясь оседлать шоссе Белый—Духовщина, стрелки 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса генерал-майора И. И. Попова, усиленного танковыми подразделениями из 1-го механизированного корпуса генерала Соломатина, легко преодолели передовые германские оборонительные линии и ворвались в деревни, расположенные вдоль реки Вишенка — в тактическом тылу немцев²⁹. Ободренный успехами первого дня боев Тарасов на рассвете 26 ноября приказал вступить в дело всему корпусу Соломатина. Двигаясь бригадными колоннами с 65-й и 219-й танковыми бригадами впереди, этот корпус, насчитывавший 15 200 бойцов и 224 танка, вначале достиг эффектного успеха³⁰. С трудом пробираясь сквозь густые и практически непроходимые леса, к вечеру 27 ноября части Соломатина пробили в германских оборонительных линиях брешь шириной 20 и глубиной 30 километров. Передовые части с гордостью доложили о том, что достигли шоссе Белый—Владимирское, перерезав

крайне важные для немцев пути, ведущие в Белый. (Пехота Попова содействовала продвижению корпуса Соломатина, но ее отставание от бронетехники затрудняло овладение дорогой Белый—Владимирское.)

Несмотря на драматический успех Соломатина, не все хорошо было с наступлением Тарасова, который хотя и приказал избежать затяжной борьбы за Белый, тем не менее, оказался в нее втянутым. Успех наступления в его начальной стадии, казалось, подтверждал возможность взятия Белого. Атака советских войск была направлена против одного из полков немецкой 246-й пехотной дивизии. Тарасов полагал, что у немцев мало резервов для защиты города. Сначала Тарасов направил 150-ю стрелковую дивизию полковника Н. О. Грузя на прорыв оборонительных линий, прикрывавших город с юга, когда же цель эта не была достигнута, он усилил эту дивизию 19 механизированной бригадой из корпуса Соломатина (а затем и 91 стрелковой бригадой). Несмотря на ожесточенные бои на южных подступах к городу, одолеть немецкую оборону не удалось.

Командир немецкого XXXXI танкового корпуса генерал-полковник Йозеф Гарпе организовал оборону Белого, рассчитывая — в числе прочего — и на ожидаемые им оперативные резервы, предназначенные для обеспечения немецкого тыла³¹. Гарпе приказал 246-й пехотной дивизии организовать оборону южнее Белого. Затем он запросил и получил «боевые группы» из танковой гренадерской дивизии «Гроссдейчланд» и 1-й танковой дивизии, располагавшиеся на запасных позициях к северо-востоку и юго-западу от Белого. Продвигаясь по промерзшим и заснеженным дорогам, «боевая группа» фон Вейтерсгейма достигла Белого утром 26 ноября, а «боевая группа» Кассница — несколькими часами позже. (Первая состояла из 113-го танкового гренадерского полка 1-й танковой дивизии, а вторая — из фузилерского полка танково-гренадерской дивизии «Гроссдейчланд»). Соединившись, эти группы начали успешную, но кровопролитную борьбу за удержание города в руках немцев.

Тем временем Соломатин, все более терявший надежду на успех, пытался укрепить свои позиции вдоль крайне важного шоссе Белый—Владимирское. (Эта дорога была единственным путем снабжения для немцев в Белом.) Теперь Соломатину противостояла оставшаяся часть 1-й танковой дивизии немцев, развернутая в батальонных порядках вдоль этой важной артерии. Поэтому Соломатин настойчиво просил Тарасова поддержать его слабеющую атаку двумя механизированными бригадами (47-ой и 48-ой) из армейского резерва (в каждой бригаде было по 39 танков). После однодневных колебаний Тарасов 28 ноября отверг просьбу Соломатина и направил эти две бригады на фланги армейского наступления. Свежая 47-я механизированная бригада полковника И. Ф. Дремова наступала северо-восточнее Белого, предприняв еще одну попытку окружить город. Дремову удалось перерезать шоссе Белый—Владимирское, но потом эту бригаду бросили на произвол судьбы, оставив ее без какой-либо поддержки к северо-востоку от города³². Все это время вырвавшиеся далеко вперед части Соломатина вели тяжелую не прекращающуюся борьбу на тридцатикилометровом фронте вдоль шоссе Белый—Владимирское. Чувство разочарования у Соломатина еще более усилилось, когда 29 ноября его авангарды доложили о прибытии на фронт свежих германских бронетанковых резервов. Вдобавок Соломатин уже знал то, чего еще не знал Тарасов. Ход сражения явно изменился, и надежды на успех улетучивались. Готовясь к неизбежному, Соломатин укрепил свои позиции, перешел к обороне, ожидая удара, который, как он понимал, неизбежно последует.

Соломатин оказался прав. Свежие германские части были передовыми подразделениями тех сил, которые Гарпе собрал для того, чтобы сдержать и, в конечном счете, сорвать советское наступление. Полагаясь на способность 1-ой танковой дивизии удержать такой сильный опорный пункт как Белый, а также на плотную оборону вдоль шоссе Белый—Владимирское, Гарпе запросил себе все доступные резервы из 9-й армии и группы армий «Центр». Генерал А. Модель и фельдмаршал Г. фон Клюге сразу же откликнулись на эту просьбу, приказав 12-й, 20-й и 19-й танковым дивизиям

выступить в район боев. Этим дивизиям нелегко было преодолеть большое расстояние по плохим дорогам и в очень сложных зимних условиях. До их прибытия судьба и XXXI танкового корпуса, и 9-й армии висела, можно сказать, на волоске.

У Моделя и 9-й армии были другие тревоги. Хотя ситуация у Вазузы, казалось, была под контролем, севернее на участке фронта вдоль р. Лучеса образовалась брешь, а оборонительные позиции в районе Молодой Туд штурмовались советскими частями, которые заметно потеснили немцев. Главное внимание германского командования в то время было приковано к великой битве, разворачивающейся вокруг Сталинграда³³.

Растущая озабоченность Моделя была оправданной. Утром 25 ноября начала свое наступление в долине р. Лучеса 22-я армия генерала Юшкевича. 238-я стрелковая дивизия полковника И. В. Карпова и два полка 185-й стрелковой дивизии полковника М. Ф. Андрущенко, поддержанные танковой бригадой 3-го механизированного корпуса генерал-майора М. Е. Катуква атаковали полк немецкой 86-й пехотной дивизии, прорвав оборону на стыке 86-й пехотной дивизии XXXI танкового корпуса и 110-й пехотной дивизии XXIII армейского корпуса. В следующие два дня Юшкевич ввел в сражение весь корпус Катуква и вытеснил германские войска из долины реки. XXIII армейский корпус в ответ ввел в действие гренадерский полк дивизии «Гроссдейчланд», который выдвинул вперед батальон, после того как помог отразить советские войска, атаковавшие севернее³⁴. Тяжелые бои велись за обладание ключевой позицией в район села Старухи, в то время как советские части упорно продвигались по направлению к шоссе Оленино—Белый, стараясь помочь 41-й армии прорваться на юг.

В течение этого периода Юшкевич ввел в бой свой резерв — 114-ю стрелковую бригаду и 39-й танковый полк. Когда этих сил оказалось недостаточно, он стал перебрасывать к месту сражения отдельные полки из других секторов. Немцы сдерживали армию Юшкевича, но не могли закрыть брешь, образовавшуюся в оборонительной линии.

Ситуация у Лучесы усугублялась давлением советских войск на северной оконечности Ржевского выступа. Там, на широком фронте в районе Молодой Туд 39-я армия генерал-майора А. И. Зыгина нанесла удар тремя стрелковыми дивизиями и несколькими стрелковыми бригадами, усиленными двумя танковыми бригадами и тремя отдельными танковыми полками³⁵. Поскольку атака Зыгина считалась вспомогательной, он не имел возможности развить успех, наметившийся в первый день боев³⁶. Умелое оперирование немцами своими резервами (14-я моторизованная дивизия и несколько батальонов гренадерского полка дивизии «Гроссдейчланд») предотвратило дальнейшее продвижение советских частей, и к 30 ноября их боевые действия свелись к атакам, которые приводили к незначительным успехам, но стоили наступающим больших потерь в живой силе. Обороняющиеся германские части (206-я пехотная и 14-я моторизованная дивизии XXIII армейского корпуса) несколько отошли, но не допустили прорыва обороны, что воспрепятствовало войскам генерала Зыгина достичь своей главной цели — шоссе Оленино—Ржев и железнодорожной линии.

Жуков, Конев и Пуркаев то воодушевлялись, то разочаровывались ходом операций, развивавшихся в эти первые пять дней. Стало очевидно, что наступление на главном направлении в секторе Сычевки запнулось. Хотя 20-я армия и располагала небольшим плацдармом за р. Вазузой, части, предназначавшиеся для развития успеха, вряд ли сумели бы оседлать шоссе Ржев—Сычевка. Наступление 31-й армии полностью сорвалось, а 29-я армия еще не включилась в наступление. Однако 41-я и 22-я армия достигли значительных успехов, да и Конев еще располагал существенными резервами (в том числе, и 5-м танковым корпусом, который он мог ввести в сражение на участке 20-й армии). Поэтому, по указанию Жукова, Конев усилил 20-ю армию дивизиями из резерва 31-й армии и приказал Кирюхину отвести предназначенные для развития успеха танковые и кавалерийские части с их уязвимых позиций западнее дороги Ржев—Сычевка. После перегруппировки Кирюхину предстояло продолжить наступление.

Тем временем две армии Пуркаева к западу от Ржевского выступа должны были начать наступательные действия в поддержку 20-й армии. Но Жуков не знал, что германское командование готовилось нанести удар как раз на том участке, где советские части достигли наибольшего успеха.

Не сумевшим использовать возможности для развития успеха на запад от шоссе Ржев—Сычевка и испытывавшим острую нехватку в боеприпасах, продовольствии и горючем, 6-ому танковому корпусу полковника Армана и взаимодействовавшей с ним кавалерии ничего не оставалось, как прорываться на восток. В ночь с 29 на 30 ноября они предприняли отчаянную попытку, взаимодействуя с атакующими с вазузского плацдарма частями. Ожесточенные и беспорядочные бои стоили Арману почти всех оставшихся танков, но основная часть личного состава его корпуса все же вырвалась из окружения³⁷. Хуже обстояло дело с куда более уязвимой кавалерией. 20-я кавалерийская дивизия полковника Курсакова так и не смогла прорваться. Несколько недель таджикские кавалеристы сражались вместе с советскими партизанами внутри Ржевского выступа, пока их остатки в конце концов не достигли в начале января советских линий в долине Лучесы³⁸.

Жуков был горько разочарован. За пять дней ожесточенных боев 20-я армия Кирюхина потеряла более 30 000 человек и 200 танков. Потери в 31-й армии были столь же тяжелы, а успехи — незначительны. Еще больше огорчало то, что даже казавшаяся верной победа на участке 41-й армии обернулась катастрофическим поражением. Там, южнее Белого, сбывшись худшие опасения Соломатина. Немцы сумели не только удержать город, но и организовать эффективный контрудар. Положение начало ухудшаться после 1 декабря, когда Соломатин сократил фронт своего корпуса и перешел к обороне. Между 2 и 6 декабря 1-я танковая дивизия XXXXI танкового корпуса немцев и вновь прибывшая 12-я танковая дивизия восстановили контроль над дорогой Белый—Владимирское, отрезав и уничтожив 47-ю механизированную бригаду полковника Дремова северо-восточнее Белого, и начали с неослабевающей силой давить на оборонительные линии Соломатина к юго-востоку от города³⁹. Еще большим разочарованием для советского командования стало то, что германский XXX армейский корпус, состоящий из 19-й и 20-й танковых дивизий, начал сосредотачиваться к югу от советского выступа в районе Белого. Это была непростая задача, поскольку все немецкие передвижения затруднялись ужасной погодой, дороги раскисли, а партизаны энергично сопротивлялись действиям немцев, препятствуя, в частности, как свидетельствуют германские документы, продвижению 20-ой танковой дивизии. К 6 декабря части XXX корпуса вышли на исходные позиции для удара по 41-й армии, который они предприняли утром 7 декабря во взаимодействии с 1-й танковой дивизией и фузилерным полком дивизии «Гроссдейчланд».

За три дня интенсивных боев германские силы прорвались в тыл 41-й армии и окружили ее основные силы к юго-востоку от Белого. Советские войска оказались в ловушке. Соломатин сделал все что мог для организации прорыва, но его попытки оказались неудачными. Командующий армией оказал ему незначительную помощь в организации круговой обороны силами оставшихся бойцов его и 6-го стрелкового корпуса. Оставалось ожидать поддержки⁴⁰.

Однако, учитывая ситуацию, сложившуюся севернее, в долине Лучесы, на помощь рассчитывать не приходилось. Энергичные усилия генерала Юшкевича позволили достичь лишь незначительных успехов. 22-й армии не хватало сил расширить свой клин, но и немцы не могли ликвидировать его. Хотя интенсивные бои, то угасая, то разгораясь вновь, продолжались много дней, на этом участке обозначился явный тупик. Стало очевидно, что такое положение сохранится до тех пор, пока события на других участках фронта не решат судьбу всего советского наступления. Тем временем, далее к северу 39-я армия генерала Зыгина продолжала свое медленное продвижение западнее Ржева, преодолевая стойкое сопротивление противника в районе своего флангового вклинения в германскую оборону, которое вскоре могло стать последней надеждой Жукова одержать победу.

Жуков реагировал на удручающие новости из сектора Белого с характерной для него решительностью. Не желая признавать поражения, он предпринял массированное наращивание сил на фронте 20-й армии. Между 2 и 10 декабря он усилил армию Кирюхина свежим 5-м танковым корпусом и несколькими дивизиями, взятыми из 31-й армии, приказал провести поспешное переформирование 6-го танкового корпуса Армана и вдвое усилил соседнюю 29-ю армию генерал-лейтенанта М. С. Хозина⁴¹. В то время, когда бушевало сражение за Белый, Жуков приказал 20-й и 29-й армиям возобновить атаки 11 декабря, взаимодействуя с наступающей на севере 39-й армией, усиленной дивизиями из 30-й армии, расположенной в ржевском секторе.

Новый акт развивающейся драмы начал разыгрываться на вазузском плацдарме утром 11 декабря. В 10.10 советская пехота поднялась в атаку на всем протяжении фронта 20-й и 29-й армий. Несмотря на смертельный огонь германской артиллерии, Кирюхин ввел в действие основные силы 5-го и 6-го танковых корпусов. На четырехкилометровом фронте атакующие оказались в ловушке укрепленных противотанковых заграждений немцев. Ожесточенная атака за два дня непрерывных беспощадных и кровопролитных боев стоила двум советским корпусам потери около 300 танков⁴². Несмотря на это, Жуков и Конев настаивали на продолжении наступления, которое длилось в течение трех дней, пока к 15 декабря войска не выдохлись из-за полного истощения. К этому времени все, от рядового солдата до самого Жукова, осознали близость поражения. Если кровавая баня у Вазузы еще не убедила их, то судьба корпуса Соломатина заставила осознать это.

Соломатин удерживал позиции юго-восточнее Белого до тех пор, пока это было в человеческих возможностях. Лишенные армейской поддержки его части напрягали все свои силы, сдерживая окружающие их четыре немецкие танковые дивизии. И так продолжалось до тех пор, пока ситуация со снабжением не потребовала самых решительных действий, иначе корпус бы погиб от истощения. В ночь с 15 на 16 декабря Соломатин предпринял прорыв. Сократив периметр обороны, он уничтожил оставшуюся бронетехнику и тяжелое вооружение и стал пробиваться на запад с остатками пехоты. Прорвав огненное кольцо, Соломатин спас все, что мог из состава своего корпуса и действовавших вместе с ним частей 6-го стрелкового корпуса Попова. Цена, однако, была очень высокой. По германским данным, было уничтожено 102 единицы советской бронетехники. Соломатин докладывал, что 8 000 из 12 000 его бойцов были ранены или убиты и большинство из более чем 200 танков корпуса уничтожены или брошены при отходе⁴³. Оставшейся части армии Тарасова также пришлось заплатить страшную дань.

Но даже потерпев двойное поражение — у Вазузы и Белого, и потерпев неудачи на флангах Ржевского выступа, Жуков вплоть до середины декабря продолжал наступление 39-й армии на севере. К середине декабря операция «Марс», превратившаяся в кровавую бойню, окончательно выдохлась, что сознавали и Сталин, и Ставка, а возможно, и сам Жуков. К тому же, задолго до этого Сталин оставил надежду на последующую операцию «Юпитер». К началу декабря большая часть резервов Ставки уже двигалась на юг, чтобы усилить части, развивавшие успешную операцию «Уран», проводимую Василевским в районе Сталинграда.

Жуков осуществил операцию «Марс» в характерной для него манере. Советские атаки были массированными, он не жалел людских и материальных ресурсов, не учитывал неблагоприятные условия местности и погодные условия. Стремясь к победе, он полагался на нажим по всему фронту и простой маневр мощными механизированными и танковыми корпусами. Победы под Ржевом ему достичь не удалось. Умело организованная немецкая тактическая оборона относительно небольшими «боевыми группами», максимально использующими преимущества местности, сдерживала атакующие советские мобильные части, не позволяя им прорваться в оперативный тыл немцев, части которых изматывали атакующую пехоту и отсекали

ее от мобильных сил, крайне нуждавшихся в ее поддержке. Не поддаваясь панике и удерживая только то, что действительно необходимо было удерживать, германское командование постепенно собирало резервы, необходимые для контрударов и победы. Но немецкая победа была достигнута с большим трудом, и чаша весов все время колебалась. Нанося Красной армии катастрофические потери, немецкие дивизии сами были измотаны в ходе боев до последней крайности. Не случайно несколько месяцев спустя Модель запросил и получил разрешение оставить Ржевский выступ. Он и его армия не могли позволить себе еще одну такую «победу».

Операция «Марс» стоила Красной армии около полумиллиона убитых, раненых и плененных, потери в танках, достаточно точно подсчитанные немцами составили примерно 1700 единиц (это превышало общее число танков, первоначально задействованных в операции «Уран») ⁴⁴. Манеру, в которой была проведена операция «Марс», и масштабы вызванной ею кровавой бани, можно сравнить с фронтальной атакой на Зееловские высоты во время Берлинской операции.

Операция «Марс» была осуждена на замалчивание. Сталин и история утвердили в качестве непреложной истины, что ржевский провал не должен запятнать подвиг Василевского в Сталинграде. Сталину нужны были люди с бойцовскими качествами. Вследствие этого репутация Жукова осталась в неприкосновенности, и он разделил с Василевским лавры сталинградской победы. До некоторой степени Жуков взял реванш над группой армий «Центр» под Курском летом 1943 г. и в Белоруссии летом 1944-го. По иронии судьбы, однако, именно Василевскому как главному планировщику Ставки довелось сыграть основную роль в окончательном разгроме этой группы армий в Восточной Пруссии в январе 1945 года.

Примечания

1. Единственное исключение делается обычно для знаменитого контрудара Э. фон Манштейна в феврале—марте 1943 г. в районе Донбасса и Харькова, остановившего советский марш на запад после Сталинграда и подготовившего расстановку сил, предшествующую Курской битве.
2. Из других примеров слабых мест в историографии, относящейся к периоду 1943—1945 гг. можно упомянуть неудачное наступление советского Центрального фронта в феврале—марте 1943 г., операции в Белоруссии осенью 1943 г. и потерпевшую поражение советскую попытку вторгнуться в Восточную Пруссию осенью 1944 года.
3. Существующие советские материалы, включая мемуары маршала Жукова, затуманивают ответ на вопрос, когда была спланирована операция «Уран», утверждая, что это планирование осуществлялось в конце октября и начале ноября 1942 года. Теперь стало ясно, что обе операции, и «Марс» и «Уран», были спланированы в конце сентября.
4. Мемуары Жукова неправильно передают как календарь событий осени 1942 г., так и его роль в операции «Марс» и ее ход. Он упоминает эту операцию, но напускает туман на ее дату, цель и ход. Точный ответ о перемещениях Жукова за все время войны, включая особенно важный для нас период осени 1942 г. см.: ИСАЕВ С. И. Вехи фронтового пути. — Военно-исторический журнал (ВИЖ), 1991, № 10. Из этого календаря жуковских поездок видно, что он провел основную часть этого критического осеннего периода на Западном и Калининском фронтах.
5. Жуков обратился к «северной» стратегии после своего опыта под Москвой зимой 1941—1942 гг. и усердно отстаивал эту точку зрения весной 1942 года.
6. В это время Калининский и Западный фронты, вместе с Московской зоной обороны, составляли 31% всей живой силы, 32% артиллерии, почти 50% бронетехники и более 350 авиации Советских вооруженных сил. Вся эта мощь была сосредоточена на 17% общей протяженности советско-германского фронта.
7. См.: История второй мировой войны. М. Т. 6. 1976, с. 34—35. Данные германской разведки в общем подтверждают указанное соотношение людской силы и техники.
8. Два жуковских фронта могли рассчитывать на большие резервы Ставки. Их впечатляющий перечень включает в себя танковые, механизированные и кавалерийские корпуса (5-й, 6-й, 8-й, 9-й и 10-й танковые, 1-й, 2-й и 3-й механизированные и 2-й гвардейский кавалерийский),

прекрасно укомплектованную танковую армию генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко, дислоцированную западнее Калуги и находившуюся тогда в резерве Западного фронта, 2-ю гвардейскую армию и приданный ей 2-й гвардейский механизированный корпус, формировавшаяся в районе Тамбова — на полпути между Москвой и Сталинградом; 2-ю резервную армию в районе Вологды; 3-ю резервную армию около Калинина и 10-ю резервную армию в Приволжском военном округе. Три последние армии не были введены в действие в конце ноября и в декабре, но они могли быть использованы для поддержки любого из двух наступлений. Наиболее готовая из армий, мощная 2-я гвардейская — генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, была расположена так, что могла включиться в боевые действия на завершающей стадии любой из этих операций. Кроме того Ставка располагала вновь укомплектованными 6-м механизированным корпусом Московской зоны обороны, свежими 7-м и 24-м танковыми корпусами в резерве на юге, а также 2-м и 23-м танковыми корпусами, переданными Приволжскому военному округу, около Сталинграда. См.: Боевой состав Советской армии. Ч. 2. М. 1972. Этот ранее секретный, а теперь рассекреченный материал подготовлен Военно-историческим управлением Генерального штаба.

9. Как обычно, все члены Верховного главнокомандования принимали участие в планировании обеих операций. Жуков, заместитель Верховного главнокомандующего, также участвовал в этом, что в дальнейшем позволило ему разделить славу сталинградской победы.
10. 5-я армия состояла из шести стрелковых дивизий, четырех стрелковых бригад, двух танковых бригад и девяти артиллерийских полков; 33-я армия включала 7-й гвардейский стрелковый корпус, восемь стрелковых дивизий, четыре стрелковые бригады, лыжную бригаду, три танковые бригады и пять артиллерийских полков. Эти армии были гораздо сильнее, чем другие армии фронта, кроме, конечно, тех, что осуществляли основное наступление в операции «Марс». См.: Боевой состав, с. 211—212.
11. Советское командование учитывало, что в районе Сталинграда 6-ю армию поддерживали две румынские армии и часть германской 4-й танковой армии.
12. В дальнейшем эта операция получила наименование «Малый Сатурн». Германское сопротивление в районе Сталинграда оказалось более сильным, чем предполагалось. «Малый Сатурн» скорее был рассчитан на разгром итальянских и германских войск на Дону, а не на глубокое продвижение по направлению к Ростову.
13. Директиву Западного фронта см.: Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО), ф. 386, оп. 8583, д. 144, л. 8.
14. Первая фаза операции теперь была перенесена на 28 октября. 21 октября, когда Жуков направился на Калининский фронт, чтобы завершить приготовления к наступлению, Генеральный штаб подготовил последние приказы и разослал их соответствующим фронтам.
15. Полное объяснение оперативной концепции см.: Ввод в прорыв конно-механизированных групп. — Сборник материалов по изучению опыта войны (СМПИОВ), № 9 (ноябрь—декабрь 1943 г.). М. 1944. Это секретное исследование операций мобильной группы 20-й армии было подготовлено отделением по изучению опыта войны Генерального штаба.
16. Об участии 41-й армии в операциях Калининского фронта см: СОЛОМАТИН М. Д. Красноградцы. М. 1963, с. 11—13; а также: Боевые донесения и оперативные сводки штаба 1-го мехкорпуса. — ЦАМО, ф. 3424, оп. 1, д. 2, л. 31. Работа Соломатина содержит тщательное и, в общем, точное описание операций 1-го механизированного и 6-го стрелкового корпусов. Некоторые детали действий 22-й и 39-й армий см.: КАТУКОВ М. Е. На острие главного удара. М. 1976, с. 182—183; МАЛЫГИН К. А. В центре боевого порядка. М. 1986, с. 69—70.
17. Хотя нет советских документов, прямо относящихся к операции «Юпитер», концентрация советских сил ясно указывает на то, что вслед за операцией «Марс» Ставка намеревалась провести еще одну операцию. Если исходить из тех названий, которыми обозначались другие операции, представляется, что она должна была быть названа «Юпитер» или «Нептун».
18. Советские источники, открытые или секретные, не упоминают специальных планов операции «Юпитер». Документы 9-й немецкой армии указывают на сосредоточение значительных советских сил в секторах 5-й и 33-й армий в октябре и ноябре 1942 г., что подтверждают и документы из советских архивов. В дополнение к переподчинению в октябре 3-й танковой армии Западного фронту и ее передислокации в район к востоку от Вязьмы 9-й и 1-й танковые корпуса заняли позиции в тылу 5-й и 33-й армий. 10-й танковый корпус был перемещен из резерва Ставки на Западный фронт (ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, д. 1, л. 225).

- Корпус развернулся в секторе 5-й армии. 5-я армия была усилена 30-й гвардейской, 78-й, 194-й и 379-й стрелковыми дивизиями и, поддержана, как и 33-я армия, значительным количеством артиллерийских стволов.— Боевой состав, ч. 2, с. 190—191, 211—212, 235—236.
19. Ставка усилила Западный и Калининский фронты 31 танковой бригадой и 12 танковыми полками, насчитывавшими в своей совокупности 2352 танка, более 54 артиллерийских полков, 30 дивизионов гвардейских минометов и 23 полка противотанковых орудий с почти 10 000 орудий и минометов, 20 отдельных инженерных и саперных батальонов (см.: Боевой состав, с. 211—212).
  20. Детали наступления см.: СМПИОВ, № 9, с. 141—150; ГЕТМАН А. Л. Танки идут на Берлин (1941—1945). М. 1973, с. 70—76; КУЗНЕЦОВ П. Г. Гвардейцы-москвичи. М. 1962, с. 185—190 (последние две книги представляют собой истории 6-го танкового корпуса и 1-й гвардейской моторизованной дивизии).
  21. Об операции у реки Вазузы см: GROSSMAN H. Rshv: Eckpfeiler der Ostefront. Freidberg. 1980 (пер. с нем. см.: Гроссман Х. Ржев — краеугольный камень Восточного фронта. Ржев. 1996); DETLEW von PLATO A. Die Geschichte der 5. Panzerdivision 1938 bis 1945. Regensburg. 1978.
  22. 31-я армия атаковала силами 88-й, 336-й и 239-й стрелковых дивизий, поддержанных 332-й и 145-й танковыми бригадами. Обороняющиеся немцы за три дня боев уничтожили обе танковые бригады и нанесли тяжелые потери пехоте.
  23. О действиях 102-й пехотной дивизии, в особенности о ее разведке накануне операции, см.: KAHN D. An Intelligence Case History: The Defence of Osuga, 1942. — Aerospace Historian, vol 28, № 4 (Winter/December 1981), p. 242—251.
  24. В секторе между реками Осуга и Вазуза 195-й пехотный полк 102-й пехотной дивизии нанес поражение советским 326-й, 42-й гвардейской и 251-й стрелковым дивизиям, которых поддерживали 25-я и 93-я танковые бригады.
  25. Второй эшелон 8-го гвардейского стрелкового корпуса состоял из 26-й гвардейской стрелковой дивизии, 148-й и 150-й стрелковых бригад и 11-й и 18-й танковых бригад. Его задача заключалась в том, чтобы расширить плацдарм на Вазузе. Кроме того, 20-я армия имела в своем резерве 1-ю гвардейскую мотострелковую дивизию и 31-ю танковую бригаду.
  26. 22-я и 20-я танковые и 6-я мотострелковая бригады Армана пересекли дорогу, но с большими потерями, тогда как 100-я танковая бригада осталась на плацдарме, сдерживаемая огнем из ряда германских опорных пунктов.
  27. Подразделения 2-й и 3-й гвардейских кавалерийских дивизий и вся 20-я кавалерийская дивизия форсировали дорогу, чего не удалось 4-й гвардейской кавалерийской дивизии и штабу корпуса.
  28. Подробнее см.: СОЛОМАТИН М. Д. Красноградцы; ЦАМО, ф. 311, оп. 311, д. 24, лл. 86—87; ф. 3404, оп. 1, д. 2, лл. 2—36.
  29. 6-й корпус состоял из 150-й стрелковой дивизии и 74-й, 75-й, 78-й и 91-й стрелковых бригад, а мех. корпус — из 65-й и 219-й танковых и 19-й, 35-й и 37-й механизированных бригад.
  30. Корпус Соломатина насчитывал 10 тяжелых танков КУ, 119 средних Т-34 и 95 легких танков Т-70. См. ЦАМО, ф. 3424, оп. 1, д. 2, лл. 2—36.
  31. Подробности см.: GROSSMAN H. Op. cit.; STOVES R. O. 1. Panzer-Division 1935—1945. Bad Neuheim. 1961, S. 375—409.
  32. ДРЕМОВ И. Ф. Наступала грозная броня. Киев. 1981, с. 38.
  33. Об обороне 9-й армии и о германских разведывательных данных о советских войсках на протяжении всей операции см.: Tätigkeitsbericht der Abteilung I c/A.O., dated 1 July-3. Dec. 1942. — АОК 9, 27970/6 in National Archives (NAM), Microfilm Series NAMT-312, Roll 304. К этим донесениям приложены ежедневные оперативные и разведывательные карты.
  34. Подробности о советских операциях в долине Лучесы весьма отрывочны. См.: КАТУКОВ М. Е. Ук. соч. Несколько подробнее воспоминания командиров бригад А. Бабанджания и Д. Драгунского. Документы немецкой 9-й армии и дивизии «Гроссдейчланд» дают гораздо лучший обзор событий; они подтверждают участие в операции упомянутых советских частей.
  35. В районе Молодой Туд наступали 373-я, 135-я и 158-я стрелковые дивизии, поддержанные 28-й и 81-й танковыми бригадами; на флангах действовали четыре стрелковые бригады: 100-я и 117-я на правом и 136-я и 101-я на левом, поддержанные 28-ым и 29-ым танковыми полками. Некоторые подробности см.: БОЙКО В. П. С думой о Родине. М. 1979; ХЛЕБНИКОВ Н. М. Под грохот сотен батарей. М. 1979 (первый был командиром 28-й танковой бригады, а второй — начальником артиллерии 39-й армии).

36. 100-я стрелковая бригада прорвала оборону 253-й пехотной дивизии юго-западнее города Молодой Туд и продвинулась на 5 километров вглубь германской обороны. Умелая контратака двух батальонов гренадерского полка дивизии «Гроссдейчланд» пресекла дальнейшее продвижение, а подкреплений у Зыгина не было. После этого немецкие батальоны быстро перегруппировались для отражения советского наступления в долине Лучесы.
37. ГЕТМАН М. Л. Ук. соч., с. 73—74; СМПИОВ, № 9, с. 148—149.
38. См.: СЕКРЕТОВ А. И. Гвардейская поступь. Душанбе. 1985, с. 40—48.
39. СОЛОМАТИН М. Д. Ук. соч., с. 28—29. К этому времени Соломатин уже отвел свою 37-ю механизированную бригаду с окраин Владимирского, где она перерезала крайне важную для немцев железнодорожную линию и шоссе на Белый.
40. См.: СОЛОМАТИН М. Д. Ук. соч., с. 30—35.
41. См.: ГЕТМАН А. Л. Ук. соч., с. 74 (автор утверждает, что мощь 6-го танкового корпуса к 11 декабря возросла до 100 танков). См. также: КОЧЕТКОВ А. Д. Двинский танковый. М. 1989 (здесь приведены подробные данные о силах и средствах танкового корпуса и его роли в декабрьской операции; данные эти хорошо согласуются с архивными документами 5-го танкового корпуса).
42. См. ЦАМО, ф. 3404, оп. 1, дд. 9, 10, 259.
43. ЦАМО, ф. 3424, оп. 1, д. 2, л. 36.
44. Данные о потерях отдельных соединений столь же потрясающи. 20-я армия потеряла 58 524 человека из 114 176, первоначально введенных в сражение. 8-й гвардейский стрелковый корпус за пять дней боев — 6058, к 7 декабря в 26-й гвардейской стрелковой дивизии этого корпуса осталось чуть более 400 бойцов, в 148-й отдельной стрелковой бригаде — всего 47 стрелков, а 150-й стрелковой бригаде — только 110. Танковые и механизированные корпуса также были выкошены почти полностью. 6-й танковый корпус потерял фактически два своих полных штатных состава, 1-й механизированный корпус был по существу уничтожен, а 5-й танковый корпус, чьи танки вошли в сражение, не имея белой камуфлирующей окраски, потерял полную штатную численность танков за три дня боев. Его 5-я мотострелковая бригада потеряла более 1500 погибшими — 70% штатной численности боевого состава. К 15 декабря корпус смог выставить только один стрелковый батальон сборного состава. Эти потери были всего лишь ничтожной частью цены поражения в операции «Марс». Детальный обзор советских потерь см. в документах немецкой 9-й армии и в цитированных выше советских архивных документах.

Коминтерн после формального роспуска (1943—1944 гг.)

Г. М. Адиебов

Исполком Коминтерна (ИККИ) в начале Великой Отечественной войны. На состоявшемся 22 июня 1941 г. заседании Секретариата ИККИ обсуждался вопрос о задачах коммунистических партий в связи с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз и о необходимости срочно перестроить всю работу аппарата ИККИ. Исполком Коминтерна направил компартиям письма, в которых указал, что «вероломное нападение Германии на СССР является ударом не только против страны социализма, но и против свободы и независимости всех народов мира. Поэтому защита советского народа является в то же время защитой поработанных гитлеровцами народов, а также защитой всех других народов, которым угрожает фашизм». Секретариат сформулировал задачи компартий различных стран — в зависимости от позиции правительств по отношению к гитлеровской Германии. Один из пунктов решения Секретариата гласил: «Срочно перестроить всю работу аппарата ИККИ, исходя из необходимости обеспечить всемерную помощь ВКП(б) и Советским органам»¹.

Для непосредственного повседневного руководства работой ИККИ Секретариат создал 22 июня тройку в составе: Г. Димитров, Д. Мануильский, П. Тольятти. В октябре 1941 г., из-за приближения фронта к Москве, аппарат ИККИ был эвакуирован в г. Уфу. (В мае — июне 1943 г. работники аппарата вернулись в Москву).

Судя по документам, Димитров в октябре 1941 г. отбыл в Куйбышев. Аппаратом ИККИ в Уфе руководил Эрколи (Тольятти). В конце октября — начале ноября 1941 г. в Уфу прибыли — с семьями — Тольятти, К. Готвальд, А. Марти, В. Пик, В. Флорин, Д. Ибаррури, Э. Герэ, М. Ракоши, А. Паукер, В. Коларов, В. Ульбрихт, В. Бианко, В. Копецкий, И. Коплениг, Б. Марат, Б. Пономарев, И. Плышевский, С. Дзержинская, Г. Белов, П. Татаренко и другие сотрудники аппарата ИККИ².

3 ноября состоялось заседание Комиссии в составе Тольятти, Готвальда, Пономарева и Белова «По выработке штатного списка сотрудников аппарата ИККИ и ИККИМа на IV квартал 1941 г.». 20 ноября 1941 г. Секретариат ИККИ утвердил (за подписью Димитрова) штатный список сотрудников аппарата ИККИ в количестве 158 человек (в 1942 г. эта цифра более чем удвоилась [404 человека], а в начале 1943 г., после постепенного возврата аппарата ИККИ в Москву, эта цифра более чем утроилась)³.

Структура аппарата ИККИ в конце 1941 г. — начале 1943 г. выглядела

Адиебов Грант Михайлович — доктор исторических наук.

следующим образом. Секретариат: Димитров — генеральный секретарь, секретари: Мануильский, Тольятти, Х. Диас, Пик, Марти, Готвальд, Флорин, Ибаррури. Каждый из секретарей имел в своем подчинении секретариат, ведавший связями с компартиями определенного региона. В аппарат Секретариата в конце 1941 г. входили заведующий Секретариатом Татаренко, политические помощники секретарей ИККИ. В начале 1943 г. состав аппарата Секретариата существенно изменился, вобрав в себя политических референтов, помощников генерального секретаря, уполномоченного по г. Куйбышеву, референтов, технических помощников секретарей ИККИ.

В структуру отдела печати в конце 1941 г. входили: телеграфное агентство, редакция Информационного бюллетеня, группа прослушивания, бюро переводов с четырьмя секциями — русской, немецкой, романской и английской, библиотека. Руководил отделом в 1941—1943 гг. Г. Фридрих (Б. Геминдер). В начале 1943 г. отдел стал называться «Отдел печати и радиовещания». В 1942 г. отделу печати были переданы функции расформированного Редакционно-издательского отдела (заведующий Р. Аппельт). В начале 1943 г. в отделе работал 161 человек. Ответственным редактором журнала «Коммунистический Интернационал» был Готвальд (по совместительству), его заместителем — Герэ, ответственным секретарем Я. Мирон-Розкин. В редакции журнала работало 8 человек.

В первый отдел вошла часть бывшей службы связи ИККИ, не включенная в августе 1941 г. в состав вновь образованного хозяйственно-оперативного управления ИККИ. Созданный в 1942 г. и подчиненный непосредственно генеральному секретарю, первый отдел продолжал выполнять многие функции, свойственные его предшественникам — отделу международной связи и службе связи ИККИ. Начальником первого отдела ИККИ был И. Морозов, кадровый работник НКВД. Отделом кадров заведовал П. Гуляев. В ноябре 1942 г. была создана оперативная группа отдела кадров в г. Уфе. В 1943 г. в отделе работало 30 человек.

В 1941—1943 гг. представителями компартий при ИККИ были: Болгарии — Коларов, Венгрии — Ракоши, Австрии — Коплениг, Германии — Ульбрихт, Испании — Х. Эрнандес, Италии — Бианко, Румынии — Паукер, Турции — Марат, Чехословакии — Копецкий.

В 1941 г. в политической референтуре насчитывалось 20 политреферентов, которые являлись «ответственными политическими сотрудниками аппарата ИККИ» и действовали «по заданиям и под руководством Секретариата и секретарей ИККИ». 14 политреферентов занимались странами и группами стран, по одному — вопросами международного движения за мир, против войны и фашизма, вопросами международного женского и юношеского движений, вопросами международного профсоюзного и кооперативного движений, и трое — специальными вопросами. В 1942 г. при очередном сокращении, они были включены в штат аппарата Секретариата ИККИ.

В структуру аппарата ИККИ входила также редакция радиовещания. В 1941—1942 гг. действовали общая радиоредакция и 16 языковых редакций. В общую редакцию входили Тольятти, Готвальд, Геминдер, Ф. Фюренберг, М. Фаркаш. В конце 1942 — начале 1943 г. радиоредакции были включены в состав Отдела печати и радиовещания.

ИККИ располагал также партийными (политическими) школами. В 1941—1943 гг. функционировали: техникум № 1 «Кушнаренково» под Уфой, специальная школа в Уфе, школа «резерва братских компартий» в Нагорном под Москвой, Антифашистская школа для военнопленных в Красногорске, ряд других школ военнопленных.

21 августа 1941 г. Управление делами ИККИ было слито со Службой связи ИККИ. Новое подразделение аппарата Секретариата ИККИ получило название «Хозяйственно-оперативное управление». Оно функционировало вплоть до роспуска Коминтерна.

Комиссия при ИККИ по работе среди военнопленных была образована осенью 1941 г. по предложению Димитрова. В ее состав входили Ульбрихт (председатель), Коплениг, Санто, П. Фёрстерлинг и другие.

Работа комиссии велась в сотрудничестве с Главным управлением по делам военнопленных и интернированных НКВД и Бюро военно-политической пропаганды ЦК ВКП(б) в следующих лагерях: Карагандинском, Актюбинском, Темниковском, Спасозаводском, Елабужском, Марийском, Свердловском, Челябинском и других. Сотрудники аппарата ИККИ выезжали в лагерь для бесед с военнопленными и сбора информации о положении в европейских странах, о моральном состоянии армий, выявлении «благонадежных» с целью их направления в создававшиеся лагеря-школы для военнопленных (позднее — «антифашистские школы военнопленных»). Некоторые военнопленные из числа бывших членов компартии и профсоюзов после окончания антифашистской школы становились инструкторами в лагерях.

После репрессий, обрушившихся на деятелей Интернациональной контрольной комиссии (ИКК) в 1936—1938 гг., она существовала номинально. В «списках сотрудников аппарата ИККИ» за 1941—1943 гг. в графе «ИКК» фигурировали всего лишь две фамилии ее членов: М. Цхакая и Ф. Денгель. В структуру аппарата ИККИ входили кроме того архив и библиотека. В годы войны заведующим Центральным архивом был А. Бевз, а заведующим библиотекой — Ф. Козлов.

Формальный роспуск Коминтерна. Благодаря ставшим доступными документам, происходившие в Москве в мае — июне 1943 г. события можно считать одной из грандиозных мистификаций Сталина.

В начале 1943 г. Секретариат Исполкома Коминтерна ведет обычную жизнь: в январе принимает решения о компартиях Чехословакии и Ирака, о деятельности комиссии ИККИ по работе среди военнопленных, об изменениях в радиопропаганде в связи с поворотом в ходе второй мировой войны; в феврале — принимает постановления «О политико-массовой работе среди военнопленных», «О коренном переломе в войне и задачах пропаганды»; в марте — о созыве конференций военнопленных для обсуждения политических задач в борьбе с гитлеризмом и его пособниками. 22 февраля «Правда» и другие центральные газеты публикуют письмо Сталину за подписью генсека ИККИ Димитрова, секретаря парткома Плышевского, секретаря комитета ВЛКСМ Зацеляпиной и председателя месткома Тюнтер о сборе работниками Исполкома Коминтерна 463 тысяч рублей на постройку авиасоединения «Москва». В письме, в частности, говорилось: «Сознавая свой долг перед Красной Армией, несущей освобождение народам Европы, мы обещаем еще больше напрячь свои силы, чтобы в этот момент решающих боев успешно содействовать поднятию в тылу германского фашизма всенародной антигитлеровской войны». В своем ответе Сталин просил передать работникам ИККИ «братский привет и благодарность Красной Армии». В тот же день в дневнике Димитрова появляется следующая запись: «В прессе опубликовано письмо ИККИ Сталину и его ответ. Факт опубликования довольно знаменательный — публичное подтверждение существования и деятельности Коминтерна в условиях Отечественной войны против нем[ецких] фашистских захватчиков». 23 февраля Димитров утверждает штатное расписание аппарата ИККИ.

В марте — апреле составляется смета расходов Управления делами (УД) ЦК ВКП(б) на второе полугодие 1943 г. на 253 сотрудника аппарата ИККИ и на «особый штат» этого аппарата, в который входили Димитров, Мануильский, члены заграничных бюро компартий Пик, Флорин, Копленг, П. Виден, Эрколи, Бианко, Э. Фиммен, Коларов, Готвальд, Я. Шверма, Ракоши, Паукер, Ибаррури и их референты. Кроме того, в смете расходов были учтены еще около 600 сотрудников других подразделений ИККИ. 20 апреля Секретариат ЦК поручает Наркомату финансов СССР впредь до утверждения сметы 1943 г. открыть кредит ИККИ на апрель — май месяцы в размере 30 тыс. американских долларов. 6 мая руководство ИККИ обсуждает проблемы, связанные с пропагандой различных аспектов первомайского приказа Сталина на национальном радиовещании Коминтерна на европейские страны.

Казалось бы, все идет своим чередом, не предвещая ничего экстраор-

динарного для международной коммунистической организации, основанной В. И. Лениным в марте 1919 г. в качестве генерального штаба для свершения мировой социалистической революции. И вдруг 8 мая в дневнике Димитрова появляется запись: «Ночью у Молотова вместе с Мануил[ьским], беседовали о будущем Коминтерна. Пришли к выводу, что Коминтерн, как руковод[ящий] центр для компартий, при создавшихся условиях, является помехой самостоя[тельному] развитию компартий и выполнению их особых задач. Выработать документ о роспуске этого центра».

Дальнейшие события развивались стремительно. 11 мая Димитров и Мануильский завершили редактирование проекта постановления Президиума ИККИ о роспуске Коминтерна, послав его Сталину и Молотову. Вечером того же дня они были приняты Сталиным в присутствии Молотова. По свидетельству Димитрова, Сталин отрицал возможность иметь международный революционный центр для всех стран, предполагая со временем перейти к региональным объединениям (например, для компартий Южной Америки, США и Канады, европейских стран). 12 мая с проектом постановления были поочередно ознакомлены находившиеся в Москве члены Секретариата и Президиума ИККИ; проект был направлен руководителями компартий: Мао Цзэдуноу, И. Тито, Ж. Дюкло, Э. Браудеру, С. Линдероту, Г. Поллиту.

13 мая на закрытом заседании Президиума ИККИ проект был единогласно принят за основу. До начала заседания Димитров получил от Сталина сообщение, в котором, в частности, говорилось: «Не оставить такого впечатления, что просто выгоняем руковод[ящих] иностран[ных] товарищей. Люди будут работать в газетах. Следует создать четыре газеты (на немецком, румынском, итальянском и венгерском языках), а также можно создать отдельные антифашистские комитеты немцев и других». 17 и 19 мая состоялись еще два закрытых заседания Президиума ИККИ, на которых обсуждались организационные вопросы в связи с роспуском Коминтерна: о национальных радиопередачах, о заграничных бюро компартий, о поддержании связей с зарубежными компартиями, о телеграфном агентстве «Супресс», об архиве, о библиотеке и т. д. Димитров считал, что все эти коминтерновские структуры и их функции должны быть сохранены, но под другой формой — «по линии ЦК ВКП(б)». Во что конкретно выльется мистификация в виде фактического «недороспуска» Коминтерна, вряд ли кто-нибудь тогда ясно себе представлял.

Ублажая союзников по антигитлеровской коалиции, не первый год обещавших открыть второй фронт, Сталин посредством объявления о роспуске Коминтерна (21 мая соответствующее решение приняло Политбюро ЦК ВКП(б), а 22 мая в «Правде» было опубликовано постановление Президиума ИККИ) не собирался отрубать одиозную «руку Москвы». Надо было поглубже спрятать эру «руку», сделать ее невидимой для посторонних глаз. 26 мая из Уфы в Москву выехал первый эшелон с сотрудниками ИККИ (второй прибыл в столицу в июне).

В течение двух недель Димитров интенсивно проводил совещания с членами Президиума ИККИ, беседовал с директором Института Маркса-Энгельса-Ленина М. Митиным, встречался с секретарем ЦК ВКП(б) Г. М. Маленковым. На этих встречах решалась судьба большого коминтерновского хозяйства: его структурных подразделений политического порядка, а также автобазы, домов отдыха, дач, столовой, общепита и, естественно, сотен людей, работавших в аппарате ИККИ и обслуживавших его.

8 июня на последнем заседании Президиума ИККИ были упразднены Исполком Коминтерна, Президиум и Секретариат исполкома, Интернациональная контрольная комиссия; назначена комиссия в составе Димитрова, Мануильского, Пика, Тольятти и начальника хозяйственно-оперативного управления ИККИ К. П. Сухарева для «практической ликвидации дел, органов аппарата и имущества Коминтерна». Об этом «Правда» поведала всему миру 10 июня.

Судя по дневниковым записям Димитрова, 12 июня вечером в кремлевском кабинете Сталина собрались Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков,

Микоян, Щербаков, Димитров. Было решено создать в ЦК ВКП(б) отдел международной информации (ОМИ), но при этом фактического руководителя закамуфлировать. Об этом откровенно написал в своем дневнике Димитров: «Чтобы враги не могли использовать тот факт, что Отдел возглавляется Димитровым, решено было назначить Щербакова зав. отделом, а Димитрова и Мануильского заместителями. Это решение не объявлять, а работу Отдела организовать и проводить внутренним порядком».

Принятое в узком кругу решение было оформлено в качестве постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 июня 1943 года. Оформлено, но не сразу «объявлено». Оно включено в протокол № 42 «особой папки», в котором содержатся... декабрьские постановления Политбюро, в следующем виде: «237. — Вопрос т. Молотова. 1. Создать в системе ЦК ВКП(б) отдел международной информации. 2. Заведующим отделом международной информации назначить секретаря ЦК ВКП(б) тов. Щербакова, а заместителями — т.т. Димитрова и Мануильского»⁴. Обращает на себя внимание необычное для решения Политбюро слово «в системе ЦК ВКП(б)». Что бы это могло означать?

Вряд ли Сталина и его ближайшее окружение заботили в то время чисто процедурные вопросы (в Уставе партии, принятом на XVIII съезде в 1939 г., были перечислены все отделы ЦК). Скорее всего имелось в виду иное: новое подразделение — сокращенно ОМИ — подчинялось высшему руководству партии, но как бы не являлось частью аппарата ЦК. Думается, такой шаг был предпринят для сокрытия факта «недороспуска» Коминтерна. Эта версия представляется наиболее близкой к реальности. Дело в том, что 14 июня в кабинете Маленкова Димитров вместе с Щербаковым и Мануильским выясняли, по словам Димитрова, какие конкретно функции предстоит выполнять ОМИ и как «избежать опасности использования противником этого для утверждения, что Коминтерн под другой формой продолжает существовать». После ряда встреч с Маленковым и Щербаковым было решено основные функции по руководству ОМИ передать Димитрову, а вопросы работы среди военнопленных — Мануильскому.

Возникает вопрос: почему июньское постановление политбюро (п. 237) включено в протокол с декабрьскими решениями? Оказывается, следующий пункт 238 представляет собой любопытное своей загадочностью постановление политбюро от 27 декабря 1943 г. следующего содержания: «Вопрос т. Молотова. 1. Образовать Иностраный отдел ЦК ВКП(б). 2. Назначить заведующим Иностраным отделом ЦК ВКП(б) тов. Димитрова, заместителем — тов. Мануильского. 3. Сосредоточить в Иностранном отделе ЦК ВКП(б) все связи, имевшиеся у КИ (принятое в 20-е — 40-е годы сокращенное название Коммунистического Интернационала — Г. А.). 4. Поручить тов. Молотову руководство Иностраным отделом ЦК». Название отдела, повторяющееся во всех четырех пунктах постановления, в последующем не фигурирует ни в одном официальном документе; оно лишь дважды употребляется Димитровым в его дневниковых записях, относящихся к началу 1944 г.: «5.1.44. — С 9 сентября 1943 г. первый раз сегодня поехал на работу [в ЦК]... — Мануильский доложил мне о своих разговорах с Молотовым по работе «иностранного отдела» ЦК. (Зав[едующий] отделом — я, Ман[уильский] — мой заместитель. Связь непосредственно с Молот[овым] — Политбюро). 6.1.44. — У Молотова. Показал мне текст постановления ПБ о создании иностранного отдела ЦК». Судя по этим записям, Димитров узнал о решении политбюро и о своем назначении руководителем отдела спустя десять дней после его принятия. Ни разу более в дневнике не упоминается название «иностранного» отдела, а начиная с марта 1944 г., рассказывая о разработке структуры отдела, Димитров называет его «Отделом международной информации».

В официальных материалах, в том числе докладных записках подчиненных на имя Димитрова и Мануильского, используется название ОМИ (например, в датированной 28 декабря 1943 г. докладной записке Плышевского Мануильскому (Димитров в то время находился в больнице) о структуре «отдела международной информации»). Постановление политбюро от

27 декабря 1943 г. тоже можно было бы отнести к разряду мистификаций. Правда, смущает упоминание «КИ», но ведь имеются в виду лишь его «связи» с компартиями, но никак не структурные подразделения Коминтерна, остатки которых были формально упразднены 8 июня 1943 г. постановлением Президиума ИККИ.

Этим же постановлением была образована «Комиссия по ликвидации дел Коммунистического Интернационала». Первые «приказы по ликвидкому ИККИ» датированы 14 июня, последние — 12 октября 1943 года. Эти приказы готовились на основании указаний Димитрова, служебных записок Белова и Ракоши, письменных запросов руководителей хозяйственных подразделений Управления делами ЦК ВКП(б) и подписывались ответственным секретарем ликвидкома Сухаревым, занимавшим должность начальника ХОУ ИККИ.

За четыре месяца активной работы ликвидкома «нижепоименованные сотрудники, прибывшие из Уфы» (или Куйбышева), в основном из отдела печати и ХОУ, считались «приступившими к исполнению своих служебных обязанностей в Московском аппарате» (ИККИ) — в июне; «отчислены из списков личного состава ввиду перевода на работу в другую организацию» сотрудники аппарата Секретариата ИККИ и различных отделов — в июле — сентябре; «в связи с организацией Института № 99 переведены в штат данного Института» 37 человек — в августе; десятки людей были переведены во вновь созданные Институты №№ 100 и 205, в Издательство литературы на иностранных языках, в Институт мирового хозяйства и мировой политики, во Всесоюзный радиокомитет — в сентябре. Коминтерновские хозяйственники поступили в распоряжение Управления делами ЦК ВКП(б).

В июле 1943 г. постановлением Комиссии по ликвидации дел Коминтерна были переданы: «все хозяйственные объекты ИККИ, в том числе и два здания в Росткино» (в них в 50—90-е гг. находился Институт марксизма-ленинизма), издательство литературы на иностранных языках, архив ИККИ — ЦК ВКП(б); телеграфное агентство «Супресс» — ВЦСПС; «спецобъект в Подлипках (изготовление документов, специальной бумаги, партийной техники)» — наркомату госбезопасности. Были сохранены «радиоцентр с его объектами, студии для национального радиовещания для обслуживания Заграничных бюро компартий и радиосвязи с границей»; ликвидированы «партийная школа для иностранных коммунистических кадров (так наз. техникум № 1) в Кушнаренково» и спецшкола в Мамонтовке.

С 28 июля по 24 августа представители ликвидкома передавали по актам представителям Управделами ЦК ВКП(б): автобазу, общежитие ИККИ «Люкс», подсобные хозяйства «Барыши» и «Пушкино», дома отдыха «Кунцево», «Мамонтовка» и «Планерная», дачное хозяйство «Ильинское», столовые, продуктовую и овощную базы и т. д. В сентябре начальник хозяйственно-оперативного управления ИККИ Сухарев был назначен заместителем Управляющего делами ЦК ВКП(б), а главный бухгалтер ХОУ М. З. Башмаков — заместителем главного бухгалтера Управделами ЦК. Впоследствии и тот и другой обслуживали отдел международной информации, возглавляя «особый аппарат УД ЦК ВКП(б)», который занимался хозяйственным обеспечением специнститутов №№ 100 и 205.

О структуре ОМИ говорится в докладной записке сотрудника ОМИ Плышевского на имя Мануильского от 28 декабря 1943 года. Начинается она довольно необычно: «После ликвидации известного Вам учреждения, функции этого учреждения и личный состав работников распределены следующим образом: 1. Отдел печати, занимавшийся вопросами печатной и устной пропаганды и информацией, выделился в самостоятельный научный институт № 205, основной задачей которого стала радиопропаганда (национальные радиопередачи) и информация (радиоперехват и обработка иностранной прессы)... 2. 1-й отдел, занимавшийся специальными вопросами связи, выделен в самостоятельный Научно-исследовательский институт № 100, с выполнением тех же функций... 3. Хозяйственно-оперативное управление существует как самостоятельный аппарат под названием «Особый аппарат Управления делами ЦК ВКП(б)», в задачу которого входит

хозяйственное обслуживание институтов... 4. Аппарат вновь созданного института № 99 по работе среди военнопленных (антифашистские школы, комитет «Свободная Германия») в хозяйственном отношении обслуживается особым аппаратом УД ЦК ВКП(б)... 5. Телеграфное агентство «Супресс», входившее в Отдел печати ликвидированного учреждения, в настоящее время выделено как самостоятельное с тем же названием и с теми же функциями... 6. Созданы 7 заграничных бюро коммунистических партий: итальянское, немецкое, австрийское, испанское, венгерское, болгарское и чехословацкое... 7. Секретариат т. Г. М. Димитрова, секретариат т. Д. З. Мануильского».

В докладной записке Плышевского не упоминается ни Коминтерн (правда, он незримо присутствует под кодовым названием «ликвидированное учреждение»), ни Отдел международной информации. Если первое обстоятельство понятно, то второе позволяет предположить, что ОМИ продолжал существовать больше на бумаге, чем в конкретной организационной деятельности. Иными словами, полгода спустя после июньского постановления политбюро ОМИ еще не стал полноценным структурным подразделением ЦК.

Спецподразделения на базе бывшего ИККИ. При создании в июле — августе 1943 г. «Научно-исследовательского института № 205» ЦК ВКП(б) поставил перед ним следующие задачи: «1. Предоставление и обеспечение материальной и технической базы для проведения радиопропаганды посредством национальных радиостанций; 2) Практическая организация ежедневных передач, их предварительный контроль и сигнализация руководству в случае обнаружения недочетов и ошибок; 3) Содействие в воспитании и подготовке журналистов, публицистов и пропагандистов в процессе практической работы; 4) Выпуск ежедневного информ[ационного] бюллетеня, специфический характер которого определяется тем, что он должен регулярно следить и изучать все явления международного рабочего движения и борьбы народных масс против фашизма. Бюллетень предназначен для сотрудников Ин[ститу]та, Загранбюро [компартий], а также для центральной советской печати и пропагандистов; 5) Создание архива по вопросам международной политики с особым учетом рабочего движения; 6) Радиопрослушивание в качестве источников информации для обслуживания радиоредакций, Информбюллетеня и Загранбюро». В соответствии с задачами НИИ-205 была определена и его структура; дирекция института, редакция национальных радиостанций, редакция информационного бюллетеня, редакция по подготовке и обработке материалов и справок, сектор радиопрослушивания, бюро переводов и переписки.

Абсолютное большинство сотрудников НИИ-205 (204 человека из 214) составляли работники бывшего Отдела печати и радиовещания ИККИ. Директором специнститута стал бывший заведующий упомянутым отделом Геминдер.

83 сотрудника радиоредакций обслуживали 17 радиостанций, начавших действовать в июле — августе 1941 г.: «Дойчер Фольксзендер» («Немецкая народная радиостанция»), «Ди Хеймат Руфт ди фронт» («Родина зовет фронт»), «Остеррайх» («Австрия»), «Христо Ботев» («Болгария»), «Кошут» (Венгрия), «Им. Костюшко» (Польша), «Романия Либеря» («Свободная Румыния»), «Суомен вапа радио» («Свободное радио Финляндии»), «Слободна Югославия» («Свободная Югославия»), «Франция» (Радио «Франс»), «Эспанья Индепендента» («Независимая Испания»), «Милано Либерта» («Свободный Милан»), «За народни освобозени» («За национальное освобождение» — чешск.), «За словенску слободу» («За словацкую свободу»), «Судетендойчер Фрейхейтсзендер» («Судетско-немецкая радиостанция свободы»), «Норгес Фрихет» («Свободная Норвегия»), Христианское радио (на польском, испанском, итальянском, словацком и немецком языках). Чистое время передач всех радиостанций составляло примерно 23 часа. Передачи транслировались из здания НИИ-205, в котором имелись четыре студии и собственные кабели, которые вели непосредственно в здание Наркомата связи.

По характеру и направленности передач радиостанции можно разделить на три категории: 1) станции, предназначенные для Германии («доказать немецкому народу, что Гитлер ведет Германию к величайшей в ее истории катастрофе, и поднять народ на борьбу против фашистского режима и гитлеровской войны, за свержение гитлеровского режима»); 2) станции, работавшие для вассальных Германии государств («убедить народы в необходимости немедленно порвать с Германией и всколыхнуть их на борьбу против послушных Гитлеру правительств этих стран»); 3) станции для оккупированных Германией стран («побороть настроение выжидания и пассивности и стимулировать народную войну против немецких оккупантов»). Особое место занимала радиостанция «Слободна Югославия», которая считалась станцией штаба Югославской народно-освободительной армии и Антифашистского Вече.

Политическое руководство радиостанциями осуществляли заграничные бюро компартий соответствующих стран, которые давали политические указания и периодически проводили директивные совещания с сотрудниками. Политический контроль над передачами осуществлялся дирекцией НИИ-205. О замеченных недостатках в работе редакций сообщалось заграничным бюро и руководству радиоредакций. Тексты передач с венгерского, румынского, сербско-хорватского, польского, чешского, словацкого, норвежского языков переводились для контроля на русский и немецкий языки. Передачи на остальных языках контролировались непосредственно на языке оригинала. В августе — ноябре 1944 г., по мере освобождения европейских стран от гитлеровской оккупации, была прекращена деятельность большинства радиостанций.

Специнститут № 205 занимался радиопрослушиванием (радиоперехватом) станций Лондона, Берлина, Цюриха, Хельсинки, Осло, Стокгольма, Токио, Бухареста, Нью-Йорка (иногда через Лондон), Будапешта, Братиславы, Праги, Софии, Варшавы, Белграда, Ватикана, Алжира, Анкары, Виши, Бразавиля, Бейрута, Рима, Парижа, Загреба, Мадрида, Чунцина, а также ряда подпольных радиостанций. Сектор радиопрослушивания НИИ-205 снабжал информацией редакции национальных радиопередатчиков и редакцию издаваемого институтом Информационного бюллетеня. Источниками информации служила радиопропаганда Германии и ее союзников, а также радио союзной с СССР Великобритании и нейтральных Швеции, Швейцарии и Турции. Велась практически дословная запись текстов передач прослушиваемых станций (с испанского, китайского и скандинавских языков — протокольная запись). Материалами сектора пользовались сотрудники НИИ-205, ЦК ВКП (б), Загранбюро компартий, НКГБ, Совинформбюро, ТАСС, работники Политического управления Красной Армии, Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, редакций иностранных вещаний Всесоюзного радиокомитета⁵.

НИИ-205 выпускал Информационные бюллетени на русском языке: ежедневное издание (кроме воскресенья) в 255 экз. объемом до 20 страниц и еженедельник специальных изданий в 50 экземплярах объемом от 2 до 5 страниц по вопросам политического положения в зарубежных странах. Периодически выпускались тиражом от 40 до 100 экз. материалы по отдельным вопросам. Например, во второй половине 1943 г. было издано 12 таких материалов, посвященных целям войны и плану послевоенного устройства в Финляндии, Венгрии, Англии, Австрии, Германии, странах Северной Европы, Дальнего Востока, Латинской Америки, а также «итогам хозяйничания немцев в Европе в 1943 г.».

Редакция по подготовке и обработке материалов и справок оказывала оперативную помощь работникам НИИ-205 в получении необходимого им конкретного, подобранного и обработанного материала для печатной и устной пропаганды по общим текущим проблемам борьбы против фашизма, по вопросам Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции. Редакция издавала небольшие специальные выпуски, специальную информацию, готовила справки и краткие материалы по отдельным вопросам, касающимся событий второй мировой войны,

движения Сопротивления в европейских странах, антифашистской деятельности партий и движений различной политической и идеологической ориентации. При редакции были созданы архив и научно-справочный аппарат, дававшие возможность быстро находить хорошо систематизированный материал по требуемому вопросу. В конце июня 1944 г. на правах сектора организационно была подчинена НИИ-205 библиотека ИККИ, до того находившаяся в административном подчинении Управления делами ЦК ВКП(б).

Специнститут № 100 был создан летом 1943 г. на базе первого отдела ИККИ, занимавшегося вопросами специальной связи с коммунистическими партиями. Директором НИИ-100 был назначен бывший начальник первого отдела ИККИ Морозов. В задачи института входило осуществление курьерской связи с компартиями, подготовка документов для «нелегалов», направляемых за границу, отправка «специальных грузов» (оружия, боеприпасов, медикаментов, литературы, шрифтов, матриц, кино- и радиоимущества) для ЦК зарубежных компартий, обеспечение и руководство радиосвязью с этими компартиями, техническое снабжение радиоточек и подготовка кадров радистов для компартий.

Эту работу обеспечивали оперативный отдел (курьерская связь, отправка людей и грузов, подготовка документации), технических отдел (составление инструкций радиосвязи, техническое оснащение корреспондентов радиоаппаратурой, контроль из эфира за работой корреспондентов, приемом и сигналами), объект № 1 (радиопередающий центр, дислоцировавшийся в подмосковном районе Щелково), объект № 2 (радиоприемный пункт, дислоцировавшийся в подмосковном гор. Подольске), объект № 3 (производственно-экспериментальная лаборатория, дислоцировавшаяся в Москве и разрабатывавшая специальную радиоаппаратуру, проводившая экспериментальные исследования в области радиотехники), объект № 4 (специальная школа, дислоцировавшаяся в подмосковном гор. Пушкино и готовившая радиооператоров для компартий Италии, Франции, Финляндии, Испании, Польши, Венгрии, Румынии, Германии, Болгарии, Югославии) ⁶.

После ликвидации 15 марта 1944 г. Центрального штаба партизанского движения, возглавляемого П. К. Пономаренко, специнституту № 100 было поручено снабжение партизанских отрядов, действовавших на территории восточноевропейских стран, вооружением, продовольствием, медикаментами, различными товарами. Эти операции проводились через базы, находившиеся на территории России, Украины и Белоруссии.

Поскольку «Особый аппарат Управления делами ЦК ВКП(б)», обслуживавший специнституты, занимался в основном снабжением продовольственными и промышленными товарами, то в марте 1944 г. было решено, во избежание «срывов в работе», передать вопросы обеспечения НИИ-100 «всей номенклатурой снабжения» непосредственно хозяйственной части ЦК ВКП(б).

В сентябре 1944 г. институт ходатайствовал о награждении медалями «Партизану Отечественной войны» I и II степени и «Организатор партизан» группы лиц, занимавшихся по поручению НИИ-100 в Западной Белоруссии, Западной Украине и Польше «партийной, военно-руководящей и административной работой в партизанских отрядах», организацией переброски партизан, снабжением и вооружением партизанских отрядов, налаживанием постоянной радиосвязи Центра с партизанскими отрядами, подготовкой и техническим обучением партизан. К правительственным наградам были также представлены сотрудники НИИ-100, создавшие в лабораторных условиях «наилучшие в СССР малогабаритные карманные приемники и передатчики не только для условий городской работы, но и для партизанских условий». Этими аппаратами пользовались и сотрудники наркомата госбезопасности.

Ежегодные валютные расходы по Специнституту № 100 составляли около 150 тысяч долларов. Для расширения сети корреспондентов по специальной связи с границей руководство института, по согласованию с Димитровым, в августе 1944 г. готовилось к переброске группы партий-

ных работников вместе с радистами в разные страны: в Германию — одну в Силезию, в партизанский отряд, одну в Гамбург, одну в район Берлина; в Словакию и Чехию — в район Моравской Остравы для связи с партизанскими отрядами и руководства ими; в Финляндию, Северную Норвегию, Болгарию, Румынию, Венгрию, Австрию; через радиопункт в Южной Франции поручалось французским коммунистам установить связь с КП Испании «по ту сторону Пиренеев»; активизировалась связь через Иран — на Ирак, Сирию, Палестину; в связи с необходимостью содержания транзитного пункта в Монголии по курьерской связи с Особым районом Китая, решено было сохранить пункт в Улан-Баторе; были отобраны наиболее подготовленные китайские радисты и переброшены в Шанхай для установления необходимых связей; разрабатывались «конкретные мероприятия» по организации пункта связи в Японии.

Расширяя и укрепляя радиосвязь, НИИ-100 одновременно приступил к развитию также других видов связи (курьерская связь, использование почтовой и телеграфной связи кодом и тайнописью и т. д.).

Работники НИИ-100, как и других советских учреждений, имевших отношение к внешним, зарубежным связям, подвергались особой проверке на благонадежность. В сентябре 1944 г., по результатам деятельности комиссии ЦК ВКП(б), «в целях укрепления аппарата НИИ-100 и упорядочения работы с кадрами» было решено «не принимать на работу в Институт без спецпроверки органов НКГБ». Личные дела работников предстояло «систематически пополнять отзывами, выписками из приказов, характеристиками руководителей объектов». Сектору кадров института предписывалось совместно с партийной организацией института «повседневно изучать поведение работников, изживать среди них излишнюю болтливость, неряшливое отношение к хранению документов, систематически проводить воспитательную работу по вопросам повышения бдительности и сохранения государственной тайны».

«Супресс» — телеграфное агентство ИККИ, обслуживавшее коммунистическую и антифашистскую печать многих стран, летом 1943 г. было переведено на финансовый баланс «Особого аппарата Управления делами ЦК ВКП(б)» и в административном отношении подчинено руководству Отдела международной информации ЦК ВКП(б). Еще в июне — июле 1943 г. Димитров предлагал формально передать «Супресс» ВЦСПС, сохраняя фактическое руководство его деятельностью за ОМИ. Однако руководители советских профсоюзов категорически отвергли это предложение, не желая иметь ничего общего со структурным подразделением формально распущенного Коминтерна. Тем более, что в этот период ВЦСПС развивал свои отношения с Британским конгрессом тред-юнионов, готовясь к намеченной всемирной профсоюзной конференции.

Димитров и Мануильский стремились придать «Супрессу» статус вполне легального предприятия, имеющего общественный, а не государственный характер. В этом случае, по мнению руководителей ОМИ, «вопрос об источнике субсидирования агентства не вызывал бы никаких подозрений, так как всем известно, что ВЦСПС безусловно обладает необходимыми для этого средствами». Димитров и Мануильский предлагали также дать новое название агентству, заново установить все связи со старой клиентурой «Супресса» и обновить за счет новых кадров, в частности из ВЦСПС. Однако, в марте 1944 г. «Супресс» все еще располагался в московской гостинице «Люкс», известной как общежитие бывших работников Коминтерна. Вопрос о передаче «Супресса» под начало ВЦСПС так и не был решен. 1 августа 1944 г. распоряжением Димитрова агентство было ликвидировано.

Все это время «Супресс» возглавлял Ф. Глаубауф, руководивший телеграфным агентством в конца 30-х годов. «Супресс» имел свои корреспондентские пункты в Нью-Йорке, Лондоне, Стокгольме, Алжире, Монтевидео, Мехико, Сантьяго, Гаване, Чунцине и Бейруте, через которые рассылал свою информацию о политическом положении в странах для 170 газет и от которых получал в свою очередь информацию о рабочем

и антифашистском движении. После ликвидации «Супресса» ОМИ продолжал получать телеграфные материалы из нейтральных Швеции и Швейцарии — источников непосредственной информации о положении в Германии и об освободительном движении народов оккупированной Европы. Квалифицированные сотрудники «Супресса» были переведены в НИИ-205, в редакцию Информбюллетеня для обработки периодики и книг, а также в другие учреждения.

Информационные материалы «Супресса» выпускались под следующими рубриками: «Отечественная война советского народа», «Советский тыл», «Дружба народов СССР — торжество сталинской национальной политики», «Работа Советов депутатов трудящихся», «Деятельность профсоюзов», «Женщины в СССР», «Культура и искусство», «Здравоохранение», «Города СССР», «Спорт». Среди авторов агентства были писатели И. Эренбург, Н. Тихонов, К. Симонов, Б. Горбатов, В. Гроссман, А. Караваева, Е. Кригер, В. Вишневский, Б. Ямпольский, М. Шагинян и другие. Авторов статей по соответствующим вопросам выделяли отделы ЦК ВКП(б), ВЦСПС, Политуправление Красной Армии, комитеты кинематографии и по делам искусств.

Специнститут № 99, созданный ранее двух упоминавшихся НИИ, был предназначен для работы среди военнопленных. Директором был назначен М. В. Козлов, работавший прежде в хозяйственно-оперативном управлении ИККИ. Через институт направлялась деятельность Национального комитета «Свободная Германия» и готовились из военнопленных работники для 7-го отдела Политуправления Красной Армии по разложению войск противника. Национальный комитет «Свободная Германия» осуществлял радиопередачи и издавал газету. Выпускались также газеты на венгерском, румынском и итальянском языках. В работе института принимали непосредственное участие руководители германской, венгерской, итальянской и румынской компартий, входившие прежде в состав Комиссии по работе с военнопленными ИККИ.

С течением времени большинство первоначальных функций НИИ-99 отпало. В 1945 г. был ликвидирован Национальный комитет «Свободная Германия». В связи с окончанием войны отпала необходимость в подготовке военнопленных к работе по разложению войск противника, прекратилась радиопередача. С отправкой итальянцев на родину перестала существовать газета для итальянских военнопленных. Из прежних функций за институтом № 99 осталось издание газет на немецком, венгерском и румынском языках и австрийского бюллетеня. Кроме того, институт вел через Красногорскую антифашистскую школу и антифашистские курсы в гор. Юже Ивановской области подготовку «антифашистских кадров» из числа военнопленных. После ликвидации НИИ-99 в октябре 1946 г. его функции были переданы подразделениям МВД СССР.

Особый аппарат Управления делами ЦК ВКП(б) представлял собой сокращенный вариант Хозяйственно-оперативного управления ИККИ. Руководил им бывший начальник ХОУ Сухарев. Особый аппарат УД обслуживал: НИИ-205, расположенный в Ростокино; НИИ-100 с загородными объектами в подмосковных Шелково, Подольске и Мамонтовке; телеграфное агентство «Супресс»; НИИ-99 с загородными объектами в Сходне, Планерной, со школой в Красногорске и курсами в Юже; Загранбюро компартий, расположенные в зданиях Центрального музея имени В. И. Ленина и Института Маркса-Энгельса-Ленина, в Филипповском переулке; специальные школы в Мамонтовке, Сходне, Нагорном; приемную радиостанцию в Пушкино; 2 общежития сотрудников, автобазу, сапожную, пошивочную и столярную мастерские, дома отдыха и дачные хозяйства «Кунцево», «Барыши», «Пушкино», «Планерная», «Ильинское», детские учреждения. Общий контингент, обслуживаемый Особым аппаратом УД, достигал 2500 человек. В самом же Особом аппарате, включая подсобные службы и хозяйства, работало более 600 человек.

Заграничные бюро компартий. При ЦК ВКП(б) действовали заграничные бюро компартий Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Испании, Италии,

Румынии, Чехословакии. Их членами соответственно были Копленег, Виден, Фюренберг, Коларов, Белов, В. Червенков, Ракоши, Й. Реваи (с 1944 г. — Герэ), Пик, А. Аккерман, Ульбрихт, Ибаррури, Р. Видиэлья, Тольятти, Фимен, Паукер, Готвальд, Шверма, Копецкий. В начале 1944 г. было создано Центральное бюро коммунистов Польши, призванное помогать Польской рабочей партии, ее местным органам в политических вопросах, в развитии партизанского движения, в содействии выработке «правильной линии» Союзом польских патриотов, для руководства радиостанцией «Им. Костюшко» и для работы в польских воинских формированиях на территории Советского Союза.

Димитров и Мануильский по просьбе руководителей Загранбюро оказывали помощь и поддержку в организации движения Сопротивления, в вооружении партизанских отрядов, в работе среди военнопленных, в частности, в формировании из них воинских частей для участия в боях с вермахтом после вступления Красной Армии на территории их стран. Руководители Загранбюро согласовывали с Димитровым составы центральных комитетов, организационные и тактические вопросы в быстро менявшихся условиях в их странах, решали финансовые проблемы. Так, в ноябре 1944 г., в связи с отъездом Ибаррури и Гальего во Францию, был поставлен вопрос о необходимости «специальных расходов для их устройства и для работы т. Долорес на Испанию в размере до 5000 американских долларов». Для членов Загранбюро и руководящих работников компартий периодически организовывались краткосрочные курсы. Занятия курсов проходили в Центральном музее Ленина.

Формирование Отдела международной информации и его аппарата. К концу 1943 г. ОМИ и его аппарат еще не были сформированы. Специнституты №№ 205, 100 и 99, телеграфное агентство «Супрес» действовали достаточно самостоятельно, хотя ОМИ должен был осуществлять над ними руководство. Дело в том, что Димитров длительное время находился в больнице. С 27 января по 18 июля 1944 г. он по одному — два месяца проводил в больнице, а в последующие месяцы нередко один день работал в здании ЦК, другой — дома. Все это не могло не влиять на задержку решений вопросов организации работы ОМИ, в том числе укомплектования его аппарата.

В течение двух месяцев шла интенсивная работа над проектом структуры и штатов отдела. 15 марта этот документ был послан Молотову, а 8 апреля от него получен ответ: «Согласен». Всего в штате отдела на этом этапе предусматривался 41 человек: заведующий, два его заместителя и их помощники, инструкторы, референты, зав. сектором иностранных кадров и т. д. Однако в докладной записке Мануильского и Л. С. Баранова Маленкову от 30 апреля говорилось, что в ОМИ, «который находится в стадии комплектования, в настоящее время работают 22 человека... В связи с тем, что перед отделом сейчас поставлены дополнительные задачи по осуществлению контроля и повседневной помощи советской печати, а также советскому радиовещанию в освещении международных вопросов внутри страны и в ведении контрпропаганды за рубежом, возникла необходимость увеличить штат Отдела до 85 человек, вместо ранее запланированного 41 человека».

К 12 июня 1944 г. был завершен и направлен Молотову проект Положения о задачах и организационной структуре ОМИ. В нем были перечислены основные задачи отдела: 1. Руководство пропагандой и контрпропагандой, ведущейся из СССР нелегальными радиостанциями для заграницы, а также обеспечение рабочей и антифашистской печати за рубежом информацией о Советском Союзе и о международном рабочем движении. 2. Поддержание связи и содействие антифашистским деятелям и организациям оккупированных стран и стран, воюющих против СССР, имеющим свои представительства и группы в Советском Союзе. 3. Оказание помощи профсоюзным, культурно-просветительным организациям и научным учреждениям Советского Союза в деле развития и укрепления связи с соответствующими организациями и учреждениями союзных и нейтральных стран.

4. Информация ЦК ВКП(б) о борьбе антифашистских организаций и общественных деятелей за рубежом, а также о политическом положении отдельных стран. 5. Контроль и наблюдение за подготовкой кадров международников для работы в СССР и за границей.

При доработке проекта Положения, после замечаний Молотова, 23 июня первый пункт звучал в несколько иной редакции: «Руководство пропагандой и контрпропагандой, ведущейся из СССР неофициальными радиостанциями для заграницы», вторая часть абзаца была снята. На каком-то этапе обсуждения возникло предложение назвать ОМИ «Управлением». Именно с учетом этого пожелания и был подготовлен очередной проект Положения и приложенный к нему проект постановления ЦК «от... июля 1944 г.». На последнем проекте в левом верхнем углу листа знакомый почерк «тов. Жданову. Прошу ознакомиться и сообщить В[аши] замечания. М[ожет] б[ыть] лучше оставить Отдел, а не Управление. В. Молотов. 12.VII.»⁷.

В окончательном тексте Положения отмечалось, что для выполнения возложенных на него задач ОМИ руководит Институтом № 205 и его радиовещанием на вражеские и оккупированные врагом страны; руководит Институтом № 100, осуществляющим связи с заграницей; руководит деятельностью «Издательства литературы на иностранных языках» и заботится о распространении издаваемой этим издательством литературы за границей; осуществляет контроль за деятельностью ВЦСПС по вопросам установления и развития связи с профсоюзами иностранных государств, а также оказывает помощь в работе ВОКСа; выявляет и учитывает кадры международников (журналистов, пропагандистов, культурных и профсоюзных работников, а также иностранные кадры антифашистских деятелей, находящиеся в СССР); осуществляет контроль и наблюдение за постановкой дела подготовки и переподготовки кадров международников в институтах, школах, на специальных курсах.

В Положении устанавливалась следующая организационная структура Отдела международной информации ЦК ВКП(б). ОМИ, возглавляемый заведующим и двумя его заместителями, имел следующие сектора: а) Англо-американский (Англия и ее доминионы, США и страны Латинской Америки); б) Славянских и балканских стран (Польша, Чехословакия, Югославия, Болгария, Румыния, Греция); в) Средней Европы (Германия, Австрия, Венгрия, Швейцария и Голландия); г) Западной и Южной Европы (Франция и ее колонии, Бельгия, Люксембург, Испания, Португалия, Италия); д) Скандинавских стран (Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания); е) Среднего и Ближнего Востока (Турция, Египет, Ирак, Иран, Афганистан); ж) Тихоокеанских стран (Япония, Китай, Голландская Индия, Индия, Малайя).

Отдел имел также сектор информации, сектор кадров, секретариат, шифровальную часть и машинописное бюро. Всего в аппарате ОМИ по штатному расписанию числилось 86 человек, но в 1944—1945 гг. постоянно имелись вакансии.

Как показывают документы, Положение и различные варианты его проектов как бы отделяли аппарат отдела от руководимых им специнститутов, не включенных в его организационную структуру. Судя по дневниковым записям Димитрова, Положение об ОМИ и руководство отдела были окончательно утверждены 22 сентября 1944 года. В тот же день в кабинете Молотова речь шла «о работе отдела, о его укомплектовании кадрами, о его месте в системе аппарата ЦК, его взаимоотношениях с секретарями ЦК и пр.». Анализ задач и структуры ОМИ позволяет сделать вывод: хотя в последующие годы отдел менял свои функции (29 декабря 1945 г. ОМИ был переименован в Отдел внешней политики, а 23 декабря 1948 г. — в Отдел внешних сношений), однако неизменным оставалось заложенное в 1944 г. правило: ЦК партии контролировал международную работу государственных, общественных, культурных и научных учреждений и организаций.

Не дожидаясь окончательного утверждения Положения об ОМИ, Ди-

митров в качестве заведующего отделом подписал «Распоряжение № 1 в связи с прекращением с 1 августа деятельности «Супресс», датированное 17 июля (в своем дневнике 18 июля он записал: «После продолжительного времени сегодня снова начал работать в ЦК. Тяжеловато, но видимо на этот раз срыва не будет...»). До конца 1944 г. было выпущено более 20 распоряжений по ОМИ, специнститутам, которые касались строительства в Пушкино приемной станции с целью обеспечения радиоперехвата для НИИ-205; распределения обязанностей между референтами отдела по странам; выделения НИИ-100 в самостоятельную административно-хозяйственную единицу с непосредственным подчинением Отделу международной информации ЦК ВКП(б); организации партийной школы-курсов на 35 человек для переподготовки среднего звена партийных кадров Компартии Германии; ликвидации объекта № 5 (Уфимский радиопередатчик как объект НИИ-100 до 15 октября); распределения обязанностей между заместителями заведующего ОМИ А. С. Панюшкиным, Пономаревым и Барановым; работы НИИ-205; работы Издательства литературы на иностранных языках; расстановки сотрудников ОМИ по секторам; порядка пользования материалами НИИ-205 аппаратом ОМИ; Положения о Секретариате ОМИ и других вопросов.

Таким образом, завершилось окончательное формирование Отдела международной информации и его аппарата, длившееся более года. В течение многих десятилетий считалось, что история Коминтерна завершилась с формальным роспуском этой международной коммунистической организации в июне 1943 года. Однако открытые в последние годы документы архивов ЦК КПСС показывают, что Коминтерн был «недораспущен», его структурные подразделения трансформировались в так называемые «специнституты», или «научно-исследовательские институты», №№ 205, 100, 99, телеграфное агентство «Супресс» и т. д., создававшиеся летом 1943 г. при ЦК ВКП(б). Им были переданы кадры и функции коминтерновских отделов: работа с военнопленными, курьерская связь с ЦК зарубежных компартий, отправка для последних оружия, боеприпасов, литературы, шрифтов, обеспечение и руководство радиосвязью с компартиями, нелегальное радиовещание на различные страны мира. Хотя решение политбюро о создании Отдела международной информации ЦК ВКП(б) было принято в июне 1943 г., его формирование завершилось фактически через год (в основном ввиду болезни заведующего ОМИ Г. Димитрова) принятием Положения об ОМИ.

Примечания

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 495, оп. 18, д. 1335, л. 1.
2. Там же, оп. 65, д. 132.
3. Там же, д. 131.
4. Там же, ф. 17, оп. 162, д. 37, л. 112. 5 июля 1944 г. политбюро приняло следующее постановление «О народном комиссаре иностранных дел УССР»: «1. Ввиду того, что имеется большое стремление иностранных государств продвинуть своих представителей в советскую Украину, ЦК ВКП(б) считает, что было бы целесообразно иметь на посту Народного Комиссара Иностранных Дел Украины такого товарища из украинцев, который владел бы иностранными языками. 2. В связи с этим ЦК ВКП(б) рекомендует ЦК КП(б)У и СНК УССР назначить на пост Народного Комиссара Иностранных Дел УССР тов. Мануильского, члена ЦК ВКП(б), владеющего иностранными языками, или кого-либо другого, имеющего такие же данные, как тов. Мануильский, а тов. Корнейчука — освободить от обязанностей Наркома Иностранных Дел УССР и назначить его, например, Председателем Комитета по делам искусств при СНК УССР».
5. Там же, ф. 17, оп. 128, д. 1011, л. 145 - 146.
6. Там же, л. 37 - 42.
7. Там же, ф. 77, оп. 4, д. 14, л. 1.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Энвер-паша

Д. И. Вдовиченко

Энвер-паша вошел в историю Турции как крупный государственный деятель и одновременно шовинист и авантюрист. Его биография полна драматических и колоритных эпизодов, связанных с общим процессом ослабления Османской империи вследствие утраты ею многих владений и упадка ее отжившего, средневекового военно-феодального строя. Осуществлявшиеся в Турции XIX в. преобразования были непоследовательными, нерешительными, запоздалыми, а правители страны, трусливые и бездарные султаны, своей политикой еще более усугубляли бедственное положение. В результате некогда могущественная империя превратилась в полуколонию великих держав ¹.

Реформы в сфере культуры и просвещения при Махмуде II в середине XIX в. способствовали появлению небольшой прослойки интеллигенции с буржуазно-либеральными взглядами, вышедшей из полуфеодальной и бюрократической среды. Начав с издания патриотической газеты, она затем основала тайную организацию «Новые османы», цель которой заключалась в том, чтобы добиться установления конституционного строя. Но заговор был раскрыт и часть его участников арестована, другим удалось бежать за границу. Видный государственный деятель того времени Мидхат-паша разделял их конституционные взгляды и, используя свое положение, добился согласия нового султана, Абдул-Хамида II (сына султана Абдул-Меджида и придворной танцовщицы) обнародовать составленную им конституцию. Официально она была опубликована в декабре 1876 года. Перемены длились недолго, султан после начала войны с Россией в 1877 г. разогнал парламент, Мидхат-пашу сместили с поста и по приказанию султана убили. Начался продолжавшийся почти 32 года период самодержавного правления Абдул-Хамида, «восточного Маккиавелли», как его охарактеризовала интеллигенция.

Именно в его правление страна превратилась в полуколонию с низким уровнем экономического и социально-политического развития. Опасаясь прогрессивных идей, султан ввел всеохватывающую систему доносов, часто практиковал ссылки и казни. Во внутренней политике господствующей идеологией стал панисламизм. Именно Абдул-Хамид первым начал в Турции проводить политику геноцида армянского народа. Султан непрерывно лавировал, замедляя или вовсе отказываясь от проведения реформ и во владениях на Балканах, и в Восточной Анатолии. Той

Вдовиченко Дмитрий Иванович — кандидат исторических наук, доцент.

порой Германия стала оказывать все большее влияние на политику Османской империи. Кайзер Вильгельм II неоднократно подчеркивал, что Германия — сторонница целостности Османской империи и «покровитель всего мусульманского мира».

Поражение империи в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. показало отсталость ее армии. А после франко-прусской войны 1870—1871 гг. султан и его сановники считали именно Германию обладательницей сильнейшей армии в Европе. Это сыграло решающую роль в приглашении военной миссии генерала К. фон дер Гольца для реформирования турецкой армии и подготовки европейски обученного офицерского состава. Турецкие офицеры направлялись для прохождения службы также и в Германию, а после возвращения в Турцию их называли просто немецкими офицерами². Лично же для Абдул-Хамида все это имело непредвиденные последствия. Рост европейски образованного офицерского состава способствовал усилению оппозиционных взглядов. Такие же настроения бытовали в реформированных военных школах. Как раз среди учащихся военных школ возродилось движение за ограничение султанского самодержавия. Оно проявилось в образовании тайной организации «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»). Время от времени организация подвергалась разгрому, затем снова восстанавливалась.

Террор против ее членов — младотурок, как их называли в Европе, заставил их перенести свою деятельность за границу. В 1900 г. отделение «Иттихада» образовалось и в турецкой Македонии, в армейских частях. Из таких молодых офицеров вышли и те двое, чья деятельность оказала потом решающее влияние на судьбу страны: Энвер и Мустафа Кемаль. Отец первого был небогатым служащим в ведомстве общественных работ. Кроме Энвера в семье были еще трое детей: Нури, тоже ставший военным, Кямиль и сестра. Значительно позже Энвер выпускал прокламации, в которых провозглашал себя сейидом, то есть потомком пророка Мухаммеда. Имеются, однако, реальные сведения о том, что предок Энвера был гагаузом православного вероисповедания, служил крымским ханам, принял ислам, женился на одной из придворных в Бахчисарае, а после завоевания Крыма Россией переселился в Дунайские княжества. Так что никакого отношения к потомкам пророка Энвер не имел. Он лишь использовал самозванно свой тезис для собственного возвеличения³.

Родился он 22 ноября 1881 г. в Стамбуле. В г. Монастир (Македония), куда переехала семья, Энвер по окончании начальной и средней школы поступил в военный лицей. Там он учился весьма средне и по завершении учебы получил звание лейтенанта. Военное образование Энвер завершил в Военной академии Генерального штаба, которую окончил в 1903 г. в звании капитана. Получив назначение в Монастир, он вначале командовал артиллерийской батареей, затем батальоном, в 1906 г. стал майором и вступил в связанное с «Иттихадом» тайное общество «Ватан ве хюрриет» («Родина и свобода»). Там он проявлял большую активность и принимал участие в террористических акциях против посылавшихся Абдул-Хамидом в Македонию пашей с целью ликвидации революционных организаций. Осенью 1907 г. его направили по служебной линии в Румелию (Южная Болгария) для борьбы с четниками — болгарскими партизанами. Между тем парижский и македонский центры «Иттихада» усилили подготовку переворота. Серьезным ускорителем дела явилась революция 1905—1907 гг. в России и начавшиеся там перемены. Однако решающую роль сыграло соглашение, подписанное в Ревеле 8 июня 1908 г. царем Николаем II и английским королем Эдуардом VII о реформах в Македонии. Оно рассматривалось в «Иттихаде» как путь к разделу Османской империи. «Известие об этом соглашении, — писал турецкий историк, — вызвало среди офицеров в Македонии впечатление разорвавшейся бомбы» ... В такой атмосфере и произошла младотурецкая революция 1908 года.

По решению монастирской организации заговорщиков Энверу было поручено с отрядом солдат удалиться в горы и поднять знамя антисултанского восстания. Находясь в горах, Энвер обратился к населению

с обещанием бороться до конца за дело свободы: «Я всем пожертвовал, сражаясь против абсолютизма и за права народа. Если нужно, не пощажу и своей жизни». Такие обращения к населению способствовали росту его отряда, численность которого достигла нескольких тысяч человек. Спустившись с гор, 10 июля 1908 г., на митинге с участием мусульман, солдат, четников и православных священников, после трехкратного залпа из орудий Энвер провозгласил от имени повстанцев восстановление конституции в Турции. Началось братание христиан с мусульманами. Командующему войсками в Македонии Энвер послал телеграмму, в которой пообещал: «Мы вылечили больного [империю]. Болгарские соотечественники с нами. Чтобы не допустить напрасного пролития крови, соблаговолите выполнить наши требования»⁴. Так майор Энвер стал Героем свободы. Комитетом «Иттихада» он был приглашен в Салоники, где его встретили тысячи людей. Когда поезд с Энвером остановился, раздались пушечные залпы. Из толпы выкрикивали: «Да здравствует Герой свободы майор Энвер-бей!». От имени «Иттихада» его приветствовал другой известный младотурок, Талаат, вручивший ему подарки. Члены комитета говорили ему: «Ты, Энвер, стал Наполеоном!». Эти слова он помнил всю жизнь. Современники отмечали, что в комнате, где он жил, висел портрет Наполеона и стояла его же статуэтка.

Абдул-Хамид, потерпев неудачу в попытке использовать против восставших в Македонии воинские части из Анатолии, вынужден был 23 июля 1908 г. объявить о восстановлении конституции 1876 года. А известность, которую приобрел тогда Энвер, породила в нем веру в свою «особую судьбу» и его «божественное предназначение», приобретя мистический оттенок. Будучи по психологическому складу человеком деятельным, но со средним интеллектом, он в последующие годы еще больше укрепился в мнении о своей «избранности». Оно вызывало в нем особенный прилив энергии. Это способствовало тому, что началось быстрое восхождение его к власти. Энвер был приглашен «для знакомства» в Берлин, где он находился вплоть до контрреволюционного переворота 31 марта 1909 г., когда ему пришлось срочно вернуться в Салоники и принять участие в свержении с престола Абдул-Хамида. Новым султаном стал слабовольный и дряхлый Мехмед V. А Энвер остался на два года военным атташе в Берлине.

Там его восхищение немецкой армией, ее дисциплинированностью, уровнем подготовки и вооружением усилилось. Немалый интерес к Энверу испытывали высшие правительственные и военные чины Германии. Он не раз посещал аристократические салоны. Проявлял к нему благосклонность и кайзер Вильгельм II, ведший себя так, словно Энвер был турецким принцем. Османскую империю кайзер публично именовал «Энверланд» (страна Энвера). Затем такую надпись немцы делали на вагонах с оружием — пушками Круппа и винтовками фирмы Маузер, которые отправлялись в Турцию⁵.

Следующие два года стали для Османской империи временем «малых войн». После нападения Италии на турецкую Триполитанию Энвер, надеясь на помощь всего мусульманского мира, вместе с братом Нури и дядей Халилем направился в Северную Африку для отражения итальянской агрессии. Но, не получив помощи со стороны местных арабов, не желавших османской власти, успеха не добился. В результате империя потеряла Триполитанию с Киренакой. Эти потери ослабили влияние «Иттихада», и партия проанглийской ориентации «Хюрриет ве итиляф» («Свобода и согласие») совершила переворот, став ненадолго у власти.

В начавшейся в октябре 1912 г. I Балканской войне империя снова понесла территориальные потери. Но теперь ими воспользовался «Иттихад». На тайном заседании комитета по предложению Энвера, ставшего к тому времени подполковником, было решено свергнуть проанглийское правительство Кямиль-паши. И в январе 1913 г. Энвер, явившись с группой офицеров к великому везиру, заявил: «Нация не желает видеть вас на этом посту. Подавайте в отставку». Передав султану заявление Кямиль-паши об отставке, Энвер добивается назначения на пост великого везира члена

комитета, германофила, ученика генерала фон дер Гольца Махмуда Шевкет-паши. Через полгода Шевкет-пашу убили, и тогда же вспыхнула II Балканская война. Энверу поручили командование корпусом, который вступил в г. Адрианополь (Эдирне), оставленный болгарскими войсками. Он получил прозвище «Спаситель Эдирне» (также: «Спаситель отечества»). Так он увеличил свою популярность. Султан вручил ему высокий орден Меджиди. Но Энвер хотел большего — стать военным министром, и это ему удалось. Несмотря на возражения великого везира, египетского принца Саид-Халим-паши, в декабре 1913 г. Энверу присвоили звание полковника, а 1 января 1914 г. он стал пашой (то есть генералом), был назначен военным министром и начальником Генерального штаба. Ему было тогда 34 года. Породнился он и с султанским двором, женившись на 15-летней племяннице Абдул-Хамида, от брака с которой имел двух дочерей и сына. Переехав в султанский дворец, Энвер стал вести образ жизни принца, полюбил восточный оркестр и увеселительные игры. Он носил звание вице-генералиссимуса (генералиссимусом был султан) ⁶.

Его усилия как лица, ставшего самым влиятельным членом кабинета, были направлены на подготовку к войне. В Турции находилась тогда немецкая военная миссия, третья по счету, генерала Лимана фон Сандерса. В Генштабе страны почти все должности были заняты немцами. Энвер, омолаживая офицерский состав, увольнял старых служаков и тех, кто выступал против участия армии в политике. Активный политикан, новый военный министр стал ярким пропагандистом идей пантюркизма — объединения под эгидой Турции всех тюрков. Проповедником этой идеологии был социолог Зия Гекальп. Энвер оказывал ему полную поддержку, стремясь сочетать его взгляды с панисламизмом — единением всех мусульман. Им была основана из молодых офицеров «стратегии Турана» («Особая организация») для осуществления «стратегии Турана» — слияния в Туранском (то есть общетурецком) государстве Кавказа, Ирана, Средней Азии, Поволжья и Крыма. Эта организация принимала потом активное участие в армянской резне 1915 года. Она поддерживала тесные связи с шейхами и другими религиозными деятелями в Алжире, Тунисе, Египте, Средней Азии, Иране, Афганистане, Индии и на Кавказе. Туда тайно ехали эмиссары Энвера.

В правительстве Турции теперь играл решающую роль триумвират военного министра Энвер-паши, министра внутренних дел Талаат-паши и морского министра Джемаль-паши. Остальные члены кабинета были простыми фигурантами. Когда 1 августа 1914 г. вспыхнула мировая война, 2 августа стамбульское правительство объявило о своем нейтралитете, но в тот же день заключило секретное соглашение о военном союзе с Германией, и Энвер подписал его. 10 августа немецким крейсерам «Гебен» и «Бреслау» разрешили войти в Дарданеллы, а 25 октября, по указанию Энвера — и в Черное море. Вместе с турецкими кораблями они вскоре подвергли бомбардировке порты Одессы и Севастополя. Так Османская империя вступила в первую мировую войну. Авантюризм «триумвиров» во главе с Энвером заключался в том, что слабую в экономическом и военном отношении страну они втянули в авантюру. В первой же (и последней) операции, которой непосредственно руководил Энвер в той войне, проявилась его тактическая и оперативная неграмотность. Он командовал армией, которая в Восточной Анатолии должна была прорвать русские укрепления и захватить Закавказье. В ходе Сарыкамышского сражения (декабрь 1914 г.) его армия потеряла 90 тыс. солдат убитыми, замерзшими в горах, ранеными и пленными. После этого поражения Энвер уже не осмеливался более командовать войсковыми соединениями непосредственно на поле боя.

Провалом закончился и поход Джемаль-паши через Сирию для освобождения Египта от англичан. Лишь на Иракском фронте турки добились временных успехов. Тем не менее, вплоть до конца войны Энвер пользовался доверием в правительстве и расположением султана. Немцы, с которыми он согласовывал все планы военных операций, использовали особенности его характера — несдержанность, отсутствие такта, преувеличенное самомнение и тщеславие. Генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург отмечал

даже отсутствие у Энвера знаний основ военного искусства. Но берлинское начальство ценило его за верность союзу с Германией, и генерал-квартирмейстер штаба верховного командования Э. Людендорф полагал, что сохранение Энвера в правительстве является залогом того, что «Турция останется с нами до конца»⁷.

На Энвере и его сподвижниках лежит главная вина за геноцид против греков (в западнотурецких городах), ассирийцев (в Восточной Турции) и христиан-армян. Особенно тяжело досталось последним. Сохранившийся от древности и средневековья территориальный «армянский клин» разрывал «тюрокскую непрерывность» в Закавказье. Армян обвинили также в предательстве турецких интересов и пособничестве русской армии. Мобилизованных в турецкую армию армян разоружили, расчленили на небольшие отряды и перебили. Кроме того, было уничтожено много мирного населения, а сотни тысяч человек депортированы. Погибли 1,5 млн армян и 0,5 млн ассирийцев. Их имущество разграбили, дома сожгли. Когда Берлин попытался несколько урезонить своего союзника, Энвер ответил: «Я делаю то же, что немцы сделали с поляками».

Триумvirат во главе с Энвером после Октябрьской революции в России и Брестского мира, под которым от Турции стояла подпись великого везира Талаат-паши, решил осуществить теперь «стратегию Турана». По личному плану Энвера была создана «Армия ислама» во главе с Нури-пашой, предназначенная для вторжения в российский Азербайджан. Когда турецкие войска на всех фронтах уже отступали, «Армия ислама» в июне 1918 г. сокрушила только что возникшую Аракскую республику в Нахичевани, а затем, обойдя Карабах, вошла 15 сентября 1918 г. в Баку. Ее пребывание там сопровождалось кровопролитием, резней, погромами и расхищением имущества. Погибло еще 30 тыс. армян. Но Энверу не удалось ни превратить Азербайджан в отдельную монархию, ни присоединить его к Турции. Получив сообщение своего дяди Халиль-паши о невозможности обеспечить его проезд в Баку, где Энвер намеревался прочно обосноваться, он сообщил всем командующим армиями о собственной отставке⁸.

С подписанием 30 октября 1918 г. перемирия на борту английского крейсера «Агамемнон» (в порту Мудрос о-ва Лемнос в Эгейском море) закончились военные действия между державами Антанты и Османской империей. Для Турции война имела тяжелые экономические, политические и территориальные последствия. Одновременно выявился провал пантюркизма и панисламизма. Еще 9 октября, после вынесения руководством комитета «Иттихад ве теракки» недоверия кабинету, Талаат-паша подал в отставку. На состоявшемся затем последнем съезде этого комитета Талаат признал: «Наша политика потерпела поражение. Поэтому не представляется возможным, чтобы мы в какой бы то ни было форме сохранили власть». Это признание бывшего великого везира, однако, не означало его отказа от стремления вновь прийти к власти.

Пока что члены триумvirата продолжали жить в Стамбуле на положении частных лиц. А державы-победительницы приступили к оккупации частей империи. Под контроль Англии перешли Стамбул, район проливов и Мосул; Франции — Киликия и Александретта; Италии — Анталья. Затем подконтрольные этим державам районы продолжали расширяться. В мае 1919 г. Греция высадила войска у Измира. По Стамбулу ходили английские, французские и итальянские солдаты. На рейде в Босфоре стояли чужие военные корабли, чьи орудия были направлены на султанский дворец Долмабахче. Гибельные для страны последствия политики иттихадистов вызвали всеобщую ненависть к ним. Опасаясь за свою жизнь, бывшие триумvirы по предложению немцев бежали на подводной лодке 5 ноября за рубеж.

Энвер в последнюю минуту хотел попытаться пробраться на Кавказ, где еще находились, как ему казалось, остатки Восточной армии и Исламской армии под командованием его родственников — дяди Халиль-паши и Нури-паши, младшего брата Энвера. Но так как теперь в Закавказье хозяйничали англичане, это отпугнуло его, и он присоединился к Талаату

и Джемалю. После высадки в Крыму эти двое отправились в Берлин, а Энвер захотел вновь попытаться проникнуть в Закавказье. Проведя три дня на утлом суденышке в беспокойном Черном море, а потом высадившись в Грузии, он не сумел пробраться в Азербайджан и вернулся в Крым, откуда поездом добрался до Берлина. Там немецкие власти предоставили приют бывшим правителям союзного государства⁹.

Триумвиры уже на первых порах попытались установить контакты с французами, но потерпели неудачу. Державы-победительницы требовали выдачи бывших турецких правителей. Последние приняли меры предосторожности. Энвер стал носить псевдоним «профессор Али», под которым он позднее проживал даже в Москве. Несмотря на полулегальное положение, трое пашей строили планы осуществления исламских революций в Сивилье, Афганистане, Иране и на Северном Кавказе, оставаясь политическими авантюристами. А их бывшие друзья, немецкие генералы, обращали внимание прежних союзников на необходимость поиска Германией нового друга в лице Советской России. Иттихадистам тоже представился вскоре случай познакомиться с одним из видных большевиков, журналистом К. Радеком, который приехал в Берлин в конце 1918 г., чтобы оказать помощь становлению Коммунистической партии Германии¹⁰.

После подавления Ноябрьской революции 1918 г. и убийства в январе 1919 г. К. Либкнехта и Р. Люксембург обстановка в Германии в корне изменилась. К власти пришли правые социал-демократы. Радек оказался в тюрьме. Узнав о его аресте, Талаат и Энвер решили использовать это как повод для установления контактов с ним, причем Талаат был знаком с ним еще со времени переговоров о мире в Бресте (март 1918 г.) когда Радек входил в состав советской делегации как сотрудник Народного комиссариата по иностранным делам. Иттихадисты трижды посетили его в тюрьме. Их беседы позволили Энверу принять предложение Радека, в связи с ненавистью Советской России к странам Антанты, приехать в Москву для обсуждения проекта создания направленного против британского империализма пакта колониальных и зависимых стран. Затем Талаат приложил усилия добиться от берлинских властей, чтобы был освобожден Радек. Последнего осенью 1919 г. под чужим именем на самолете переправили в Москву. А среди трех пашей обязанности были распределены следующим образом: роль объединителя иттихадистов в Европе возложили на Талаата, для чего создавались «группы поддержки». Предполагалось учреждение информационного центра в Нидерландах. Коренная часть Советской России должна была стать местом деятельности Энвера. Джемаль отбывал в Туркестан, Афганистан и Индию¹¹.

Возникшее в мае 1919 г. национально-освободительное движение в Центральной Анатолии под руководством Мустафы Кемаль-паши побудило иттихадистов активизировать свою деятельность. У них появилась надежда вернуться даже в Турцию и перенять бразды правления от Кемалья. Однако между Талаатом и Энвером имелись разногласия. Талаат считал необходимым поддержать освободительное движение в Анатолии и после изгнания греческих войск создать новую политическую партию, а затем установить полный контроль в правительстве и стране. Энвер полагал, что за контроль следует бороться уже сейчас. Он опасался, что потом это окажется невозможным. Но в главном их взгляды совпадали. Талаат составил программу поддержки освободительного движения в Турции тюркоязычными народами России, хотя и признавал трудности, которые возникнут при ее проведении. Он полагал, что политика большевиков в отношении национальных окраин России будет такой, что она позволит иттихадистам свободно действовать в Средней Азии и на Кавказе.

Иттихадисты, готовясь к переговорам с большевистским руководством, выработали принципы, которых они придерживались затем для обеспечения своих целей, как-то сочетая их с большевистской революционной программой освобождения угнетенных народов Востока: 1. Спасение «исламских наций»; 2. Борьба против европейского империализма; 3. Принятие идей социализма при условии, что во внутренней политике

освобожденных стран не должны затрагиваться религиозные основы их строя; 4. Освобождение исламских стран через охват их революционным движением с применением любых средств борьбы¹². Иттихадисты надеялись при этом получить также поддержку образованного в Москве (март 1919г.) III Интернационала (Коминтерна). Одновременно завязалась переписка между иттихадистами и Кемаль-пашой. Инициатором переписки стал Талаат, который, развивая идеи панисламизма, полагал, что отпавшие от Османской империи арабы забудут турецкое угнетение и тоже станут участвовать в «общем деле». Большие надежды Талаат возлагал и на Энвера, пользовавшегося влиянием в мусульманском мире. Он сообщал Кемалю, что постепенно налаживаются связи с некоторыми лицами в Туркестане, Азербайджане и на Северном Кавказе, но для обеспечения нормальной работы необходимо достичь твердого соглашения с большевиками. Талаат специально упомянул о своих контактах с Радеком, чтобы побудить Кемалю использовать этот канал при переговорах с большевиками.

Письмо Кемалю было послано 22 декабря 1919 г., а последний ответил на него 29 февраля 1920 года. Кемаль сообщал о трудностях организации освободительной борьбы, целях Антанты в Турции, возможной позиции меджлиса и падишаха в связи с мирным договором, который может быть навязан победителями. Главную опору освободительному движению Кемаль видел в Советской России. Что касается мусульманских стран, то их позиции он придавал второстепенное значение; «связи же с большевиками мы будем постепенно развивать... Это определяется как внутренними причинами, так и характером и направлением внешнеполитических отношений». В целом Кемаль дал ясно понять, что не иттихадисты в Берлине, а именно Анкара будет вести переговоры с большевиками. Но учитывая материальные трудности Представительного комитета в Анкаре, Кемаль как его председатель просил Талаата оказать анкарскому правительству денежную помощь¹².

Между тем султанское правительство, чтобы отмежеваться от триумvirата, передало их дело в трибунал. Судьи вынесли трем пашам жесткий приговор — смертная казнь через повешение. Так они наказывались за исторические неудачи, постигшие империю. Июльский (1919 г.) приговор не обескуражил троицу, уповавшую на лучшее будущее. И после возвращения Радека в Москву туда же направился Джемаль, описавший затем в письме Кемалю свои впечатления о встречах в большевистской столице. Он выступал в Москве, претендуя на то, что говорит от имени анкарского правительства, но жаждал псевдонимности. Наркомат иностранных дел РСФСР выдал ему удостоверение «Представителя Анатолийского революционного правительства» на имя Таш Темуров. Его дальнейшая цель заключалась в поездке в Афганистан для подготовки мусульманской армии, затем — в Индию с идентичной целью. Он вел там резкую антианглийскую пропаганду, чтобы обеспечить себе возможность сближения на этой почве с российскими Советами.

Теперь и оставшийся еще в Берлине Энвер прилагал усилия к тому, чтобы ускорить свой отъезд в Советскую Россию, но ему не везло. Трижды он пытался по воздуху добраться до Москвы, но каждый раз что-нибудь случалось: то самолет совершал вынужденную посадку, то садился не там, где нужно, попадая в Восточную Прибалтику. Его арестовывали и сажали там то в одну, то в другую тюрьму. И каждый раз немецкие генералы, прежде всего командующий рейсхвером Х. фон Сект, добивались его освобождения. Наконец, весной 1920 г. поездом и вместе с группой своих сторонников Энвер прибыл в Москву. Тут ему и его «штабу» предоставили под место жительства особняк князей Голицыных, перешедший в собственность НКВД. Официально его миссия именовалась «Миссией Али-бея» и получила дипломатический статус, хотя никакого правительства реально не представляла. Периодически Энверу выдавались ссуды в 500 тыс. немецких марок, которые использовались для содержания штаба, а часть средств посылалась в Стамбул политической организации «Каракол», находившей-

ся под влиянием Энвера. Через Радека, занимавшего тогда видный пост в Коминтерне, Энвер познакомился с рядом лиц в советском правительстве и руководстве большевистской партии. Он побывал на приемах у В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Г. В. Чичерина, заместителя Троцкого по Реввоенсовету Республики Э. М. Склянского, заместителя народного комиссара по иностранным делам Л. М. Карахана. Познакомился с иностранными коммунистами, включая Б. Куна.

В ту пору деятельность Энвера в Москве поддерживалась советской властью, имевшей на него некоторые виды. Ему удалось провозгласить основание «Союза революционных исламских обществ». Сообщения об активности официального преступника Энвера в Москве, поступавшие в Анкару, беспокоили Кемалья. Ведь еще осенью 1919 г. Кемаль обратился к правительству Советской России с приветствием, пожеланием установить дружественные отношения между двумя странами — жертвами Антанты и объединить усилия для борьбы с западным империализмом. В ответном письме советское правительство заявило, что оно «протягивает руку дружбы всем народам мира» и «с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведет турецкий народ за независимость», почему и будет «счастливым заложить прочный фундамент дружбы». Представительный комитет сначала не имел своего посланника в Москве. В октябре 1919 г. для установления таких связей в Москву был направлен Халиль-паша («товарищ Халиль», как его стали называть в Москве). Он приехал туда весной 1920 г., передал Чичерину соответствующее письмо Кемалья и занялся главным делом — обеспечить потребности создававшейся в Анатолии освободительной армии кемалистов оружием, военным снаряжением и денежными средствами. Так в Москве очутились два родственника — паши, деятельность которых была нацелена на создание условий возвращения в Турцию иттихадистов¹⁴.

Но Кемаль знал, какую опасность для турецкого национально-освободительного движения может представлять Энвер, бездарный военачальник, чрезвычайно амбициозный человек, ловкач в политических интригах и авантюрист. В свое время Энвер как глава военного ведомства препятствовал возвышению Кемалья, полковника, ставшего известным всей стране после того, как он лично способствовал провалу англо-французской операции 1915 г. по захвату Дарданелл. Назначенный пашой и занимая потом высокие посты в турецкой армии, Кемаль резко выступал против назначения немцев на командные должности в обход более достойных, на его взгляд, турецких военных. А продвигал немцев именно Энвер. В 1917 г. Кемаль предложил султану лишить Энвера звания вице-генералиссимуса, но безуспешно. Таким образом, антагонизм Кемалья и Энвера был связан и с объективными, и с субъективными причинами.

Рядовые турки винили тогда во всех несчастьях их страны и всех бедах

как раз иттихадистов. Их называли даже гяурами (то есть неверными). Слово «иттихадчи» (член организации «Иттихад») было адекватно тогда слову «изменник родины». Зная об этих настроениях, Кемаль на Сивасском съезде обществ «Защиты прав Восточной Анатолии» предложил принять постановление о запрете деятельности комитета «Иттихад ве теракки» на всей территории Турции. Оно было принято и подтверждено общей клятвой. Кроме того, еще на съезде тех же обществ в Эрзуруме (июль 1919 г.) Кемаль выразил отрицательное отношение и к пантуркизму, и к панисламизму, поскольку эти течения не оправдали себя¹⁵.

Усилия Кемалья были направлены на то, чтобы показать народу неспособность часто менявшихся в Стамбуле правительств защищать интересы родины. В условиях, когда падишах является «пленником неверных», сам народ должен найти средства освобождения от нависшей над существованием Турции угрозы. Трусливый султан Мехмед был озабочен прежде всего сохранением трона, а не несчастьями страны. К народу он относился с нескрываемым презрением, называя его «стадом баранов, которым нужен чабан. А таким поводырем являюсь я». В противовес султану Кемаль беспрестанно требовал национального объединения для спасения страны от иностранного порабощения. В качестве примера такого единения он ссылался на Советскую Россию, трудящиеся которой перед угрозой иностранной интервенции «единодушно поднялись против этих попыток установления мирового господства». Провозглашавшийся Кемалем принцип национального суверенитета вызвал подъем патриотизма и осознания народными массами того, что не отдельные личности, хотя бы и султан, а сам народ может и должен добиться независимости¹⁶.

Между тем разгром белых Красной Армией и установление советской власти в Дагестане, Азербайджане и Армении привели к тому, что Советская Россия стала соседкой Турции. Обеспеченный тыл был очень важен для ведения успешной борьбы турок с западными оккупантами. В свою очередь РСФСР была заинтересована в прочности своей закавказской границы. С весны 1920 г. анкарское правительство, еще до установления дипломатических отношений, получало от большевиков помощь оружием, боеприпасами, амуницией и золотыми рублями. Даже злейшие противники большевистского режима среди депутатов меджлиса считали тогда, что необходимо укреплять добрые отношения с Советской Россией.

Однако глава анатолийского правительства Кемаль был озабочен деятельностью иттихадистов в Москве. В их поддержке советским руководством он усматривал желание иметь козырь, чтобы оказывать на Анкару давление в желательном для большевиков направлении. Это дополнялось лицемерными заявлениями Энвера о поддержке им идей социализма в «соединении с исламом» и стремлении бороться с колониальным угнетением. Анкара была в отдалении от Москвы, а Энвер находился рядом, часто встречался с членами советского правительства. К тому же Кемаль вовсе не разделял идей большевизма. Наконец, Кемаль опасался, что Энвер, проникнув в Анатолию, при помощи своих сторонников в меджлисе (их насчитывалось до 40) станет добиваться сохранения старых политических институтов, султаната и халифата. Такой исход дела означал бы отказ от преобразований в государственном устройстве Турции. С другой стороны, как полагал Кемаль, имелась и опасность распространения коммунистической идеологии с ее классовым подходом, и это вызвало бы раскол среди турецких землевладельцев, шейхов, улемов, средних и мелких предпринимателей, низшего духовенства и в крестьянских массах.

В Турции уже возникали левые организации прокоммунистического толка. Действовала «Зеленая армия», которая имела связи с коммунистическими центрами в Москве, Баку и выпускала в Турции журнал «Новая жизнь». При полномочном представительстве советского Азербайджана в Анкаре читались лекции о коммунистическом движении и было открыто отделение Коминтерна. Тогда Кемаль, в тактических целях, поспособствовал основанию Коммунистической партии Турции. В нее вошли и некоторые депутаты меджлиса. Эта акция, предпринятая в октябре 1920 г. (то есть

уже после состоявшегося в сентябре I Конгресса народов Востока в Баку), должна была показать, что идеи, исходящие от Коминтерна, воспринимаются не только иттихадистами, но и кемалистами в Анкаре¹⁷.

На официальную делегацию анкарского правительства для переговоров с Москвой была возложена задача подготовить и подписать договор о дружбе и братстве с Советской Россией. Вместе с делегацией выехало посольство во главе с Али Фуад-пашой (Джебесоем). Ему поручили сообщать в Анкару о всех шагах, предпринимаемых Энвером. В начале переговоров советское правительство пригласило Энвера, хотя и не члена делегации, к участию в переговорах. Карахан передал «товарищу Халилию» пожелание советского руководства насчет желательности присутствия там, вместе с делегацией из Анкары, Энвера, «поскольку его участие... будет полезным». Как стало известно позднее, еще в Берлине (сентябрь 1919 г.), когда в Анкаре только формировалась новая власть, начались тайные переговоры о заключении турецко-советского договора. В те месяцы Москва полностью ориентировалась именно на иттихадистов как возможных будущих руководителей Турции и злейших врагов Антанты¹⁸.

Энвер же в своем письме в Анкару, посланном в августе 1920 г., приводил теперь различные аргументы в доказательство своей преданности делу освобождения страны и своего желания служить ей и дальше. Письмо начиналось высокопарно: «Господин брат мой!». Пребывание в России он объяснял стремлением объединить вокруг своих идей ее мусульманское население: «Я приехал сюда с целью создать организацию, объединяющую мусульман. Встретившись с руководящими советскими представителями, я обнаружил, что наши взгляды совпадают. Они вынуждены будут вместе с Вами бороться против Англии». Он сообщил также о положении дел в Берлине, где иттихадистами образован «Комитет исламской революции и свободы», и о Ташкенте, где такую же организацию возглавил Джемаль. В ответе Энверу Кемаль, тоже начав с обращения «Брат мой!», сразу же употребил выражение «Анкарское правительство», подчеркнув, что только оно полномочно решать все вопросы внутренней и внешней политики и что освободительное движение не имеет ничего общего с попытками Энвера использовать панисламизм, поскольку враги, в свою очередь, используют этот лозунг для нанесения ущерба освободительному движению в Турции и разрушения ее связей с Востоком¹⁹.

На I Конгресс народов Востока в Баку Энвер ехал из Москвы в одном поезде с Зиновьевым и Радеком, имел с ними продолжительные беседы. Руководство Коминтерна, говоря об отсутствии пока что твердой базы распространения коммунистических идей на Востоке, отмечало, что прямая пропаганда таких идей может вызвать в общественном мнении восточных стран неприятие коммунизма; зато следует использовать для борьбы с капитализмом объединенные силы ислама. О предстоящем прибытии в Баку представителей Коминтерна вместе с Энвером узнал командующий Восточной армией Турции Карабекир, и он тотчас предложил направить в Баку для участия в работе конгресса также представителя от анкарского правительства и, кроме того, послать в Азербайджан дипломатическую миссию. Рекомендации Карабекира были оперативно выполнены, причем особое беспокойство в окружении Кемалья вызывало как раз участие Энвера в работе конгресса²⁰.

В Анатолии местное коммунистическое движение рассматривалось как «Движение за новый иттихад». Кемаль еще в середине 1920 г., выступая в меджлисе, заявил «Наш принцип, народность, известен. Это не большевистский принцип. Большевистские принципы не могут быть навязаны нашей нации, мы об этом никогда не думали и никаких попыток в этом направлении не предпринимали». Но пока что требовалось показать некую заинтересованность в успехе бакинского мероприятия.

А то, что произошло потом в Баку, Кемаль предвидел. Туда съехалось более 1800 делегатов. Турция имела наиболее представительную делегацию — 235 человек. В нее входили тремя группами энверисты, кемалисты и турецкие коммунисты. На открывшемся 1 сентября конгрессе

с приветственной речью выступил председатель ревкома и Совнаркома Азербайджанской Советской республики Н. Нариманов, подчеркнувший необходимость единения Коминтерна с народами Востока, где усиливается движение против империализма. Значительное место в его выступлении заняла критика политики Кемалю как не коммуниста, которому тем не менее по политическим соображениям предоставляется помощь. По мнению Нариманова, одной из целей Кемалю являлось освобождение от врагов «священной особы султана-халифа», тогда как главная цель движения состояла в том, чтобы «ликвидировать власть султана и вместо нее установить власть Советов»²¹.

Выступление Нариманова было понято Энвером так, что не только в Москве, но и в Азербайджане одобрительно оценивают его деятельность. Конгресс вообще стал для Энвера трибуной выражения его идей, пропаганды перед широкой аудиторией своих антиимпериалистических взглядов. А на заседании 7 сентября, в последний день конгресса, Зиновьев заявил, что на нем присутствуют два хорошо известных политических деятеля, хотя и не являющиеся делегатами; они представили в президиум свои декларации, которые будут зачитаны и опубликованы. Первое передано Энвер-пашой, второе — представителем азиатского турецкого народного правительства Ибрагимом Тали. В декларации Энвера, начинавшейся с обращения «Товарищи!», выражалась благодарность за приглашение на конгресс от имени всех борцов против империализма. Тут же Энвер оправдывал политику старого стамбульского правительства, у которого «отсутствовали завоевательные планы», а в войну Османская империя вступила якобы лишь с целью защиты своей независимости. Он отрицал также наличие каких-либо недобрых намерений относительно Азербайджана. Далее, в заслугу своего прежнего правительства он поставил участие в войне против царской России, поскольку это, ослабляя ее, способствовало приходу большевиков к власти. Себя он назвал «искренним и настоящим союзником Третьего Интернационала», ибо «наши принципы сходны с принципами Третьего Интернационала». Наконец, он выразил надежду, что конгресс придаст новую силу освободительной борьбе в Турции и что эта борьба должна закончиться успехом. В заключение Энвер представил себя как посланника союза революционных организаций Марокко, Алжира, Туниса, Ливии, Египта, Аравии и Индии, которые готовы «использовать все революционные средства... чтобы сломать зубы хищному империализму»²².

Его декларация не встретила, однако, единодушной поддержки участников конгресса. Лидер турецких коммунистов М. Субхи (он возглавлял образованную в Советской России из военнопленных турок еще одну Коммунистическую партию Турции) резко выступил против Энвера, заявив, что тот вовсе не революционер, а лицо, сотрудничавшее с германским империализмом. Пока зачитывалась декларация Энвера, коммунисты выкрикивали: «Ему место не на конгрессе, а... на скамье подсудимых». Иную оценку Энверу дал Зиновьев, взявший его под защиту и представивший его как деятеля, верного принципам Коминтерна²³. Затем зачитали заявление представителя анкарского правительства Тали, отличавшееся спокойной тональностью. В нем говорилось о результатах мировой войны, в которую Турция была втянута международным империализмом, приведшей ее к истощению. В этих трудных условиях турецкий крестьянин взял за оружие, чтобы защитить свою страну от иностранного порабощения. Его внутренние враги — лакеи и аватюристы, паразитирующие чиновники и бюрократы. Касаясь Советской России, Тали заявлял, что «анатолийские революционеры направили свои взоры на Солнце, порожденное красной революцией». Искренность анкарского правительства проявилась в посылке делегации в Москву, и оно искренне примет руку помощи, протянутую ему Советской Россией.

Президиум конгресса предложил на утверждение резолюцию, в которой упоминалось лишь о заявлении Энвера, но не о заявлении представителя анкарского правительства. То есть руководство Коминтерна показы-

вало, что действительным представителем борющейся Турции оно признает Энвера. Вдохновленный Энвер выехал в Берлин, чтобы вместе с Талаатом определить конкретные меры по возвращению иттихадистов в Турцию. Из Берлина Энвер пишет в Москву Халилю с поручением добиться письменного разрешения Троцкого и Чичерина на формирование двух кавалерийских дивизий из представителей мусульманских народов Средней Азии, Поволжья и Закавказья и с передачей их под его командование для направления в Анатолию ради отражения наступления греческих войск. Энвер направил также в Анкару свою агентуру для установления контактов с его сторонниками в межджиесе и вне него. Но все они были арестованы кемалистами²⁴.

Министр иностранных дел анкарского правительства Б. Сами-бей, направлявшийся в феврале 1921 г. в Лондон для участия в конференции по пересмотру кабального для Турции Севрского договора по итогам мировой войны, встретился в Берлине с Талаатом, откровенно изложившим план возвращения в Турцию. Министр был удивлен претензиями иттихадистов и заявил Талаату: «Вы подумайте о том, что вы натворили, и поймете, что права на возвращение в страну вы не имеете». А в марте 1921 г. армянским студентом, членом организации «Дашнакцутюн», Талаат был убит в Берлине, после чего руководство иттихадистами перешло к Энверу. В Москве же Халиль не смог добиться от советской власти согласия на передачу Энверу воинских формирований. Карахан прямо заявил Халилю, что «мусульманских воинских соединений ... Россия не даст», и отклонил предложение поддержать Энвера, с тем чтобы он стал во главе анкарского правительства, а Кемаль будет его заместителем²⁵.

Хотя эта часть плана Энвера рухнула, он продолжал давить на правительство Анкары целенаправленными письмами. Так, он направил Кемалю письмо о желании основать в Анатолии партию левого направления, подобную «Союзу исламских революционных обществ», но не коммунистического характера, для совместной с коммунистами борьбы против империализма. Ответа он не получил. В другом письме Энвер сообщал, что договорился с Караханом о передаче 200 тыс. царских рублей для оказания помощи правительству Великого Национального Собрания Турции. Зато Кемаль дважды протестовал перед советским правительством против вмешательства иттихадистов в переговоры с Москвой. Первый раз, в июле 1920 г., он писал в Москву, что «Талаат, Энвер и Джемаль не имеют никаких полномочий вмешиваться в политические дела правительства и что полномочными представителями являются только министр иностранных дел Бекир Сами-бей и министр экономики Юсуф Кемаль (Тенгиршенк)». Позже, летом 1921 г., анкарское правительство вновь и в самых резких выражениях заявило протест Москве в связи с тем, что поддержка Энвера и отношения с ним нарушают дружественные контакты Москвы с Анкарой²⁶.

В марте 1921 г. Энвер через Москву проехал на Кавказ пропагандировать идею организации Партии народных советов для борьбы за создание государства, в котором соединятся монархия, халифат и советы. В Батуме прошла нелегальная конференция энверистов, а их сторонники обосновались в Трабзоне (Трапезунд). Там возникло даже их правительство, собиравшее налоги с населения. Энвер направил свое последнее письмо Кемалю, в котором предлагал собственные услуги. Письмо заканчивалось словами: «Мы вернемся». Большую активность проявлял Халиль, курсировавший между Трабзоном и Батуми. Когда об этом узнал Кемаль, он тут же сообщил в Трабзон о лишении Халиля любых полномочий вести какие-либо переговоры с советскими властями и о высылке Халиля из страны. Халиль и брат Энвера Нури уехали в Германию. Энвер же остался в Батуми, ожидая приглашения от Кемала. Но оно так и не поступило. Наоборот, Кемаль дал указание усилить контроль на границе, чтобы воспрепятствовать тайному переходу ее иттихадистами²⁷.

Существенно укрепил позиции Кемалю советско-турецкий договор о дружбе и братстве, заключенный 16 марта 1921 года. Он заложил основы

добрососедства двух стран, тем более что по особому соглашению Азербайджану как этнически близкому Турции региону передали вскоре населенную армянами, азербайджанцами и курдами Нахичевань для установления непосредственной турецко-азербайджанской границы. А в сентябре 1921 г. битва на р. Сакарья между новой турецкой армией и греческой армией завершилась победой турок, и греческий поход на Анкару с целью сломить «сопротивление анатолийских банд» провалился. Кемаль, командовавший турецкой армией во время битвы, решением меджлиса получил чин маршала и титул «гази» (победитель). Улучшилось и международное положение Турции, поскольку был практически похоронен кабальный для нее Севрский договор 1920 г. с Антантой и создавались более благоприятные предпосылки переговоров о замирении со странами той же Антанты. Советское правительство тоже изменило свои взгляды на события в Турции, сделав окончательный выбор в поддержке твердого Кемалья, а не сомнительного Энвера.

После Сакарыйской битвы Энвер потерял надежду на возможность своего возвращения в Турцию в связи с упрочением положения Кемалья и хотел уехать в Среднюю Азию, к прежним мусульманским сподвижникам, но его отговорили, поскольку этот отъезд сразу же вызвал бы беспокойство советских властей. И, по возвращении в Москву, Энвер направил в Бухару группу близких ему турецких офицеров с письмами руководителям басмаческих отрядов и с напечатанными в Берлине журналами панисламистского характера. А уж за ними последовал Энвер. Он снял военную форму, переделался в гражданскую одежду, сел ночью на поезд и направился сначала в Баку, откуда окружным путем, через Иран и Афганистан, 4 октября 1921 г. прибыл в Бухару. В его жизни закончились первая ее часть (восхождение к власти) и вторая (заигрывание с социализмом в годы эмиграции) и началась последняя. Энвер предпринял попытку «стать новым Тимуром», «Наполеоном в Азии». Оправдались слова некоторых лидеров II (Бернского) и «Двухполовинного» (Венского) Интернационалов (эти организации слились в 1923 г. в Социалистический интернационал), которые при встречах с руководителями Коминтерна не раз говорили: «Разве вы не понимаете, что все эти Энвер-паши и У Пейфу вас снова и снова предадут»²⁸.

Любопытные сведения о пребывании Энвера в Средней Азии содержатся в книге лидера башкирского национального движения А.-З. Валидова, ушедшего в 1920 г. из Советской России в Туркестан и после переезда в Турцию носившего имя Зеки Велиди Тоган. Возглавляя в годы гражданской войны Башкирскую автономную республику, он после разрыва с большевиками организовал Туркестанский национальный комитет, ставивший целью объединение соперничавших в Средней Азии различных басмаческих отрядов. Приезд туда Энвера у большинства руководителей этих отрядов не вызвал восторга. Это объяснялось тем, что в присланных ранее Энвером номерах журнала «Знамя ислама» («Лива-Ислам») имелись статьи, не только призывавшие к объединению исламского мира для борьбы со странами Антанты, но и пропагандировавшие соглашение с советской властью. А это противоречило идее басмаческого движения. О взглядах иттихадистов, впрочем, и прежде было известно ишанам, предводителям басмачей, которые встречались с Джемалем и Халилем, посещавшими Бухару, Ташкент и другие города. Обращаясь к Джемалю, они писали: «Вы не должны выдавать нас русским»²⁹.

Валидов был уполномочен своим комитетом вести переговоры с Энвером. Они проходили в бухарском доме афганского посла, начались 23 декабря 1921 г. и длились несколько дней. Тут же было получено сообщение, что большевики не допустили в Бухару возвращавшегося из Афганистана Джемалья: его пересадили на поезд, шедший в Ташкент, и затем отправили в Москву. Это вызвало беспокойство у Энвера. А в Москве о тайном отъезде Энвера узнали лишь спустя две недели. Чтобы выяснить причину, в Наркоминдел неоднократно приглашали турецкого посла Али Фуада, который заявил, что, по известным ему словам Энвера, тот решил «выполнить свой последний долг»³⁰.

В ходе переговоров Валидов пытался выяснить цель приезда Энвера и чем тот может быть полезен. Энвер был несколько удивлен таким приемом. «Как мне сказали, — говорил ему Валидов, — вы хотите присоединиться к басмачам. Это один путь. Другой — дорога в Афганистан. Русские вам не разрешат, но мы вам поможем в этом». Иными словами, валидовцы хотели бы, чтобы Энвер развернул дальнейшую деятельность вне Туркестана. В последующие дни переговоров обсуждали вопрос, где целесообразнее, с точки зрения безопасности, находиться Энверу. Берлин отпал, так как там Энвера могла постигнуть участь Талаата. Энвер попытался выяснить, почему Валидов против его перехода к басмачам. Валидов приводил в ответ различные аргументы: что эта борьба имеет внутренний характер, хотя они и рассчитывают на помощь извне; такая помощь может не поступить, если страны Антанты узнают об участии Энвера в басмаческом движении, поскольку на Западе считают его как бы новым кайзером Вильгельмом II; таким же он остается в глазах русских, особенно белых, а это создает дополнительные трудности в борьбе за свободу Туркестана.

Валидов убеждал Энвера переехать именно в Афганистан, но не заниматься там делами индийских мусульман, так как это тоже может осложнить ход событий в Средней Азии, и утверждал также, что панисламизм и пантюркизм, которые проповедовались иттихадистами, «не находят здесь поддержки». Свое возражение против участия Энвера в басмаческом движении Валидов объяснял еще и тем, что в Туркестане уже имеется масса фидаев (борцов за веру), и освобождение страны — это только их дело³¹.

Руководители басмаческих отрядов, встречавшиеся ранее с Джемалем и Халилем, считали планы последних поднять восстания против британского господства в Афганистане и Индии несбыточными и авантюристическими. Они ясно представляли себе цели иттихадистов, не особенно интересовавшихся надеждами туркестанцев и ставивших своей задачей лишь формирование, хотя бы и с помощью советского руководства, мусульманских дивизий для направления их в Турцию. Такие же чувства они испытывали к Энверу. Валидов пришел к заключению, что Энвер не учитывает «всех складывающихся жизненных обстоятельств и событий. Ни с какими материалами о Туркестане, географическими и статистическими, на европейских и русском языках он не знаком». Энвер же продолжал настаивать на своем решении присоединиться к басмачам: «Если победим, стану гази. Если не победим, то погибнем за веру». Стать гази Энвер собирался, возглавив Среднеазиатское мусульманское государство³².

В конце концов Туркестанский национальный комитет решил позволить Энверу присоединиться к басмаческому движению. Вместе с 30 турецкими офицерами Энвер выехал на север от Бухары. Оттуда поступили сообщения в комитет, что басмачи встретили его настороженно. Сначала ему передали небольшой отряд. Но после первого же успеха в стычках с Красной Армией он сумел присоединить к себе другие отряды.

Энвер выпускал прокламации, которые подписывал: «Заместитель эмира Бухары, зять халифа, сейид Энвер» и заказал себе печать с титулом «Верховный главнокомандующий всеми войсками ислама, зять халифа и потомок Мухаммеда». Он обратился к Валидову с предложением организовать антисоветское восстание в Казахстане, но вскоре выяснилось, что это невозможно. Потом Энвер перебрался в Таджикистан, но и там подвергся своеобразному карантину и с некоторым трудом присоединился к одному из руководителей басмачей, действовавшему в районе юго-восточнее Дюшамбе (Душанбе). Постепенно его силы выросли до 50 тыс. штыков и сабель. Энвер поставил под свой контроль Дюшамбе и Карши. 19 мая 1922 г. он послал в Москву письмо с требованием эвакуировать советские войска из Туркестана, а сам организовал поход на Бухару³³.

После этого большинство таджиков и афганский эмир отвернулись от Энвера. А Красная Армия нанесла по басмачам ряд ударов. Паша отступал в сторону Афганистана. Разбитый в июне возле Байсуна, он был настигнут у Бальджуана, уже на афганской границе. 4 августа 1922 г. в горах, во время столкновения с красноармейским отрядом, Энвер погиб. Он уже знал, что

в Тифлисе был убит дашнаками Джемаль. Что касается Энвера, то имеются данные о том, что, когда с басмачами столкнулись сотрудничавшие с Красной Армией армянские дружины, формировавшиеся из беженцев, один из дружинников опознал Энвера и лично расправился с ним³⁴.

В Анкаре знали о действиях Энвера в Средней Азии, но это уже не вызывало беспокойства у кемалистов. Напротив, его гибель посчитали закономерной. После судебного процесса в Турции над другими энверистами в 1926 г. их приговорили к смертной казни. В годы второй мировой войны немецкая агентура в Турции попыталась гальванизировать пантюркизм, используя для того в качестве проводника былой идеи прежнего командующего кавказской Исламской Армией Нури, брата Энвера, но особой удачи не нискала³⁵. Последовал лишь символический жест: 25 февраля 1943 г. (спустя два десятилетия после перезахоронения в Эрзуруме тела Джемала) из Берлина в Стамбул переслали прах Талаата. И только в июле 1996 г. из Таджикистана перевезли в Турцию останки Энвера.

Примечания

1. OZAL TURGUT. *Turquie in Europe and Europe in Turquie*. Lnd. 1991.
2. СИЛИН А. С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. М. 1976, с. 22—23. См. также: МАНДЕЛЬШТАМ А. Н. Младотурецкая держава. М. 1915.
3. ŞEVKET SUREYYA AYDEMİR. *Makedonya' dan Ortaasya'ya Enver paşa*. Istanbul. 1972, s. 488.
4. *Ibid.*, s. 180—183, 491—492, 552. 5. *Ibid.*, s. 501; Natirati Niyasi. Istanbul. 1909.
6. ŞEVKET. *Op. cit.*, s. 385, 404; DOĞAN AVCIOĞLU. *Milli kurtuluş tarihi 1838'den 1969'ya*. Istanbul. 1974, s. 89.
7. ŞEVKET. *Op. cit.*, s. 502, 521, 536.
8. ШАМСУТДИНОВ А. М. Участие султанской Турции в интервенции против советской России в 1918 г. — Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. XIV, 1956, с. 158; ŞEVKET. *Op. cit.*, s. 470—471.
9. МИЛЛЕР А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М. 1948, с. 68; SEMAL KUTAY. *Atatürk ve Enver paşa hadiseleri*. Istanbul. 1956, s. 19—20.
10. *Belleten*, c. XLIV, N 174, nisan 1980, s. 314; DOĞAN AVCIOĞLU. *Op. cit.*, s. 492.
11. *Belleten...*, s. 405.
12. UĞUR MUMCU. *Turan yolunda olanlar*. — *Cumhuriyet*, 12 subat 1990; *Belleten...*, s. 330.
13. *Belleten...*, s. 337; DOĞAN AVCIOĞLU. *Op. cit.*, s. 495, 499.
14. МИЛЛЕР А. Ф. Ук. соч., с. 103; DOĞAN AVCIOĞLU. *Op. cit.*, s. 485.
15. DOĞAN AVCIOĞLU. s. 529; *Belleten...*, s. 332.
16. ŞEVKET SUREYYA AYDEMİR. *Tek adam Mustafa Kemal (1919—1922)*. Istanbul. 1964, s. 224; МИЛЛЕР А. Ф. Ук. соч., с. 104.
17. METE TUNÇAY. *Türkiye de sol akımlar (1908 - 1925)*. Ankara. 1967, s. 74—89.
18. ALI FUAD CEBESÖY. *Moskova hatırloları*. Istanbul. 1964, s. 166; РАДЕК К. Пять лет Коминтерна. Ч. I. М. 1924, с. 209.
19. SEMAL KUTAY. *Op. cit.*, s. 34, 35. 20. *Cumhuriyet*, 12 subat 1990.
21. METE TUNÇAY. *Op. cit.*, s. 114; *Cumhuriyet*, 30 kasım 1991.
22. *Cumhuriyet*, 2 aralık 1991. 23. DOĞAN AVCIOĞLU. *Op. cit.*, s. 510.
24. ŞEVKET SUREYYA AYDEMİR. *Tek adam Mustafa Kemal*, s. 384.
25. *Belleten...*, s. 346; DOĞAN AVCIOĞLU. *Op. cit.*, s. 524.
26. SEMAL KUTAY. *Op. cit.*, s. 34; DOĞAN AVCIOĞLU. *Op. cit.*, s. 391.
27. *Cumhuriyet*, 12 subat 1990; ŞEVKET SUREYYA AYDEMİR. *Tek adam Mustafa Kemal*, s. 497, 448.
28. *The Encyclopedia of Islam*. Vol. II, fasc. 33. Leiden. 1963, p. 701; DOĞAN AVCIOĞLU. *Op. cit.*, s. 394; РАДЕК К. Ук. соч. Ч. II. М. 1924, с. 99.
29. ZEKI VELİDİ TOĞAN. *Hatıralar*. Istanbul. 1969, s. 384.
30. ALI FUAD CEBESÖY. *Op. cit.*, s. 174.
31. ZEKI VELİDİ TOĞAN. *Op. cit.*, s. 395, 388.
32. *Ibid.*, s. 392, 394. 33. *The Encyclopedia of Islam*. Vol. II, fasc. 33, p. 701.
34. *Новое время*, 1996, № 35, с. 39. 35. SEMAL KUTAY. *Enver paşa Lenin'e karsi*. Istanbul. 1988, s. 110—112; Криминал, М., 1992, № 3, с. 141.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Записки для немногих

А. В. Головнин

Увольнение князя Суворова от должности петербургского генерал-губернатора и его оправдательная записка (1866 год)

Некоторые лица из недоброжелателей петербургского генерал-губернатора князя Суворова воспользовались событием 4 апреля 1866 г., чтоб разными путями выставить государю, что при слабом управлении слишком доброго князя Суворова составились в Петербурге обширные злоумышленные общества, которых полиция не преследовала и что сверх того самая должность генерал-губернатора в Петербурге есть должность совершенно лишняя и составляет тягость для городского бюджета, а полиция, особенно политическая часть оной, требует совершенного преобразования.

Вследствие этого в том же апреле должность генерал-губернатора была упразднена, князь Суворов уволен от должности без всякого знака монаршего благоволения или признательности (например, рескрипта), из Варшавы вызван тамошний генерал-полицеймейстер Трепов и назначен петербургским обер-полицеймейстером с подчинением по делам политической полиции новому шефу жандармов и начальнику тайной полиции графу Шувалову. Тогда же начались действия Следственной комиссии под председательством графа Муравьева для изыскания всех отраслей преступного замысла и обнаружения зла в самом корне.

Князь Суворов почувствовал себя весьма оскорбленным и не скрывал своего неудовольствия и огорчения, говоря открыто, что с ним было поступлено крайне несправедливо. Он дождался окончания действий помянутой Следственной комиссии и учрежденного вслед за нею Верховного уголовного суда и представил государю чрез императрицу в начале декабря 1866 г. записку, в которой доказывал неосновательность обвинений против бывшего городского начальства Петербурга в бездействии и в том, что оно будто не очистило столицу от накопившихся в ней вредных политических элементов. В этой записке князь Суворов указывает напротив, что действиями городского начальства и полиции с конца 1861 до весны 1866 г., т. е. во время его управления Петербургом, столица была именно очищена от этих элементов, проявившихся с силою в 1861 г., и очищена настолько, что комиссия графа Муравьева, которая действовала в самых обширных размерах и не стеснялась никакими законами и формами, ничего не могла найти заслуживающего сколько-нибудь внимания, Петербург оказался вовсе не заключающим в себе того накопления вредных политических элементов, тех многочисленных злоумышленников того вредного настроения, о которых с такою уверенностью говорил граф Муравьев и которые обещал раскрыть.

В записке князя Суворова есть некоторые весьма любопытные данные. Так например, из нее видно, что в 5¹/₂ месяцев 1866 г. по распоряжению графа Муравьева:

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, №№ 1—2, 4—6, 9—10; 1997, №№ 1—7.

1) Преданы были Верховному уголовному суду из жителей Петербурга только трое, а именно: Кобылин, Никольский и Худяков. Из них первые два признаны судом невинными и освобождены от всякого преследования, а третий, Худяков, признан виновным в издании вредных книг, в знании о существовании в Москве тайного революционного общества и в сношениях с заграничными агитаторами.

2) Произведено было в Петербурге в течение одного апреля 450 обысков и привлечено к следствию из жителей Петербурга до 1200 лиц. Это доказывает в каких огромных размерах действовала комиссия и какую массу бумаг взятых у помянутых лиц пересмотрела.

3) Из числа означенных 1200 лиц комиссия арестовала 130, а все остальные были освобождены от следствия и дела о них прекращены.

Относительно этих 130 лиц в записке князя Суворова говорится: «При таком положении дела весьма естественно является вопрос: какой же именно вредный элемент найден комиссией графа Муравьева в составе петербургского общества и кто такие 130 человек, которых признано было необходимым заарестовать? Первый вопрос разъясняется словами самого графа Муравьева, который заявил, что «комиссией обнаружены в столицах некоторые отдельные тайные деятели, которые под фирмою литературных занятий, были руководителями разных социалистических изданий, переводов, учебников для народа и иных книг в видах распространения социалистического учения. Они также были участниками в составлении разных обществ, читален, артелей, бесплатных школ и иных учреждений, имевших целью под видом благотворения соединять и объединять в социалистическом и противоположительственном направлении мысли молодого поколения».

Из сих отдельных деятелей граф Муравьев назвал более замечательных: Лаврова, Путятю, Константинова, Линева, Альбертини, Михайлова, Яковлева, Благовсвєтлова, Печаткина, Рождественского.

Таким образом, единственное открытое комиссией зло, таившееся в Петербурге, сводится на указание, что в нем существовали лица с социалистическими и нигилистическими направлениями, но это обвинение не может падать на один только Петербург. Социализм и нигилизм созрели не в тайне, а порождены были литературою и журналами, которые читались всей Россией. Если «Современник» и «Русское Слово» имели громадный успех, то это было не потому, чтобы один только Петербург признавал проповедываемые ими вздорные теории, а потому что внутри России на эти журналы было много подписчиков, что выражало степень сочувствия к ним провинциальных жителей.

Значит, зло это было не местное, а общее; поэтому обвинять в нем петербургское общество невозможно, да и во всяком случае подобное обвинение может падать столько же на него, сколько и на городские власти, если окажется по строгой проверке, что ими не было принимаемо никаких мер к предупреждению развития в обществе подобного направления. В этом отношении нельзя не упомянуть, что петербургское городское управление не ограничивалось одним только преследованием наружного проявления социализма и нигилизма в столице, но в двух случаях дало правительству возможность и законный предлог приступить к коренному расследованию этого зла. Один случай касается того кружка нигилистов, который был устроен г. Слепцовым в Надеждинской улице в доме Бекмана, а другой относится к увозу г. Ножиным своей сестры из дома родительского для обращения ее в нигилистку. Городское управление не может считать себя виновным в том, что обоим делам этим не дано серьезного значения. Точно так же городское управление не может принять на себя ответственность за то, что некоторые отдельные тайные деятели под фирмою литературных занятий были руководителями разных социалистических изданий, переводов, учебников для народа и других книг в видах распространения социалистического учения, потому что предмет этот не относился до городского управления.

Что же касается до существования в столице равных обществ, читален, артелей, бесплатных школ и иных учреждений социалистического и противоположительственного направления, то предмет этот требует нескольких слов для своего разъяснения.

Покойный граф Муравьев неоднократно выражал полное свое убеждение в сильной зловредности существования всех поименованных выше обществ и в особенности тех, которые образовались в последнее время в Петербурге, где, по словам его, был рассадник всех революционных попыток. Он обещал даже различным

депутатам, являвшимся к нему, разоблачить эти беспорядки и представить положительные о них факты. Поэтому нет основания предполагать, чтобы граф Муравьев при обширных своих расследованиях мог оставить без внимания какой-либо случай из тайной истории этих обществ, который прямо или косвенно служил бы подтверждением высказанных им мыслей о них. И, действительно, розыск был произведен самый тщательный; уставы всех устроенных в Петербурге обществ были просмотрены; агенты графа Муравьева строго проследили деятельность каждого из них, и со всем тем в результате оказалось только, что вследствие заявления покойного графа Муравьева, основанного на частных, безымянных указаниях, проверенных его агентами, закрыты были женская гимназия у Таврического сада, бесплатная школа, устроенная г-жою Европеус и читальня при библиотеке г. Яковлева. Этот факт, как кажется, указывает весьма положительно на то, что ни по розыску графа Муравьева, ни в огромнейшей массе бумаг, отобранных у частных лиц и пересмотренных Следственной комиссией, и ни в такой же массе переписки, образовавшейся от показания лиц, как заарестованных комиссией, так равно и лиц привлеченных к следствию, не встретилось ни одного обстоятельства, которое дало бы повод не только к обвинению устроенных здесь обществ в неблагонадежности, но даже и основания возбудить какое-либо по сему предмету расследование.

Но зато в особенности рельефно выказалось при этих розысках то обстоятельство, что ни одно из обществ, образовавшихся в последнее время в Петербурге не имело не только какой-либо связи с открытым в Москве тайным революционным обществом¹, но даже и с теми ассоциациями, которые оно начало устраивать в Москве в оправдание Петербурга, на который граф Муравьев взводил столь резкое осуждение; нельзя не прибавить еще и следующего обстоятельства: при наименовании различных городов, куда московское революционное общество предполагало разослать своих агентов с преступными целями, в Петербурге не упомянуто ни слова. Из этого видно, что обществу этому было известно нравственное настроение Петербурга и что оно не могло рассчитывать в нем на какой-либо успех. Этот взгляд их на Петербург еще раз проявляется в показаниях Страдена и Ермолова, которые письменно заявили, что они опасались оставаться дома в Петербурге, боясь чтобы полиция не проследила за ними.

Затем остается разяснить самый главный пункт, который может дать окончательное определение тому нравственно-политическому направлению, которое существовало в Петербурге в начале нынешнего года, т. е. определить степень виновности тех 130 человек, человек, которых комиссия нашла необходимым заарестовать.

Всех вообще лиц заарестованных в период существования Следственной комиссии графа Муравьева было 191 человек. Из них: лиц проживавших в Петербурге 130 чел. Привезенных из Москвы и других мест 61 чел.

Из лиц, проживавших в Петербурге: а) отданы под Верховный уголовный суд 3 чел. (Кобылин, Худяков и Никольский); б) отправлены в разные ведомства 13 чел.; в) освобождено от ареста 96 чел., г) осталось под следствием 18 чел.

Из лиц, привезенных в Петербург из Москвы и других мест: а) отданы под Верховный суд 33 чел.; б) освобождены от ареста 15 чел.; в) осталось под следствием 12 чел.; г) передан в III отделение Собственной его императорского величества канцелярии 1 человек.

Цифры эти указывают сущность дела, но для полноты его необходимо еще разяснить какого рода обвинения падали на некоторых лиц из тех 13-ти человек, которые отправлены в разные ведомства, и из тех 18-ти человек, которые остались под следствием по закрытии Следственной комиссии графа Муравьева.

Из числа 13-ти человек, отправленных в разные ведомства, двое отданы были под военный суд — фельдгегерь Климов и полковник Лавров, и один переведен на службу в другой город — поручик Михайлов, распорядитель закрытой бесплатной школы; что же касается остальных, то все они были заарестованы или по оговорам, неподтвердившимся при следствии, или за произнесение в трактирах неуместных слов, или по подозрению в неблагонадежности. Вот имена их с обозначением за что были арестованы:

Из числа 18-ти лиц, оставшихся под следствием, было: — по Гейдельбергскому делу^{II} — 6 чел. (Владимиров, Линева, Константинов, Михайлов, Альбертини, Нагель); по делу о сбыте фальшивых бумажек 10 чел.; (Киборт, Вингарт I, Вингарт 2, Заводовская, Стецкович, Лейнордт, Карпинский, Урбанович,

Виллисовский и Соколовский); Европеус, Никольский — производились дознания по поводу падавшего на них подозрения в неблагонадежности.

Имена	За что арестованы	Куда отправлены
Отставной прапорщик Бабковский	за неуместные слова в трактире	к шефу жандармов
Однодворец Ляскин	по оговору крестьянина	к шефу жандармов
Вольнослушатель Техно- логического института Выгановский	за найденные у него старые школьные сочинения	в Вильно
Канцелярский служащий Калинин	сам вызвался открыть тайну	в Тверь
Провизор Вильчевский	за неуместные выражения	к шефу жандармов
Вдова генерал-майора Таневская	по подозрению в неблаго- надежности	к шефу жандармов
Поручик Главного интен- дантского управления Немиров	за неуместное поведение в гостинице	к военному министру
Мещанин Трофимов	за неуместные поступки в пьяном виде	к оберполицмейстеру
Поручик артиллерии Дьяченко	за выдачу пороха Карако- зову	к военному министру
Студент Техн[ологического] ин[ститута] Валюжинин	по оговору в неблагона- дежности	в Вильно

Общий вывод из всего изложенного здесь сводится на то, что в Петербурге после самого энергичного расследования, произведенного комиссией графа Муравьева, и после судебного следствия в Верховном уголовном суде, стремившегося раскрыть все нити обсуживаемого им дела, не нашлось решительно никакого зловредного элемента, который мог бы набросить на него неблагоприятную тень или указать какую-либо солидарность с неслыханным и поразившим всю Россию событием 4 апреля. Между тем ввиду этого события до окончания еще следствия и суда и до приведения в ясность всех обстоятельств дела на С.-Петербург пало обвинение будто бы в создании той почвы, откуда могло выродиться столь тяжкое преступление.

Обвинение это весьма естественно должно было возникнуть в мнении пораженного и встревоженного общества уже потому, что событие совершилось в Петербурге; но вместе с тем нельзя не упомянуть, что оно возникло не на основании положительных фактов, которые не были известны в то время, а вследствие различных воззрений и предположений. Теперь же, когда следствие и суд окончены, когда виновники злодейского замысла обнаружены, когда гнездо или почва, на которой созрел нарыв столь страшного зла, обнаружено следствием и когда, стало быть, частные мнения и предположения не должны более иметь места в деле столь великой важности, остается решить вопрос: в какой мере Петербург заслуживал нарекание, взведенное на него и справедливо ли это нарекание? Для разрешения этих вопросов в настоящее время имеются положительные факты, добытые строгим следствием и судом, а потому на совокупности этих фактов может быть восстановлена истина и уничтожено всякое значение личных произвольных толкований насчет Петербурга. Если же к этим фактам присоединить еще беглый обзор того нравственного настроения Петербурга, которое было в нем назад тому 5 лет, то подобное сопоставление двух не очень дальних друг от друга эпох может содействовать разъяснению сущности дела.

Всем известно, что в конце 1861 и в начале 1862 гг. разволнованное и неестественное настроение в Петербурге доходило до крайних размеров. В то время университетская молодежь, в порывах своеволия и под влиянием некоторых тайных лжеучителей, могла решиться пройти весь город для истребования от своего начальника отчета в его действиях и могла даже решиться стать лицом к лицу с вооружен-

ною силою, которая была выслана для усмирения толпы студентов. В то время сыпались во всех сторон нелепые воззвания и прокламации, весьма ясно указывавшие на существование в городе не одних только отдельных личностей, проникнутых зловредными побуждениями, но и целых обществ, организовавшихся с намерением распространять во всех слоях городского населения противозаконные идеи. Преступная деятельность некоторых сформировавшихся в то время кружков и обществ, развиваясь в тайне, поражала все городское население неслыханной дерзостью, и за всем тем большинство городского населения, не разделяя нисколько преступного образа мыслей тогдашних политических деятелей, оставалось посторонним, равнодушным зрителем всех беззаконий, которые совершались перед ним и ввиду всех. Городская администрация того времени, несмотря на спокойное состояние большинства петербургского населения, действовала ввиду явных проявлений анархического начала между некоторой частью молодежи, более чем осторожно, потому что между ею и городским обществом не было той нравственной связи, основанной на взаимном доверии, которая дает силу, значение и поддержку всякому городскому управлению.

В таком ли виде является Петербург в начале нынешнего года? Где те зловредные политические деятели, которые наводняли когда-то Петербург и которых не нашло в нем самое строгое следствие? Затем можно ли допустить ту мысль, чтобы в начале нынешнего года уличные беспорядки молодежи могли дойти до тех размеров, до которых они доходили в 1861 году? И наконец, не есть ли самая сильная проверка нравственного настроения Петербурга та задушевная преданность и нелицемерная любовь, которые городское население Петербурга в минуты общей радости за спасение драгоценной жизни государя императора выказывало священной особе монарха на каждом шагу?

Таким образом, нельзя отвергать, что в течение последних 5 лет нравственное переобразование в Петербурге совершилось — и совершилось к лучшему; но здесь весьма важен другой вопрос — каким путем совершилось это перерождение и неужели городской администрации этого периода времени откажут в той доле, не говорю заслуге, но в той доле труда, который достался ей в удел в столь трудную эпоху, какой нельзя не признать последнее пятилетие.

Всем известно, что в этот период вырабатывались и приводились в исполнение почти в совокупности, такие переобразования, которые внесли в общество новую жизнь и дали ему иное направление и иной характер. От этого лицам, стоявшим в главе городского управления пришлось, независимо от лежавших на них обязанностей, нести еще новую двойственную службу, а именно: следить за преступными действиями политических и революционных деятелей, предотвращая их замыслы, и содействовать вместе с тем к нравственному и законному применению к делу благих предначертаний нынешнего царствования. В какой мере выполнило городское управление первую задачу видно, во-первых, из дела высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии, где розыски полиции стоят на первом плане, и затем из результата расследований графа Муравьева, не обнаруживших в Петербурге каких-либо проявлений революционного направления.

Нельзя не упомянуть здесь, что очистка Петербурга началась с 1862 г., то есть с того времени, когда городская полиция напала на след политической заразы и когда розыски ее стали рассматриваться в высочайше учрежденной в Петербурге Следственной комиссии. Из сведений этой комиссии видно, что с 1862 г. к разбирательству ее было привлечено до 2 тыс. лиц. Одни из них были преданы в руки правосудия и получили должное взыскание, другие подвергались административным мерам, многие высланы из столицы в отдаленные места, иные взяты на особое замечание и состоят под надзором полиции. Независимо от сего означенная комиссия следила за направлением литературы, за проявлением польского элемента в лице служащих на железных дорогах, за стремлением некоторых личностей к распространению революционных начал и вообще за всем, что требовало особых мер, доводя об них каждый раз до высочайшего его императорского величества сведения. Ряд таких мероприятий и совокупные с ними действия городских властей не могли не очистить Петербурга от зародившейся в нем неблагонамеренности. Следствием таковой очистки Петербурга было то, что корень зла, породивший событие 4 апреля, и отростки его, выросли не на петербургской почве. Вот почему и следствие графа Муравьева встретило на петербургской расчищенной уже почве

только тех лиц, которые были уже известны и прежде городскому управлению и которые хотя и были арестованы графом Муравьевым, но впоследствии освобождены потому, что они не представляли ничего общего с делом по событию 4 апреля.

Городское полицейское управление при всей трудности лежавших на нем обязанностей могло достигать полезных результатов только единодушными и усиленными трудами всех своих чинов, которым нельзя не отдать в этом случае должной справедливости. Их деятельность и усердие заменяли недостаток средств, бывших в распоряжении городского управления, а постоянное наблюдение за лицами политической деятельности содействовало к очистке Петербурга от вредных элементов.

Что же касается до второй задачи, то есть до содействия к правильному применению к делу благих предначертаний нынешнего царствования, то достаточно упомянуть, что в последнее пятилетие уничтожена была крепостная зависимость, отменены телесные наказания и явилась свободная продажа удешевленного вина и за всем тем в самом пылу разгара страстей, порожденных на первое время этими благодетельными преобразованиями, были ли нарушаемы в городе спокойствие и порядок? Чтобы достигнуть этого результата, городские власти не прибегали к системе резких слов, грубого обращения и крутых мер, которые не были пригодны для этого времени, когда чувствовалась потребность умиротворения разволнованного настроения общества, а не возбуждения его. На этом основании, избрав себе систему сдержанности и отстранения всякого произвола и самоуправства, городская власть вошла в ближайшее знакомство с нуждами и потребностями народа и этим путем, водворив в обществе доверие и уважение к правительственным распоряжениям, привела нравственное настроение Петербурга к тем результатам, которые оказались из следствия графа Муравьева.

Из двух собственноручных отметок государя на записке князя Суворова должно заключить, что государь в декабре 1866 г. не считал в той мере, как полагал князь Суворов, Петербург очищенным от вредных элементов, а учащуюся молодежь чуждою политических стремлений.

Т. V. С марта 1867 года

[Март 1867 года]. Трудность для лиц, занятых текущими делами, видеть общее направление администрации

Из разговоров с нашими государственными деятелями нынешнего времени видно, что поглощенные множеством текущих дел, вопросами и предметами второстепенными, разными подробностями дел и обязанностями придворными и светскими, они вовсе не имеют времени отдохнуть от этой лихорадочной деятельности, войти в себя и взглянуть спокойно на общее положение дел, на общее направление законодательной и административной деятельности нашей. Нужно ли говорить о неудобствах и вреде, которые от этого происходят. Один князь Горчаков, по складу ли своего ума или потому, что он провел долгое время за границей вдаль от нашего внутреннего управления и потому привык искать в нем не подробности, а общие результаты, старается обыкновенно стать на высшую точку зрения, объять взглядом более обширный горизонт и, как он выражается, более широко взглянуть на предмет¹. Всех более теряется в подробностях и мелочах, кажется, Чевкин.

Положение того, кто еще недавно был сам в делах, а теперь стоит в стороне спокойным зрителем, едва ли не самое удобное для того, чтоб видеть общий ход дел, общее направление администрации, не развлекаясь подробностями и не придавая излишней важности предметам второстепенным.

Нынешнее направление администрации не соответствует великим реформам нынешнего царствования. Соображая с этой точки зрения то, что делается у нас по разным отраслям управления, приходишь к грустному убеждению, что нынешнее направление вовсе не соответствует тому, которое доставило бессмертную славу первой половине нынешнего царствования.

Император Александр II останется навсегда в истории и в благодарной памяти русских одним из величайших государей России вследствие следующих деяний своих: освобождения помещичьих крестьян от крепостной зависимости, упразднения сословия военных кантонистов; отмены телесных наказаний; отмены винных от-

купов как источника миллиона злоупотреблений и как средства развращения народа; судебной реформы; дарования большого простора печатному слову; попытки умиротворить Польшу системою льгот и милостей; созвания Финляндского сейма и введения в России земских учреждений.

К этому следует присоединить целый ряд распоряжений второстепенных сравнительно с вышепомянутыми, но тем не менее весьма благодетельных, как например, производство рекрутских наборов в течение 6 лет, улучшение быта солдат и матросов, учреждение морской и сухопутной эмеритальных касс, проведение многих железных дорог и т. п.

Весь этот ряд мер, совершенных в короткое время и несмотря на сильное встреченное по некоторым из них противодействие, исполняет каждого, кто сознает их важность и пользу, чувствами удивления и признательности к совершителю этих подвигов государственной мудрости.

Общее значение реформ Александра II. Общее значение или общее последствие этих лет состояло главнейшее в даровании подданным императора Александра II большей свободы, в уменьшении тяготевшего над ними прежнего произвола и во введении большей законности, в возвышении личности человека и приближении подданного к степени гражданина, возбуждении его умственной деятельности от прежнего застоя и в устранении множества злоупотреблений прежнего времени.

Необходимые условия, чтоб эти реформы принесли всю ожидаемую от них пользу. Многие благие последствия этих реформ столь тверды, столь крепки, что не могут уже быть вырваны. Для сохранения и развития других нужен еще заботливый уход. Вообще же, чтоб означенные меры принесли всю громадную долю добра, которое можно было ожидать от них, необходимо, чтобы последующие распоряжения нашей высшей администрации происходили все в одном духе и направлении с означенными мерами. К несчастью, сочетание многих обстоятельств явилось сильным тому препятствием.

Противодействие оным при самом начале. В то еще время, когда большая часть означенных реформ обрабатывалась, они встретили уже сильное противодействие со стороны многих лиц, особенно со стороны некоторых членов высшей администрации, которые находили произвол весьма удобным средством управления и полагали, что опека правительства над всеми действиями общества, которое считали постоянно несовершеннолетним², необходима и что было бы крайне вредно предоставлять обществу какую-либо свободу и какую-либо степень самоуправления. Власть помещиков над крестьянами находили нужно в видах полицейских и финансовых для охранения спокойствия края и для обеспечения исправного поступления государственных податей. Простор печатного слова казался этим лицам орудием революционным; в гласном суде они видели средство подрывать уважение к правительственным лицам, а в адвокатах видели прямых бунтовщиков. Все эти стремления прикрывались личиною консерватизма, благоразумия и преданности к престолу. Противодействие этих лиц благим предначертаниям императора Александра было сильное и тем казалось действительнее, что многие лица весьма ему близкие разделяли многие из помянутых убеждений.

Главная заслуга Александра II. Посему неоспоримую главную заслугою его остается факт, что несмотря на это противодействие, он осуществил задуманные реформы.

Неудовольствие по мере осуществления реформ. По мере приведения оных в действие, причем неминуемо стали являться и те невыгодные стороны, без которых не могло осуществиться переиздание вековых отношений и порядков, к числу вышеозначенных противников благодетельных реформ присоединилось огромное число лиц недовольных оными по разным причинам, как то: многие помещики, которые с освобождением крестьян теряли свое значение в крае и часть дохода; все лица, которые с отменой откупов теряли легкое средство скорого обогащения; разные начальствующие лица, которые с отменой телесных наказаний, с дарованием простора печатному слову, с введением гласного судопроизводства и земских учреждений, видели себя совсем в другом против прежнего положении и встречали беспрерывно множество неизвестных им в прежнее время стеснений своему произволу. Наконец, происшедшее по многим причинам расстройство финансов, которое отозвалось на доходах и состоянии каждого, весьма значительно увеличило общее неудовольствие.

Неудовольствие это высказывалось сильной критикой, направленной против многих государственных людей, которых считали главными виновниками всех совершенных преобразований, и особенно против великого князя Константина Николаевича, и домогательством многих дворянских собраний получить участие в высшем государственном управлении. Впрочем, должен сказать, что это неудовольствие, что желание остановить правительство на пути административных улучшений и дарования обществу простора имело мало влияния доколе не случились события, которые дали сильное оружие в руки лицам, домогавшимся восстановления произвола в администрации и введения полицейско-преследовательного направления.

События, которые врагам либеральных преобразований доставили силу и значение. Эти события были восстание в Польше, беспорядки в западных губерниях, и преступные, безумные действия русских крайних либералов или демагогов, социалистов, коммунистов, нигилистов, которые вздумали применять к делу и распространять бред своего больного воображения и болезненные, уродливые произведения извращенного ума и вредных преступных страстей.

Действия открытых бунтовщиков в Польше, противников правительства в Западном крае и проповедников анархии в разных губерниях вынудили правительство действовать и оружием и мерами полицейскими, и весьма натурально доставили высшим и низшим агентам его такую степень произвола, которая не должна быть допускаема в обстоятельствах мирных, в сколько-нибудь благоустроенном государстве. В то же время усилились и распространились необходимые спутники административного произвола и обыкновенные орудия его: шпионство, доносы и перлюстрация. Полицейско-преследовательный и часто весьма жесткий образ действия некоторых администраторов, самоуправство, которое напоминало времена татар, и презрение всякой законности было встречено — вследствие некоторых вопросов национальности — одобрением со стороны разных общественных кружков; это одобрение высказывалось весьма сильно в печати и тем самым ободряло и поддерживало государственных людей, которые явились деятелями в помянутом направлении, столь несходном с направлением великих реформ того же монарха.

Наконец, преступление 4 апреля 1866 г., которое возмутило не только каждого русского, благодарного за все, что император Александр совершил уже для России, но и всякого христианина и вообще человека честного, преступление это еще более вызвало деятельность полицейскую и административный произвол во всех отраслях государственного управления³.

Агенты правительства пошли слишком далеко в мерах репрессивных. Не подлежит сомнению, что ввиду польского восстания и попыток революционной пропаганды в России, правительство вынуждено было принять меры весьма энергические к подавлению первого военною силою и к раскрытию и остановке последней средствами полицейскими, но не подлежит также сомнению, что исполнители этих мер, высшие и низшие, пошли в своих действиях слишком далеко, что много было допущено непростительной жестокости и что полицейский произвол получил слишком обширный круг деятельности с полным презрением всякой законности. Будущему историку, который прочтет документы, касающиеся подавления польского восстания, документы, касающиеся действий генерала Муравьева в северо-западных губерниях и распоряжений Министерства внутренних дел, жандармского управления и III Отделения относительно злоумышлений в русских губерниях, легко будет в этом убедиться. Отличительная черта всех распоряжений по этим предметам есть жестокость, стремление избегать судебного разбирательства по невозможности собрать доказательства для законного осуждения обвиняемых, наказания административным порядком, полная вера доносам и шпионам и общие выводы из частных, отдельных случаев.

Последствия преступления 4 апреля 1866 г. Все сие усилилось после преступления 4 апреля 1866 г. и к этому присоединилось со стороны высших полицейских управлений: 1) стремление пугать государя, держать его в постоянном страхе, преувеличивать всякие признаки неблагонадежности разных лиц; 2) еще большее развитие шпионства, доносов и перлюстрации; 3) стремление очищать администрацию от людей, т. е. неблагонадежных, причем для определения степени неблагонадежности принимались донесения разных агентов политической полиции. Вследствие этого последовал целый ряд многоразличных распоряжений.

Характер правительственной деятельности в последнее время (начало 1867 года). Все сие совершенно изменило весь характер государственного управления, и вместо прежнего направления оно к административным улучшениям, законности, гласности, большему простору, увеличению самоуправления и уменьшению правительственной опеки и вмешательства явился характер полицейско-преследовательный, самоуправство, произвол, растлевающий элемент шпионства, доносов и перлюстрации ⁴.

Нельзя видеть это прискорбное явление без глубокого сожаления. Нельзя не отдать полной справедливости всему великому и полезному, что было совершено в первые годы бессмертного царствования, и не чувствовать искреннего сожаления, что другие годы были омрачены другими явлениями, столь противными духу благих реформ благодетельного монарха.

Финансовые затруднения. В то же время (к началу 1867 г.) более, чем когда-либо, явилось расстройство финансов и сказалась вся несостоятельность нынешнего финансового управления вывести Россию из этого положения.

Финансовое расстройство было последствием двойного весьма вредного направления правительственной деятельности, которое продолжалось у нас издавна, а именно: 1) с одной стороны, постоянного расходования денег гораздо более, чем сколько получалось, и непрерывных усиленных рекрутских наборов, которые брали безвозвратно из народа лучшие производительные силы. С 1832 года до 1867 г. было переиздержано более 1600 млн. руб. серебром ⁵. Цифра взятых рекрут, считая только 50 000 каждые два года, составит в 35 лет 1 750 000 человек — цвета населения. В действительности, взято и погибло на войне, в госпиталях и переходах гораздо более. И 2) с другой стороны, почти совершенное отсутствие расходов производительных, имеющих следствием увеличение народного богатства и, напротив того, принятие множества крайне стеснительных мер, препятствующих этому развитию. В прошлое царствование только проведение нескольких шоссе и сооружение московской железной дороги можно считать расходами производительными. В нынешнее царствование к числу их должно отнести также издержки на проведение железных дорог и огромную финансовую операцию по выкупу крестьянского надела, в том смысле, что она содействовала разрешению крестьянского вопроса.

Таким образом, в продолжение многих лет истощались средства государства и почти ничего не делалось для увеличения народного богатства.

Для получения вышеупомянутых 1600 миллионов был заключен целый ряд займов за границей, были взяты частные капиталы, которые обращались в наших кредитных установлениях, и для привлечения туда этих капиталов правительство систематически противодействовало частным предприятиям, для которых понадобились бы деньги, в чем граф Канкрин открыто сознавался в Государственном совете; были взяты суммы из Государственной комиссии погашения долгов, суммы, которые предназначались на уплату долгов; были выпущены в огромном числе билеты Государственного казначейства (серии); заключались внутренне безнравственные лотерейные займы и было выпущено огромное количество кредитных билетов, которые не разменивались на монету, причем последние выпуски были произведены негласно и в противность закону, который ограничивал число их.

К этому следует присовокупить, что взимание постоянных доходов было основано на системе, вредной для государства. Главная часть дохода получалась с вина и притом до нынешнего царствования посредством откупов, которые систематически развращали народ, и для получения дохода правительство допускало сознательно множество злоупотреблений. Другой важнейший источник дохода заключался в подушном прямом налоге, который всею тяжестью падал также на самый бедный класс жителей.

Соображая вышесказанное о способе получения денег правительством, нельзя не прийти к грустному убеждению, что в продолжение многих лет оно расходовало не доход, но самый капитал народный, извлекая его притом самыми вредными и гибельными для народа средствами.

Этот капитал, подобными средствами получаемый, расходовался самым непроизводительным образом, преимущественно на войны и на содержание в мирное время колоссальной армии. Для постройки Исаакиевского собора в Петербурге, храма Спасителя в Москве, императорского Эрмитажа, дома

министра государственных имуществ и на уплату долгов театральной дирекции правительство занимало деньги в государственных кредитных установлениях, куда частные люди, доверяя правительству, несли свои сбережения. За это доверие было весьма дурно заплачено. Там же Государственное казначейство занимало деньги на 37 лет для постройки сосновых кораблей, которые служили не более 10 лет.

Подобная система государственного хозяйства, которая продолжалась много лет, привела нас к нынешнему прискорбному положению, т. е. к началу несостоятельности правительства, которая является в том, что оно не в состоянии исполнять многие свои обязательства и что вследствие этого лица, которые, доверяя правительству, взяли помянутые обязательства, чувствуют, как постепенно уменьшается в их карманах их состояние.

Для уплаты процентов по внешним займам правительство принуждено заключать новые займы за границей, что дает ему отдых только на несколько месяцев. Все процентные бумаги и кредитные билеты упали в цене: 5% банковые билеты теряют 22 и 23 на сто капитальной стоимости и притом теряют так много при продаже их не на монету, а на кредитные билеты, которые сами теряют против металла 20 и 25%. Выкупные свидетельства продаются на кредитные билеты по 69 и 70 за сто. Очевидно, какие огромные суммы потеряли все владельцы государственных процентных бумаг, что теряют кредиты, получающие в уплату долгов кредитные билеты и служащие, получающие жалованье кредитными билетами. Нынешнее финансовое управление пробовало восстановить размен кредитных билетов и старалось привлечь иностранные капиталы для постройки южной железной дороги и для учреждения большого частного коммерческого банка, но эти попытки и старания не удалось, и неудача восстановления размена лишила оное доверия людей знающих.

Недоверие это и неуважение увеличилось вследствие лотерейных займов, негласного выпуска кредитных билетов, лживого показания в разменном фонде Государственного банка несуществующих там публичных фондов, вместо коих лежит простое обязательство Государственного казначейства, и вследствие того, что министр финансов остался на своем месте, несмотря на его уверения, что он выйдет из министерства, если не будут исполнены требования, предъявленные им в особой записке осенью 1866 г. относительно сокращения расходов, и на заявление, что доколе он будет министром финансов, у нас не будет дефицитов. Требования его не исполнены и дефициты продолжают. При всем этом Головинн еще не решается обвинять стат-секретаря Рейтерна, не зная подробно многих обстоятельств, и полагает, что из нынешних государственных людей Рейтерн еще более других заслуживает доверия в делах финансовых. Другие лица думают иначе.

В настоящее время ничто не подает надежды, чтоб финансовое положение исправилось, и остается только желать, чтоб государственная несостоятельность подвигалась, росла и увеличивалась медленно, а не обрушилась на нас катастрофой, не упала грозой на состояние всех, доверивших свои капиталы правительству. Едва ли все, чего можно ожидать от нынешнего министра финансов, в его положении и при его обстановке, не состоит в том только, чтоб он дал по возможности медленный ход государственному банкротству. При этом необходимо иметь в виду, что продолжающийся выкуп крестьянских наделов потребует выпуска еще на 100 миллионов выкупных свидетельств и что с 1868 г. начнется замена части выпущенных уже свидетельств 5% банковыми билетами, которые, следовательно, еще более упадут в цене и, наконец, что ежегодные дефициты и сверхсметные расходы продолжают, несмотря на возражения министра финансов, который остается на своем месте, несмотря на то, что важнейшие его требования по сокращению расхода не исполняются. Говоря о финансах, нельзя не сказать о вредной системе полусекрета, полутайны, которая господствует в этом управлении и подрывает доверие к оному. Для финансовых людей, заинтересованных знать какую-либо финансовую операцию, она не остается тайною. Выпуски кредитных билетов сделались весьма скоро известны. Лживое показание публичных фондов в разменном фонде банка не осталось нераскрытым. Посему скрытничанье бесполезно. Между тем, оно крайне вредно, ибо часто заставляет предполагать даже зло несуществующее и побуждает неверие даже правдивым показаниям правительства.

Вредное направление молодого поколения. Нигилизм

Выше сего было сказано о полицейско-преследовательском направлении правительственной деятельности, о распространении шпионства, доносов и перлюстрации. Лица правительства, которые употребляют эти меры или считают их нужными, ссылаются на вредное направление молодого поколения и на распространение у нас так называемого нигилизма, и утверждают, что это явление оправдывает все помянутые меры. Посему следует рассмотреть, в чем состоит нигилизм и какие причины произвели его.

В нашем молодом поколении, понимая под этими словами молодых офицеров, чиновников, лиц духовного звания, литераторов, художников, учителей, студентов и учеников высших классов средних учебных заведений, также женщин образованных сословий, замечается в последние годы, конечно, не у всех, но у многих и в весьма различной степени: шаткость религиозных и нравственных убеждений и правил, отсутствие тех и других, иногда полное безверие и направление материалистическое, или спиритуализм, деизм^{III} с полным отрицанием учения христианства и разные учения коммунистические, социалистические, так называемых свободомыслящих — *libres penseurs solidaires*, причем является даже у многих ученых, профессоров, учителей совершенно неумение употреблять в деле науки, в исследованиях научных — процесс сомнения, неверования на слово, наблюдения фактов, оценки их, наведения и вывода. Эти обыкновенные необходимые приемы приводят многих к потере убеждений религиозных и нравственных вместо укрепления оных.

Все эти несчастные заблуждения человеческого ума проявляются весьма различно и составляют часто уродливую смесь, возбуждающую скорбь и особенно сожаление при виде даровитых иногда молодых людей и женщин, одержимых этою болезнью.

Иногда эти учения, это отрицание всего, что необходимо для поддержания человеческих обществ, остается в виде теории и тогда вредит только тому несчастному, кто верит в оную, но иногда он становится пропагандистом своих лжеучений и старается перенести их в практику, старается осуществить свои идеи относительно устройства обществ и правительств и тогда становится вредным для других и должен быть остановлен правительством.

Эта смесь заблуждений, это болезненное направление и называется нигилизмом или отрицательным направлением.

Главные причины появления у нас нигилизма^{IV} следующие:

1) Крайне поверхностное образование молодых людей. Получив самые энциклопедические познания, не привыкнув к умственному труду, окончив ученье в те годы, когда только что должно начинаться серьезное и глубокое занятие наукою, наши молодые люди выходят из учебных заведений светских и духовных, военных и гражданских с разнокалиберным запасом не переваренных знаний с полужнанием и с большим запасом гордости и высокого мнения о своем уме и учености. Эти люди склонны обо всем судить, все критиковать, но не подчиняются никаким авторитетам. Не привыкнув работать серьезно умом, глубоко изучать предмет, они обо всем судят слегка, по поверхности, по некоторым наружным признакам и считают решения свои непогрешимыми. Подобные лица особенно склонны к восприятию тех ложных учений, которые особенно льстят их страстям и заманивают видом какой-то независимости и самостоятельности.

2) Православное духовенство, вследствие многих и разнообразных причин, является у нас отчужденным от общества и вовсе не проповедником истины, раскрывателем и обличителем заблуждений ума, но просто совершителем платно различных церковных церемоний и обрядов. Оно не проповедует в церквях, оно не входит в дома для поучения, оно не ищет, в чем заключаются господствующие заблуждения, и не старается им противодействовать, их раскрывать и опровергать. Таким образом все вышеупомянутые вредные учения не встречали отпора именно там, где следовало, и распространялись на свободе. Молодые люди не получали от своих законоучителей оружие против проповедников лжи и не слышали аргументов, которые могли бы противопоставить софизмам. Они оставались безоружными и с свойственной молодости восприимчивостью легко становились адептами нигилизма.

3) Отличительная черта нигилистов состоит в порицании всего, что делается

правительством, и затем в систематической оппозиции и вражде к оному. В этом отношении само правительство много виновато. В продолжение многих и многих лет оно хотело все делать само и до последнего времени не предоставляло обществу никакого права распоряжаться своими собственными делами. В местной администрации, в предприятиях промышленных и торговых, в школе, в литературе везде казна являлась или опекуном и попечителем, или ревнивым деятелем, не допускавшим или парализовавшим всякое соперничество со стороны частной деятельности. От этого произошло, что общество сделалось как бы зрителем и критиком, порицателем всего, что предпринимало правительство, и это критическое направление явилось с особенною силою у молодых людей, которые, не имея сами никакой опытности и не зная как иногда трудна административная работа, находили безусловно дурным все, что делали правительственные деятели.

Из всего это следует, что полицейско-преследовательными мерами искоренить нигилизм невозможно и что коренным средством для этого может служить перемена в системе воспитания, изменение в образе действия нашего духовенства и предоставление обществу в большой степени самоуправления и простора промышленной, педагогической, литературной деятельности частных лиц, с ограничением роли правительства чисто правительственною деятельностью, отбросив стремление быть опекуном и попечителем всех и каждого и оставив мысль, что правительство везде и все сумеет сделать лучше каждого частного человека.

Конечно, лечение нигилизма этими средствами будет лечение медленное, но зато коренное и прочное, тогда как полицейское преследование может только на время заставить скрываться и не высказываться ложным учениям, но не помешает тайному распространению оных.

К чему приведет продолжение нынешнего образа действия правительства

Предполагая, что нынешний образ действия правительства будет продолжаться, т. е. что будет продолжаться система полицейского преследования и отыскивания людей неблагонадежных по доносам шпионов и показаниям перлюстрации, наказания без суда, но административным путем; пренебрежение законности, стеснение всякого простора частной деятельности и печатного слова; расходование ежегодно больших сумм, чем сколько правительство получает, т. е. ежегодные дефициты, расходы большею частью непроизводительные, полумрак в финансах, — если все это будет продолжаться, то последствия будут самые гибельные. Всеобщее неудовольствие будет расти, доверие к правительству более и более уменьшаться и финансовая катастрофа приведет к перевороту политическому.

По разным особенностям России трудно предвидеть, скоро ли и в какой форме все это совершится, но известные причины произведут неминуемо известные последствия.

За сим естественно является вопрос: какими средствами возможно предотвратить гибельные последствия, или другими словами, что в настоящее время нужно сделать для нашего управления.

Что нужно в настоящее время в государственном управлении

Едва ли можно оспаривать мысль, что прежде всего нам нужно ясное сознание цели, к которой следует идти, единство в действиях на пути к этой цели и постоянство в стремлении к оной.

Цель, к которой должно стремиться, средства достижения оной и гарантии постоянства стремления. Для того, чтоб вторая половина царствования императора Александра была достойна великих реформ, совершенных им в первую половину и чтоб самые эти реформы могли принести всю долю ожидаемого от них блага, и чтоб он действительно был величайшим монархом своего времени, должно доставить России:

1. Законность и устранение административного произвола в управлении.
2. Полную веротерпимость и свободу совести с дозволения каждому открыто исповедовать ту религию, которую признает лучшею, и каждому вероисповеданию, в том числе и раскольникам, иметь свои церкви и открыто отправлять в них богослужение.

3. Простор и свободу действий каждого, насколько этот простор и свобода не вредят другому. Для сего нужна отмена многочисленных и разнообразных стеснений всякого рода, встречающихся в наших законах и полицейских постановлениях, которые следует пересмотреть с сего целью.

4. Предоставление обществу в возможно большей степени самоуправления с отменой везде, где можно, излишней опеки и попечительства правительства, и для сего значительное расширение круга деятельности земских учреждений.

5. Открытый, гласный, честный, правдивый образ действий правительства, необходимый для приобретения доверия и уважения общества. Для сего нужна отмена всякой тайны и полусекрета и обнародование программы правительства.

6. Отмену шпионства и доносов, и для сего упразднение жандармского управления и III Отделения и отмену перлюстрации в почтовом ведомстве;

7. Свободу печатного слова с наказанием по гласному суду с присяжными за употребление оной во зло и отменой административных взысканий.

8. Призвание в Государственный совет на правах членов оного представителей края, в виде депутатов от земских учреждений, с целью постоянно знать местные потребности и внушать обществу доверие к правительству, так как представители или выборные общества будут постоянно видеть действия правительства и сами в них участвовать.

9. Восстановить порядок финансов посредством целого ряда мер, из коих многие будут весьма болезненны, но к сожалению необходимые операции, и о коих будет сказано далее.

10. Принять целый ряд мер для увеличения богатства края и для сего делать разные производительные расходы, о коих будет также сказано дальше.

Таким образом, здесь указывается на цель, к которой должно идти, и средства, коими можно достигнуть оной, и гарантии искренности и постоянства усилий к достижению оной.

Цель эта — законность, свобода и вследствие того — нравственное возвышение и материальное благосостояние.

Средства: веротерпимость, самоуправление, отмена разных стеснений, отмена шпионства, доносов, перлюстрации, упразднение жандармов и III отделения, приведение в порядок финансов, производительные расходы, расширение круга действий земских учреждений, единство действий и для сего назначение первого министра с предоставлением ему выбора всех прочих министров и назначением для этой великой исторической роли князя Горчакова, причем в рескрипте на его имя следует изложить всю программу правительства.

Гарантии исполнения: призвание в Государственный совет депутатов от земских учреждений и свобода печати.

Финансовые меры и производительные расходы

Относительно финансовых мер и расходов производительных должно сказать подробнее.

Главная причина расстройств наших финансов есть господствовавшая в этом управлении до последних лет совершенная тайна, которая позволяла распоряжаться средствами империи совершенно произвольно, оставляла общество в полном неведении всего, что делается в финансах, скрывала множество ошибок и отстраняла всякую возможность благодетельного противодействия со стороны общественного мнения.

В настоящее время, когда расстройство финансов сделалось столь важным и для каждого ощутительным, что скрывать того уже невозможно, господствующая в финансовом ведомстве полутайна есть главное препятствие для исправления финансов.

Эта полутайна, с одной стороны, также скрывает до времени или, лучше сказать, полускрывает ошибки финансового управления, а с другой, не показывая не только обществу, но даже правительственным лицам, за немногими исключениями, наше бедственное положение во всем действительно ужасающем виде его, тем самым не производит в них убеждения в необходимости самых энергических мер и жертвований для выхода из этого положения.

Посему прежде всего, казалось бы, необходимым расстаться вполне с этой

гибельной обманчивой системой секрета, рассказать и правительственным лицам и обществу финансовое положение в настоящем его виде ⁶ и тем самым убедить их в необходимости больших пожертвований и откровенностью и прямою действий заслужить доверие и уважение, без коих правительство не может быть прочно.

Вследствие этого полусекрета со стороны финансового управления сведения, которые здесь представляются, далеко неполны, но они достаточны, чтобы убедить каждого в необходимости прекратить секреты, высказать все вполне и откровенно и принять меры весьма энергические.

На 1867 г. исчислено Министерством финансов доходов (не считая Польши):

1) питейного	125 млн. [рублей]
2) податей	41.862 тыс.
3) оброка с государственных крестьян	34 млн.
Таким образом, с бедного населения —	200 млн.
4) таможенного	25 млн.
5) пособие Государственному казначеству земских сборов и из городских доходов	2,3 млн.
6) акциз с соли	11.972 тыс.
7) за право торговли	9.730 тыс.
8) акциз с табаку	7.153 тыс.
9) гербовых пошлин	5.326 тыс.
10) монетного дохода	4.605 тыс.
11) от железных дорог	4.292 тыс.
12) от лесов	4.002 тыс.
13) почтового	3.353 тыс.
14) оброчных статей	3.042 тыс.
15) с населенных имений	2.874 тыс.
16) крепостных и канцелярских поселений	2.362 тыс.
17) с паспортов	1.786 тыс.
18) от свеклосахарного производства	1 млн.
19) взысканий и штрафов	692 тыс.
20) за повышение чинами	680 тыс.
21) шоссейных сборов	637 тыс.
22) с судоходства	595 тыс.
23) горной подати	409 тыс.
24) от телеграфов	355 тыс.
25) сбора с киргизов	390 тыс. [рублей]
и другие менее значительные	

Здесь было показано, что собственно с бедного населения исходит до 200 миллионов рублей. Сумму эту следует еще увеличить, ибо многие другие доходы, как например, по статьям 5, 6, 15, 17, 25-й падают всего более на людей бедных. При этом, должно заметить, что способ взимания главной части дохода (питейного и прямых податей) есть самый тягостный и вредный для плательщиков. <...>

Всего более поражает: относительно дохода огромность сумм, взимаемых с самого бедного населения империи, безнравственный способ взимания главной части оного — с вина, а относительно расходов — страшное возвышение платежей по государственным займам, суммы коих пошли большею частью на расходы непроизводительные, огромные и постоянно возрастающие издержки по военному ведомству несмотря на мирное время, и ничтожность сравнительно с прочим расходов собственно производительных, к числу коих должно отнести почти только расходы на железные дороги.

Для приведения финансов в порядок необходим ряд мер весьма энергических и операций крайне болезненных, на которые, конечно, не решатся без какой-либо катастрофы, которая будет стоить дороже, и страданиями, которые причинит, и расходами, которые произведет.

Меры сии суть следующие:

1. Изгнание секрета из финансового управления и вследствие того: а) обнародование правдивого, откровенного и полного описания нынешнего состояния финансов; б) приглашение нескольких из наших политико-экономических писателей

заняться по подлинным документам в архивах Министерства финансов сочинением разных исследований о наших финансах и напечатании их трудов; в) объявление конкурса и назначение премии за лучшее сочинение по истории финансов; г) посылка нескольких лиц, доказавших свои способности финансовыми и политико-экономическими статьями в разные губернии для изучения на местах разных финансовых и экономических вопросов, влияния разных законов и систем платежей на благосостояние народа, изучение хода торговли и промышленности, частных банков и пр., сообщив им предварительно сведения по сим предметам, находящихся в центральном управлении; д) посылка нескольких лиц за границу для изучения финансов Германии, Франции и Англии и разных политико-экономических вопросов.

Эти меры раскроют правительственным лицам и обществу настоящее положение финансов, приведут к убеждению в необходимости мер энергических и пожертвований со стороны всех и каждого для приведения их в порядок, внушат доверие и уважение к правительству, доставят полезные сведения по разным финансовым вопросам и у нас и за границей и приготовят специалистов для нашего финансового управления по разным частям оного.

2. При составлении государственного бюджета принять систему противоположную нынешней. В настоящее время каждое министерство составляет расчет сумм, которые считает для себя нужными, и затем министр финансов должен отыскивать средства для удовлетворения требований разных ведомств. Следует действовать наоборот: министр финансов должен бы составить расчет сумм, которые Государственное казначейство может получить без отягощения народа, и этой цифрой все ведомства должны бы ограничиваться в своих требованиях по определению между ними пропорций.

3. В настоящее время сметы представляются в Государственный совет на следующий год, например, в конце 1866 г. на 1867 г., и рассматриваются нередко, когда сметный год уже начался. Так, например, в нынешнем 1867 г. смета на 1867 г. будет рассматриваться в общем собрании Государственного совета 27 марта. При таком порядке никакое сокращение расходов невозможно. Необходимо, чтобы смета представлялась, как делается в других государствах, за два года, т. е. чтобы в 1867 г. рассматривался бюджет 1869 года. Тогда каждый министр мог бы делать по своему ведомству значительные сокращения, что, конечно, невозможно, когда в марте 1867 г. рассматривается смета этого самого 1867 г. — на первый раз следовало бы потребовать представления одновременно бюджета на два года, т. е. в 1867 г. смет 1868 и 1869 годов, а с 1868 г. бюджета на один год, но за два вперед, т. е. в 1868 — бюджета 1870 г., в 1869 — бюджета 1871 г. и т. д.

4. При рассмотрении смет в Государственном совете и финансовых комитетах и комиссиях следует рассматривать оные не столько по министерствам или ведомствам, сколько по степени необходимости того или другого расхода, разделив их на категории, например: а) расходы неотложные, или совершенно необходимые; б) расходы нужные и в) расходы только полезные, но которые нельзя признать необходимыми. При рассмотрении расходов на этом основании многие немедленно были бы сокращены, например, весь расход на ведомство Государственного коннозаводства, на гвардию, роскошные кавалерийские полки, огромное число генералов и офицеров, составляющих свиту и т. п., ибо очевидно, что мы не можем тратить деньги на улучшение породы скаковых и рысистых лошадей и на роскошные мундиры в то самое время, когда мы вынуждены занимать деньги у одного банкира, чтоб заплатить проценты по прежним займам, сделанным у другого (заем англо-голландский 1866 года).

5. Затем следует сделать целый ряд сокращений в расходах, сокращений весьма болезненных, и для производства коих необходимо общее сочувствие как следствие ясного понимания затруднительности нашего финансового положения.

К числу подобных сокращений относятся следующие: а) уменьшение расходов по Двору; необходимо продать или употребить на предметы полезные разные дворцы, уменьшить число служащих, уменьшить жалованье, а некоторые должности сделать только почетными, не присваивая им никакого содержания; уменьшить число лиц, получающих придворные экипажи, что тем легче, что в числе их есть лица весьма богатые например, министр почт граф Толстой, шеф жандармов граф Шувалов, графиня Протасова и пр.; уменьшить число придворных праздников, отменить разные строительные работы, передав все театры частным предпринима-

телям и т. д.; б) в высших государственных учреждениях ⁷ уволить с пенсиями лиц, которые не могут считаться необходимыми для службы, уменьшить жалованье остающимся на службе, особенно уменьшить огромные оклады, например наместника варшавского, получающего 100 тыс. рублей, наместника кавказского — 100 тыс. руб., министра двора — до 85 тыс. руб., вице-канцлера — 40 тыс. руб. и т. д.

До сих пор сокращения штатов касались только мелких чиновников, которых увольняли десятками и сотнями, не достигая сколько-нибудь значительных сокращений, ибо эти люди получают самое ничтожное жалованье, и упразднение одной из бесполезных высших должностей доставило б больше выгод, чем упразднение сотни мелких мест. К числу бесполезных должностей следует отнести некоторые министерские должности (начальники I, II, III и IV отделений Собственной канцелярии, генерал-губернаторы в Риге, Вильне, Киеве, Одессе, Москве и т. д.); в) прекратить назначение аренд, ссуд и пособий богатым людям, что случалось весьма часто; г) предоставление гораздо больше дел и власти земским учреждениям и соответственно тому уменьшение разных административных учреждений.

6. В то же время необходимо делать разные производительные расходы и особенно отменить множество стеснений, которые препятствуют развитию промышленности и торговли. К числу таких стеснений следует отнести, например, паспорта, а к числу нужных производительных расходов издержки на железные дороги и на школы и особенно на приготовление учителей для училищ всех разрядов и степеней.

7. Полная свобода печати и с наказаниями не иначе как по суду за употребление оной во зло, и

8. Публичное рассмотрение государственного бюджета в Государственном совете с приглашением представителей всех губернских земских собраний.

Совокупность этих мер, несомненно, весьма скоро водворит порядок в наши расстроенные финансы и предотвратит от нас большие бедствия.

Перечитав все вышеизложенное, написанное мною после долгих размышлений в марте сего 1867 г., я прихожу к убеждению, что предлагаемые по всем отраслям государственного управления главные казенные меры принесли [бы] истинную пользу России и что в этом смысле они соответствовали бы намерениям государя, для которого благо России составляет всю цель его жизни. Я убежден также, что эти меры, соответствующие вполне великим, совершенным уже им преобразованиям, доставили бы ему прочную славу и заставили бы забыть то, что в его царствование было содеяно недостойными советниками и превратными истолкователями и исполнителями его благонамерений и желаний.

В дополнение всему вышесказанному о положении наших финансов следует указать на то, что сравнительно с другими странами Европы Россия есть государство весьма бедное, страдающее особенно недостатком капиталов и отсутствием материального благосостояния огромного большинства ее жителей. Здесь полезно иметь в виду слова французского экономиста L.Say, сказанные для Франции, но применимые и к России ⁸. «Что нам необходимо, так это свобода торговых операций, прочно основанная на свободе политической. Соотношение между свободой торговли и свободой политической гораздо более тесное, чем это думают обывочно. Политическая свобода является основным началом всех остальных свобод, она одновременно есть и источник и гарантия их... Нация без свободы находится как под опекой, а закон запрещает подопечным подписывать вексель.

Весьма распространенная ошибка наших дней — полагать возможным заменить свободу материальным производством. Полное развитие национального богатства бывает только при свободном правлении. Обсуждение финансовых дел, которое совершенно необходимо в нашу эпоху, являясь единственным средством исцеления при международных кризисах, ничего не значит при ограниченном праве обсуждения политических дел.

Связь, которая существует между развитием общественного богатства и политической свободой, не может оспариваться теми, кто изучал Англию. Пресса в Англии обсуждает все, она обнажает, часто даже сурово, слабости лиц самых высокопоставленных. Она не отступает ни перед расследованиями, ни даже перед скандалами. Общественное мнение немилосердно и часто осуждает ошибку или преступление. Эти безжалостные расправы имеют, может быть, свою неприятную сторону, но они имеют своим результатом здоровое и возвышенное понятие о долге в общественной и частной жизни и силу более действительную, с точки зрения подавле-

ния некоторых деяний, чем правительственное вмешательство, самое громогласное и изощренное. Наше политическое устройство является тем серьезным препятствием, которое надо преодолеть, чтобы благополучно вести крупные дела. Самое меньшее, что необходимо — это пресса, освобождения от пут и, следовательно, имеющая силу бороться против невежества публики». (Л. Сэй).

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Вообще Головин должен сказать, что из всех министров, которых он слышал, князь Горчаков более всех, смелее всех говорил в пользу справедливости, свободы, законности и милосердия. Напротив того, военный министр Милютин и министр государственных имуществ Зеленый более других являлись на стороне произвола и жестокости.
2. Это напоминает слова одного прусского министра: «Beschränkter Untertanen Verstand». («Ограниченный разум подданных». — *Сост.*).
3. Подобные события везде почти вызывают одинаковые последствия. Достаточно вспомнить действия французского правительства после убийства герцога Беррийского, когда министр Паке вскричал: «Oui, je demande l'arbitraire. («Да, я требую суда». — *Сост.*).
4. Замечательно, что расход по Корпусу жандармов с 1861 по 1867 г. увеличился почти на 50%, а именно: на 871 909 руб. и составлял в 1867 г. — 1 712 000 руб. Какое колоссальное развитие одного из орудий политической полиции, не говоря о суммах III Отделения и Министерства внутренних дел на тот же предмет.
5. Из этой суммы на период времени с 1860 по 1867 г. приходится почти треть всей суммы, а именно 536 000 000 руб. Следовательно, в 28 лет переиздержано только вдвое более, чем в последние семь лет.
6. Государственные росписи, которые представляются Государственному совету и печатаются во всеобщее сведение, многого не содержат в себе, например, действительного поступления доходов, цифры недоимок, расходов сверхсметных, расходов авансовых, употребления, сделанные из сумм, получаемых займами и пр.
7. Государственный совет, Комитет Министров, Сенат, Комиссия прошений. Послы и посланники.

Примечания публикаторов

- I. Речь идет о тайном обществе, основанном в Москве Н. А. Ишутиным в сентябре 1863 г. с целью подготовки крестьянской революции. Сначала ишутинцы создали переплетную и швейную мастерскую на началах ассоциации, ватную фабрику в Можайском уезде, подготавливали устройство железодельного завода в Калужской губернии (идеи Н. Г. Чернышевского, побег которого готовили). После покушения Д. В. Каракозова в 1866 г. на Александра II многие члены общества были арестованы, а Каракозов казнен.
- II. В 1866 г. по делу о русской читальне в Гейдельберге, в которой находилась нелегальная литература, была арестованы: Н. П. Владимиров, доктор философии (приговорен к ссылке в Уфимскую губ.), А. Л. Линева, отставной штабс-ротмистр (привлекался и по делу Каракозова, выслан в Тотьму Вологодской губ.), С. Т. Константинов, пом. инспектора классов Училища праведения (выслан в Обвинск Пермской губ.), П. В. Михайлов, инженер путей сообщения (переведен на службу в Вологду под надзор полиции), Н. В. Альбертини, бывший преподаватель Московского кадетского корпуса (выслан в Мезень Архангельской губ. под строгий надзор полиции), В. Нагель, шведский подданный, волнослушатель Петербургского университета (выслан за границу с воспрещением въезда в Россию).
- III. Деизм (лат. deus, бог) — религиозно-философское учение, согласно которому бог, сотворив мир, больше не принимает никакого участия и не вмешивается в закономерное течение событий.
- IV. Здесь автор приводит цитату из Ж. Фавра на французском языке, которая опускается. Ее перевод: «Материализм — это доктрина, которая иссушает душу, которая заставляет человека довольствоваться удовлетворением материальных потребностей. Она отвратительна. Но знаете ли Вы, каково ее происхождение? Это рабство и опустошение душ». Жюль Фавр. Умному понятно.
- V. Тексты Л. Сэя на французском языке опущены. Приводится их перевод.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина

1938 год

1.1.

Утром — недомогание. Процедура. Встал невыспавшийся. Проверял и исправлял свою статью об Якушкине. Обедали дома. Вечером были у Базилевича.

2.1.

Закончил статью об Якушкине и вечером, за час до отъезда, передал ее З. П. для сборника Горпединститута. Просмотрел введение доклада Берелевич и неопубликованные сочинения Чаадаева; перед самым отъездом сделал замечание Берелевич. Бесплодно съездил за Пушкиным в «Межд[ународную] книгу» — заперто до учета. В Институте истории взял бланк анкеты. Пообедал легко в Д[оме] уч[еных]. Вернувшись, уложился — взял почти все материалы к теме, кое-какие книги, подушку. На такси — на вокзал. Провожала Лина. В вагоне лег рано спать.

3.1.

Приехал [в Ленинград] во время. Дома — специфический запах. Выпил чаю и отправился в Институт курортологии — записался на 6 процедур. Сделал попутно кое-какие покупки на Невском. Был у парикмахера и в сберкассе. Позавтракал в столовой около почтамта. Возобновил пропуски в архивы. В АНХ с 1^{1/2} до 5 ч. работал над делом о поездке МГИ. Пообедал в вегет[арианской] стол[овой] за Литейным. Сделал покупки. Зашел домой за простыней и фуфайкой. В И[нституте] к[урортологии] принял процедуры. Дома поужинал маслинами и хлебом с маслом. Сделал записи и заполнил анкету.

Настроение бодрое. Поездка в Москву не была бесплодной: я принят в Институт истории, выяснилась судьба моей статьи, проверены аспиранты, установлена более теплая связь с Истфаком (беседы с Удальцовым, Федосеевым, студентами), выяснилось недоразумение с унив[ерситетскими] книгами, исправлена и передана статья об Якушкине, обеспечено получение гонорара в «Октябре», улажен инцидент с управдомом. Я повидался с Н., с сестрами, с друзьями, встретил Новый год в близком кругу. Отравляла существование обстановка в квартире. Материально и морально я чувствую себя бодрее. Хочется работать и достигнуть цели.

4.1.

Встал в 10-м часу. С 12 до 2 ч. — в АВН, с 2^{1/2} до 4 ч. — в ИЛИ за архив[ом] Киселева (сразу напал на интересное письмо его к Н[иколаю] I, подтверждающее мою концепцию). Интересная научная беседа с Шебуниным. Обед в Д[оме] уч[еных]. Старое письмо от З.П. С 7 до 10 в Библиоте[ке] АН за биографиями Н[иколая] I. Дома — проверка переписанной статьи о Покровском. Сильная тяжесть на желудке. Руки хуже. Лег в 2 ч. н[очи].

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 9—12; 1996, 1—4, 7, 9—10; 1997, №№ 1, 3—4, 6—7.

5.1.

Встал в 10-м часу. Написал письма Н. и Л. С 12 до 2³/₄ ч. занимался в АВП.; новые мысли о правительственной политике 1815—1820 гг. под влиянием материалов К[омите]та 1826 г. С 2³/₄ до 5 ч. — в АНХ кончил дело № 345. Пообедал в вег[етарианской] столовой у Литейного. Двенадцатая процедура. Дома проверял текст статьи.

6.1.

После утреннего завтрака дома составлял план работы для Академии наук (на январь — февраль), писал письма — в Институт истории и Е. А. Мороховцу. Ходил по магазинам в поисках перчаток и белья. Пообедал за Литейным. С 6¹/₂ провел в Публ[ичной] б[иблиоте]ке и кончил Арсеньева, прочел слов[арные] статьи о Н[иколае] I. По дороге к А. Д. был в парикмахерской. А. Д., как всегда, встретила очень приветливо, поболтали. Вернулся в 12 ч. ночи. Писал письмо З. П. и отзыв А. Б. Закс. Лег поздно — около 3 ч. ночи.

7.1.

Встал поздно — в 10 ч. Возился с пакетом Акад[емии] наук и посылкой Зинаиде (посылаю ей свои шерст[яные] перчатки и купленные меховые варежки). Сдал их на почту. В Отд[елении] Института истории сдал для отсылки текст своей статьи о Покровском; беседовал с Шустером и Предтеченским о пятитомнике; с Предтеченским безболезненно обменялись темами. С 2¹/₂ до 5 ч. занимался в ИЛИ над бумагами Киселева — есть интересные данные, особенно в письмах Гамалея. Пообедал в вегет[арианской] стол[овой] за Литейным. Зашел домой за простыней. 13-я процедура в И[нституте] к[урортологии]. Дома — газета. Прочел статью Новицкого, написал о ней отзыв и письмо Бибикову.

8.1.

С 11 до 2¹/₂ ч. — в АВП; прочел и совершенно иначе, чем раньше, понял эмансипационный проект Мордвинова 1818 г.: это — крепостнический контрманевр, направленный против правительственных планов А[лександр]а I.

От 2¹/₂ до 5 ч. — в АНХ — за циркулярами 1843 г. Обед. Покупки. Дома — полуторачасовой отдых, сон. Газеты; 60 л[ет] смерти Некрасова. От 10 до 12 ч. за Полиевктовым. Написал письма Бушуеву, Морасову, Эвенчик. Руки лучше, кишечник тоже. Натер ногу.

9.1.

С 10¹/₂ до 2¹/₂ в АВП — за указами о г[осударственных] к[рестьянах] и бумагами К[омите]та 6/XII (записки А. Воронцова и Кочубея). С 2¹/₂ до 4¹/₂ в АНХ за циркулярами МГИ 1843 г. Обед за Литейным. В ателье, 14-я процедура. Дома — за Полиевктовым. Слабость.

10.1.

Встал раньше, около 8¹/₂. С 10 ч. 20 м. до 2 ч. в АВП (записка Кочубея, конспекты, выписки). Бесплодно заехал в Институт истории — никого в секретариате. В ИЛИ — за записочками Киселева и письмами Гамалея. Обед за Литейным. Покупки (нашел масло!). Дома — приготовил посылочку Л. И. и большое письмо В. И. Лебедеву. За Полиевктовым. Получил повестки на 940 р. (гонорар из «Октября»).

11.1.

После завтрака — на почте (получил 940 р., отправил посылку и письмо). С 12 до 3 ч. — в АВП за указами и запискою Сперанского 1826 г. (полная противоположность проекту 1809 г.!). С 3 до 5 ч. — за циркулярами в АНХ. Обед. Заверил подпись в домоуправлении. В Институте — 15-я процедура. Дома за газетами и Полиевктовым. Статья Н. в «С. И.»

12.1.

Встал поздно. Письмо Лине. На почте, покупки в магазинах, завтрак в ДТ, парикмахерская, сберкасса. Украли мои варежки; к счастью, удалось сейчас же купить новые. С 3¹/₂ до 5 ч. в Б[иблиоте]ке Акад[емии] наук. Обед за Литейным. С 7 до 9¹/₂ — в Публ[ичной] б[иблиоте]ке. Дома — газеты, письмо Н. Письмо от Зинаиды. Флаги, радио на улицах.

13.1.

Встал в 8 ч. у[тра]. После завтрака поехал в Оперный театр и, продежурировав около часа, купил билет на «Броненосца Потемкина» на 22 января (правда, дорого: 18 р.). С 11 ч. 40 до 3 ч. в АВП, с 3 до 5 ч. в АНХ. Обед за Литейным. По дороге

в И[нститут] к[урортологии] зашел в Центр[альную] театральн[ую] кассу на Невском (сегодня — первый день продажи) и взял билеты на все выходные дни — на драму и балет. Принял 16-ю процедуру. Был у врача Певзнера; по-видимому, он не слишком доволен результатом лечения. Дома писал письма Зинаиде.

14.1.

После завтрака — в библиотечном коллекторе. С 11 ч. 10 м. до 2 ч. 50 м. — в АВП за указами и запиской Сперанского. Встреча и беседа с Е. А. Мороховцем. С 2 ч. 50 м. до 4 ч. 10 м. — в АНХ; утомление и сонливость. В Доме торговли. Обед. Дома — отдых. Телеграмма поздравительная от Д.; открытка Мороховца. За Полиевктовым. Весь день, особенно после овощного обеда и вечернего чая, — страшная тяжесть на желудке.

15.1.

Встал в 9 ч. 30 м. С 11 ч. 30 м. до 2 ч. 30 м. — в АВП за указами, записками Бахметева и Бадучьянского. С 2 ч. 30 м. до 3 ч. — в АНХ за Инструкцией ревизорам и циркулярами 1844 г. Обед за Литейным. В парикмахерской, 17-я процедура. Дома — газеты, Полиевктов. Поздравительные открытки от сестер. Левая рука — хуже. Тяжесть на желудке усиливается.

16.1.

С 10¹/₂ до 2¹/₂ в АВП за интереснейшей запиской Павла Сумарокова (дворянин-консерватор, жестокий критик всей системы). От 3 до 5 ч. в ИРЛИ за письмами Гамалея и Корнеева к Киселеву. В Доме торговли. Обед в Доме ученых. Письма от Паушкина и Песчанского о справках. Пешком через Марсово поле и мост Пестеля. Дома — сначала приведение в порядок архивных карточек, потом — статья о Николае I для БСЭ. Лег около 2 ч. ночи.

17.1.

Встал поздно — около 9 ч. 30 м. От 11 ч. 20 до 3 ч. — в АВП за запиской Сумарокова. От 3 до 5 в АНХ за циркулярами МГИ 1844 г. Обед за Литейным. Покупки. Процедуры; мое недовольство гл[авной] сестрой. Дома — газета (интересный фельетон Мих. Кольцова о метателях копий, карьеристах и перестраховщиках и Станиславского, в связи с его 75 л[етним] юбилеем). Статья о Николае I.

18.1.

Днем переписывал и попутно исправлял статью о Николае I для БСЭ. В 4 ч. сдал ее спешной почтой. После обеда в вегет[арианской] столовой провел два часа в Публ[ичной] б[иблиоте]ке за письмами Николая I и воспоминаниями о нем. Вечер в Государственном театре комедии на «Школе злословия» Шеридана; театр — ухудшенное издание Вахтангова и Завадского. Дома после ужина написал открытки Н-ше, З. П., Берелевич. Кишечник налаживается, но появились боли в шейных позвонках.

19.1.

Встал поздно — в 9¹/₂ ч. После завтрака — в АВП (11¹/₂—2¹/₂) и ИРЛИ (3—5). Обед в вег[етарианской] ст[оловой]. Процедуры (19). Дома — газеты (критические речи в Верх[овном] Совете), письма Д. и Паушкину. Письмо от М. И.

20.1.

Встал в 8 ч. 20 м. С 10¹/₂ до 2¹/₂ — в АВП за мелкими делами. С 2¹/₂ до 4¹/₂ — в АНХ за циркулярами 1844 г. Из-за сонного состояния работалось плохо. После обеда — дома, часовой отдых, крепкий сон. С 8 ч. 15 до 9 ч. 45 м. — в Б[иблиоте]ке АН. Дома — открытка от З. и бандероль от Н. Настроение неважное.

21.1.

Утром — составление справки Песчанскому. С 11¹/₂ до 2¹/₂ в АВП; начал чтение бумаг К[омите]та Кочубея. В Институте истории получил разрешение брать на дом книги; взял СРИО (журналы К[омите]та 6/ХII). В ИРЛИ — за письмами Хрущева Киселеву. Передал Шебунину отгиск своей статьи о ланкастерской школе Якушкина. Обед за Литейным. Зашел домой. Двадцатые процедуры в И[нституте] к[урортологии]. После чая — читал журналы К[омите]та 6/ХII. Газеты.

22.1.

Ленинский день. Утром переписывал справку для Песчанского. Бесплодное хождение по магазинам в поисках белья. Кафе. У А. Д. Обед. Дома — за документами А. Н. В Мариинском театре (теперь Кировском) на новой опере «Броненосец Потемкин»; сильное впечатление — особенно от массовых сцен; много песен; исторически — передано.

23.I.

Встал поздно. Дома читал СРИО. Удостоверение подписал и сдал на почту справку Песчанскому. Обед за Литейным. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке за архивом Мордвинова — нашел то, что нужно! В И[нституте] к[урортологии] 21-я процедура. Дома — за документами АН. Получил извещение из БСЭ о получении моей статьи «Николай I» и о высылке гонорара за прежние статьи. Письмо от А. Б. Закс.

24.I.

Утром — парикмахер, сберкасса. АВП и АНХ оказались заперты. С 12 до 4^{1/2} работал в ИРЛИ, кончил группу взятых документов. Обед в Д[оме] уч[еных]. Бесплодные поиски белья. «Эсмеральда» в Театре оп[еры] и бал[ета]; прекрасная постановка и великолепная исполнительница роли Эсмеральды — Вячеслова. Письма от Н. и Лины.

25.I.

Встал в 8^{1/2} ч. С 11 до 3 ч. — в АВП (за Комитетом Кочубея и пр.), с 3 до 5 ч. — в АНХ. Обед. 22-я процедура. Взял билет на 6/II на «Золотую долину». Дома писал письмо Н.

26.I.

Встал в 8^{1/2}. С 10^{1/2} до 3 ч. — АВП (картотека, проверка выписей, дело о Комитете Кочубея); с 3 до 5 ч. — АНХ (циркуляры 1844 г.). Обед за Литейным. С 6^{1/2} до 10^{1/2} в Публичной библиотеке (Щербатов вполне оправдал себя!). Дома — за газетой.

27.I.

Первая оттепель. Все распустилось. Появились боли в правой руке — при давлении, напряжении. Встал в 9 ч. у[тра]. К 11 ч. был у Пассажа, достал немного белья. С 12 до 3 ч. — конспектировал в АВП депо о К[омитете] Кочубея. С 3 до 5 ч. делал выписи из Описи ДГИ. Обед за Литейным, 23-е процедуры. Дома — за документами АН.

28.I.

Боль в спине, в груди, а вечером — в затылке, шум в ушах. Тяжелое моральное состояние. Написал запросы Берелевич, Эвенчик, Бибикову. Взял в сберкассе и послал сестрам 200 р. С 12 до 3 ч. в АВП за Комитетом Кочубея; разыскивал и нашел дополняющие дела (о Канкрине) в ф[онде] Г[осударственного] Сов[ета]. В Инст[итуте] истории просматривал литературу о волнениях XVIII в.; «Документы», переданные на рецензию, оказались первоначальной редакцией печатных «Материалов». После обеда весь вечер производил сличение и писал отзыв. Письмо от Е. А. Мороховца: на 3/II назначено заседание с моим докладом о Покровском.

29.I.

Ночью появилась боль в шее. Все время — легкая головная боль. Утром на гор[одской] станции купил билет в Москву на 2.II. Отправил извещение о приезде Мороховцу и Н-ше. От 12^{1/4} до 4 ч. — в АВП; окончил конспектировать Комит[ет] Кочубея и в связи с этим набросал концепцию будущего доклада. В АНХ просматривал опись ДГИ. После обеда зашел домой за простыней и нашел письмо из БСЭ с предложением написать статью о Павле I. В Институте курорт[ологии] принял 24-е процедуры. Дома переписывал отзыв о «Документах» и приготавливал бандероль. В постели — нервное состояние.

30.I.

Встал поздно. Отправил в Институт истории отзыв и бандероль с «Документами». Днем был в Маринском на «Щелкунчике». Очаровательно! Пообедал в диетстоловой. Дома — отдохнул. От 7^{1/2} до 10 ч. провел в Б[иблиоте]ке Академии наук — почти окончил конспектирование Зайцева. Дома написал открытки о своем приезде всем 4 аспирантам, З. П. и ответ в БСЭ. Опять оттепель и недомогание.

31.I.

Встал невыспавшийся. На почте сдал письмо. В АВП — за запиской Сперанского и проверкой копий (с 12 до 2). В ИРЛИ — за описью Арх[ива] Киселева и письмами. В Ин[ституте] ист[ории] — дал согласие Мешалину рецензировать его работу; беседа с А. В. Предтеченским о политике Николая I. Обед. На приеме у Певзнера: прописал соляно-хвойные ванны, эндофорез, массаж. Дома перечитывал свою статью о Покровском и прикидывал возможные возражения.

1.II.

Малопродуктивный день. Утром получил по почте гонорар из БСЭ и поехал на

«барахолку» искать галоши; купил огромные мокроступы для валенок — кроме ничего не было! В сберкассе взял деньги. В АВП попал только к 2¹/₂ ч. и успел проверить копии. В И[нституте] и[стории] взял копии и имел объяснение по поводу отношения о рецензии. В БАН заказал книги — для подготовки к докладу. После обеда зашел домой за простыней. В И[нституте] к[урортологии] принял первую соляно-хвойную ванну. Дома читал газеты и окончил читать свою статью.

2. II.

С 11 до 1¹/₂ в АВП за запиской Сперанского и другими делами К[омите]та 6/ХП 26. В Институте истории за «Историком-марксистом». В Б[иблите]ке АН — справки в связи с предстоящим докладом и статья Смирнова — о проектах. Обед. В магазине «Фарфор» купил чашку Н. В Публ[ичной] б[иблите]ке за журналами и пр. Встретил Сафар Галиева; диссертация Миносьяна направлена на отзыв к Хачапуридзе. Аспирант Н. из Обл[астного] педаг[огического] института попросил у меня консультации о гос[ударственных] кр[естьян]ах, оказывается, он пишет диссертацию о волнениях 1835 г.! Дома уложил вещи в портфель, выпил чаю и — на вокзал.

3. II.

В вагоне — чтение Семевского. Дома — спешное собирание справок к докладу. Обед и бритье в Доме ученых. В 6 ч. вечера — в И[нститут] и[стории]. Доклад прозвучал хорошо. Присутствовало человек 25, в том числе — Мороховец (председательствовал), Панкратова, Пичета, Попов, из знакомых — З. П., Закс А. Б., Г. А. Новицкий, Н. Л. Рубинштейн, Кушева, Элькина, Дмитриев, Вальцев. Прения были недлинные: говорили — довольно неуверенно — Пичета, Попов, Мороховец. Панкратова задала вопрос о «двух путях» и в перерыве решительно не согласилась с моими мнениями, но на прения не осталась. Нечкина пришла к концу, я читал в виде доклада вступление, среднюю главу («Классовая борьба») и заключение. Мое заключительное слово, кажется, было фактическим и достаточно убедительным. О. А. Иванова выразила свое впечатление словами: «Сегодня у нас был праздник». А. Б. Закс и Д. Ю. Элькина от имени С. И. Мицкевича попросили прочесть мой доклад. Дома провел остаток вечера с Н. и ее гостем музыкантом Ш.

4. II.

Встал поздно. Дома беседовал с аспирантами Берелевич и Эвенчик об их работе. Съездил на Ленинградский вокзал и с трудом купил билет на 6-е на Красную Стрелу. Обед в Д[оме] уч[еных]. В Институте истории беседовал с В. И. Лебедевым о своем положении, о плане своей работы и о времени следующего приезда. Штаты И[нститута] и[стории] еще не утверждены, но я стою в первой очереди; В. И. принял мое предложение о докладе, и мы сговорились, что я пришлю тезисы; диспут Миносьяна намечен на вторую половину марта, так же, как мой приезд. Вечер провел дома с Н. и Линой. Н. по уши занята в редакции. Дома — все тот же беспорядок. Билет в театр на 6/II послал А. Д.

5. II.

После утреннего завтрака отправился в путешествие: сберкасса (взял деньги и аккредитив), красильня (нашел свой пиджак), Университет (беседовал с Федосеевым об аспирантах, получил деньги за аспирантов, отдал В. С. Саранеевой профсоюзный билет и 4 р. 50 к.), Мосторг (поиски белья), маг[азин] Ака[демии] наук (получил IV и VI т. Соч[инений] Пушкина). Вечером был у Менжинских, выразил Ю. И. свое сочувствие ее горю (смерть А. Д. Закса). Сидел за статьей Попова о внешней политике.

6. II.

Весь день — за статьей Попова, написал отзыв. Обедал в Д[оме] уч[еных]. Вечером заезжала А. М. Панкратова и оставила часть учебника — на мой просмотр. В 11 ч. простился с Н. В вагоне читал новую книгу Фейхтвангера.

7. II.

Приехал в Ленинград в 10¹/₂ у[тра]. Дома приветливая встреча К. С. Переоделся и поехал в АВП; на дороге позавтракал в столовой. В АВП с 12 ч. 45 до 3 ч. 30 м. — за делами о поземельном сборе в уд[ельных] имениях; в АНХ от 3¹/₂ до 5 ч. — за описью Д. Г. И. Бесплодно прошелся в Дом уч[еных] — сегодня заперто. Пообедал все в той же столовой. Взял 2-ю ванну и массаж в И[нституте] к[урортологии]. Дома читал Фейхтвангера.

8. II.

Утром — открытые письма Бушуеву, Мороховцу, Берелевич, Эвенчик, в БСЭ.

С 12 до 3 ч. — в АВП за «Историей уделов» (реформы Гурьева и Перовского — истоки реформы Киселева!) С 3^{1/2} до 5^{1/2} в Институте истории за картотекой по Николаевской эпохе (нашел ряд важных указаний для своей работы над г[осударственными] к[рестьянами]. Обед в вег[етарианской] столовой № 4. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке с 7^{1/2} до 10 ч. — за воспоминаниями Н. Тургенева и журнальным материалом (Гурьев, Куракин). Дома — за учебником Панкратовой. Легкий грипп.

9. II. В АВП с 11 до 3 ч. (за проверкой копий и «Историей уделов»). В И[нституте] и[стории] за картотекой по никол[аевской] эпохе. Беседа с Валком о заседании Уч[еного] Совета И[нститута] и[стории], положении сборника о Покровском и пр. Обед в вег[етарианской] ст[оловой] № 4. Покупки. В И[нституте] к[урортологии] — только массаж; из-за недомогания отказался от ванны. Дома — за учебником Панкратовой. Плохо! Получил на рецензию «Крест[янскую] пр[омышленность]».

10. II.

В АВП с 11 ч. до 2^{1/2} (дела о поз. сборе, об окладах оброка и пр.). С 3 до 5 ч. в И[нституте] и[стории] (за архивной картотекой). Обед в ст[оловой] № 4. В парикмахерской. С 8 до 10 в БАН. У Ал. Д. Дома — за рукописью Панкратовой.

11. II.

Легкий грипп. С 11^{1/4} до 2 ч. — в АВП (за отчетами К[омите]та 6/XII). С 2^{1/2} до 5 ч. — справки к учебнику Панкратовой. Обед в ст[оловой] № 4. Заказ и справки в Публ[ичной] б[иблиоте]ке. В И[нституте] курорт[ологии] — массаж. Дома — учебник Панкратовой и 74 т. СРИО.

12. II.

После завтрака в Публ[ичной] б[иблиоте]ке (с 12 до 4^{1/2}). Писал критические замечания — письмо А. М. Панкратовой. Обед в столовой № 4. В ателье быт[ового] обслуживания (ремонт одежды и обуви). У педагога Белокопытова (купил для А. Д. роман Дюма «Граф Монте Кристо» на франц. яз.). Дома — газеты, переделался. У Перовских — Гунали; оживленная беседа. Вернулся в 1 ч. ночи. Перед обедом отправил заказное письмо Панкратовой.

13. II.

Утром отправил Панкратовой текст ее рукописи. Бесплодно съездил в кассу Александр[инского] театра. С 1 ч. до 3 ч. в АВП (за Комитетом 6/XII). С 3 до 5 в АНХ (за описью ДГИ). Обед в стол[овой] № 4. В театр[альной] кассе купил билеты на «Конька-горбунка» (24/II) и «Женитьбу Бальзаминова» (18/II). В И[нституте] курорт[ологии] — 1-й эндофорез и массаж. Дома — составление плана статьи для 5-томника. Получил письмо от Е. А. Мороховца; моя статья о Покровском передана на рецензию Нечкиной.

14. II.

Встал поздно. Написал и отправил открытку Н. С 12 до 2 ч. д. — в АВП за последними делами К[омите]та 6/XII. С 2^{1/2} до 6 ч. в И[нституте] ист[ории] за составлением плана статьи для пятитомника. Переписали на машинке, я проверил, запечатал и отправил в Москву — к 15-му спешным письмом. Бесплодно съездил в диетическую столовую — было около 7 ч. и обеда не дали. Пообедал в Д[оме] уч[еных]. Около часа отдохнул в клубной гостиной, беседа со старым доктором, противником прививок. У М. В. Джервиса; обменялись впечатлениями от своих планов.

15. II.

Встал поздно — около 9^{1/2}. С 11^{3/4} до 3 ч. — в Ар. В. П. за проектом манифеста А[лександра] I. В ИРЛИ — за перепискою Киселева. Обед в ст[оловой] № 4. Домой за фуфайкой. Лечение в И[нституте] к[урортологии]. (2-й эндофорез, 3-я сол.-хв. ванна). Дома — газеты (важное письмо Сталина о невозможности окончательной победы социализма — вне мирового масштаба; выступление против «унтер-офицеров Пришибеевых»). За СРИО.

16. II.

Встал около 9 ч. у[тра]. По дороге в архивы заехал в парикмахерскую. В АВП (с 11^{1/2} до 3^{1/2}) извлекал материал из записок Муравьева и Зубова (проекты раздачи и продажи земли) и из ярко крепостнической записки Баранова, в АНХ продолжал штудировать опись Д. Г. И. Обед в ст[оловой] № 4.

В БАН за литературой доклада. Дома нашел новые главы учебника Панкратовой. Вечером читал СРИО. Отправил открытку З.

17.II.

Встал в 10-м часу. В АВП (с 11^{3/4} до 4^{1/2}). — за записками Баранова и Мечникова — о недоимках с важною ведомостью. Обед в ст[оловой] № 4. По магазинам, в И[нститут] к[урортологии] — 3-й эндофорез, 4-я ванна, массаж. Дома — нашел письмо от Института истории со своей статьей. Читал СРИО и приводил в порядок материал.

18.II.

Утром продолжал внешне систематизировать и раскладывать по папкам свой диссертационный материал. Был на утреннем спектакле в Александр[инском] театре: смотрел «Женитьбу Бальзамина» Островского. Играли «по-старинке», не все — на месте, но в общем, забавно. После обеда в вег[етарианской] столовой № 4 провел 2^{1/2} часа в Публ[ичной] б[иблиоте]ке. Дома читал учебник Панкратовой и писал письма — Н., Лине, З. П. и Миносьяну.

19.II.

Полубессонная ночь, беспокоил кишечник. Утром переменял оправу к очкам. С 12^{3/4} до 3^{1/4} в АВП (дела К[омите]та 6/ХП. С 3^{1/2} до 5^{1/4} ч. — в Институте истории закончил картотеку по Н[иколаю] I. Обед в вегетарианской ст[оловой] № 4. В И[нституте] к[урортологии] — у врача (остался недоволен результатами лечения, направил к консультанту — хирургу), торопливо принял 4-ю проц. эндофореза, 5 ванну и массаж. Дома — СРИО, письмо от Н., ее тяжелое положение.

20.II.

Встал в 8^{1/2} ч. у[тра]. По дороге в архивы — в парикмахерской и сберкассе. В АВП (с 11 ч. 40 м. до 3^{1/4} ч.). — над запиской Сперанского, описью II отделения (бумаги Гурьева, кажется, найдены!), мелкими записками. От 3^{1/2} до 5 ч. — в АНХ; окончил опись ДГИ, искомым дел (проекты о г[осударственных] к[рестьянах] Канкринина) нет! Очевидно, нужно искать их в Канцелярии министра финансов. По окончании занятий пошел пешком по Невскому, зашел за воротничками. Пообедал в вегетарианской ст[оловой] № 4. Оттуда — в БАН, с 7 до 10 ч. в. читал статью Готье о киселевской реформе (наивная апологетика!) и обезличенный исторический очерк проектов в ЖИГИ. Дома — за газетой. Папанинцы сняты ледоколами! Новая победа — науки и Советского Союза. Несмотря на действие кишечника — состояние неважное. Руки — тоже плохо!

21.II.

Утром заехал в магазин, чтобы переменить неудачную оправу. В АВП от 11^{1/2} до 3^{1/2} (за запиской Сперанского о кр[естьянах] и пр.). Навести справки в Б[иблиоте]ке И[нститута] и[стории] не удалось: был митинг. От 5 до 6 ч. провел в ИРЛИ за запискою К-ва. Желудочные боли, недомогание. Очень легко пообедал в стол[овой] № 4 и отправился в И[нститут] к[урортологии], принял эндофорез и массаж. Дома смерил температуру — 37°. Немного — за СРИО. Писал письмо А. М. Панкратовой. Угнетенное состояние. Утром послал письмо в И[нститут] и[стории] Галичеву о неполучении критич[еских] замечаний Нечкиной. Получил отчетное письмо от Берелевич.

22.II.

С 11 до 1 ч. провел в РОПБ, получил разрешение на работу, был приветливо встречен старым Ив. Аф. Бычковым и получил от него печатную опись коллекции Репинского. Заказал бумаги Сперанского. Позавтракал в столовой № 2. От 2 до 3 ч. просматривал в П[убличной] б[иблиоте]ке материал журнальный о Канкрине. Имел беседу с И. В. Мешалиным — о предстоящем заседании, посвященном III тому «Крестьянской промышленности». В Б[иблиоте]ке И[нститута] и[стории] навел справку в связи с просмотром учебника Панкратовой. Отправил письмо и рукопись Панкратовой. Покупки в магазинах. Тяжелое душевное состояние. Обед в ст[оловой] № 4. На приеме у хирурга д-ра Ротенберга в И[нституте] к[урортологии]; нашел у меня полартрит и прописал гимнастику и массаж правой руки. Дома читал СРИО. Письмо от Панкратовой.

23.II.

Утром получил замечания Нечкиной на мою статью о Покровском, есть глупости, общая оценка хорошая. С 12^{1/4} ч. д. до 4 ч. — в АВП за ЖКМ и ГС. С 4^{1/2} до 6 ч. — в Публ[ичной] б[иблиоте]ке за журнальными мелочами и выписками из Архива Мордвинова. После ревеневых пилюль и стула появились боли в кишечнике. Постарался пообедать легко в стол[овой] № 4. В И[нституте] к[урортологии] — 6-й

эндофрез и массаж обеих рук. Боли в кишечнике стали сильнее. Дома — беседа с Н. Ф. о перспективах войны. За СРИО. После чая боли усилились.

24.II.

Боли в кишечнике. Полубессонная ночь. По дороге в театр заехал в сберкассу и на почту, отправил сестрам 200 р. «Конек-горбунок» оказался отмененным. Поехал в 1 гор[одскую] лечебницу и показался консультанту по желуд[очным] болезням Сохору. Не сказал мне ничего нового, рекомендовал «витамин С» и желуд[очный] сок Павлова. Закупил все необходимое в аптеке. В Пуб[личной] б[иблиоте]ке просмотрел заказанные книги — в связи с замечаниями Нечкиной. Пообедал в диетич[еской] столовой диетическим обедом. Дома выправлял текст своей статьи и писал письма Панкратовой и Н-ше.

25.II.

Весь день — усиливающееся недомогание, боли в кишечнике, температура к ночи поднялась до 38,3°. Никуда не выходил, большею частью лежал, очень мало читал (СРИО). К ночи боли усилились после процедуры. Послал письма — открытки аспирантам, З. П.

26.II.

Проснулся с болями и высокой температурой (38,6°). Весь день в постели, иногда в полузабытьи. Вызвали врачей. Нашли грипп на кишечной почве. Квартирные хозяева помогли с вызовом врачей, покупкой лекарств и проч. Днем было 39,3°. К вечеру — меньше, самочувствие стало лучше.

27.II.

День в постели. Температура сначала нормальная, потом 37,4°. Читал газеты, потом немного мемуары Мицкевича. Написал открытки Н-ше, Мешалину, в Институт истории, Инст[итут] физиот[ерапии].

28.II.

Состояние лучше, но температура еще неустойчивая. Лежал в постели и читал СРИО и мемуары Мицкевича. Было два новых врача: один — из Краснокрестной клиники — внес коррективы в лечение. Потрясающее сообщение в газетах. Воздушная тревога — днем и вечером. Беседы с Н. Ф. Малютиным. Размышление об эпохе. Получил 3 студенческих доклада по крест[ьянской] реформе с Исфака МГУ.

1.III.

Первый день встал с постели. Кончил 74 т. СРИО, начал 98 т.; читал газеты. Сделал процедуру. Состояние лучше, температура нормальная, психика — угнетенная. Говорят на дворе — скверная ленинградская оттепель. Получил письмо от Лины.

2.III.

Весь день на ногах. Температура нормальная, но боли и слабость кишечника не исчезли. Appetit плохой. Читал декабристов, мемуары Мицкевича. Написал статью «Павел I» для БСЭ. Сделал дополнительные поправки в статье о Покровском и написал часть возражений на замечания Нечкиной. Написал и отправил открытки Лине и Наташе. Получил от Н. по телеграфу 300 р., письмо от З. Эвенчик. Слабость, упавший голос. Счеты.

3.III.

Первый раз вышел на воздух. Был в парикмахерской. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке окончательно исправил статью о Павле и текст статьи о Покровском. Отправил заказными в Москву. Пообедал в диетстоловой. Дома — читал обвинит[ельное] заключение по процессу и слушал по радио отчет о дневном заседании (чудовищно!). Закончил возражения Нечкиной. Беседовал с Малютиным на злобу дня.

4.III.

Утром состояние — хорошее, если не считать болей в голове. В сберкассе взял 500 р., в Москву отправил 300 р. — Н., 50 р. — Л. В нотариальной конторе засвидетельствовал доверенность. В РО Публ[ичной] библ[иотеки] читал черновик записки Сперанского о каз[енных] крест[ьянах]. Напрасно съездил в диетстоловую № 17 — обеда не давали, пообедал в диетстоловой на Междун[ародном] проспекте. Сделал покупки. Дома — газеты, выписки из СРИО, бумаги К[омите]та 1836 г., 98 т. СРИО. Боли возобновились. Доверенность послал Н. Отправил письмо Мороховцу.

5.III.

Утром — боли, ряд болезненных явлений. Был в АВП, проверял копии, взял

свои выписки. Час провел в РОПБ, кончил заметку Сперанского. Съездил пообедать в диетстоловую, был на приеме у руководителя — врача, прикрепился. По дороге домой заехал в театр[альную] кассу переменить аннулированный билет — не принял. Дома нашел письмо он Н., тоже больна нервными явлениями. Отчет о процессе. Час отдохнул. Разбирал и нумеровал накопившиеся выписки. После чая — опять боли. Письмо А. Д.

6.III.

После завтрака был у врача Сохора — то же самое, в сущности никакой помощи. В Публ[ичной] библ[иоте]ке делал выписки из Мордвина. Пообедал в диетстоловой, снова боль и недомогание. Сильный ветер. Дома после отдыха читал о процессе (чудовишно!), разбирал и нумеровал выписки, проверял студенческой работы, писал письмо Соболевой. Небольшая температура (37,1°), после процедуры — боли. Отправил письмо Н.

7.III.

Утром и днем — боли, недомогание, слабость. Отправил Соболевой студенческие работы и письмо с оценками. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке конспектировал записку Сперанского, кончил выписки из Мордвина. В диетстоловой обед (после — состояние лучше) и беседа с врачом. Возобновил лечение массажем в И[нституте] к[урортологий], был на приеме у д-ра Ротенберга и получил направление к специалисту по желуд[очно]-кишечным болезням. Дома просматривал и нумеровал личные замечания. Потерял портмоне с ключиком.

8.III.

Утром продолжал нумерацию выписок и копий. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке кончил конспектирование записок Сперанского — о к[азенных] кр[естьянах] и о дефиците, ознакомился с манифестом 2/II 1810 г., заказал книги. Пообедал в диетстоловой. Боли исчезли. В И[нституте] к[урортологий] записался к д-ру Канельсону. Дома читал газету, систематизировал и просматривал материал к докладу, составлял план. Отправил Н. открытку о Бадмаеве (для Левина). Письмо от Лины.

9.III.

Первые полдня подбирал, систематизировал и просматривал материал к докладу. Отдал в починку часы. Был в парикмахерской. В И[нституте] и[стории] взял книги. В Б[иблиотеке] АН еще раз просмотрел статью Смирнова о проектах реформы г[осударственных] кр[естьян], в ИРЛИ немного позанимался личным архивом Киселева и подобрал материал по кр[естьянскому] вопросу из архива «Рус[ской] стар[ины]». Пообедал в диетстоловой. В И[нституте] ф[изиотерапии] и к[урортологий] был на приеме у специалиста по желуд[очно]-кишечн[ым] болезням (нашел увеличение печени, рекомендовал физиотерапию), на эндофорезе и массаже. Остаток вечера читал газету и продолжал просмотр материала.

Получил благодарственное письмо из БСЭ за «Павла» и извещение из И[нститута] и[стории] о том, что моя статья и письма получены, и никаких редак[ционных] поправок, по-видимому, не будет. Получил открытку от А. Д. Кишечник — лучше.

10.III.

Днем с 10 до 2 ч. и вечером с 11 до 1 часу ночи просматривал, систематизировал и планировал материал к докладу. С 3 до 5 в АНХ возобновил просмотр циркуляров Киселева (1845 г.). Обед в диетстоловой. Снова боли и слабость. С 7 до 9 ч. в Публ[ичной] б[иблиоте]ке делал выписки из Арх[ива] Мордвина.

Днем прочел № газеты — ужасающее впечатление! Беседа с Малютиным. Дружеское письмо от А. М. Панкратовой — предлагает на время переехать в Москву лечиться.

11.III.

Днем (11—5 ч.) и вечером (10—1 ч.) просматривал и планировал материал. Отправил открытки — поздравительную Соне Гунали, с запросом Берелевич и сестре З. Пообедал в диетстоловой. В ИФ — эндофорез и массаж.

12.III.

Днем (12—4^{1/2}) закончил просмотр и планировку материала. После обеда в Публ[ичной] б[иблиотеке] (6—9^{1/2}) читал Семевского, Чернышева, П. С. З. Дома (11—1 ч.) начал составление плана. Тоска одиночества и болезни.

13.III.

Днем (12—4^{1/2}) и вечером (11—1) составлял план. В диетстоловой.

В Ин[ституте] кур[ортологии], письмо от Н.: меня ждут в Москву, 19 — лекция о Карамзине, 22 диспут Миносьяна. В газетах — последние слова подсудимых (некоторые еще просили о помиловании!) и приговор суда. После обеда 1 час был в Публ[ичной] б[иблиоте]ке.

14.III.

Утром написал и днем отправил авиапочтой письмо Базилевичу, Н. и Миносьяну. Днем кончил составление плана. Час провозился со второй процедурой, на этот раз эффективно. Пообедал в диетстоловой первый раз «по-человечески». В парикмахерской. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке от 7 до 10. Дома — немного СРИО и подсчеты.

15.III.

Днем (с 11 до 5) и поздно вечером (с 11 до 3 ч. ночи) писал доклад. Несмотря на тщательный расчет страниц и стремление максимально сжать изложение, вышел из намеченных рамок. Написал коротенькое историографическое введение и первую главу о положении госуд[арственных] крестьян, заняло 12 страниц почтовой бумаги. Старался взвешивать каждое слово и обосновывать каждый вывод ссылками в примечаниях. Как будто, идет сносно.

Днем перед обедом, на Невском, участвовал во встрече «папанинцев», но эта картина была гораздо менее трогательной и волнующей, чем московская встреча челюскинцев 2 года назад. На эндофорез опоздал.

Германия поглотила Австрию. Фашизм надвигается. Война неизбежна. Мир стоит перед новыми трагическими событиями. Получил открытки от Лины и Берелевич. Как будто, мой отъезд откладывается. Вечером «пересидел» и долго не мог заснуть.

16.III.

Днем (от 11^{1/2} до 2^{1/2}) и вечером (от 9 до 1 ч) писал доклад: еще 8 страниц, и снова вышел из рамок. Почти окончил декабристов. Днем час провел в АВП за эконо[мическим] уставом Гурьева. После обеда в Публ[ичной] б[иблиоте]ке просматривал разные книги и не находил в них того, что меня интересует.

Дома нашел телеграмму с Истфака: «Диссертация Миносьяна откладывается». Вечером после работы не мог заснуть от умственного возбуждения.

17.III.

Днем — за изложением доклада (11—5^{1/2} ч.), вечером (11—1 ч.) за его проверкой и исправлением. Написал 35 стр., кончил Мордвинова, при просмотре возникли сомнения, не скучно ли, не однообразно ли?.. Пообедал поздно в диетстоловой, потом лечился в Ин[ституте] ф[изиотерапии] и к[урортологии], делал активную гимнастику.

Получил телеграмму Базилевича — об отсрочке диспута Миносьяна и 3 открытки — Мороховца (он согласен с моими возражениями Нечкиной), от Зинаиды (пишет о своих впечатлениях от процесса), от Н. (ее тяжелое моральное состояние). Состояние душевной тоски. Ломят спина и рука. На ночь возился с процедурой.

18.III.

Днем (11^{1/2}—4^{1/2}) и вечером (11^{1/2}—1) писал доклад. Правая рука начинает «деревенеть». От недосыпания и, видимо, от недостаточного питания чувствуется быстрое утомление. Взял в сберкассе 300 р., был в парикмахерской, пообедал в диетстоловой. От 7^{1/2} до 10 ч. пробыл в Публ[ичной] б[иблиоте]ке.

Вести из Европы — угрожающие. Из Москвы — ничего. Снова — кишечник. Возился с процедурой до глубокой ночи.

19.III.

Днем (от 11^{1/2} до 2^{1/2}) и вечером (от 11 до 1 ч.) сидел за изложением доклада, «обработал» Сумарокова с его проектом. 1 ч. в АНХ. Между обедом и лечением 1 час пробыл в Публ[ичной] б[иблиоте]ке — за материалами по Сумарокову. Отправил в Москву открытку Мороховцу — с просьбой назначить мой доклад на 3 апреля. Весь день боли в кишечнике. Тяжелое душевное состояние.

20.III.

Дома. День, заполненный плодотворной работой. Встал в 9^{1/2} ч. С 12 до 5 ч. работал в архивах: в АВП кончил экономический устав Гурьева и проштудировал часть Полицейского. В АНХ просмотрел часть дел о продаже каз[енных] имений в 1811 г. После обеда в диетстоловой делал выписки из печатного Арх[ива] Гос[ударственного] Совета — о результатах операции 1811 г., нашел все, что нужно!

(и притом почти случайно — «Арх[ив] Гос[ударственного] Сов[ета]») взял в связи с личностью Сумарокова — и напал на журналы Департ[амента] гос[ударственной] экономии. Пришел домой и произвел подсчеты — количества проданных душ.

За чаем — беседа с Малютиным. В газетах — о принятии Литвой Польского ультиматума: агрессоры продвигаются. От 10^{1/2} до 1 ч. писал доклад — почти окончил главу о дворянских проектах. Письмо от Н. Днем отправил ей открытку. Ночью — противная процедура — при этом мало успешная.

21.III.

Днем — за исправлением и продолжением доклада (11—3 ч.) В АВП — за Сельск[им] полицейским] уставом Гурьева. В парикмахерской. В диетстоловой. Тяжесть и боли в кишечнике. По аптекам. В Институте физиотерап[ии] и курортологии. Вечером — за докладом. Начал вторую часть — о правительственных докладах.

22.III.

Весь день — (от 11 до 6^{1/2}) составлял тезисы к своему докладу. Обедал поздно — почти в 7 ч. В И[нституте] ф[изиотерапии] был на приеме у д-ра Ротенберга и получил освобождение от лечения. «Нужно отдохнуть: наша терапия — Reisterapie, предписал делать гимнастику — утром и вечером. От 11^{1/2} до 1 ч. писал доклад — о проекте 1810 г.

Днем, после процедуры, кишечник стал лучше. Первый день был на овощно-фруктовом столе. Вечером сговорился с машинисткой на Невском — переписать мои тезисы. Написал письма Мороховцу и Н.

23.III.

Утром диктовал машинистке тезисы и отправлял их авиапочтой — Мороховцу. Заказным — Н-ше. В АВП (с 1^{1/2} до 4^{1/2}) окончил Сел[ьский] полиц[ейский] устав, просмотрел постановл[ение] Комис. закона. После обеда — дома: отдыхал, от 9 до 3 ч. ночи писал доклад; начал Гурьева. Глотаю парафин — пока безрезультатно.

24.III.

Тепло и свет — на смену холодной и темной зиме. Солнечный яркий весенний день. Днем сидел дома за докладом (проверка прежнего и Гурьев). Пообедал около 6 ч. Купил конфет О. А. Боченковой и пошел благодарить ее на квартиру, около Смольного. Вечер был прекрасный, но от движения я сильно утомился. От Смольного на автобусе поехал к А. Д., просидел у нее часа 1^{1/2}. Вернулся к 11 ч. и до 1^{1/2} сидел за докладом: он все растет и выходит за поставленные рамки. Письмо от Мороховца: Институт хочет поставить мой доклад на заседании сектора 4 апреля. Снова — тяжесть.

25.III.

Утром, днем (11—3) и вечером (11—3 ч.) — за докладом: кончил Гурьева и начал Канкрин. После 3 ч. — в АВП (просмотрел канкринскую инструкцию и февральскую записку Кочубея) и в АНХ (просмотрел описи, из секр[етной] канцелярии М. Ф. мне доставили предмет моих поисков — дело о проекте Канкрин). После обеда в диетстоловой — в Публ[ичной] б[иблиоте]ке за биографией Канкрин. Отправил авиапочтой открытку Мороховцу. С кишечником возня утром и неприятное состояние в течение целого дня.

26.III.

Утром заехал на Гор[одскую] станцию. От 12 до 5 ч. в Арх. Н. Х. за делом М. Ф. (бумаги Канкрин о г[осударственных] к[рестьянах]). Обед. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке. Дома отдых. За докладом — от 11 до 3 ч. ночи (кончил Канкрин, начал К[омите]т 6/XII). После вечернего чая — боли, недомогание.

Получил 4 письма: от З., от Миносьяна (отзыв о диссертации дан — удовлетворительно), от Базилевича, из Соцэргиза (приглашение на заседание по учебнику).

27.III.

На Гор[одской] станции взял билет на Москву на 31.III. С 12 до 5 ч. в АНХ, кончил дело М. Ф. Обед. Дома отдых. За докладом — о Комитете 6 декабря и Куракине. Недомогание и усиливающиеся боли. Тяжелое душевное состояние.

28.III.

Весь день — с перерывом на обед — писал доклад. Кончил Куракина и начал Сперанского. Побил рекорд — за день 21 страничка. Получил письмо от Мороховца — доклад снова перенесен на 3-е. После компресса стало лучше. Открыточка от Н.

29.III.

Днем в архиве (заканчивал и «округлял» первый этап своих занятий) и в Пуб[личной] б[иблиоте]ке («хвосты» и справки для восполнения пробелов). Был в ИРЛИ и просил сохранить дела. Вечером от 10^{1/2} до 2^{1/2} — за докладом (кончил Сперанского). Боли, как будто, меньше. Письмо из И[нститута] и[стории]: мой доклад предлагают провести в один вечер, но 4/IV просят ответить. Сказал Мешалину, что рецензию представлю по приезде.

30.III.

Холодно, сыро, метель. Весь день с перерывами для отдыха и обеда (4—8) — над докладом. Почти окончил изложение конкретной части, остается заключение. Вечером руки едва двигались. С кишечником лучше. Был в сберкассе и парикмахерской. Отправил в Москву 5 открыток: в И[нститут] и[стории], 2 аспирантам, сестрам. Получил открытку от Берелевич. Не мог заснуть после работы до 4 ч. ночи.

31.III.

Днем, около 4 ч. кончил доклад. Успел свезти в ремонт брюки, пообедать, уложиться и — на вокзал. Во время сборов и в вагоне — нервное состояние. Кишечник лучше.

1.IV.

Москва. Холодно, снег. После беседы с Н. и чая — телефонные разговоры с Базилевичем, Миносьяном, Берелевич, Зайцевой, из Инст[итута] ист[ории]. На Истфаке говорил с деканом Федосеевым (мои аспирантки Бродская и Эвенчик сдали «XX век» на «отлично»), с секретарем Н. Н. Абриотиной Ек. Ник. Кубицкой отношение приветливое. Взял бумажку для Лен[инской] б[иблиоте]ки и записался в спец. читальн[ый] зал и заказал книги, нужные для составления примечаний. После обеда — отдых и сон. В бане (61 кг). Записался на прием к врачу Бадилькес (на 7). Беседовал по телефону с З. П. о предварительном чтении доклада и с Лебедевым — о своем положении в Институте и текущих делах. Подводил счета.

2.IV.

Днем проверял текст доклада и составлял примечания. Получил у Янушко 200 р. Вечером был у Базилевича, видел А. Н. Панкратову. У сестры.

3.IV.

Утром была сестра Зинаида. Проверять доклад и составлял примечания. Вечером читал Н. и З. П. доклад. Всего не успел.

4.IV.

Днем выкраивал текст для предстоящего доклада, делал вставки. Успел сходить в парикмахерскую. В 5 ч. был в Институте истории. Доклад читал с 5^{1/2} до 7^{3/4} ч. с 15 м. перерывом; было человек 40, в том числе — мои старые друзья и знакомые; слушали со внимание. В прениях выступали Нечкина и Пичета, заключительное слово произнес Мороховец. Отмечали удачный выбор темы, богатство содержания, новизну материала, правильность выводов, изящность изложения; судя по настроению присутствовавших, доклад имел успех. О моей работе знают, ее ждут, она делается некоторым «событием» в жизни нашей исторической науки. Высказано ряд пожеланий. После доклада вместе с О. А. Ивановой был у З. П.: дружеская беседа.

5.IV.

Утром — бесплодные попытки взять билет в Худож[ественный] театр. За докладом-статьей (заполнение пробелов в примечаниях). Поездка за гонораром в Комбинат «Правды». (За рецензию в «Ист[орике]-маркс[исте]»). Соглашение с Янушко о переписке работы. За ж. д. билетом в Ленинград (взял на 9-е). Обед и отдых. Мобилизация бумажных ресурсов. Снова у Янушко. В кино на фильме «Великий гражданин». В Университете — встречи с аспирантами. Хорошие отзывы о вчерашнем докладе.

6.IV.

Первая половина дня — за учебником Панкратовой. Обед. В Публ[ичной] библ[иоте]ке им. Ленина — за восполнением пробелов в примечаниях к докладу. Остаток вечера — снова за учебником Панкратовой. Сцена с Н. Снова — обострение с кишечником.

7.IV.

Днем — подготовка к лекции о Карамзине. В 2 ч. — 3 ч. — консультация с Эвенчик. Обед. Отдых. У врача Бадилькеса; диагноз тот же.

8.IV.

Подготовка к лекции. У парикмахера. На Истфаке. У С. И. Мицкевича. В Ин-

ституте истории беседа с Хейфец о моем зачислении в штаты и с Сидоровым — о статье. Обед с историками в Д[оме] у[ченых]. Лекция о Карамзине как историке перед аспирантами нашего сектора. Бах. Консультация с Берелевич. У сестры.

9.IV.

Исправление тезисов Миносьяна. Консультация с Бродской. У Е. П. У Пузановых и Степановых. Обед. Миносьян. Сборы. Опоздание на поезд.

10.IV.

Встал в 5^{1/2} ч. утра и отправился на Ленинградский вокзал, чтобы купить билет взамен пропавшего вчерашнего. После домашнего завтрака поехал в б. поликлинику КСУ — записаться в Курортную комиссию, не удалось — записывают только прикрепленных. Записался на вечер в поликлинику Кр[асного] Креста на Арбате. В Ленинской библиотеке закончил наведение справок и пополнение примечаний к статье, дома закончил просмотр панкратовского учебника и познакомился с отзывом Ионнисиани на диссертацию Миносьяна. Отдохнул около 1^{1/2} ч. После обеда кончил все свои дела. После Курортной комиссии (дали Ессентуки) успел зайти домой и написать заявление о путевке и письмо Сарансевой. В вагоне читал программу по ист[ории] нар[одного] хозяйства. Днем смотрел метро и мосты.

11.IV.

Ленинград встретил меня весенним солнцем, красотой улиц, приветливостью хозяйки. Умылся, переоделся, сделал гимнастику. Заехал в сберкассу, в парикмахерскую, в столовую — позавтракать. В АНХ (1^{1/2}—5) возобновил изучение циркуляров МГИ. На обратном пути заехал за воротничками в ДЛТ (бесплодно!). Пообедал в вегетар[ианском] ресторане. Вечером дома читал программу по истории нар[одного] хозяйства и писал на нее отзыв.

12.IV.

Днем закончил программу, написал и отправил отзыв в Комитет высш[ей] школы. Послал открытки Бахрушину и Н. Побывал у А. Д. Пообедал в прежней вегетар[ианской] столовой — у Литейного. После отдыха читал документы, подготовленные И. В. Мешалиным. Холодно, снег и грязь. По Неве идет ладожский лед. Получил открытку от Л. и новое предложение от БСЭ.

13.IV.

Утром написал письма в БСЭ и Лине, отправил их на почтамте. В АВП — за проектом взимания сборов 1833 г. В АНХ — за циркулярами 1846 г. Пообедал в вегет[арианской] столовой за Литейным. После отдыха писал письма Миносьяну и Лебедеву по поводу предстоящего диспута. От 10 до 12 — за документами АН. Холодно, снег.

14.IV.

Встал рано, в 8 ч. После завтрака поехал на Гор[одскую] станцию и взял ж. д. билет на Москву на 18.IV. На Почтамте отправил письма Лебедеву и Миносьяну. В АНХ (11—3) — за циркулярами. Час позанимался в ИРЛИ за бумагами Меншикова. Заехал к А. Д. — завез адреса диетстоловых и справку о работе. Пообедал в вегет[арианской] столовой за Литейным. Дома — отдых. Весь вечер — за документами. АН. Оформляется мысленно план 2-х первых глав.

15.IV.

Встал в 8 ч. С 9^{1/2} до 1^{1/2} — за документами. АН. Зашел в часовой магазин и заказал стекло. В АНХ — за циркулярами МГИ. В парикмахерской. В вег[етарианской] столовой. Прекрасный весенний день; тепло и солнце. Пешком по Невскому и Литейному; толпы гуляющих. После короткого отдыха — за сборником АН. Приглашение на совещание в Соцэкгиз по учебнику на 20/IV. Боли в руках. Болезненные явления в кишечнике.

16.IV.

От 10^{1/2} до 1 ч. — за материалами по крестьянской промышленности; читал статью Мешалина. Взял часы. Пешком прошел через Марсово поле. В АНХ (2—5). Напрасно съездил в диетстоловую. Пообедал на ул. Толмачева. Сделал покупки. Вернулся пешком. Отдых. Вечер — за сборником; окончил статью Мешалина, наметил план отзыва. Боли в руках.

17.IV.

От 9^{1/2} до 1 ч. — за отзывом. Позавтракал в столовой. Навел справки в Публ[ичной] б[иблиоте]ке. В АНХ — от 2 до 5. Боли в кишечнике. Осмотр карт Мешалина. Обед. Отдых. Беседа с И. В. Мешалиным о сборнике. Телеграмма от Лебедева с приглашением в Москву.

18.IV.

Солнечно, но ветрено и свежо. Весь день — за составлением отзыва. Слабость и боли в кишечнике. В 5 ч. съездил в сберкассу, пообедал на Грибоед[овском] канале, заехал домой, проверил и оформил отзыв. В 7 ч. поехал на вокзал. В вагоне — беседа с попутчицей. Успокоительная беседа — письмо Миносьяна.

19.IV.

Приехал в Москву в 10-м часу утра. Взял обратный билет на 22-е. Дома — завтрак, телефоны. У парикмахера, в швейремонт, в сберкассе, в Университете. Дома — обед, отдых. У Бадьялькеса — диагноз тот же. Успокоительные заверения по поводу диспута со стороны Лебедева и Миносьяна. Беседа с Миносьяном по поводу его предстоящего выступления.

20.IV.

Днем беседа с деканом Федосеевым. Совещание в Соцэкгизе по поводу учебника по истории XIX в. для высшей школы. Грубый выпад Львова по адресу Е. А. Мороховца. Наши протесты. Назначение комиссии. Обед. Университетский диспут. Слабые выступления Миносьяна. Резкое оппонирование Ионнисиани. Мое выступление в защиту Миносьяна. Постановление Уч[еного] совета — о доработке темы. Беседа с Н. Тяжелое состояние.

21.IV.

Проверка переписанного текста работы о госуд[арственных] крестьянах (гл. III). Беседа с Миносьяном; его воинственное настроение. Сестра Лина. В Ин[ституте] истории.

22.IV.

Совещание в Соцэкгизе. Реабилитация Мороховца. Подписание договора и распределение тем. Немного дома — 9^{1/2} листов. Сдача статьи в «Историке-марксисте». Беседа с Сидоровым. Получение гонорара за статьи БСЭ. Обед. Берелевич с своим докладом. На вокзал. Отъезд.

23.IV.

Приезд в Ленинград. Солнечно, но холодно. Дома — переодевание, завтрак. В парикмахерской. В АВП — опись, дело о законе 1833 г. В Ин[ституте] истории; спор с Валком о приемах издания документов; обмен книг. Обед за Литейным. Дома — приведение в порядок бумаг. Статья в Гранате. Мысли о Миносьяне.

24.IV.

Пасха. Кс. Сем. принесла мне маленький куличик и кусок пасхи. Солнечно и тепло. После завтрака — небольшая прогулка. Составление библиографии и плана работы над статьей в пятитомнике. Чтение СРИО. По магазинам. Обед на Грибоед[овском] канале. Заказ книг в Публ[ичной] б[иблиоте]ке. Дома — отдых. За чтением. Боли в руках.

25.IV.

Встал в девятом часу. После завтрака — в нотариальной конторе оформил доверенность Н. на заключение кварт[ирного] договора. В АНХ о 12 до 5 за циркулярами. Обед за Литейным. С 6 до 10 в Публ[ичной] б[иблиоте]ке за журналами (записки, письма и речи Николая I). Письмо Н. Боли в пальцах, в плечах, в спине.

26.IV.

После завтрака — письмо Лебедеву (о Миносьяне и будущем годе). Пешком до Невского. Почтамт. От 12 до 5 — АНХ. Обед за Литейным. Домой. Концерт Шостаковича в выборгском Доме культуры. Ужин. Немного — чтение.

27.IV.

Весна, весна! После завтрака — пешком к Невскому, оттуда — на троллейбусе к Архиву. С 2 до 4^{1/2} в АНХ за циркулярами, с 11^{1/2} до 2 ч. — в АВП за Положением 1833 г.; в Ин[ституте] ист[ории] переменял книги. Обед за Литейным. С 7 до 10^{1/2} ч. — в Публ[ичной] б[иблиоте]ке. За покупками. Дома — за СРИО. 98 п.

28.IV.

Снова — тяжесть на желудке. Открытки — Н., С., Лине. С 11^{1/2} до 5 в АВП и АНХ. Обед в Д[оме] уч[еных]. Смерть Карлуши. За покупками. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке с 7 до 10 ч., пешком домой. Получил из Соцэкгиза текст подписанного нами договора.

29.IV.

Снова — ясный весенний день. После завтрака отправился пешком через Мар-

сово поле и ул. Желябова. В Арх. нар. хоз. с 11^{1/2} до 2^{1/2} за циркулярами 1953 и 54 г. В ИРЛИ бесплодно искал статью Пиксанова, закончил конспектировать мнение Меншикова против проекта Киселева. Зашел в Ин[ститут] ист[ории], но не успел ничего сделать: помещение закрывали и должны были опечатать. Пообедал в вегет[арианской] столовой за Литейным. От 6^{1/2} до 10 ч. провел в Публ[ичной] б[иблиоте]ке за донесениями Фока, письмами и отметками Николая I. Дома — ужин и чтение Лемке. Мысли о себе. Тяжело на душе.

30.IV.

Ясный теплый весенний день. За Лемке и в Публ[ичной] б[иблиоте]ке — за Сборником николаевских законов по просвещению. Содом в магазине ЛДТ. Все время — мысли о происшедшем в Университете веселого прошлого года и теперь.

1.V.

Пасмурно, временами дождь. С улицы доносятся звуки оркестра, радио передает демонстрацию. За книгами Лемке. Прошелся по улицам — толпы народа. После обеда был в кино, смотрел «Волга, Волга»; чушь, и неудачно смонтировано. Гулял на Марсовом поле и в Летнем саду, кусты уже зеленеют, щебечут птицы. Дома — письмо от Берелевич. Продолжал Лемке. Послал открытку Мороховцу — о запоздании моей статьи.

2.V.

Днем — выписки из Лемке; просмотр статьи о Булгарине. Обед. У А. Д. Вечером за Корфом и Семевским. Снег и дождь.

3.V.

Утром — парикмахер, сберкасса. С 11^{1/2} до 2 — АВП (дело о малор[оссийских] казаках). С 2 до 4 — АНХ (циркуляры 1854—55). В Ин[ституте] ист[ории] переменял книги; беседы с Валком, мимолетная встреча с Грековым. Обед. В Театр[альной] кассе взял билет на «Лебед[иное] озеро». С 7 до 10^{1/2} в Публ[ичной] б[иблиоте]ке. Утомление. Дома — за «Записками Соловьева».

4.V.

Малопродуктивный день. С 11 до 4 ч. писал статью для пятитомника, стараюсь максимально сжать и «интенсифицировать» изложение; давалось трудно; за 5 часов написал 2 большие страницы, которыми остался недоволен. В Инст[итуте] истории уже не застал Грекова и не мог получить окончание доклада Берелевич. После обеда на ул. Толмачева работал в Публ[ичной] б[иблиоте]ке, сделал мало (просмотрел мемуары, которые ничего не дали, книги Никольского и Благовидова — тоже немного! — и малосодержательную статью Филиппова о кодификации). Дома читал Соловьева и исправлял написанное. Лег поздно. Снег, холод. Письма от Зин. и Базилевой. Волпян прислала карточку с запиской Н.

5.V.

До 2 ч. дома за статьей, прошло быстрее и лучше: С 3 до 5 ч. — в АНХ. Обед. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке от 6^{1/2} до 10^{1/2}. Дома — Семевский. Беседа в б[иблиоте]ке с окончившим аспирантом. Письмо от Л.

6.V.

Днем — за статьей. Она слишком растягивается, приходится делать купюры. Обед. С 7^{1/2} до 10^{1/2} в Публ[ичной] б[иблиоте]ке. Дома просматривал дневник Никитенко. Получил письмо асп. Ходакова с просьбой о консультации. Снова — беда с кишечником.

7.V.

Весь день — за статьей. Обедал поздно. С 8^{1/2} до 10^{1/2} — в Публ[ичной] б[иблиоте]ке, встретил Волпян. Дома — Никитенко. Тяжелое душевное состояние. Отправил 4 открытки. Открытки от Лины и Берелевич.

8.V.

Снова не был в архивах: от 11 до 3 — за статьей, она растягивается в объеме и затягивается во времени. Напрасно съездил в Институт истории: Грекова не было. После обеда зашел в Публ[ичную] б[иблиоте]ку — посмотреть закон 1851 г. Дома продолжал статью. Немного читал Семевского. Письмо от Миносьяна: он поднимает бучу. Напрасно!

9.V.

Днем — за статьей. В АВП кончил депо о казаках, и, просматривая опись, нашел бумаги николаевских секретных комитетов. Зашел в ДЛТ. После обеда работал в П[убличной] б[иблиоте]ке. Дома — Никитенко. Письмо от Н. Утомление и равнодушие.

10.V.

До 2¹/₂ ч. дня и за статьей; она уже переступила за пределы нормы. От 8 до 5 ч. — заседание в Инст[итуте] истории по разбору моей рецензии; приняты все мои пункты, маленькая стычка с Валком по вопросу о пунктуации. Болезненное состояние. Обед на ул. Толмачева. Дома — отдых. От 8¹/₂ до 10 ч. — письменная консультация Ходакову. Конец дня — за статьей. Боли в кишечнике. Холодно, одиноко, могильная тоска!

11.V.

Днем — статья. Обед на Грибоедовском канале. Парикмахерская. Публичная библиотека. Дома — Семевский. Отправил письмо Ходакову. Состояние лучше.

12.V.

Дождь. Письмо Миносьяну. Неудачные попытки поговорить по телефону с Волпян. В ателье — поправка костюма. Дома — статья. Обед. Публ[ичная] б[иблиоте]ка, снова — статья. Усталость.

13.V.

Днем кончил статью. Поехал в Инст[итут] истории, сговорился с секретарем и машинисткой о печатании. После обеда на ул. Толмачева вернулся домой, отдохнул, весь вечер проверял текст и составлял примечания. Статья вышла тягучей. Днем пришла телеграмма от Н.: запрос, всё ли благополучно. Меня тронуло это внимание, я не ждал его. После телеграммы моральное самочувствие лучше. Утром послал Н. письмо, Соболевой открытку, днем — ответную телеграмму.

14.V.

Днем составлял примечания. К 3 ч. отвез статью в Инст[итут] ист[ории] и сдал ее машинистке. В Арх. нар. хоз. кончил циркуляры 1855 г. в АВБ просмотрел папки Блудова; материалов Комитета 1835 г. — увы! — не оказалось.

Солнце блистало над Невой, играло в ее волнах: нежно зеленели распускающиеся почки. Пешком пришел до Грибоедовского канала, пообедал в вегет[арианском] ресторане. Оттуда зашел в Публ[ичную] б[иблиоте]ку, сделал заказы, просмотрел текст закона 1842 г., приложение к книге Заблоцкого. Вернулся домой обходным путем — через Михайловский сад, Летний сад, набережную Невы. Кругом — красивые «пейзажи». Солнце опускалось в облачной дымке, было свежо, поверхность Невы была взволнована ветром. Дома начал проверку работы Берелевич. Прimitивно, наивно!

15.V.

Утром — письмо Л. и открытка Мороховцу. С 12 до 3 — в АНХ за циркулярами 1856 г. В Инст[итуте] истории просматривал Герцена. Обед на ул. Толмачева. С 7¹/₂ до 10 ч. — в Публ[ичной] б[иблиоте]ке: собирал последний материал для примечаний статьи. Дома — за работой Берелевич. Получил письмо от Лебедева: диссертация Миносьяна проверяется, Л. надеется, что я возьму курс.

16.V.

Утром в Публ[ичной] б[иблиоте]ке просмотрел полные тексты Герцена, а в Инст[итуте] истории сделал последние поправки в основном тексте и в примечаниях статьи. В АНХ окончил циркуляры МГИ и просмотрел два дела — о поездке и приказах Мра. После обеда дома отдохнул 1 час. Письма от Н., З., Лебедева. У Н. — новые неприятности. Л. — во второй раз пишет то же самое. Проверял перепечатанную часть статьи. Читал работу Берелевич (10¹/₂ — 1 ч. — 2¹/₂ ч.) — беспомощно, наивно, перегружено цитатами. Дома не мог заснуть: болела все та же растравленная рана.

17.V.

Новые несчастья: заболел правый глаз; воспаление, временами колет. Солнце, тепло, зелень. Утром написал письма — Н., Лебедеву, Берелевич. В АВП читал бумаги У-та 1839 г., в АНХ — дела Канцелярии министра. В И[нституте] и[стории] взял часть статьи. Пообедал на ул. Толмачева. Вечер у Волпян.

18.V.

Яркий солнечный жаркий день. После завтрака проверил текст статьи. Поехал в I Комм[унистическую] лечебницу, записался к окулисту. В парикмахерской. Ранний обед. Дома — за докладом Берелевич; глава о раннем Чаадаеве — не лучше. Вечером — на «Лебедином озере» в Театре оперы и балета; замечательно.

19.V.

Снова — холод и слякоть. Был у окулиста, сделала прижигание. В АНХ всего

2 часа. В Инст[итуте] ист[ории] выверял и исправлял конец статьи. В 6 ч. сдал ее на почтамт. Обед. Дома — небольшой отдых. За докладом Берелевич, неизменно растянуто и «цитатно». В 11 ч. погасло электричество, пришлось прервать работу и лечь спать.

20.V.

Утром в АВП, скоро погасло электричество, и я перекочевал в АНХ — извлекал материал из важнейших дел, о которых докладывали путешествующему К-ву. Зашел в Ин[ститут] ист[ории], Греков обещал принести доклад Берелевича. В ИЛ читал записку К-ву о Бессарабии. После обеда — дома. Читал речи Сталина и Молотова о высшей школе. Вечер — за докладом Берелевич, мое отчаяние.

21.V.

В лечебнице. Боль в правой кисти, глаза — лучше. В парикмахерской. В АНХ — за делами КМ. Безрезультатно съездил в Инст[итут] ист[ории]: Грекова не было. Обед в диетстоловой: не то! Боли в кишечнике. Письмо Н. За докладом Берелевич — полная беспомощность.

22.V.

Встал поздно и невыспавшийся. С 11¹/₂ ч. до 2 ч. и от 3¹/₂ до 5 ч. в АНХ за описью I департамента 1838 г. В промежутке съездил в Институт истории (увы, безрезультатно: денег нет), Университет (заказал Чаадаева) и в Ак[адемию] худ[ожеств]. Пообедал в вегет[арианской] столовой за Б. Литейным. После отдыха — весь вечер — за докладом Берелевич. По телефону говорил с Бродским. Послал автооткрытку Н. От Нечкиной получил проспект учебника.

23.V.

Утром — в лечебнице. От 11¹/₄ до 3 ч. — в АНХ — за описью I деп. 1839 г. Снова безрезультатная поездка в Инст[итут] ист[ории]: денег нет. Отправил телеграмму Н. о высылке 150 р. В Унив[ерситете] взял Чаадаева. Пообедал за Литейным. Дома написал письмо Н. и поздравительную открытку З. Вечером составлял план диссертации (по главам) и читал, с Чаадаевым в руках, доклад Берелевич. Заснул поздно.

24.V.

Хороший солнечный день. Мысли о плане работы о последних главах. Утром — прогулка к Таврическому и Смольному; любовался произведениями Старова и особенно Растрелли. Монастырь постепенно превращается в руины. Воспоминания о XVIII веке переплетались с образами XIX в. и наших дней. Эстетическое очарование былой культуры; мысли и о христианстве и Чаадаеве. Вернулся домой — и нашел поздравительное письмо З. Исправил вчерашний план: новые формулировки и большая спаянность частей. Весь день и вечер сидел за работой Берелевич: к концу пошло лучше. Днем получил от Н. 150 р. Поехал взять билет, но было уже поздно. Зашел в парикмахерскую. Пообедал в Доме ученых. Беседовал с С. Е. Ваниной и С. Р. Давиденковым. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке заказал книги.

25.V.

К 10 ч. был на Гор[одской] станции, взял билет на Москву на завтрашний день. В лечебнице — у глазника. Полчаса посидел в Александр[овском] саду — прекрасный солнечный день. С 11³/₄ до 3³/₄ в АНХ за описью и делами. В Инст[итуте] истории получил гонорар за рецензию. Отправил Лине 100 р. и открытки Берелевич, Н. и Л. Обед. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке — за Чаадаевым. Дома — за докладом Берелевич. Утомление и головная боль.

26.V.

Начало дня за докладом Берелевич. Поиски спирали. Завтрак в «Автомате». В АНХ — за делом о ревизии Нефедьева. В Инст[итуте] ист[ории] — статья Соловьева. Обед на Грибоедовском канале. В Публ[ичной] б[иблиоте]ке — за справками, в связи с докладом Берелевич. Дома — окончание доклада. Отъезд на вокзал.

27.V.

Поезд пришел в 10 ч. 45 м. Разговоры с Н., чтение газет, беседы по телефону — с Мороховцем (обсуждение моей статьи назначено на 2/VI), с Соцэкизом (трения относительно выплаты денег), с Е. Л. Базилевич. В течение дня бесплодно ожидал Берелевич. Обедал в Доме ученых. Напрасно пытался застать по телефону и дома Миносьяна. Зашел к З. П., часа два проболтали. Вечер — дома. Беседа с Базилевич.

28.V.

После завтрака — основные замечания на работу Берелевич. С 1 ч. до 3¹/₂ ч. —

беседа с Берелевич. После 4 ч. — беседа с Миносьяном (исход его дела — неопределен). Обед. Отдых. Баня. С Линой.

29.V.

После завтрака составил план будущего практикума для Университета. Взял в сберкассе еще 250 р. Был у парикмахера С. Р. Жерлова. Купил для Малютина учебник истории. Взял желдор. билет в Ленинград на 2.V. В Соцэкгизе забронировал аванс за учебник. В Инст[итуте] истории имел беседу с Лебедевым по поводу будущего года, работы Берелевич, диссертации Миносьяна; Бушуев сообщил мне, что моя работа включена в план и что я буду зачислен в штат на место, освободившееся после увольнения Сербиной. Сидоров сказал мне, что моя статья пойдет в № 5 «Историка-марксиста», и обещал летом оплатить гонорар. В киоске академии подписался на «Лависса и Рамбо» и купил V т. Ключевского. Пообедал в Доме ученых. Провел 3-часовую беседу с Берелевич. Был на приеме у Бадилькеса — нашел состояние мое хорошим. Встретил на улице С. Б. Кана, который рассказывал мне о своих перипетиях. Лебедев показал мне сборник студенческих работ — с докладом моего ученика Карапетяна. Вечером — телефонная беседа с З. П. Читал V т. Ключевского.

30.V.

После завтрака отправился в Лосинку, но встретился у метро с З. и вернулся домой. До 3 ч. — дома, беседовали о Лине, о моих делах и пр. На почтамте проверил облигации займа. Пообедал в Доме ученых. От 7 до 9^{1/2} — беседа с Берелевич по поводу ее работы. Остаток вечера — у К. В. Базилевича; его успехи.

31.V.

После завтрака — в СНР (по поводу справки о дополнительной площади). В Университете получил гонорар, сдал счет, взял на отзыв диссертацию Токарева «Картофельные бунты» (еще выхвачен кусочек моей темы!). В Соцэкгизе получил аванс за учебник (1600 р.), положил его на аккредитив для Ленинграда. Взял справку в домоуправлении и отсрочку удостоверения о дополнит[ельной] площади в СНР. Обед в Доме ученых. Вечером — заседание кафедры в Университете. В промежутке между заседанием и кафедрой осмотрел выставку картин РККА (выделяются картины Ефанова и Герасимова).

(Продолжение следует)

Правые и конституционные монархисты в России в 1907—1908 гг.

№ 58. Военный губернатор Забайкальской области — Департаменту полиции

Г. Чита, 1 декабря 1907 г.

В г. Верхнеудинске Забайкальской обл. организован подотдел СРН примерной численностью около 50 членов¹. О чем, в дополнение к отзыву своему от 26 ноября с. г. за № 18101, довожу до сведения Департамента полиции.

ГАРФ, ф. 102 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 142.

1. Ту же численность указывает А. П. Толочко в своей «Хронике» черносотенно-монархического движения в Сибири, использовавший в качестве источника как архивные документы, так и печать (см. Материалы к Хронике общественного движения в Сибири в 1905—1917 гг. Томск. 1994, с. 52).

№ 59. И. д. херсонского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

3 декабря 1907 г.

В ответ на отношение от 23 сентября текущего года за № 74606 уведомляю Департамент полиции, что из действующих в Херсонской губ. легальных политических партий самой распространенной является СРН, затем Русское собрание (в Херсоне), насчитывающее до 200 членов, и Союз 17 октября (в Елисаветграде), имеющий не более 15 членов.

В частности, СРН разделяется на следующие отделы:

В г. Херсоне 400 членов, Елисаветграде 2000 членов.

Херсонский уезд: в м. Станислав 75 членов, п. Богоявленске 45 чл., с. Смигиревка 75 чл., м. Кривой Рог 69 членов.

Одесский уезд: в м. Севериновке 50 чл., с. Каиры 20 чл., г. Очаков 40 чл., г. Овидиополь 182 члена.

Елисаветградский уезд: м. Казанка 50 чл., м. Братское 50 чл., г. Вознесенск 50 чл., г. Бобринец 50 членов.

Александрійский уезд: в г. Александрия 500 чл., в м. Новгородка 59 членов.

Тираспольский уезд: г. Тирасполь 800 чл., на хут. Ближний 100 чл., с. Ташлык 100 чл., с. Буторы 150 чл., с. Терновка 60 чл., с. Парканы 60 членов.

Ананьевский уезд: в г. Ананьеве 2000 чл., в м. Валегоцулово 400, м. Ширяево 100 членов.

Рост отделов СРН постепенно увеличивается за исключением отделов в Одесском уезде и г. Александрия, где благодаря неумелой постановке дела отделы эти близки к распадению, а Александрійский в настоящее время прекратил свое существование.

Окончание. См. Вопросы истории, 1997, № 6.

Что же касается Союза 17 октября (в Елисаветграде) и Русского собрания (в Херсоне), то роста их в сравнении с другими более левыми партиями не замечается.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 143—143об.

№ 60. И. д. таврического губернатора — Департаменту полиции

Г. Симферополь, 3 декабря 1907 г.

Уведомляю Департамент полиции, что из числа легальных политических партий в Таврической губ. действуют: Союз 17 октября и СРН. В первом из них замечается упадок, зато второй значительно возрастает. Список отделов указанных союзов при сем прилагается.

Список отделов и подотделов СРН, находящихся в Таврической губернии

В г. Симферополе: Таврический отдел — 1615 членов.

В Симферопольском уезде: в с. Зуе подотдел — 34 члена, в д. Мазанке то же — 18 членов.

В г. Бердянске: отдел — до 1000 членов.

В Бердянском уезде: в м. Большом Токмаке то же — 160 членов, в с. Новомихайловке то же — 32 чл., в с. Вознесенке то же — 100 чл., в с. Константиновке то же — 100 чл., в г. Орехове то же — 150 чл., в с. Новофилипповке — 100 членов.

В г. Ялте отдел — до 3000 членов.

В Ялтинском уезде: в с. Гурзуфе подотдел — до 200 чл., в д. Алушке то же — до 100 членов.

В Днепровском уезде: отделы в м. Каховке, п. Скадовске, с. Н. Маячке, Голой Пристанни, Збурьевке и Громовке, всего в этих отделах — до 300 членов.

В Мелитопольском уезде: в г. Мелитополе отдел — до 1000 чл., в г. Геническе то же — до 400 членов, в с. Семеновке отдел — до 425 чл., и кроме того, подотделы в с. Акимовке, Верхней Белозерке и Тимошевке с небольшим количеством членов.

В Евпаторийском уезде: в г. Евпатории отдел — до 300 членов, в с. Саках подотдел — до 80 членов.

В Перекопском уезде: в г. Перекопе отдел — 171 член, в п. Джанкой подотдел — 100 членов.

Сведения о Союзе 17 октября:

В г. Ялте отдел, в коем 120 членов, Симферопольский же отдел распался. Кроме того, в Мелитополе имеется до 300 человек, причисляющих себя к Союзу 17 октября, но отдел этого союза в Мелитополе не открывался.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 144—145об.

№ 61. Управляющий канцелярией войскового наказного атамана Войска Донского — Департаменту полиции

Г. Новочеркасск, 6 декабря 1907 г.

Препровождая при сем список легальным партиям, действующим в Области Войска Донского, имею честь уведомить Департамент полиции, что более или менее точных сведений о численности левых партий не имеется, а потому и не представляется возможным судить о том, в каком отношении, по числу своих членов, находятся друг к другу различные партии. Во всяком случае замечено, что после роспуска II Государственной думы началось увеличение состава монархических партий.

Список легальным политическим партиям,
существующим в Области Войска Донского

(№№ / Наименование политических партий / Местонахождение /
Число членов / Примечание)

1. Отдел партии СРН. В г. Новочеркасске. 410 [членов].
2. Отдел партии Союз 17 октября. В г. Новочеркасске. 200. В настоящее время число членов этой партии увеличилось на 30 человек.
3. Подотдел партии Союз 17 октября. В станице Аксайской и в прилегающих местностях. 80.
4. Отдел партии Союз 17 октября. В Таганроге. Состав членов точно не установлен.
5. Отдел партии Союз 17 октября. В станице Урюпинской. 300.
6. Подотдел партии СРН. В посаде Азове. 140. По образованию, 18 февраля 1906 г., подотдел имел не более 21 члена, а затем число их увеличилось до 140.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 146—147.

№ 62. И. д. киевского губернатора — Департаменту полиции

7 декабря 1907 г.

Во исполнение отношения от 7 сентября сего года за № 74295 при сем препро-

вождаю в Департамент полиции сведения о существующих во вверенной мне губернии отделах и подотделах СРН и других монархических организаций и о числе членов в этих организациях.

Сведения о существующих в г. Киеве
и Киевской губернии отделах и подотделах СРН
и других монархических организаций
(№№ по порядку / наименование организаций / места нахождения /
число членов / примечание)

Г. Киев. 1. Киевский СРН. 5300 [членов]. 2. Киево-Печерский отдел СРН. 1687. 3. Плоско-Подольский отдел Монархической партии. 5000. 4. Киевский губернский отдел СРН. 350. 5. Партия правового порядка. 100. 6. Русское братство. 130. 7. Союз русских рабочих людей. 6500. 8. Патриотическое общество молодежи под именем «Двуглавый орел». 300.

Киевский уезд. 1. Отдел СРН. М. Ржищев. 300 [членов]. 2. Подотдел СРН. С. Демиевка. 200.

Бердичевский уезд. 1. Отдел СРН. С. Шендеровка. 27. 2. Отдел СРН. Брицкое. 36.

Васильковский уезд. 1. Подотдел СРН. М. Бел. Церковь. 8. 2. Подотдел СРН. С. Великая Снежинка. 50. 3. Подотдел СРН. С. Шкаровка. 10.

Звенигородский уезд. 1. Отдел Киевской монархической партии. Г. Звенигородка. 162.

Каневский уезд. 1. Отдел СРН. М. Корсунь. 4000. 2. Подотдел Корсунского отдела СРН. М. Таганча. 126. 3. Отдел Киевской русской монархической партии. М. Корсунь. 164. 4. Отдел СРН. Г. Канев. 25.

Липовецкий уезд. 1. Отдел СРН. Г. Липовец. 350. 2. Отдел СРН. М. Зозов. 190.

Уманский уезд. №№ 1—25. Отделы СРН: г. Умань. 800 [членов]; с. Пеяровка. 85; с. Степковка. 75; с. Шарино. 36; с. Кочержинцы. 51; с. Полянецкое. 60; с. Кочубиевка. 92; с. Войтовка. 60; с. Юрковка. 97; с. Максимовка. 70; с. Бабанка. 108; с. Свинарка. 130; с. Аполянка. 58; с. Доброводы. 103; с. Танское. 96; с. Гереженовка 1-я. 115; с. Гереженовка 2-я. 70; с. Сумковка. 83; с. Небелевка. 300; с. Оксанино. 193; с. Поповка. 60; с. Крачковка. 158; с. Маньковка. 110; с. Нестеровка. 303; с. Цебермановка. 180. 26—27. Подотделы СРН. Ивангородское пред[местье] г. Умани. 150; с. Легезиное. 125. 28. Отделение Киевской русской монархической партии. Г. Умань. 1000.

Черкасский уезд. 1. Отдел СРН. Г. Черкассы. 200. 2. Отдел СРН. М. Смела. 102.

Чигиринский уезд. 1. Отдел Киевской монархической партии. Г. Чигирин. 50. 2. Отдел Союза русских рабочих. Г. Чигирин. 85¹.

Примечания.

В г. Бердичеве, Радомысльском, Сквирском и Таращанском уездах отделов и подотделов монархических организаций нет. В м. Златополе Чигиринского уезда проживает уполномоченный Совета Киевского отдела СРН В. В. Шиманский.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 148—150об.

1. Согласно донесению киевского вице-губернатора от 17 июня 1909 г. (л. 301—302), в Киевской губ. существовали следующие политические организации: Киевский СРН — 15 000 членов, губернский отдел СРН (800), отделы СРН в губернии (20 000), Союз русских людей (800), Союз русских рабочих людей (550), Киевский отдел Русского народного союза Архангела Михаила (400), Союз «Двуглавый орел» (353), Клуб русских националистов (311), Партия правового порядка (100), Партия Академического порядка студентов университета св. Владимира (150) и Политехнического института (100).

Данные о численности членов подтверждаются в «Наряде по секретным перепискам по Киевской губ.» за 1906 год. В нем отмечено: «Из монархических и патриотических партий в Киевской губ. проявляют деятельность следующие: 1) Монархическая; 2) Правового порядка; 3) Русского собрания; 4) СРН; 5) Содружества рабочих; 6) Русского братства; 7) 17 октября. Организация во всех партиях слаба благодаря внутренним раздорам, хотя за последнее время склонность к последним уменьшилась, партии крепнут и объединяются... Распространенность партий незначительна и, в большинстве, ограничивается городом Киевом. В уездах есть отделения Монархической партии в Корсунь и Партии правового порядка в гг. Умани и Черкассах... Количество членов определить весьма затруднительно. Наиболее сильной по числу членов является СРН, насчитывающий до 10—12 тыс. членов, за ним

следует партия правового порядка, насчитывавшая ранее около 5000 членов, а в настоящее время менее 1000. Монархическая, Русского собрания, Русского братства и 17 октября имеют менее 100 членов каждая» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1906 г., оп. 236 (II отд.), д. 828, ч. 8, л. 5).

В «Обзоре движения монархических организаций с июня по декабрь 1909 г.» Департамент полиции отмечал: «На Юге России, в Киеве, много представителей монархических организаций, но нет ни одного имени, кроме Юзефовича, человека более чем осторожного» (Союз русского народа. М.-Л. 1929, с. 106).

Согласно данным документа, в Киевской губ. на конец 1907 г. было 16 769 членов СРН и 13,2 тыс. членов «прочих монархических» организаций, или в общей сложности 30 тыс. членов. По донесению вице-губернатора от 17 июня 1909 г., в губернии насчитывалось 37,5 тыс. членов правых организаций.

В отчетах за 1910 и 1911 гг. имеется перечень вновь открываемых организаций СРН с указанием числа их членов: в 1910 г. — 600, а в 1911 г. — 5300, а всех членов Союза на конец 1911 г. насчитывалось 11 915 чел. (см. Отчет о деятельности Киевского губ. отдела СРН за 1911 г. Харьков. 1913, с. 14; то же за 1912 г. Киев. 1914, с. 35).

Если допустить, что численность ранее существовавших отделов не уменьшалась, то численность отделов СРН в Киевской губ. на конец 1909 г. составляла 6100 человек (20 000—5900=6100), а общее число членов всех правых организаций составляло примерно 10 тыс. (6100+3500), а не 29 тыс., как учел в своей таблице Департамент полиции по данным за декабрь 1907 г., и тем более не 37,5 тыс., как сообщил вице-губернатор в июне 1909 года.

№ 63. Олонецкий губернатор — Департаменту полиции

Г. Петрозаводск, 11 декабря 1907 г.

Уведомляю Департамент полиции, что зарегистрированных политических организаций, упоминаемых в отношении от 29 минувшего ноября за № 75968, во вверенной мне губернии не имеется, за исключением отделов СРН, учрежденных в г. Петрозаводске и Каргополе, и что вообще население вверенной мне губернии, не имея стремления к группировке по политическим партиям, к совершающимся в настоящее время политическим событиям относится более спокойно¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 152—152об.

¹ Дополнительные сведения см. там же, л. 53—53об.

№ 64. Волынский губернатор — Департаменту полиции

Г. Житомир, 12 декабря 1907 г.

Вследствие отзыва от 11 сентября с. г. за № 74378, препровождая в Департамент полиции сведения об имеющихся в Волынской губ. отделах и подотделах СРН, имею честь уведомить, что сведения о других политических организациях, в том числе и монархических, будут сообщены мною дополнительно, согласно отношению Департамента от 29 ноября за № 75973.

Сведения о существующих в г. Дубно и его уезде Волынской губ. отделах и подотделах СРН

(№ по порядку / наименование организаций и населенных пунктов / число членов)

Подотделы СРН: г. Дубно. 1. Подотдел при Ильинской церкви. 100 [членов].
Дубенский уезд. 1. С. Будераж. 348 [членов]; 2. С. Буца. 120; 3. С. Белобережье. 212; 4. С. Белашев. 810; 5. М. Варковичи. 420; 6. Д. Детиничи. 120; 7. С. Жорнов. 210; 8. Д. Завалье. 111; 9. С. Загорцы. 212; 10. Д. Зарудье. 250; 11. С. Збытин. 210; 12. С. Княгинин. 310; 13. С. Конюшки. 90; 14. М. Мизочь. 150; 15. С. Мирогоща. 280; 16. С. Мокрое. 80; 17. С. Молодава. 160; 18. С. Мошаница Большая. 110; 19. С. Мошаница Малая. 90; 20. Д. Нагоряны. 60; 21. Д. Нараев. 75; 22. С. Носовица. 98; 23. С. Обгов. 120; 24. Д. Олибов. 86; 25. Д. Остров. 82; 26. Д. Переросле. 64; 27. С. Плоска. 180; 28. С. Пивче. 98; 29. С. Погорельцы. 168; 30. С. Подборцы. 140; 31. С. Иванье. 118; 32. С. Рачин. 96; 33. Д. Святье. 64; 34. С. Семидубы. 160; 35. С. Спасов. 140; 36. С. Ступно. 120; 37. С. Студзянка. 165; 38. С. Судобичи. 180; 39. Д. Суймы. 84; 40. С. Тараканов. 96; 41. С. Тростянец. 88; 42. С. Ульбаров. 92; 43. С. Уездцы. 49; 44. С. Цурков. 56; 45. С. Шепетин. 86; 46. С. Метельно и д. Летчаны. 120; 47. С. Пьяне. 80; 48. М. Острожец. 97; 49. С. Сатиев. 50; 51. С. Хорупань. 70; 52. С. Ужинце. 67; 53. С. Смордва. 118; 54. С. Малые Дорогостай. 59; 55. С. Добрятин. 114; 56. С. Головчицы. 58; 57. С. Перевередов. 58; 58. С. Остриев. 59; 59. Д. Подгайцы. 50; 60. С. Коблин. 46; 61. С. Аршичин. 69; 62. С. Кораблище и д. Радов. 70; 63. Д. Перекладовичи. 23; 64. С. Ставров. 52; 65. Д. Топулье. 49;

66. С. Большие Рыкани. 52; 67. С. Малые Рыкани. 36; 68. М. Торговица. 22; 69. Д. Лихачевка. 23; 70. Д. Подлозцы. 81; 71. Д. Подгайцы. 19; 72. С. Яловичи. 44; 73. С. Малая Городница. 40; 74. С. Залавье. 85; 75. С. Свищев. 55; 76. С. Боржемец. 86; 77. С. Чекно. 47; 78. Д. Кальнятичи. 63; 79. С. Надчицы. 69; 80. С. Большая Городница. 46; 81. С. Ворсунь. 28; 82. Д. Княгининок. 40; 83. М. Демидовка и с. Лишня. 80; 84. Д. Бокуйма и с. Войница. 163; 85. С. Рудка и д. Ильпибоки. 100; 86. С. Княгинин, Перекалье и Охматков. 167; 87. С. Вольничичи и Рудлев. 128; 88. С. Дубляны. 85; 89. С. Красное. 80; 90. М. Берестечко. 340; 91. С. Пески. 326; 92. С. Кутров. 80; 93. С. Мерва. 140; 94. С. Смолява. 144; 95. М. Лобачевка. 80; 96. Д. Волица. 32; 97. С. Колмов. 41; 98. С. Голятин. 130; 99. С. Новостав. 105; 100. С. Липа. 180; 101. С. Перемылье. 183; 102. М. Боремель. 78; 103. С. Лопавша. 134; 104. С. Хриники. 70; 105. С. Толпыжин. 150; 106. С. Русиново Берестечко. 60; 107. С. Вербень. 200; 108. С. Малев. 50; 109. С. Злочевка. 60; 110. С. Теслугов. 102; 111. С. Корытно. 80; 112. С. Большие Жабокрики. 163; 113. С. Малые Жабокрики. 70; 114. С. Пляшева. 94; 115. С. Мытница. 50; 116. С. Хотин. 123; 117. С. Пляшевка. 76; 118. С. Солонев. 45; 119. С. Рогозно. 150; 120. С. Остров. 92; 121. С. Редьков. 107; 122. С. Борятин. 84; 123. С. Добривода. 43; 124. С. Волковыи. 126; 125. М. Козин с приселками: Савчуки, Дубина и Пасеки. 151; 126. Д. Гряновка, Глинянка и Тарнавка. 115; 127. С. Пусто-Иванье. 114; 128. С. Пляшева-Козинская. 146; 129. Д. Яновка. 57; 130. С. Ситно и Михайловка с приселками. 215; 131. М. Крупец с приселк[ами] Баранье и Гнильче. 145; 132. С. Сестратин и Безодня. 132; 133. С. Срибно. 87; 134. С. Карпиловка. 29; 135. Д. Иващуки. 51; 136. М. Верба и с. Столбец. 125; 137. С. Птича, Белгородка и Турковичи. 300; 138. С. Подлужье и Никитичи. 43; 139. С. Каменица и д. Клюки. 94; 140. С. Берег и Комаревка. 235; 141. С. Турия. 11.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 156—157.

Сведения о существующих в г. Житомире Волынской губ. отделах,
подотделах СРН и других монархических организаций

1. Житомирский губ. совет СРН на Волыни, которому подчинены все уездные отделы в губернии. В совете состоит членов 12.
2. Житомирский отдел СРН. Членов, проживающих в черте города, — 654 и живущих вне городской черты — 193. А всего 847.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 165.

Сведения о существующих в Житомирском уезде Волынской губ. отделах,
подотделах СРН и других монархических организаций

Отделы СРН: 1. Д. Суховоля, 66 [членов]; 2. С. Малые Коровинцы, 120; 3. С. Глубочек, 83; 4. С. Сосновка, 78; 5. С. Княчын, 70; 6. С. Красноселка, 162; 7. Д. Красногурка, 28; 8. Д. Красновулька, 22; 9. Д. Михайловка, 25; 10. С. Выщукусы, 85; 11. С. Колки, 82; 12. Д. Цициловка, 58; 13. С. Великий Браталов, 9; 14. С. Хичьницы, 46; 15. С. Карповцы, 94; 16. С. Волосовка, 113; 17. С. Столпов, 160; 18. М. Чуднов, 159; 19. С. Сербиновка, 75; 20. С. Ясноград, 22; 21. [М.] Подольяныч, 30; 22. Д. Короченки, 101; 23. С. Стетковцы, 110; 24. С. Педынки, 150; 25. С. Гриновцы, 90; 26. С. Браталов, 24; 27. С. Кириевка, 54.

Подотделы СРН: 28. Д. Дворище, 106; 29. Кол[ония] Дворище, 60; 30. С. Бараша, 268; 31. С. Усолусы, 151; 32. С. Белка, 250; 33. Д. Баскаки, 81; 34. С. Сушки, 80; 35. Д. Сымоны, 148; 36. Д. Бобрица, 110; 37. С. Недзелище, 22; 38. С. Кропивна, 36; 39. С. Рышавка, 50; 40. С. Сколобов, 65; 41. С. Стрибечь, 172; 42. С. Протовка, 141; 43. С. Носовки, 148; 44. М. Ивница, 30; 45. С. Иванков, 60; 46. С. Волосов, 88; 47. С. Новая Котельня, 40; 48. М. Старая Котельня, 47; 49. С. Лука, 162; 50. Писки, 149; 51. С. Барашевка, 58; 52. Слоб. Селец. 83; 53. С. Троковичи, 150; 54. С. Вересы, 1; 55. С. Зороков, 33; 56. Д. Пешанка, 8; 57. Д. Вышполь, 3.

Примечание: Другие монархические организации не существуют

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 166—167.

Сведения о существующих в Новоградволинском уезде
Волынской губ. отделах, подотделах СРН
и других монархических организаций

СРН:

Отделы: 1. С. Кобылье, 124; 2. Пос. Николаевка, 24; 3. Д. Морозовка, 65; 4. Д. Голычевка, 79; 5. С. Козак, 52; 6. Д. Речки, 63; 7. Д. Анновка, 18; 8. С. Головница, 92; 9. Д. Бабин, 57; 10. Д. Богдановка, 67; 11. Д. Бринов, 104; 12. М. Новый

Корец, 170; 13. М. Старый Корец, 130; 14. Д. Гвоздов, 60; 15. С. Ср. Дерожня и д[еревни] Б. и Крайняя Дерожни, 168; 16. С. Ярунь, Юрковщина и д. Малый Молодьков, 147; 17. С. Вел. и Малая Горбаши, 102; 18. С. Хижовка, 77; 19. С. Мокрое, Закреничье и д. Версна и Столбы, 145; 20. С. Вел. Правутин, 70; 21. С. Подлубы, 80; 22. С. Сторожев, 98; 23. Д. Суховоля, 82; 24. С. Андреевичи, 73; 25. Д. Марьяновка, 52; 26. М. Рогачев, 70; 27. С. Немильня, 160; 28. С. Кикова, 80; 29. С. Романовка, 111; 30. М. Соколов, 150; 31. С. Несолонь, 88; 32. С. Ст. Мирополь, 157; 33. С. Липно, 186; 34. С. Ст. Чартория, 110; 35. С. Адамов, 70; 36. М. Любарь, 452 *; 37. С. Жаборица, 126. (* Любарский отдел носит название «Любарское общество людей, преданных Престолу и Отечеству»).

Подотделы СРН: 1. Д. Мужиковичи, 41; 2. С. Полянны, 47; 3. М. Любарь, 90; 4. С. Проваловка, 60; 5. С. Борушковцы, 115; 6. С. Купчинцы, 190; 7. Д. Варваровка, 140; 8. С. Белецк, 120; 9. С. Черна, 197; 10. Д. Мартиновка, 70; 11. Д. Северины, 65; 12. Д. Демковцы, 62; 13. С. Песечна, 44; 14. С. Юзефовка, 61; 15. С. Пышки, 52; 16. С. Ожаровка, 46; 17. Д. Выгнанка, 60; 18. С. Смолдырев, 100; 19. С. Сумицы, 81; 20. Д. Ивановка, 90; 21. С. Рудулин, 171; 22. С. Киянка, 188; 23. С. Мирослав, 121; 24. Д. Колодянка, 15; 25. С. Свинобичи, 150; 26. С. Дубровка, 450; 27. Д. Кануны, 68.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 168—168об.

Сведения о существующих в Овручском уезде
Волынской губ. отделах, подотделах СРН
и других монархических организаций

Союз русского народа:

Отделы: 1. Г. Овруч. 713 [членов]; 2. С. Ключки. 62; 3. М. Искорость. 1515; 4. Д. Невгоды. 50; 5. С. Новая Гута. 44.

Подотделы: 1. С. Закусылы. 150; 2. С. Ласки. 100; 3. С. Раковщина. 54; 4. С. Гошев. 25; 5. М. Лугины. 86; 6. М. Словечно. 80; 7. М. Норинск. 325; 8. С. Белокуровичи. 36.

Примечание: Других монархических организаций в Овручском уезде в настоящее время нет.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 169.

Сведения о существующих в Острожском уезде
Волынской губ. отделах, подотделах СРН
и других монархических организаций

Союз русского народа:

Отделы: 1. М. Аннополь. 22 [члена]; 2. С. Глинники. 58; 3. Д. Хоросток. 72; 4. Д. Шатерники. 60; 5. С. Большой Скныт. 96; 6. С. Жавров. 103; 7. С. Улашановка. 80; 8. С. Головли. 71; 9. С. Ровки. 90; 10. С. Понора. 62; 11. Д. Хоняков. 70; 12. Д. Нараевка. 94; 13. Д. Досин. 36; 14. Д. Сосновка. 35; 15. Д. Лисиче. 45; 16. С. Вулька. 50; 17. С. Дулибы. 88; 18. С. Майков. 156; 19. С. Черница. 102; 20. С. Крылов. 200; 21. С. Малый Скныт. 40; 22. С. Красноселка. 45; 23. Д. Пашуки. 54; 24. С. Должек. 80; 25. С. Клепачи. 32; 26. С. Сымонов. 300; 27. М. Гоша. 107; 28. Д. Чудница. 64; 29. Пос. Яновка. 18; 30. С. Красноселье. 80; 31. С. Витков. 85; 32. С. Блудов. 82; 33. С. Русыбель. 85; 34. С. Курозваны. 130; 35. С. Тудоров. 44; 36. С. Сапожин. 76; 37. С. Могиляны. 109; 38. Д. Черняхов. 64; 39. С. Милятин. 206; 40. С. Сиянцы. 113; 41. С. Михалковцы. 69; 42. Д. Бухарев. 56; 43. С. Завизов. 104; 44. С. Бочаница. 170; 45. Д. Садки. 64; 46. С. Мощаница. 81; 47. Д. Бадовка. 32; 48. С. Волосковцы. 67; 49. Д. Курганы. 40; 50. С. Тесов и д. Хренов. 135; 51. Бугрин. 135; 52. Д. Пруски. 63; 53. Д. Угольцы. 58; 54. Д. Башин. 29; 55. С. Новоставцы. 80; 56. С. Посягва. 40; 57. Д. Сергеевка. 20; 58. Д. Федоровка. 18; 59. С. Мятин. 24; 60. Д. Алексеевка. 23; 61. Д. Михайловка. 33; 62. Д. Мнишин. 105; 63. Д. Стадники. 47; 64. Д. Краев. 53; 65. С. Колесники. 57; 66. Вильгор. 109; 67. Д. Ильин. 64; 68. С. Подлиски. 70; 69. С. Рясники. 81; 70. С. Дорогобуж. 80; 71. С. Подоляны. 54; 72. С. Горбаков. 106; 73. Д. Шкаров. 49; 74. С. Томахов. 112; 75. С. Верхов. 83; 76. Д. Лебеди. 22; 77. С. Коростово. 30; 78. С. Плоска. 59; 79. С. Хоров. 27; 80. Д. Пелины. 13; 81. С. Розваж. 19; 82. С. Бродов. 43; 83. С. Оженин. 40; 84. С. Вилия. 200; 85. С. Новомалин. 79; 86. С. Новородчица. 87; 87. С. Теремное. 57; 88. Д. Урвенна. 80; 89. С. Глупанин. 50; 90. С. Гульча. 40; 91. С. Новоселки. 80; 92. Д. Загороше. 26; 93. С. Крупец. 30; 94. С. Нетишин. 43; 95. С. Вельбовно. 58; 96. Д. Соловьё. 63; 97. С. Кривин. 54; 98. Д. Баранье. 38; 99. С. Коломле. 23;

100. Д. Стриганы. 39; 101. С. Туровка. 209; 102. С. Бережинцы. 100; 103. Д. Ридка. 80; 104. С. Миклаши. 200; 105. С. Униев. 88; 106. С. Боложовка. 114; 107. С. Хорошев. 110; 108. С. Шуньки. 94; 109. С. Сивки. 106; 110. С. Кащинцы. 111; 111. С. Перерослое. 64; 112. С. Б. Радогощ. 45; 113. С. Юськовцы. 65; 114. С. Загорцы. 87; 115. С. Б. Боровица. 59; 116. С. Залужье. 160; 117. С. Секержинцы. 135; 118. С. Корытное. 111; 119. С. Окнины. 60; 120. С. Дзвонки. 62; 121. С. Мякоты. 185; 122. С. Борисов. 142; 123. Колон. Ядвинин. 35; 124. С. Бельчин. 52; 125. М. Ляховцы. 130; 126. С. Жемелинцы. 137; 127. С. Бесовка. 100; 128. Гор. Здолбуново. 128.

Подотделы: 1. С. Денисовка. 25; 2. С. Даниловка. 72; 3. С. Семенов. 102; 4. С. Чолгузов. 82; 5. С. Сушовцы. 60; 6. С. Степановка. 63; 7. С. М. Калетинцы. 42; 8. С. Вариводки. 54; 9. Д. Козин. 42; 10. Д. Гурщина. 27; 11. С. Курьянки. 52; 12. Д. Дрижаки. 30; 13. С. Шимковцы. 66; 14. М. Ляховцы. 100; 15. С. Окпы. 75.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 170—171.

Сведения о существующих в Староконстантиновском уезде
Волынской губ. отделах, подотделах СРН
и других монархических организаций

СРН. Подотделы

1. Г. Староконстантинов. 186 [членов]; 2. Предместья г. Староконстантинова. 159; 3. Д. Григоровка. 80; 4. С. Воронковцы. 100; 5. С. Красноселка. 75; 6. Д. Немировка. 26; 7. С. Свинная. 100; 8. С. Пашковцы. 59; 9. С. Волица-Керикешина. 100; 10. С. Поповцы. 75; 11. Д. Радковцы. 57; 12. С. Фотури. 62; 13. С. Сквородки. 50; 14. Д. Круглики. 34; 15. Д. Новоселица. 26; 16. С. Низшая-Погорела. 98; 17. С. Высшая-Погорела. 90; 18. С. Немиринцы. 76; 19. С. Вербородинцы. 62; 20. Д. Игнатки. 79; 21. Д. Берегели. 71; 22. С. Солпинцы. 104; 23. С. Жеребки. 65; 24. С. Ладыги. 237; 25. С. Иршики. 109; 26. С. Огиевцы. 56; 27. С. Лажевая. 123; 28. С. Баглаи. 92; 29. Д. Емцы. 70; 30. Д. Половинники. 50; 31. С. Решневка. 38; 32. Д. Сахновцы. 85; 33. М. Красилов. 467; 34. С. Западинцы. 250; 35. С. Голюнки. 226; 36. С. Веремиевка. 140; 37. М. Кульчины. 83; 38. М. Кузьмин. 150; 39. С. Кульчинки. 90; 40. С. Цеценевка. 38; 41. С. Волица-Дубиская. 100; 42. С. Печиски. 102; 43. М. Теофиполь. 170; 44. Д. Коровье. 100; 45. С. Карабиевка. 96; 46. С. Котюржинцы. 32; 47. С. Олейники. 65; 48. С. Малая Клитенка. 57; 49. С. Волица-Вонсовича. 24; 50. С. Колесец. 238; 51. С. Шибенна. 250; 52. С. Гальчинцы. 121; 53. С. Медисовка. 98; 54. С. Аврагин. 127; 55. М. Ожиговцы. 153; 56. М. Базалия. 26; 57. С. Борщевка. 44; 58. С. Елисаветополь. 54; 59. Д. Яновка. 12; 60. С. Кунча. 270; 61. Д. Кривовулька. 80; 62. С. Михновка. 86; 63. С. Трояновка. 85; 64. С. Строки. 107; 65. С. Волица-Ляховецкая. 72; 66. С. Гриценки. 82; 67. С. Маневцы. 120; 68. С. Росоловцы. 80; 69. С. Чепелевка. 70; 70. С. Марковцы. 126; 71. С. Зарудье. 72; 72. С. Ледуховка. 88; 73. С. Новоставцы. 97; 74. Д. Волковцы. 64; 75. С. Писаревка, 90; 76. С. Яворовцы. 104; 77. С. Чернелевка. 32; 78. С. Дубище. 100; 79. С. Сорокодубы. 26.

В г. Староконстантинове существует Общество активной борьбы с революцией, имеющее членов — 56¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 173—174.

1. Данные по остальным уездам представлены в рукописном, весьма неразборчивом виде. Они не публикуются, но воспроизводятся их итоговые показатели: Владимир-Волынский уезд — 107 подотделов с 9000 членов, Заславский уезд — 146 отделов и подотделов с 22 000 членов, Луцкий уезд — 64 отдела и подотдела с 3500 членами, Житомирский уезд — 57 отделов и подотделов с 5300 членами, Новоградволынский уезд — 64 отдела и подотдела с 5400 членами, Ровенский уезд — 73 отдела и подотдела с 5200 членами. Всего же в губернии, по этим данным, было 434 отдела и 634 подотдела СРН, насчитывавших 105 000 членов.

Число правомонархических организаций и их численность в Волынской губ. в 1907 г. резко отличаются от соответствующих данных по любой другой губернии страны, составляя почти четверть общего числа членов правых организаций в стране, учтенных тогда Департаментом полиции. Абсолютное большинство организаций являлись сельскими, деревенскими. Можно думать, что они имели скорее характер не партийных, а духовно-религиозных и экономических объединений. На этот счет есть указания и в документах Департамента полиции. В «Обзоре движения монархических организаций с июня по декабрь 1909 г.» Департамент полиции отмечал: «На западе России стоит Волынь с своим чисто духовным

братством и Гомель с председателем Давыдовым, который принадлежит к числу людей очень решительных» (Союз русского народа. М.-Л. 1929, с. 106).

Примечательно, что в Староконстантиновском уезде (где было 79 подотделов СРН с 7000 членов) и в трех селах Борецкой волости Кременецкого уезда (здесь было 13 подотделов и 2425 членов) имелись общества «активной борьбы с революцией», насчитывавшие всего 56 членов в первом случае и 161 члена — во втором (7, 60 и 94 члена).

Обращает на себя внимание, что Житомирский губ. отдел СРН, которому подчинялись все уездные отделы, насчитывал всего 847 членов. Численность городских отделов в этих материалах была приведена лишь по уездным городам Овручу (713 членов), Ровно (137 членов, тогда как в селе Невиркове этого уезда указано 200 членов); в Староконстантинове 186 членов, а в селах Красимове — 467, Западнице — 250, Голюнках — 226, Колесовце — 238, Шибенне — 250, Кунче — 270. По другим уездным городам данные не указывались. Присланные поездам списки членов отделов и подотделов СРН были подписаны уездными исправниками, хотя обычно руководители правых организаций хранили в тайне «партийные дела», в частности сведения о численности организаций. На крайнюю завышенность показателей по Вольнской губернии уже обращалось внимание в литературе.

Думается, одним из подходов к выяснению вопроса о действительной численности членов правых организаций в Вольнской губ. может быть приравнение их численности к соответствующему показателю сходной Подольской губернии (12,5 тыс.).

Другие документы содержат куда более скромные данные. И. д. губернатора сообщал в Департамент полиции 10 октября 1906 г.: в существовавшем в губернии «Житомирском патриотическом обществе» насчитывалось 150—180 членов, в «Русской народной партии на Вольни» в г. Житомире — 370 и в отделении Киевского СРН в м. Почаеве Кременчугского уезда, открытом по инициативе архимандрита Виталия — 200 членов (Российский государственный исторический архив, ф. 1284, оп. 187, 1906 г. д. 157, л. 77—77 об). В «Наряде по секретным перепискам» за 1906 г. отмечалось: «Из монархических и патриотических партий в Вольнской губ. проявляют деятельность Монархическая партия и СРН. Во главе Монархической партии негласно стоят архиепископ Вольнский Антоний и вице-губернатор Рапойто-Дубяго. Лидер партии — бывший урядник Мельников. Число членов до 5000. Район распространения ограничивается г. Житомиром и отчасти его окрестностями... Отдел СРН недавно образовался и привлекает значительное количество членов». 15 октября 1906 г. прошло общее собрание, но подробных сведений еще не получено (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1906 г., оп. 236, II отд., д. 828, ч. 4, л. 3). В записке начальника Вольнского ГЖУ кануна первой мировой войны читаем: «Почаевский СРН существует с 1906—1907 гг., крестьяне в начале деятельности Союза записывались охотно членами этого Союза и охотно платили по 50 коп. взносов. Принимали в этот Союз местные священники, а утверждали — бывший иеромонах Илиодор и архимандрит Виталий. Большинство членов Союза — крестьян понимает, что Союз имеет задачу сплотить русских людей в одно — для борьбы с врагами, посягающими на целостность отечества, неграмотные же и полуграмотные члены Союза действительных целей названного Союза не знают... В настоящее время новых отделов СРН не открывается и многие крестьяне ввиду упразднения союзных лавок к Союзу как бы охладели» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1914 г., д. 244, л. 78, 79).

№ 65. Петербургский губернатор — Департаменту полиции

14 декабря 1907 г.

Вследствие отношения от 7 сентября с. г. за № 74294 сообщаю Департаменту, что во вверенной мне губернии имеются отделы и подотделы СРН: 1) в д. Хотилы Константиновской вол. Гдовского уезда, с 4 членами, 2) в г. Новой Ладоге с 60 членами, 3) в с. Тосно Царскосельского уезда, с 14 членами, 4) в г. Гатчино с 125 членами, 5) в г. Павловске, с 21 членом, 6) в г. Петергофе, с 45 членами и 7) в г. Царском Селе с 150 членами, и что других монархических организаций не имеется¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 175—175об.

1. Данных о численности членов СРН в Петербурге почти не встречается. Имеется лишь указание на нее П. Ф. Булацеля («в одном СПб. десятки тысяч членов». См. Русское знамя, 9.1.1906, с. 2) и П. А. Крушевана, находившегося в конце 1905 — начале 1906 г. в столице и наблюдавшего за становлением СРН. Летом 1906 г. в обращении к «землякам» он отметил: «В течение какого-нибудь месяца Союз [русского народа] получил возможность издавать небольшую газету «Русское знамя» и насчитывал в одном Петербурге более 40 000 членов» (Государственная общественно-политическая библиотека, ф. архивного хранения. Кор. 46/1, № 981/33). Приведенная цифра носит явно пропагандистский характер. Максимальное число

городских организаций (в Москве, Астрахани и др.) достигало тогда 10—15 тысяч. Можно допустить, что численность членов СРН в Петербурге доходила до 15—20 тысяч.

Имеется еще следующая запись в «Ведомости о происшествиях» в Петербурге 13 ноября 1905 г.: «С 7 до 10 1/2 вечера в залах Соляного городка происходило собрание партии СРН. Собрание, на котором присутствовали до 5000 человек под председательством Дубровина, отличалось необыкновенным энтузиазмом. Решено было во что бы то ни стало поддержать правительство в проведении реформ и позднее Государственной думы. Послана телеграмма Государю» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 1811, л. 68—69). Эти сведения подтверждают высказанное выше предположение.

В «Обзоре движения монархических организаций с июня по декабрь 1909 г.» Департамент полиции отмечал: «В Петербурге трудно знать и следить за действительным настроением народных умов, и как бы удивились здесь, если бы могли предположить, что один проект о сожжении трупов увеличил ряды Союза несколькими десятками тысяч людей!» (Союз русского народа, с. 106).

С. А. Степанов, не приводя общих данных по столице, полагает, что в Петербурге в 1906—1907 гг. было 3,5—4 тыс. черносотенцев-рабочих (с учетом членов Общества активной борьбы с революцией) (СТЕПАНОВ С. А. Черная сотня в России, с. 226—227). Этот подсчет дает основание считать приводимый нами показатель (15—20 тыс.) правдоподобным.

№ 66. И. д. келецкого губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

15 декабря 1907 г.

Сообщаю Департаменту полиции, что отделов и подотделов СРН, а равно и других монархических организаций в пределах Келецкой губ. не существует¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 187.

1. Дополнительную информацию см. в отношении губернатора от 5 марта 1908 г. (л. 261—261об.).

№ 67. Псковский губернатор — Департаменту полиции

15 декабря 1907 г.

Вследствие отношения от 15 сентября с. г. за № 74461, препровождая при сем сведения о существующих в Псковской губ. отделах и подотделах СРН с указанием числа числящихся в оных членов, уведомляю Департамент полиции, что других монархических организаций во вверенной мне губ. не имеется.

Сведения о существующих в Псковской губ.

в 1907 г. отделах и подотделах СРН

(Наименование городов, где существуют отделы [и подотделы] СРН /

Число членов, числящихся в отделе [или подотделе] /

Наименование подотделов СРН и их местонахождение /

Число членов, числящихся в подотделах)

Отделы: 1. В г. Пскове — 100 чл., 2. В г. Великих Луках — 315. 3. В г. Торопце — 12. 4. В г. Холме — 210. 5. В посаде Сольцы Порховского уезда — 252.

Подотделы: Максимовский подотдел при пог. Максимов — 50 членов. Милолюбский в д. Черемха Великолуцкого уезда — 42 члена.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 185—186.

№ 68. Полтавский губернатор — Департаменту полиции

15 декабря 1907 г.

При сем препровождаю в Департамент полиции сведение об имеющихся в Полтавской губ. отделах и подотделах СРН и других монархических организаций с указанием членов таковых.

При этом присовокупляю, что других монархических организаций, кроме указанных в сведении, по донесению начальников полиции, в губернии не имеется.

Сведение об имеющихся в Полтавской губ. отделах

и подотделах СРН и других монархических организаций

(№№ / Название местностей / Название организаций / Число членов)

Гадячский уезд. 1. Г. Гадяч. Отдел СРН — 76 [членов].

Зеньковский уезд. 2. Г. Зеньков. Отдел СРН — 46. 3. С. Лютенские Будища. Отдел СРН — 89.

Золотоношский уезд. 4. Г. Золотоноша. Отдел СРН — 96. 5. С. Богодуховка. Отдел СРН — 50. 6. С. Гельмязово. Подотдел полтавского губ. СРН — 40.

Кобеляцкий уезд. 7. Г. Кобеляки. Отдел СРН — 244. 8. М. Кишенка. Подотдел СРН — 15.

Константиноградский уезд. 9. Г. Константиноград. Отдел СРН — 73.
Кременчугский уезд. 10. Г. Кременчуг. Отдел СРН — 800. 11. С. Крынки. Подотдел СРН — 200.

Лохвицкий уезд. 12. Г. Лохвица. Отдел СРН — 110. 13. С. Засулье. Отдел СРН — 37. 14. С. Жабки. Отдел СРН — 150. 15. С. Белоусовка. Отдел СРН — 132. 16. С. Гапоновка. Подотдел СРН — 45.

Лубенский уезд. 17. Г. Лубны. Русская народная монархическая партия — 187; 18. Г. Лубны. Отдел СРН — 18.

Переяславский уезд. 19. Г. Переяслав. Отдел СРН — 103. 20. М. Борисполь. Отдел СРН — 82. 21. М. Вороньков. Отдел СРН — 30. 22. С. Рогозов. Отдел СРН — 30. 23. М. Березань. Отдел СРН — 29. 24. М. Барышевка. Отдел СРН — 36. 25. С. Усовка. Отдел СРН — 43. 26. Лукьяновка. Отдел СРН — 48. 27. С. Помокли. Отдел СРН — 33. 28. С. Пологи. Отдел СРН — 31. 29. С. Сальково. Подотдел СРН — 30. 30. С. Иваньково. Подотдел СРН — 34.

Пирятинский уезд. 31. Г. Пирятин. Подотдел СРН — 166.

Роменский уезд. 32. Г. Ромны. Отдел СРН — 270.

Хорольский уезд. 33. Г. Хорол. Отдел СРН — 109.

Полтавский уезд. 34. Г. Полтава. Отдел СРН — 360; 35. Г. Полтава. Партия Русского собрания — 120; 36. Г. Полтава. Отдел Союза 17 октября — 80; 37. Г. Полтава. Отдел Партии правового порядка — 600.

Итого: отделов СРН — 26, 3185 [членов], подотделов СРН — 7, 530 [членов]; партия Русского собрания — 1, 120 [членов]; Народно-монархическая партия — 1, 187 [членов]; отдел Союза 17 октября — 1, 80 [членов]; отдел Партии правового порядка — 1, 187 [членов].

А всего: 37 [отделов, подотделов], 4702 [члена] ¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 188—190об.

1. В «Наряде по секретным перепискам по Полтавской губ.» (март 1907 г.) приведены следующие данные: «О патриотических и монархических партиях начальник [Жандармского] управления имеет лишь сведения, что таковые в губернии существуют. По сведениям губернатора, в Полтаве с 1905 г. существует отделение Русского собрания, имеющее около 300 членов, а в октябре текущего [1906] года возник отдел СРН, число членов которого еще не выяснилось и распространенность ограничивается пока г. Полтавой. Лидерами Русского собрания в Полтаве являются: преподаватель реального училища Гордиевский, учитель епархиального женского училища Конопатов, учитель семинарии Розов; лидеры СРН — почетный гражданин Кисилев [так!], бухгалтер частного банка Ульянов и дворянин Кузубов. Крайних тенденций и разжигания национальной вражды не наблюдалось; введенный в устав партии принцип отрицания всякого насилия устраняет возможность таковых явлений и в будущем. Объединение на почве правительственной программы губернатор считает возможным, но к этому пока еще никаких мер не предпринималось. На выборах партии, при отсутствии материальных средств, едва ли будут иметь какое-либо решающее значение, кроме некоторого противовеса кадетам» (ГАРФ, ф. 102, ОО, оп. 236 (II отд.), 1906 г., д. 828, ч. 11, л. 2об.).

Из приведенных данных следует, что численность собственно правых организаций (исключая организации партии правового порядка и Союза 17 октября — соответственно 600 и 80 членов) равнялась 3965 членам.

№ 69. Бессарабский губернатор — Департаменту полиции

Г. Кишинев, 18 декабря 1907 г.

Вследствие отношения от 29 минувшего ноября за № 75975 уведомляю Департамент полиции, что кроме поименованных в отношении моем от 26 октября за № 1827 ¹ организаций, других партий, как например, Мирного обновления, Правового порядка и Союза 17 октября, во вверенной моему управлению губернии в настоящее время не имеется.

При этом, однако, присовокупляю, что в начале минувшего года в г. Кишиневе небольшой кружок лиц, сочувствовавших Союзу 17 октября, основал, было, здесь его отделение, но оно в скором времени распалось.

В среде местных жителей без сомнения имеется немало лиц, примыкающих к Союзу 17 октября и Партии мирного обновления, но отделений этих организаций, как сказано, не имеется. Поэтому подсчет числа лиц по партиям представляется невозможным.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 178.

1. См. также л. 80.

№ 70. За казанского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

18 декабря 1907 г.

Вследствие отношения от 16 сентября с. г. за № 74389 имею честь препроводить при сем в Департамент полиции сведения о числе отделов СРН и других монархических организаций, находящихся в г. Казани и Казанской губернии.

При этом считаю долгом присовокупить, что подотделов СРН в Казанской губернии не существует.

В сообщении же моем от 24 августа с. г. за № 8347¹ подотделами ошибочно названы отделы Союза.

Сведения о числе отделов СРН и других монархических организаций, функционирующих в г. Казани и Казанской губернии

(Местонахождение и наименование партии / Личный состав)

В г. Казани. Казанский отдел СРН 500 [членов], Боголюбский отдел СРН в Адмиралтейской слободе — 100, Казанский отдел Русского собрания — 20, Царско-народное русское общество в г. Казани — 1500, Общество церковных старост и приходских попечителей в г. Казани — 35, Казанский Союз 17 октября — 1000.

Отделы СРН.

В Свияжском уезде. В г. Свияжске — 32, селе Ключищах — 85, д. Матюшине — 86, с. Ташевке — 75, д. Гребенях — 52, д. Новом Маматкозине — 38, д. Старом Маматкозине — 40, д. Сеитове — 71, с. Шеланге — 48, с. Красновидове — 19, с. Теньках — 21, с. Майданах — 44, С. Буртасах — 33, с. Кургузине — 19, с. Ивановском — 76.

В Мамадышском уезде. В с. Тавелях — 52, с. Красной Горке — 35, д. Омарском Починке — 53, с. Ныртах — 42, д. Комаровке — 13, с. Кирменях — 160.

В Лаишевском уезде. В с. Куюках — 159, с. Сокурах — 169, с. Державине — 63, с. Биме — 30, с. Бутырах — 73, с. Тюлячах — 64, с. Черемышеве — 15, сельце Люткине — 25, с. Байтерякове — 27, с. Сокурах — 42, д. Белькине — 32.

В Казанском уезде. В д. Аках — 42, г. Арске — 349, д. Арышхазде — 55, с. Борисоглебске — 61, д. Гильдееве — 145, с. Богородском № 1 — 378, с. Богородском № 2 — 37, с. Куюках — 99, с. Кошачове — 62, д. Ново-Царево — 82, д. Новом Шигалееве — 200, с. Пестрецах — 47, с. Шапшах — 67, с. Чебаксе — 148, с. Вознесенском — 59.

В Царевококшайском уезде. В г. Царевококшайске — 31.

В Спасском уезде. В д. Чувашском Шапкине — 150, с. Матаках — 19, с. Ромоданах — 42.

В Цивильском уезде. В г. Цивильске — 49, с. Шихазанах — 30, с. Янгильдине — 24.

В Чистопольском уезде. В г. Чистополе — 100, пригороде Старо-Шешминске — 42, с. Елантове — 42, с. Богородском № 1 — 53, № 2 — 68, с. Полянках — 42, с. Ачах — 29. В пригороде Ново-Шешминске — 42, слоб. Черемуховой — 72, сл. Екатеринбургской — 42, сл. Петропавловской — 42, д. Спижарной Лебедке — 48, с. Чебоксарске № 1 — 62, № 2 — 430, с. Изгарах № 1 — 42, № 2 — 28, с. Мамыкове — 42, пригороде Билярске — 42, с. Ст. Альметеве — 42, с. Егоркине — 42, с. Ст. Челнах — 42, с. Кутушах — 42, с. Бурнашеве — 52, с. Змиеве — 72, с. Ст. Иванаеве — 45, с. Б. Красном Яре — 45, С. Булдыре — 65, с. Городище — 50, с. Кармалах — 108, с. Ср. Толкише — 80, с. Б. Толкише — 60, с. Сарсасах — 40, с. Урганьче — 31, с. Ракашеве-Романове — 42, с. Утяшкине — 42, сл. Архангельской — 42, с. Ново-Троицком — 46, сл. Волчьей — 42, с. Кривозерках — 42; с. Ст. Мокшине — 42, с. Ермакове — 42.

В г. Чистополе:

Отдел Союза 17 октября — 43, отдел Торгово-промышленной партии — 99.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 179—182, 184.

1. Для характеристики деревенских отделов СРН безынтересна информация одной из местных либеральных газет за апрель 1907 г.: «Д[ережня] Черниково, Казанского уезда (Учреждение союзов русского народа).

За последнее время деятельность черносотенных агентов достигла наивысшего напряжения. В каждую деревню приезжают, устраивают сходы и выбирают председателя отдела. Очень часто случается, что весь отдел состоит из 2-х человек: председателя и члена.

Отделы учреждены в следующих селениях: Черниково, Ново-Царево, д. Куюки и др.

Мужики порой вступают в спор и задают вопросы: «А вот насчет земельки-то как?..»;

«Мы за Царя, за Веру, а в Сибирь-то не поедem, как вы предлагаете. Туда в наказание на поселение посылают, а вы предлагаете нам ехать...» Агенты конфузятся и для усиления авторитета призывают урядника, в присутствии которого мужики дают согласие на все предложения. *«Пуцай их тешатся, мы свое дело сделаем»; «А не записаться в Союз нельзя, полиция дойдет, да и поп сердится»* (Волжский курьер, 27.IV.1907; ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 3).

№ 71. И. д. калишского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

18 декабря 1907 г.

Вследствие отношения от 24 ноября с. г. и в дополнение к донесению моему от 19 сентября текущего года за № 7232 сообщаю Департаменту, что в Калишской губ. существуют следующие политические партии: 1) Народно-демократическая, 2) Организация демократично-народной рабочей молодежи, 3) Польская прогрессивная партия и 4) Партия реалистов (бывшая Угодовцев).

Из всех означенных партий особое распространение получила Народно-демократическая партия, которая имеет своей целью отделение России от Польши в смысле установления в последней автономного строя.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 183.

№ 72. Ярославский губернатор — Департаменту полиции

19 декабря 1907 г.

Вследствие отношения от 23 сентября с. г. за № 74604 имею честь сообщить Департаменту полиции, что во вверенной мне губернии действуют только два легальных политических союза: «17 октября» и «Русского народа». Отделы первого союза находятся в гг. Ярославле, Мологе и Рыбинске, причем в Ярославском отделе насчитывается до 450 членов, а в остальных не более 100 в каждом. СРН имеет отделы в городах: Ярославле с числом членов до 15 000, Рыбинске — до 300 и Данилове — до 100 и подотделы в гг.: Мологе в составе до 3000 членов, Ростове — до 2500, Пошехонье — до 10 400 и Мышкине — до 300 членов.

За отсутствием сведений о численности и росте других более левых политических партий, не легализованных и официально не существующих в губернии, не представляется возможным сравнить с ними рост Союза 17 октября и СРН, но необходимо прийти к заключению, что при крайне незначительной деятельности первого союза, роста его не замечается, а наоборот — упадок, так как существовавший во время выборов членов в Государственную думу III созыва отдел этого союза в г. Ростове распался вскоре за окончанием выборной кампании. Союз же русского народа постепенно растет и умножает число своих членов¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 184.

1. Документ подписан ярославским губернатором А. А. Римским-Корсаковым, являвшимся одним из видных деятелей СРН. Возможно, поощрение со стороны Римского-Корсакова повлияло на относительно высокую численность правых организаций в губернии.

Департамент полиции отмечал 17 октября 1906 г.: *«Ярославская патриотическая организация, именующаяся Отделом СРН, после роспуска [1] Гос. думы в значительной степени усилила свою деятельность и успела привлечь в ряды Союза не только большинство местных жителей, но и весь почти контингент служащих в ярославских торгово-промышленных предприятиях, за исключением Корзинкинской мануфактуры, на которой так много рабочих, принадлежащих к партиям крайнего направления. Однако руководители упомянутого Союза с помощью своих единомышленников из числа рабочих названной мануфактуры не замедлили распространить партийную деятельность и на означенное предприятие, где в последнее время уже насчитывается свыше 2000 членов СРН»* (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 999, ч. 39, т. 1, л. 298).

В обзоре движения монархических организаций с июня по декабрь 1909 г. Департамент полиции отмечал: *«Весь север России живет отдельными союзами, из коих солиднейший Ярославский, с доктором Кацауровым во главе. За ним пойдут скорее, чем за Москвой, но в настоящее время даже и дела этого Союза, благодаря приостановке издания газеты, сильно пошатнулись»* (Союз русского народа М.-Л. 1929, с. 106).

№ 73. Минский губернатор — Департаменту полиции

19 декабря 1907 г.

Вследствие отношения от 29 минувшего ноября за № 75977 и в дополнение к отзыву моему от 15 того же ноября за № 4706¹ уведомляю Департамент полиции, что в г. Минске существует монархическая партия под названием Русский окраинный союз, в котором насчитывается ныне 12 716 членов, из коих 1443 в г. Минске,

а остальные в разных местностях губернии, и что состав этого Союза постепенно увеличивается; партий же Мирного обновления, Союза 17 октября, Правового порядка и др. умеренных организаций в губернии не имеется. При этом считаю необходимым присовокупить, что в минском отделе СРН, о коем сообщены мною Департаменту сведения 15 ноября за № 4706, число членов в настоящее время возросло с 295 до 450 человек.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 191—191об.

1. См. л. 110—111.

№ 74. Ломжинский губернатор — Департаменту полиции

19 декабря 1907 г.

Уведомляю Департамент, что ответ на циркулярный запрос от 12 сентября с. г. за № 74407 о существующих во вверенной мне губернии монархических организациях мною сообщен 19 минувшего ноября за № 6216. Из политических же партий, не считая явно революционных, в Ломжинской губ. имеются следующие: 1) Польская народная партия (самая многочисленная), 2) Прогрессивно-народная польская партия и 3) Партия угодцев.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 192.

№ 75. И. д. саратовского губернатора — Департаменту полиции

20 декабря 1907 г.

Вследствие отношения от 20 сентября с. г. за № 74534 уведомляю Департамент полиции, что в Саратовской губ. из легальных политических партий действуют:

1) СРН, отделы которого имеются в г. Саратове (250 членов), Вольске (300 ч.), Царицыне (3000 ч.), в с. Медяникове, Вольского уезда (332 ч.) и в слободе Елани, Аткарского уезда (2000 ч.) и подотделы: в Саратовском уезде, в с. Алексеевке (910 ч.) и в с. Ключах (500 ч.); в с. Максимовке, Вольского уезда (58 ч.); в с. Малиновке, Сердобского уезда (120 ч.) и в Хвалынском уезде, в с. Алексеевке (15 ч.), в с. Демкине (100 ч.), в с. Самодуровке (50 ч.), в с. Федоровке (40 ч.) и в с. Черном Затоне (25 ч.)¹.

2) Общество православного всероссийского братского СРН, отделы которого имеются в г. Саратове (7000 ч.) и в с. Мордовской Карагуже, Хвалынского уезда (25 ч.);

3) Союз 17 октября, имеющий отделы в г. Саратове (2 отдела с 450 ч.) и в г. Камышине (350 ч.) и

4) Союз землевладельцев монархистов-конституционалистов в с. Турках, Балашовского уезда (40 членов).

Деятельность первых трех партий в губернии постепенно усиливается, и численный состав их членов в большинстве пунктов увеличивается, в то время как левые партии несомненно регрессируют в этом отношении. Быстрому росту правых партий мешает до известной степени то обстоятельство, что во главе многих отделов их, если не в большинстве, состоят лица или недостаточно развитые, или недостаточно энергичные, популярные и т. д.

Что касается Союза землевладельцев-монархистов конституционалистов в с. Турках, Балашовского уезда, то он почти бездействует.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 193—193об.

1. См. также информацию начальника Саратовского ГЖУ от 25 октября 1907 г. (л. 76).

№ 76. И. д. гродненского губернатора — Департаменту полиции

22 декабря 1907 г.

На отношение от 18 октября за № 75177 уведомляю Департамент, что в настоящее время правильно организованных политических партий (исключая явно революционные) в Гродненской губ. не замечается. Среди же отдельных лиц обнаруживается принадлежность, по своим убеждениям, к различным партиям, как-то: монархической, правового порядка, союза 17 октября, мирного обновления, конституционно-демократической¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 195—195об.

1. См. также л. 49—49об.

№ 77. Начальник сувалкского Губернского жандармского управления — Департаменту полиции

22 декабря 1907 г.

Вследствие отношения Департамента от 20 октября с. г. за № 75221 имею честь уведомить, что клерикальное Литовское общество Светило «Жибурис» существует

в Сувалкской губ. с разрешения местного губернатора с 15 мая 1906 г. и преследует, согласно устава, христианско-канонические и просветительные национальные цели. Главное управление сказанного общества «Светило» находится в г. Мариамполе, председателем такового состоит ксендз Иустин Стаугайтис, членами же по преимуществу числятся все ксендзы Сувалкской губернии. В некоторых городах, посадах и местечках существуют отделения названного общества, а именно, в городах: Волковышках, Владиславове и Сейнах, в пос. Серее, д. Мирослав и д. Метеле Сейнского уезда и с. Пунск Сувалкского уезда. Председатели отделений этого общества в большинстве ксендзы; каждое отделение имеет библиотеку литовских книг, которые раздаются крестьянам для чтения, членам бесплатно, а не состоящим членами с платою по 5 коп. в месяц. Общество это старается о народном образовании, часто устраиваются лекции, на которых производится чтение и объяснение по сельскохозяйственному отделу. В г. Сейнах этим обществом открыта воскресная школа для неграмотных литовцев, преподаванием в означенной школе грамоты занимается учитель польского и литовского языков Сейнского 3-классного городского училища Иосиф Грабовский. Средства вышесказанное общество добывает как от членских взносов, пожертвований, так и с доходов устраиваемых обществом разного рода увеселений, как-то: гуляний, театральных представлений, музыкальных и литературных вечеров.

Политических целей названное общество не преследует, и за время его существования в нем ничего противоправительственного до настоящего времени не замечалось.

Приложение. Перевод устава Литовского христианского общества «Светило» с литовского языка на русский.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 196—196об.

№ 78. И. д. люблинского губернатора — Департаменту полиции

23 декабря 1907 г.

Уведомляю Департамент полиции, что среди студентов Ново-Александровского сельскохозяйственного института имеются группы: социал-революционеров, народных социалистов (трудовиков), украинского списка, или украинофилов, и социал-демократов, последние все время были в числе «академистов», т. е. желающих правильного хода занятий. Каждая из указанных групп имеет своего представителя в совете старост¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 199.

1. См. также дополнительную информацию губернатора в отношении от 30 декабря 1907 г. (л. 201—201об.).

№ 79. За радомского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

28 декабря 1907 г.

Вследствие отношения от 29 ноября с. г. за № 75978 сообщаю Департаменту полиции, что за исключением явно революционных политических партий в Радомской губ. существуют следующие партии:

1) Народно-демократическая партия Королевства Польского и Литвы. Численность ее — значительна; имеет приверженцев главным образом среди интеллигенции, буржуазии и полуинтеллигентных сельских обывателей;

2) Партия «Народовая союза рабочих» распространена среди фабрично-заводских рабочих, которых в Радомской губ. насчитывается до 13 152 человек;

3) Партия «Христианская демократия», во главе коей стоят ксендзы. Членами партии состоят более солидные рабочие;

4) Прогрессивно-демократическая партия, состоящая из интеллигенции с ярко шовинистической окраской.

Из еврейских организаций имеются: 1) Сионисты-социалисты; 2) Поалей-Цион (рабочие социалисты) и 3) Сионисто-социалистическая кооперативная партия Радомского округа.

Все эти еврейские партии, насчитывающие довольно значительное число членов во всех городах и частью в посадах губернии, активного значения не имеют и находятся под давлением польских партий, из которых самыми распространенными считаются Народно-демократическая и Прогрессивно-демократическая партии.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 200—200об.

№ 80. Люблинский губернатор — Департаменту полиции

30 декабря 1907 г.

На отзыв № 75176 уведомляю Департамент, что партийное течение во вверенной мне губернии группируется в те же организации, как и в остальных местностях Царства Польского. Наиболее консервативной, а вместе с тем наименее распространенной является Партия реалистов (угодовцы), насчитывающая в своих рядах некоторых крупных представителей земельной собственности.

Затем следует Партия народно-демократическая (народовцы, или эндеки), лучшая всех организованная, самая многочисленная и влиятельная в губернии, что также видно из результатов выборов члена Государственной думы, на коих проходили исключительно представители этой партии. Программа и деятельность ее прежде сводилась лишь к просветительным задачам, пропагандируемым тайным путем, — главным образом среди крестьян, в настоящий же революционный момент партия выдвинула политические требования, из которых главное — автономия с сеймом в Варшаве. Из желания получить автономию вытекают дальнейшие требования: городского и земского самоуправления, национализации школы, суда и администрации. Эта партия имеет свой орган в Люблине «Ziemia Labelsta».

За последнее время в этой партии замечается некоторый разлад, вызываемый духовенством, которое стремится сохранить свое доминирующее положение и навязать партии клерикальную окраску. Результат этого раздвоения пока еще не выяснился, но вероятно, что в недалеком будущем католическое духовенство и его клерикальные сподвижники образуют новую группу вроде христианских демократов в Галиции с сильной антисемитической окраской.

Значительно меньшее количество приверженцев насчитывает Партия прогрессивно-демократическая (педеки, или постемповцы), популярная только среди интеллигентной буржуазии и фабричного населения, по своей программе она сходна с русскими конституционными демократами. Относительно еврейского вопроса партия высказывается в смысле полного национального самоопределения евреев, что привлекает к ней симпатии еврейского населения и выразилось наглядно в блоке с евреями при выборах во II Государственную думу, по отношению к социалистическому вопросу — за свободную эмансипацию труда, а аграрный вопрос партия решает сходно с кадетами. Программа этой партии кроме того содержит требования автономии, подобно всем здешним партиям, но без такой узкой национальной окраски, которую предъявляют народовцы. Эта партия также имеет издающийся в Люблине свой орган «Kurjer». Значение этой партии все более и более ослабевает, материальными средствами она не располагает и левое крыло ее заметно сближается с революционными фракциями.

Остальные действующие в крае партии насчитывают своих представителей в губернии лишь в самом незначительном числе и никакого влияния на течение общественной жизни не имеют.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 201—201об.

№ 81. За ковенского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

9 января 1908 г.

Вследствие отношений от 13 сентября с. г. за № 74423 и от 29 ноября за № 75974 сообщаю Департаменту полиции, что организации СРН имеются лишь в двух уездах вверенной мне губернии — Поневежском и Новоалександровском. В г. Поневеже имеется отдел СРН и 4 подотдела — Борсуковский, Ставский, Скольский и Лебяжский; в отделе 30 членов, в подотделах 986 членов мужского пола и 414 членов женского пола.

В Новоалександровском уезде отдел СРН существует в г. Новоалександровске; членов отдела в самом городе около 20 человек и в уезде около 5000 человек.

Что касается всех прочих действующих в губернии легальных политических организаций и их примерной численности, то сведения о таковых будут сообщены мною дополнительно.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 203—203об.

№ 82. Курляндский губернатор — Департаменту полиции

Г. Митава, 9 января 1908 г.

Уведомляю Департамент, что во вверенной мне губернии партий Мирного обнов-

ления, Союза 17 октября и Правового порядка не имеется, но действуют лишь следующие легальные политические организации: 1) Монархическо-конституционная партия в составе приблизительно 850 членов, имеющая отделы в гг. Митаве и Гольдингене, подотдел в г. Туккуме и кружок в Фридрихштадтском уезде; рост этой партии незначительный; 2) Либерально-конституционная партия в Курляндской губ. с 600 членами в г. Либаве; рост ее не замечается; 3) отдел Балтийской конституционно-монархической партии в г. Виндаве, состоящий из 250 членов, число коих постоянно увеличивается.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 204—204об.

№ 83. И. д. архангельского губернатора — Департаменту полиции

11 января 1908 г.

Вследствие отношения от 29 ноября минувшего года за № 75969 уведомляю Департамент полиции, что образовавшаяся в Архангельске в конце 1905 и начале 1906 г. партия 17 октября впоследствии присоединилась к партии правового порядка, в которой ныне состоит около 300 членов. Партия мирного обновления образовалась в г. Архангельске в количестве 10 человек, но за отсутствием желающих примкнуть к ней прекратила свое существование.

Других легальных партий, за исключением отдела СРН, о котором было сообщено Департаменту управляющим губернию вице-губернатором 6 ноября 1907 г. за № 8916¹, в настоящее время в Архангельской губ. не замечается.

По вопросу о том, происходит ли в данное время рост или упадок в составе поименованных легальных партий, сведений не имеется ввиду отсутствия в них правильной организации; судя же по последним выборам в Государственную думу, эти партии слабее левых.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 213.

1. См. ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 98.

№ 84. Якутский губернатор — Департаменту полиции

11 января 1908 г.

На отношение от 25 сентября минувшего года (полученного мною 5 ноября) за № 74667 имею честь уведомить Департамент полиции, что во вверенной моему управлению области действующих легальных политических партий не имеется. Коренное население области в своей массе, как я лично убедился, предано законности и порядку и к властям относится благожелательно, благоговейно чтя Священную Особу Государя Императора. Но, как и везде, масса населения инертна и в политическую партию не организуется. Устройству какой-либо организации, помимо неразвития в политическом отношении населения, препятствуют здесь бытовые и географические условия страны: якуты, составляющие 93% всего населения, живут односельями, разбросанными по тайге, причем полярная стужа зимой (напр., за последние 2¹/₂ месяца термометр только 2 дня стоял выше 40° R) и непроездные болотные пространства летом препятствуют общению между собой жителей даже одного и того же наслега (сельского общества).

Партийные группы существуют только в среде поднадзорных, разделяющихся на социалистов-революционеров, социал-демократов и анархистов с примыкающими к каждой из этих групп местными, главным образом городскими жителями из числа разных недоучек. Группы эти очень ничтожны численно, но сильны своей сплоченностью, при отсутствии таковой, как сказано выше, среди остального населения, вполне преданного монархическому строю управления. Сплоченность небольшой кучки левых при полной разнозненности и пассивности правых создает из первых такую силу, с которой нельзя не считаться, так как она способна, действуя страхом, подкупам, заманчивыми и несбыточными обещаниями и т. п. приемами, сильно влиять на неорганизованную массу темного люда. Этим объясняется успех левых организаций на бывших в области выборах в Государственную думу, и в этом же явлении нужно искать причину того, что побег поднадзорных удаются последним. Население, живущее под гипнозом ужаса от совершающихся в государстве убийств и разбоев, не из сочувствия к революционерам, а из боязни их, как людей организованных, не решается заявлять начальству о скрывающихся поднадзорных и давать какие-либо указания к их поимке. Классическая «хата с краю» — особенно сильно сказывается в переживаемое смутное время¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 214—215.

1. См. также информацию от 31 марта 1908 г. (л. 263).

№ 85. И. д. лифляндского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции
Г. Рига, 13 января 1908 г.

Уведомляю Департамент полиции, что кроме отдела СРН на острове Пирисааре, Юрьевского уезда, других монархических организаций в Лифляндской губ. не существует. В названном отделе насчитывается 36 членов¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 216.

1. См. также дополнительную информацию в отношении губернатора от 21 мая 1908 г. (л. 286).

№ 86. И. д. тобольского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции
26 января 1908 г.

Вследствие отношений от 25 сентября минувшего года и 9 января с. г. за №№ 74666 и 63164 уведомляю Департамент полиции, что, по собранным мною сведениям, в Тобольской губ. существует лишь одна легальная монархическая партия под названием «отдел СРН», в г. Тобольске, состоящая из 25 членов. Партия эта, со дня образования оной, резких колебаний в сторону роста или упадка не представляет и вообще не проявляет особой деятельности.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 218—218об.

№ 87. И. д. подольского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции
Г. Каменец-Подольск, 29 января 1908 г.

Вследствие отношения от 29 ноября 1907 г. за №75976 уведомляю Департамент полиции, что легальных политических организаций, кроме отделов Союза русского народа и русских рабочих, в Подольской губ. не существует¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 220.

1. См. также л. 103—105об.

№ 88. И. д. За пермского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции
30 января 1908 г.

Вследствие отношения от 15 сентября минувшего года за № 74465 препровождаю в Департамент полиции список монархических организаций, открытых в Пермской губернии.

Список отделов и подотделов СРН и других монархических организаций, открытых в Пермской губернии

(Наименование / Время открытия действий / Сколько состоит членов)

Отделы СРН, зарегистрированного СПб. городским по делам об обществах присутствием 7 августа 1906 года:

1. В г. Перми, 6 декабря 1906 г., до 1000 [членов]; 2. В г. Екатеринбурге, 22 ноября 1906 г., 1000; 3. В г. Шадринске, 7 января 1907 г., 160; 4. В г. Оханске, 20 декабря 1906 г., 38; 5. В с. Култаеве, Пермского уезда, 23 января 1907 г., 108; 6. В заводе Березовском, Екатеринбургского уезда, 1 апреля 1907 г., 162; 7. В заводе Юговском, Пермского уезда, 25 февраля 1907 г., 98; 8. В заводе Нытвинском, Оханского уезда, 22 июля 1907 г., 176; 9. В с. Ключах, Красноуфимского уезда, 19 августа 1907 г., 145; 10. В заводе Юго-Камском, Пермского уезда, 12 августа 1907 г., 19; 11. В с. Верхних Муллах, Пермского уезда, 5 августа 1907 г., 118; 12. В деревне Ключиках, Култаевской вол., Пермского уезда, 14 сентября 1907 г., 34; 13. В с. Шерьи, Оханского уезда, 28 июля 1907 г., 300; 14. В с. Мокине, Оханского уезда, 29 июля 1907 г., 115; 15. В с. Воробьях, Оханского уезда, 29 июля 1907 г., 37.

Подотделы: 16. В с. Песковском, Першинской вол., Шадринского уезда, 27 мая 1907 г., 90; 17. В с. Канашском, Шадринского уезда, 27 июня 1907 г., 15; 18. В с. Ачитском, Красноуфимского уезда, 27 июля 1907 г., 45.

19. Русско-народно-монархическое общество в г. Перми, зарегистрированное Пермским губ. по делам об обществах присутствием 12 сентября 1906 г., под № 4, 1 октября 1906 г., 1093;

20. Отдел Пермского Русско-народно-монархического общества в г. Кунгуре, 28 декабря 1906 г., 458¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 221—223.

1. Согласно приведенным данным, в Пермской губ. на начало 1908 г. насчитывалось 3660 членов организаций СРН и 1550 членов «прочих монархических» партий (организаций партий правового порядка и мирного обновления, Союза 17 октября в губернии не было). По подсчету И. В. Нарского, использовавшего архивные документы и местную печать, минимальная численность правых организаций в губернии в 1905—1907 гг. составляла 5481, однако по некоторым организациям сведений не выявлено (Нарский И. В. Революционеры «справа»: Черносотенцы на Урале в 1905—1916 гг. Екатеринбург. 1994, с. 31, 120—124).

№ 89. И. д. астраханского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

31 января 1908 г.

Вследствие отношения от 16 ноября 1907 г. за № 75694 препровождаю при этом в Департамент сведения о действующих легальных политических организациях, их примерной численности, а равно и распространенности.

Сведения о действующих в г. Астрахани
легальных политических организациях

(№№ / Название организации / Примерная ее численность /

Распространенность и рост в сравнении с более левыми партиями
или, наоборот, постепенный упадок)

1. Астраханская народная монархическая партия (СРН), 1300 [членов]. Самая распространенная в городе партия, действующая непрерывно с начала ее существования и по сие время, с неослабной энергией. Возникла она вскоре по обнародовании Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г., в противодействие выступившим в то время революционным элементам, сформировавшимся окончательно 13 ноября 1905 года. Ведет упорную борьбу с революционными организациями, и в особенности с партией Ка-де, являющейся самой сильной противницей ее. Деятельность ее особенно рельефно выступает в предвыборное время, с целью проведения кандидатов своей партии. Дальнейший рост ее трудно определить, так как запись в члены ее прекратилась и регистрации членов партия не ведет¹. Отсутствие у партии средств влияет на ее успешность. Издает партийную газету «Русская правда», пользующуюся пред другими газетами меньшим успехом за ее слишком резкий тон. Монархическая партия имеет уже второй год свою патриотическую начальную школу.

2. Патриотическое общество, более 200 членов. Партия эта открыта 16 сентября 1907 г., по негласной инициативе комитета Астраханской народной монархической партии с целью сплочения патриотической, но менее стойкой части интеллигенции, купечества и духовенства. Члены ее — преимущественно высшее духовенство, учителя, чиновники и купечество, в том числе оба архимандрита, все директора правительственных учебных заведений, городской голова и многие из именитого купечества. Программа общества чисто монархическая: «Самодержавие, Православие, Народность». В число членов принимаются только русские. Открытой деятельности ее пока еще не заметно.

3. Партия мирного обновления, численность приблизительно в 300 человек. Партия весьма малочисленна и проявляет свою деятельность только в предвыборное время, и то лишь в блоке с беспартийными, с целью проведения своих кандидатов в Гос. думу.

4. Союз 17 октября, численность не выяснена, но едва ли превышает 200 человек. Партия еще меньше Мирного обновления и может считаться почти распавшейся. В минувшие выборы даже не наблюдалась ее деятельность.

5. Партия правового порядка, численность ее не превышает 100—150 человек. Партия распалась с начала 1907 г., не пользуясь симпатиями народа. Членами ее были исключительно капиталисты, издавая около года партийную газету «Астраханский край», не имевшую успеха, почему и прекратившую свое существование.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 225—226.

1. По сообщению «Вестника Русского собрания» (10. II. 1906), к 1 декабря 1905 г. «она насчитывала уже более 4000 членов. К 13 января [1906 г.] — свыше 6000, преимущественно простого народа, и запись в нее продолжается непрерывно. Эта мощная организация сильно способствовала недопущению в городе беспорядков в ноябре. В настоящее время партия занята рабочим вопросом с целью привлечь на свою сторону все рабочие чехи и вырвать их из рук социалистов. Партия развивается чрезвычайно быстро и энергично». В следующем номере «Вестника» (17. II.) напечатана телеграмма Тихановича-Савицкого съезду Русского собрания, в которой сообщается о 12 тыс. членов, а затем (перед выборами в Гос. думу) «Вестник» писал и о 13 тыс. по городу Астрахани.

№ 90. За оренбургского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

31 января 1908 г.

Вследствие отношения от 15 сентября минувшего года за № 74467 уведомляю Департамент полиции, что в Оренбургской губ. функционируют две монархические организации: Союз 17 октября, насчитывающий до 1000 членов, и оренбургский отдел СРН, открывший свои действия 16 минувшего декабря и насчитывающий до

400 человек членов¹. Обе названные организации функционируют в г. Оренбурге и своих отделов в уездах вверенной мне губернии не имеют. Кроме Союза 17 октября и оренбургского отдела СРН других монархических организаций в Оренбургской губ. не имеется.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 227.

1. Указанная численность организаций подтверждается в донесении начальника Оренбургского ГЖУ от 14 января 1916 г.: «В 1906 г., в год открытия отдела [СРН], число членов достигало 400, причем членами состояло почти все духовенство, но с уходом епископа Иоакима численность упала и состав резко изменился к худшему. В настоящее время число платных членов едва достигает 100 человек, и эта горстка людей не имеет ни малейшего влияния в общественной жизни г. Оренбурга, имеющего свыше 120 тыс. жителей» (см. Вопросы истории, 1996, № 3, с. 162—163).

Неточность, однако, в ответе по Оренбургской губ. допущена в том, что организации СРН здесь начали действовать по крайней мере в середине 1906 г. (см. Образование, 1906, № 7. Отд. 2, с. 44).

Любопытно отметить, что в фонде П. Н. Милюкова в ГАРФ имеется перевод статьи «Вторая попытка» из газеты «Вакт» («Выкэт», или «Время») от 12 февраля 1914 г., издававшейся в Оренбурге, в которой говорится о неудачной попытке (повторной) образовать черносотенные партии среди мусульман (ГАРФ, ф. 579, оп. 1, д. 1991).

№ 91. И. д. иркутского губернатора — Департаменту полиции

4 февраля 1908 г.

Вследствие отношения от 25 сентября мин. года за № 74664 о сообщении сведений о том, какие именно легальные политические партии действуют в Иркутской губ., их примерной численности, уведомляю Департамент полиции, что, по собранным сведениям, в г. Иркутске и Иркутской губ. действуют следующие из легальных партий: иркутский отдел СРН, возникший 19 ноября 1906 г., имея в числе членов 16 человек; в настоящее же время Отдел этот насчитывает в рядах своих членов 3511 человек, в том числе 1782 члена, находящихся в пригородной местности Глазково, а также ближайших к Иркутску селениях: Подгородно-Жилкинское, Грановщина и Максимовщина. Кроме того, имеется Отдел в г. Нижнеудинске, в котором насчитывается до 50 человек членов и подотделы: в с. Тангуе Нижнеудинского уезда и в с. Янгуты и Малышевка, Балаганского уезда.

Партии Союза 17 октября в Иркутской губ. не существует, а в партии мирного обновления насчитывается 114 членов.

Кроме того в г. Иркутске имеется отдел Русского собрания, который открыт 23 апреля 1906 г.; в нем при возникновении его вместе с членами-учредителями, коих было 22 человека, было всего 300 человек членов; в данное время членами означенного отдела по г. Иркутску состоит 953 чел. и кроме того приписались в члены Отдела по Иркутскому уезду крестьяне сельских обществ:

1) с. Усть-Кудинского, Уриковской вол., 99 ч.; 2) с. Хомутовского, той же вол., 57 ч.; 3) с. Ширяевского, той же вол., 18 ч.; 4) с. Грановского, той же вол., 82 ч.; 5) с. Быковского, Усть-Балийской вол., 51 ч.; 6) с. Степановского, той же вол., 71 ч.; 7) с. Хороховского, той же вол., 38; 8) с. Боруйского, той же вол., 50 ч.; 9) с. Еловского, той же вол., 69 ч.; 10) с. Поздняковского, Хомутовской вол., 52 ч.; и 11) с. Талькинского, той же вол., 53 ч.

Итого 1593 ч.¹

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 229—230.

1. Из приведенных данных следует, что общая численность членов правых организаций (СРН и Русского собрания) составляла 5104 (3511+1593). А. П. Толочко приводит, однако, значительно меньшую цифру на февраль 1908 г. — 1800 членов СРН (Толочко А. П. Хроника черносотенно-монархического движения в Сибири. 1905 — февраль 1917 г. В кн.: Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895—1917 гг. Томск. 1994, с. 50 и 52).

№ 92. И. д. военного губернатора Ферганской области — Департаменту полиции

Г. Скобелев, бывш. Новый Маргелан,
12 февраля 1908 г.

Легальных политических партий во вверенной мне области нет.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 234.

№ 93. За волынского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

13 февраля 1908 г.

Вследствие отношения от 29 ноября 1907 г. за № 75973 имею честь уведомить

Департамент полиции, в дополнение к отношению моему от 12 декабря м. г. за № 7487, что, кроме отделов и подотделов СРН, сведения о которых мною сообщены при вышеозначенном моем отношении, других легальных политических организаций, в том числе и партий: Мирного обновления, Союза 17 октября, Правового порядка, в пределах Волынской губ. не существует.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 237.

№ 94. И. д. эстляндского губернатора — Департаменту полиции

Г. Ревель, 22 февраля 1908 г.

Вследствие отношения от 5 сего февраля за № 63673 сообщаю Департаменту полиции, что во вверенной мне губернии имеются следующие легализованные политические партии:

В Ревеле: 1) Конституционная партия в Эстляндии, членов в ней числится всего по губернии до 1400 человек, и 2) Эстонская народная прогрессивная партия, имеющая около 200 человек.

В Везенберге: Везенбергская группа Эстонской народной прогрессивной партии, имеющая около 50 членов, живущих в Везенберге и его уезде.

Эти партии, вследствие замечаемого в населении охлаждения к политической борьбе, по числу членов и деятельности своей стали значительно слабее, чем в начале своего существования.

Кроме вышеозначенных, в Эстляндской губ. никаких иных легальных политических партий нет, а также не имеется отделов и подотделов Союза 17 октября, СРН и других монархических организаций.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 245—245об.

№ 95. Новгородский губернатор — Департаменту полиции

23 февраля 1908 г.

Вследствие отношения от 29 ноября прошлого года за № 75970 уведомляю Департамент полиции, что в настоящее время никаких действующих легальных политических организаций во вверенной мне губернии не существует, так как образовавшиеся в некоторых городах в 1906 году перед выборами в I Гос. думу политические партии, проявившие сперва некоторую деятельность, с течением времени начали приходить к постепенному упадку и ныне функции свои совершенно прекратили.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 246.

№ 94. И. д. томского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

28 февраля 1908 г.

Вследствие отношения от 25 сентября м. г. за № 74668 уведомляю Департамент полиции, что в Томской губ. существуют следующие легальные партии:

1) в г. Томске имеются отделы и подотделы Союза 17 октября и СРН. Деятельность этих партий не отличается особой энергией и не получила широкого развития, ограничиваясь главным образом весьма редкими и немногочисленными собраниями, на которых происходят чтения на разные темы. Так что роста этих партий и серьезного влияния их на общество не замечается.

2) В г. Новониколаевске Томского уезда организуется среди торговцев и коммерсантов отделение СРН, ядро которого образуют около 10 человек, но развития этого отдела пока не замечается.

3) В г. Барнауле имеются две легальные политические партии: отдел Союза 17 октября и СРН. Отдел Союза 17 октября постепенно приходит в упадок и на последних выборах в Гос. думу почти никакого участия не принимал. СРН на последних выборах боролся по 2-му избирательному собранию с кандидатом социал-демократов, который прошел только благодаря усиленной агитационной деятельности своих членов.

4) В Змеиногорске существует отдел Союза 17 октября, число его членов доходит до 40 человек; за последнее время отдел этот почти не функционирует.

5) В г. Бийске существует отдел Союза 17 октября, но в настоящее время пришел в полный упадок и никакой деятельности не проявляет¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 247—248.

1. По сведениям Департамента полиции, в Томской губ. членов организаций СРН насчитывалось 3550, «прочих монархических» организаций — 1600 и организаций партии Мирного обновления — 115 человек.

№ 97. И. д. курского губернатора — Департаменту полиции

29 февраля 1908 г.

Вследствие отношения от 13 сентября 1907 г. за № 74420 имею честь препроводить при сем в Департамент полиции сведения о существующих в Курской губ. монархических организациях.

Ведомость о существующих в Курской губ.
монархических организациях

(№№ по порядку / Наименование организации /
Местонахождение организации / Число членов)

1. Отдел СРН. В г. Курске. 1770 [членов]. 2. Союз русских рабочих. В г. Курске. 115. 3. Отдел СРН. В г. Старом Осколе. 104. 4. Отдел СРН. В г. Путивле. 69. 5. Отдел СРН. В г. Белгороде. 200. 6. Отдел СРН. В с. Коровяковке Рыльского уезда. 30.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 250—251.

№ 98. По Варшавской губернии ¹.

Февраль 1908 г.

Относительно политических партий имеются сведения, что в конце сентября минувшего года в Варшаве открыт отдел СРН под названием «Лига монархической молодежи», но кто состоит членами этого отдела и какое количество членов — местным властям неизвестно. Из других партий умеренного направления в губернии существуют: отдел Союза 17 октября, в котором числится 30 членов, и Русское общество в Варшаве, основанное на началах Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г., насчитывающее 870 членов.

Что касается польских партий, то, по имеющимся сведениям, в октябре минувшего года две партии: Польская прогрессивно-демократическая, соответствующая по программе кадетской партии, и Польская прогрессивная партия, равнозначая Союзу 17 октября, под влиянием последних событий объединились в одно Польское прогрессивное общество, причем первая партия, прогрессивно-демократическая, значительно поправела, сблизившись по программе со второй, которая легализована Варшавским по делам об обществах присутствием.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 27—27об.

1. Документ, по-видимому, является извлечением из «обзоров» Департамента полиции.

№ 99. И. д. витебского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

1 марта 1908 г.

Препровождая при этом сведения о существующих в Витебской губ. монархических организациях и их численности, сообщаю Департаменту полиции, что в настоящее время роста этих организаций, за исключением Малиновского (Двинского уезда) отдела СРН, не замечается.

Сведения об отделах и подотделах СРН и других монархических
организациях в Витебской губернии

(№№ по порядку / Местонахождение и наименование монархических организаций /
Отдел или подотдел / Число членов)

Г. Витебск. 1. СРН. Отдел. 100. 2. Союз 17 октября. Отдел. 250. 3. Общество под названием «Союз старообрядцев и православных» с отделом в г. Полоцке. Общество. 210. Общество это имеет главную целью улучшение экономического быта своих членов.

Витебский уезд. 4. Щербинской волости. СРН. С. Тебятники. Подотдел. 90.

Г. Велиж. 5. СРН. Отдел. 400.

Г. Городок. 6. СРН. Отдел. 105.

Г. Двинск. 7. СРН. Отдел. 395. 8. Союз 17 октября. Отдел. 4383.

Двинский уезд. 9. В м-ке Креславль, СРН. Отдел. 106. При Малиновском воолстном правлении СРН. Отдел. 1000. 11. В Ликененской волости д. Криваны СРН. Подотдел. 45.

Г. Лепель. 12. Союз 17 октября. Отдел. 26.

Лепельский уезд. 13. В Тяпинской вол. СРН. Отдел (Должанский) и 14. В Городчевичской вол. СРН. Отдел (Городчевичский). 1700.

Г. Люцин. 15. СРН. Отдел. 35.

Г. Режица. 16. СРН. Отдел. 233. 17. Союз 17 октября. Отдел. 100.

Г. Себеж. 18. СРН. Отдел. 130 ¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 252—254.

1. Имеются два донесения из Витебской губ., дополняющие и конкретизирующие приведенные сведения. Первое донесение — пом. начальника Витебского ГЖУ в Двинском, Режицком,

Себежском и Люцинском уездах от 25 марта 1907 года. В нем говорится: 23 марта в г. Двинске состоялось торжество освящения знамен Двинского и Малиновского отделов СРН... Знамена, сопровождаемые хором военной музыки и сотней казаков, при громадном стечении русского населения, были перенесены в Александро-Невский собор, где освящены духовенством. Из Собора процессия двинулась в предместье «Гаек», где в старообрядческой моленной состоялось молебствие и затем знамя Двинского отдела осталось там, а Малиновского перенесено на станцию Двинск Риго-Орловской ж. д. и оттуда отправлено в Малиновскую вол. и после молебна в старообрядческой моленной (в д. Пантелеишки) там же оставлено на хранение. Все время, несмотря на большое стечение народа, царил образцовый порядок.

Церемония эта вызвала большой патриотический подъем среди русского населения; многие, даже не из числа союзников, плакали от умиления. Многократное исполнение гимна вызвало восторженные клики о здравии Государя Императора. По окончании торжества была отправлена телеграмма на имя Е. В. Государя императора с выражением верноподданнических чувств» (ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 2—2об.).

В донесении вр. и. д. начальника Витебского ГЖУ от 2 июня 1907 г. отмечалось: «31 минувшего мая в г. Витебске в местном соборе после литургии состоялось торжественное освящение знамени Витебского отдела СРН. Затем знамя и портреты Государя Императора и Государыни Императрицы, сопровождаемые толпой до 3,5 тыс. человек с хоругвями, крестом и национальными флагами, были пронесены по улицам города. Порядок ничем не нарушался. Ни в процессии, ни в наблюдении за порядком воинские чины участия не принимали» (ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 5).

№ 100. И. д. могилевского губернатора — Департаменту полиции

4 марта 1908 г.

Уведомляю Департамент полиции, что других, кроме СРН, действующих монархических организаций в Могилевской губ. не имеется, и лишь до роспуска II Гос. думы существовал в Могилеве отдел Союза 17 октября, к коему примыкали землевладельцы губернии, но после роспуска названной Думы отдел этот прекратил свое существование и ныне все население губернии можно разделить на так называемых монархистов и левых разных оттенков, представляющих собой значительное меньшинство. Что же касается затем СРН, то таковой, сверх сообщенных 8 ноября 1907 г. за № 232 организаций его в губернии, к настоящему времени пополнился отделом в заштатном г. Копыси Горещкого уезда, открытым 28 января с. г. и состоящим из 89 человек.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 258—258об.

№ 101. Петроковский губернатор — Департаменту полиции

5 марта 1908 г.

На отношение от 9 октября прошлого года за № 74933 сообщаю, что на рассмотрение Петроковского губернского по делам об обществах присутствия не поступало ходатайств о легализации политических партий, и в реестр по Петроковской губ. таковые партии не вносились. Из числа же легализованных Варшавским присутствием политических обществ, во вверенной мне губернии открыли отделения: в г. Петрокове — Партия польской реальной политики, в гг. Петрокове, Лодзи, Ченстокове, Бендине, селении Заверце и д. Зомбковице — «Klub Narodowy» (народно-демократическая партия) и в городах Лодзи и Ченстокове — Польская прогрессивная партия. «Klub Narodowy» распоряжением министра внутренних дел от 10 июля минувшего года закрыт со всеми его отделениями.

В ноябре месяце минувшего года в местной печати появился слух о предстоящем слиянии Польской прогрессивной и Прогрессивно-демократической (не легализованной) партий, официально это слияние состоялось лишь недавно, и мне в конце февраля с. г. варшавским губернатором сообщен внесенный в реестр по Варшавской губ. устав означенных соединившихся ныне под наименованием «Польского прогрессивного сообщества» обществ.

В ожидании этого ныне совершающегося факта, я воздержался от ответа на отношение Департамента полиции за № 74933 до получения устава названного нового политического общества.

Кроме перечисленных политических партий, иных, не имеющих явно революционного характера, в Петроковской губ. нет.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 259—260.

№ 102. Келецкий губернатор — Департаменту полиции

5 марта 1908 г.

Сообщаю Департаменту полиции, что во вверенной мне губернии из партий, не

имеющих явно революционного характера, преобладают польские национал-демократы. В состав этой партии входят главным образом средней зажиточности помещики, арендаторы и администраторы имений, ксендзы и большинство городской интеллигенции. Крестьянское население в массе своей беспартийно и к программе национал-демократов относится недоверчиво. Сознательно сочувствующих этой партии крестьян можно насчитать лишь несколько.

Второй партией более мирного характера и с менее ограниченными требованиями нужно считать Партию польской реальной политики. В состав этой партии входят преимущественно титулованные и крупные землевладельцы, служащие в их имениях чины дворской администрации и даже некоторые ксендзы. В общем же все местное крестьянство по своим взглядам и политико-экономическим требованиям скорее примыкает к этой партии, чем к партии национал-демократов. Наконец, некоторые отдельные лица причисляют себя к Партии польских прогрессистов. Последняя партия отличается по своим взглядам от двух предыдущих партий тем, что равнодушно относится к римско-католической религии и не признает ее существенно необходимой для национального блага и народной сплоченности и солидарности.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 261—261об.

№ 103. За заведующего Особым отделом по полицейской части Канцелярии заместника Е. И. В. на Кавказе — Департаменту полиции

Г. Тифлис, 24 марта 1908 г.

На отношение от 4 сего марта № 64201 Особый отдел имеет честь уведомить Департамент полиции, что организации СРН в пределах Кавказского края имеются: в Батуме, где насчитывается до 100 человек членов; в Баку — до 700 членов и до 5000 лиц, сочувствующих организации; в Сухуме имеется до 20 человек несорганизованных; в Терской области насчитывается свыше 2500 человек, рассеянных по разным селениям и, наконец, самую прочную организацию имеет Тифлис, где в составе Союза числится до 2000 человек.

Помимо сего имеется организация СРН в Екатеринодаре, но, по отсутствию сведений о составе ее, Особый отдел озаботился немедленным запросом по сему и по получении надлежащего ответа не преминет сообщением Департаменту полиции в дополнение к сему без замедления ¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 262.

1. См. также информацию от 5 октября 1907 г. (л. 441).

№ 104. За якутского губернатора по областному управлению — Департаменту полиции

31 марта 1908 г.

Вследствие отношения от 25 сентября м. г. за № 74667 имею честь уведомить Департамент полиции, что в Якутской области нет легальных политических партий, равно нет отделов и подотделов Союза 17 октября, СРН и других монархических организаций ¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 263.

1. См. также информацию от 11 января 1908 г. (л. 214—215).

№ 105. За зав. Особым отделом по полицейской части Канцелярии заместника Е. И. В. на Кавказе — Департаменту полиции

7 апреля 1908 г.

В дополнение к отношению от 24 истекшего марта № 2781 Особый отдел имеет честь уведомить Департамент полиции, что в Черноморской губ. имеется три отдела СРН: 1) в г. Новороссийске 200 членов, 2) на Стандарте в г. Новороссийске — 100 человек и 3) в Сочи — 200 человек.

В Кубанской области оперируют 12 отделов союза: 1) в г. Екатеринодаре, 2) в хуторе Ловлинском Кавказского отдела, 3) на хуторе Царицынском Лабинского отдела, 4) в хуторе Романовском Кавказского отдела, 5) в станице Ярославской, 6) в станице Имеретинской, 7) в станице Холмской, 8) в станице Батуриной, 9) в станице Суворовской, 10) в сел. Армавире, 11) в станице Новопокровской и 12) в станице Лабинской.

Относительно числа членов каждого отдела сведений пока не получено, но соответственные сношения сделаны, и когда получены будут ответы, сведения будут сообщены дополнительно ¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 265.

1. См. информацию от 5 октября 1907 г. и 24 марта 1908 г. (л. 44 и 262).

№ 106. За начальника Закаспийской области — Департаменту полиции

Г. Асхабад, 8 мая 1908 г.

Легальных политических партий в Закаспийской области нет. С отъездом в начале октября прошлого года руководителей партий Союза 17 октября и СРН, партии эти перестали функционировать.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 285.

№ 107. Лифляндский губернатор — Департаменту полиции

Г. Рига, 21 мая 1908 г.

Вследствие отношения от 8 февраля с. г. за № 63731 уведомляю Департамент полиции, что во вверенной мне губернии существуют следующие легальные политические организации:

1) Русско-Прибалтийский союз 17 октября. Членов в союзе около 1000 человек. 2) Прибалтийская конституционная партия; насчитывает в своей среде около 7800 членов. 3) Латвийская национальная партия, членов свыше 500 человек. 4) Отдел СРН на острове Пирисааре, членов около 45. 5) Юрьевское отделение Союза 17 октября, членов около 150 человек. 6) Эстонская демократическая прогрессивная народная партия, членов около 1200 человек.

Указанные политические партии особой деятельности не проявляют; роста или упадка их не замечается¹.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 286.

1. См. также информацию в отношении от 13 января 1908 г. (л. 216).

№ 108. Тверской губернатор — Департаменту полиции

27 мая 1908 г.

Вследствие циркуляра от 20 сентября 1907 г. за № 74537 уведомляю Департамент полиции, что из доставленных мне уездными исправниками Тверской губ. и полицейстером г. Твери сведений о легальных политических партиях и о соотношении их с другими, более левыми организациями выяснилось следующее:

1. В г. Твери имеется два отдела СРН: 1) Тверской, число членов коего достигает 1900 человек и 2) Морозовский (на фабрике Морозова), имеющий 140 человек¹, и отдел Союза 17 октября, в состав коего входят 1200 человек. Число правых организаций хотя медленно, но возрастает.

2. По Тверскому уезду — из правых партий существует только один отдел СРН, учрежденный в январе 1907 г. в с. Первитине Первитинской вол.; число членов названного отдела в настоящее время достигает 50 человек. Вообще по уезду замечается упадок всех левых партий не только в месте нахождения помянутого отдела СРН, но и повсеместно в уезде.

3. По Осташковскому уезду — не имеется никаких политических партий и организаций, ни правых, ни нелегальных.

4. По Ржевскому уезду — в самом г. Ржеве существует отдел Союза 17 октября; приблизительное число членов отдела достигало в 1907 г. 340 человек. Проявление деятельности нелегальных партий по уезду не замечается, а потому необходимо прийти к заключению, что в Ржевском уезде преимущество на стороне умеренных организаций.

5. По Зубцовскому уезду — не существует никаких политических организаций, ни монархических, ни левых.

6. По Старицкому уезду — имеются нижеследующие легальные партии: 1) отдел СРН в г. Старице, число членов коего достигает 30 человек, 2) отдел СРН в с. Луковникове (150 человек) и 3) что же касается отдела СРН в с. Микулине Городище, то деятельности своей этот отдел до сего времени не проявлял. Проявление же деятельности образованных в г. Старице перед выборами в I и II Гос. думы партии народной свободы и социал-демократической в настоящее время совсем не наблюдается, из чего можно заключить, что по уезду деятельность правых организаций преобладает.

7. По Корчевскому уезду — существуют два отдела СРН: 1) в с. Кимрах (число членов достигает 100 человек) и 2) в д. Чубалове Селиховской вол. (число членов достигает 50 человек). Из левых партий в с. Кимрах довольно сильна конституционно-демократическая партия и есть много социал-демократов. Вообще по уезду роста левых организаций не замечается, но не замечается также и их упадка.

8. По Калязинскому уезду — имеется два отдела СРН: 1) в с. Талдоме (число членов достигает 60 человек) и 2) недавно открывшийся отдел СРН в с. Семендяеве,

число членов коего трудно установить. Основанный в г. Калязине в 1906 г. отдел Союза 17 октября за бездеятельностью входящих в состав его членов постепенно пришел в упадок. Со времени основания упомянутых выше отделов СРН в сс. Талдоме и Семендяеве как роста их, так и упадка не замечается. Что же касается левых партий, то проявления их деятельности по уезду не наблюдаются вовсе, за исключением с. Талдома, где есть много социал-демократов.

9. По Кашинскому уезду — хотя нет организованных монархических партий, но отдельных лиц, принадлежащих к правым организациям, большинство. Вообще спокойное настроение данного уезда дает возможность сказать, что взгляды левых партий ни в обществе, ни среди населения сочувствия не находят.

10. По Вышневолоцкому уезду — Главным советом СРН было заявлено в 1907 г. об учреждении отдела Союза в д. Пальцеве, но своих действий этот отдел не открыл и по настоящее время. Проявления деятельности нелегальных партий по уезду не наблюдается, в самом же городе есть много лиц конституционно-демократической партии.

11. По Новоторжскому уезду — правильно организованных политических партий не имеется, но значительная часть населения сочувствует взглядам монархических организаций. Весною 1907 г. в г. Торжке хотя и был официально открыт отдел СРН, но до сего времени никакой деятельности не проявил. Что же касается левых партий, то таковые, по-видимому, приходят в упадок, так как в настоящее время не наблюдается вовсе проявления их деятельности. В уезде имеются лишь отдельные лица, принадлежащие к левым партиям.

12. По Бежецкому уезду — имеется отдел СРН в с. Рамешках Селищенской волости. В настоящее время число членов отдела достигает 500 человек. Усиление деятельности монархических организаций по сравнению с более левыми партиями не замечается. Хотя в уезде существуют и те и другие партии, но деятельность левых партий в настоящее время менее проявляется.

13. По Весьегонскому уезду — легальность политических партий, в частности отделов и подотделов СРН и партий Союза 17 октября, не существует. Из нелегальных политических партий заметно проявляют свою деятельность партии: конституционно-демократическая и трудовиков. Вообще по уезду заметно преобладание левых партий, но в настоящее время деятельность их с арестом организаторов пришла в упадок.

В общем по губернии хотя и не замечается особого рода легальных умеренных партийных организаций, но зато весьма заметно распадение нелегальных организаций, возникших в 1905—1906 гг.; большинство этих организаций совсем прекратило свою деятельность, и если продолжается еще партийная левая работа, то преимущественно производимая отдельными личностями, иногда прикрывающимися для этого частными легализованными обществами: просветительными, взаимопомощи и т. п., за каковыми обществами установлено наблюдение.

Большинство же населения безусловно поправело ² и проповедники левых идей не встречают прежнего сочувствия и веры.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 287—288об.

1. Данные по Морозовской Тверской мануфактуре подтверждаются донесением начальника Тверского ГЖУ от 15 октября 1907 г.: «Союз истинно русских людей в Тверской губ. все более и более расширяется, и ныне образовался новый его отдел на Морозовской Тверской мануфактуре, насчитывающий в своем составе около 700 человек» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1907 г., д. 100, л. 348).
2. Совокупную численность состава организаций СРН Департамент полиции определял в 2980 человек, «прочих монархических» — в 700 человек и Союза 17 октября — в 1540 человек. По новейшему исчислению С. В. Лаврикова, в СРН состояло в 1906—1907 гг. 3180 членов (Лавриков С. В. Правомонархическое движение в Тверской губернии в 1905—1907 гг. Автореферат канд. дисс. Тверь. 1996, с. 16).

№ 109. За вологодского губернатора, управляющий Казенной палатой — Департаменту полиции

4 августа 1908 г.

Сообщаю Департаменту полиции, что в г. Вологде с 1906 г. существует СРН в числе 5000 человек: в Вельском уезде подотдел этого союза — 30 человек в городе и 170 человек в уезде, и в Вологодском уезде: Фетиньинский — 98 человек, Ватлановский — 22 человека, Богородский — 250 человек, Воронцевский — 300 чел., Марьян-

ский — 500 чел., Ломтевский — 300 чел., Нестеровский — 200 человек, Хреновский — 64 человека, Норобовский — 40 человек, Попадьянский — 120 человек, а по остальным уездам монархических организаций не имеется

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 290.

№ 110. И. д. екатеринославского губернатора, вице-губернатор — Департаменту полиции

26 августа 1908 г.

Вследствие требования от 13 сентября 1907 г. за № 74422 сообщаю в Департамент полиции, что в Екатеринославской губ. существуют следующие монархические организации:

I. Екатеринославский отдел СРН. Подотделы: 1) Екатеринославский, в котором зарегистрировано до 3000 человек, 2) Никопольский — 600, 3) Новомосковский — 800, 4) Петриковский — 500, 5) Чаплинский — 700, 6) Бахмутский — 1000, 7) Енакиевский — 800, 8) Александровский — 1000¹, 9) Верхнеднепровский — 600, 10) Мариупольский — 1200, 11) Новоспасовский — 700, 12) Луганский — 900, 13) Павлоградский — 800 человек. Итого — до 12 600 человек.

II. Союз русских рабочих.

1) Екатеринославский отдел (при Брянском заводе), в состав коего входят и рабочие ж.-д. мастерских, заводов Трубного и быв. Шодуар (в поселке Амур), всего членов свыше 1500 человек;

2) Отдел Союза при заводе в Запорожье Каменском (Екатеринославского уезда) — до 3000 человек, и

3) Отдел Союза при заводе Ауэрбаха (в Бахмутском уезде) — свыше 300 человек.

Итого свыше 4800 человек, и

III. Екатеринославский отдел Киевского патриотического общества молодежи «Двуглавый орел» — до 386 человек.

А всего членов монархических организаций — до 17 786 человек.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 292—292об.

1. Данные по Александровскому отделу СРН подтверждаются другим донесением губернатора (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1907 г., д. 807, л. 1—3. Февраль 1907 г.), а в целом по губернии — донесением начальника ГЖУ от 12 марта 1910 г. (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1906 г., 2-й отд., д. 833, л. 162—163).

№ 111. Екатеринославский губернатор — Департаменту полиции

31 октября 1908 г.

В дополнение к отношению от 26 августа с. г. за № 7145 сообщаю Департаменту, что кроме приведенных в упомянутом отношении организаций, в Екатеринославской губ. существует местный отдел Союза 17 октября, в составе коего числится около 400 человек членов. Партийных организаций Правового Порядка и Мирного обновления в губернии не существует.

В настоящее время замечается всеобщий упадок численного состава указанных организаций и отсутствие одушевления, одно время их охватившего. Приведенные в отношении от 26 августа за № 7145 цифры, указывающие на численность монархических партий, заимствованные из представленных председателями их сведений, по моему глубокому убеждению, далеко не соответствуют действительности, так как многие лица лишь номинально состоят их членами. Такой же упадок партийного духа замечается, впрочем, и у левых партий. Это общее явление объясняется главным образом отсутствием боевого настроения и до известной степени утомлением от прежней борьбы, стоившей многих материальных и духовных сил.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1907 г., д. 164, л. 398—398об.

Символ Русского государства и средневековое сознание

А. Л. Юрганов

Историческая наука добилась значительных успехов в изучении государственной символики¹. Однако остаются еще проблемы, от решения которых зависит понимание истории становления русской государственности. Одна из этих проблем — интерпретация изобразительного символа Русского государства, который закрепился в конце XV века в виде всадника (ездеца), поражающего копьём змея.

Как известно, современники были убеждены в том, что на коне изображен сам царь², хотя не приводилось никаких прямых объяснений того, почему так следует считать. Известный публикатор рисунков древних русских печатей Ф. Бюллер недоумевал: «Царь никогда бы не позволил изобразить себя полуодетым!» Впрочем, он же допускал, что «история о самом царе на коне в виде римского воина возможна только как фикция, метафора, аллегория православного монарха, поражающего неверных»³. Однако это допущение также не объясняет истоки семантического наполнения образа ездеца. Отсутствие поясняющих текстов, исходящих от самих современников, создает «вакуум», который заполняется уже искусственно. В новейшем обобщающем труде по истории печатей утверждается, что «культ св. Георгия трансформировался в культ воина-защитника и борца со злом». Московские князья, по мысли Н. А. Соболевой, переносили на себя «не только одеяния Георгия-воина, но и его внешний вид»⁴.

Однако обращение к текстам легенды о «чюде» св. Георгия не делает понятным тот символ, который мы встречаем на первых русских печатях. Суть легенды заключается в том, что дракон был укрощен молитвой, обращением святого воина к помощи Бога, силой которого чудовище превращается в безропотное существо, лижущее ноги Георгия-победоносца. Царь, отдавший свою дочь дракону, был язычником, гонителем христиан, не знавшим истинной веры. Георгий привел укрощенного змея в город и сказал: «Веруете ли всем сердцем в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, то оубию змия сего; аще же не веруете, то пушу на вас кровопивца сего». Увидев это «страшное чюдо», люди высказались за принятие крещения. Георгий отрубил голову уже укрощенному дракону, существу покорному⁵. Никаких данных о том, как именно этот «текстуальный» образ св. Георгия «трансформировался» в «защитника добра от зла», Соболева не приводит.

Иконографический материал также не способствует решению проблемы, поскольку недостаточно еще изучено то, какими письменными текстами или устными преданиями пользовались художники и как именно воспринимали этот иконографический образ современники. Иконописцы едва ли ограничивались только легендой

Юрганов Андрей Львович — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

о «чюде». Переосмысление образа могло происходить на основе контаминации *разных* текстов, традиций и т. д. Между тем всадник, поражающий копьём змея, олицетворяет собой не только Георгия-победоносца, но и архангела Михаила, который действительно считался покровителем династии Калитичей. Его изображения в лицевых апокалипсисах поражают сходством с государственной символикой. Зло не существовало в то время вне религиозных представлений как зло онтологическое, зато хорошо известно, с каким злом вел борьбу Михаил архангел.

Итак, как ни парадоксально, ездец как символ Русского государства в древних изображениях на печатях не описан с содержательной стороны. В историографии существует тенденция считать, что толкование сюжетов, встречающихся на печатях, может иметь интерес лишь с точки зрения осмысления художественных представлений эпохи и вкусов владельца печати, а потому они не могут быть поставщиком «социальной информации», как монеты. На самом же деле для мышления средневекового человека не существует «праздных», нейтральных с точки зрения мировосприятия изображений, выполняющих исключительно эстетическую функцию. «Всякое изображение несло несколько смыслов, каждый из которых имел, видимо, функциональное назначение. При историко-лингвистическом анализе печатей наиболее существенными представляются как раз символическая и аллегорическая интерпретация изображений»⁶.

Это относится и к содержанию композиции, в которой ездец вступает в противоборство со змеем. Важно раскрыть общую динамику главных изменений в изображениях, которые прослеживаются с конца XV века до правления Алексея Михайловича включительно. Для анализа использованы подлинные печати документов, хранящихся в Древлехранилище РГАДА⁷; указанный комплекс материалов вполне репрезентативен.

Рассмотрим отдельно изображения всадника, коня и змея, а затем проследим отношения между этими фигурами в единой композиции.

1. *Всадник*. На первых печатях (1497, 1504, 1514, 1526, 1542 гг.)⁸ он в княжеской шапке, доспехах, к ним прикреплен плащ. Видимо, со второй половины XVI в. в качестве головного убора и символа власти утверждается корона; ее можно видеть на печатях 1584, 1621, 1627, 1658 гг. и др. Доспехи в основном пластинчатые. Необычна печать 1621 г.: судя по всему, на доспехе изображен крест, хотя полной уверенности нет, ибо это место на печати затерто. Обычно всадник держит в двух руках копьё; это особенно хорошо видно на печатях 1542, 1621 годов. Но на печати 1627 г.⁹ также отчетливо можно увидеть, что всадник в левой руке держит повод, а в правой копьё.

2. *Конь*. На печатях видно, что конь слегка присел на задние ноги и поднял передние. Рот его то закрыт (1497, 1504, 1621 гг.), то открыт (1526, 1542, 1577, 1584, 1627 гг.). В первых печатях 1497 и 1504 гг., кроме седла и узды, других убранств коня нет. Пышность этих убранств стремительно нарастает к концу XVI века. На печати 1584 г. видны пахви, паперсть, но особенно богато убранство коня на печатях 1621, 1627, 1658 гг.: изображены высокие задние луки седел, тебеньки, паперсти, пахви, наузы, поводные цепи.

3. *Змей*. На *всех печатях* змей имеет две ноги, крылья, птичью голову с клювом, два рога. На первых печатях (1497, 1504 гг.) обозначено, что левое крыло более приподнято через правое, но они оба все же параллельны телу. Головы змей большие. Ясно видно жало. Хвосты раздвоены.

На печати 1514 г. хвост либо крученный, либо раздвоенный — сказать затруднительно. Птичья голова большая, с клювом.

На печати 1526 г. хвост явно раздвоен, у змея большая голова, два рога, очень большой передний клюв, длинное жало, достающее левую переднюю ногу коня.

На печати 1542 г. неясно: повернут хвост или раздвоен. Рога изображены таким образом, что в результате возникает явный контур уха: кривые линии сходятся в одной точке. Голова большая, птичья, видны глаза. Пасть широко открыта. Четко обозначено жало.

На печати 1577 г.¹⁰ видно, что у змея раздвоенный хвост. Вновь — два рога замыкаются так, что возникает контур уха. Судя по всему, подобная двусмысленность входила в задачу художника. Птичья голова — большая, с клювом и явно обозначенными большими глазами.

На печати царя Федора Ивановича, 1584 года¹¹, два кривых рога на птичьей

голове змея дают прежнюю конфигурацию, напоминающую ухо. Хвост змея явно раздвоен.

На печати Лжедмитрия I, 1605 г.¹², значительно поврежденной, заметно меняется облик змея: птичья голова с клювом и двумя рогами изображена маленькой.

На печати 1621 г. у змея очень тонкая шея, очень маленькая голова, так что едва видны рожки и совсем не видно жала. Клюв — острый, соразмерный голове, а потому небольшой. Крылья змея явно подняты вверх, как будто он собирается взлететь. Хвост изображен так, что не совсем ясно: то ли он так по-змеиному извивается, то ли раздвоен. На лапах — когти.

На печати 1627 г. у змея хвост не раздвоен, очень длинный, крылья явно подняты вверх, на тонкой шее маленькая голова с двумя рожками, обращенная в сторону всадника. Клюв — другой конфигурации; его завершение обращено вверх, а не вниз, как обычно. Такая же композиция — на печати 1658 года¹³.

3. Основой композиции ранних печатей является изображение схватки. Главный ее элемент — змей вот-вот ухватит коня за пятку левой передней ноги, и в этот момент наносится удар. Эта композиция меняется. По крайней мере, на печати Федора Ивановича 1584 г. мы видим, что змей уже *не угрожает пятке коня*, хотя на печати Ивана Грозного 1577 года схватка изображалась еще традиционной. На печати царя Михаила Федоровича 1627 года композиция обретает новое смысловое содержание: голова змея повернута в сторону всадника; показано, что копье, удар которым обычно наносился в «шею» змея, попадает теперь в пасть и выходит наружу. Такое же изображение на печати 1658 г. — видно, что изменение это не случайно, а закономерно и концептуально. Понять многие из этих изменений невозможно, не включаясь в систему представлений современников, в их ценностные ориентации.

Чтобы не приписывать им свои взгляды, не «вчитывать» в средневековые тексты свое миропонимание, необходимо изучить настроения людей в конце XV века. Русские люди с трепетом ожидали завершения всей мировой истории в 1492 году, который, будучи семитысячным годом от Сотворения Мира, считался последним. Объяснение государственной символики логичнее искать в тех источниках, которые отражают это умонастроение.

Церковная пасхалия доводилась и на Руси, и в Византии до семитысячного года от сотворения мира, а против последней даты на одной из рукописей написано: «Зде страх! Зде скорбь!»

В XIV в. мысль о конце света в семитысячном году уже волновала людей его близостью. В разных апокрифических сказаниях говорится о тех событиях, которые должны предшествовать концу света за несколько десятков лет до семитысячного года. Вся эта богатая, в основном византийская, переводная литература наполняла смыслом жизнь, придавала ей импульсы. В житии Сергия Радонежского, например, сказано, что такой светильник в Русской земле, как Сергей, недаром воссиял на скончании седьмой тысячи лет¹⁴. Епифаний Премудрый, описывая жизнь Стефана Пермского, передает содержание тех мнений, которые высказывали современники. Они, в частности, говорили, что Господь помиловал о народе Пермском и на исходе седьмой тысячи лет послал ему христианского просветителя в лице Стефана.

Вместе с тем мысли о скором конце света тревожат людей, они ощущают время через призму эсхатологических ожиданий: им кажется, что «беззаконие» нарастает, а это — верный признак прихода антихриста. В послании митрополита Киприана (1390—1405 гг.) игумену Афанасию, кроме наставлений, находим особую тревогу: «Ныне есть последнее время, и летом скончание приходит, и конец веку сему; *бес же велии рыкает*, хотя всех проглотити, по небрежению и ленности нашей. Оскуде бо добродетель, любовь преста, простота духовная отбеже; зависть же и лукавство и ненависть вьдворися, ухищрения же и высокоумия исполнихомся»¹⁵.

В XV веке мысли людей еще больше устремляются в *будущее*. Митрополит Фотий (1410—1431), называя свое время последним, пишет: «Сей век маловременный». Время как бы спрессовывается, сгущается. «Блажен, кто уготовил себя к осьмой тысяче, будущей и безконечной, и сего ради молю вас, — писал Фотий, — будем делать дела света, пока еще житие наше стоит»¹⁶. Феодосий, архиепископ Ростовский, впоследствии митрополит, в грамоте 1455 г. писал: «Яко же ныне прилучися седмая тысяща последняго ста 63-го лета». Значит, каждый читавший уже

понимал, что хотел сказать архиепископ: до конца света осталось лишь 37 лет. Еще в XIX в. С. П. Шевырев обнаружил в одном Часослове XV в. «Послание от невидимого Отца Господа нашего Иисуса Христа», в котором говорилось, в частности: «А лета и времена и дни кончаются, а *Страшный Суд готовится*»¹⁷.

Одним из самых чтимых и читаемых «предсказаний» было «Откровение» Мефодия Патарского¹⁸. Этому произведению безоговорочно верили, особенно после того, как выяснилось, что одно из самых страшных для православного человека пророчеств сбылось: в 1453 г. пала Византия, Царьград захватили турки.

Обратимся же к основной канве тех событий, которые под пером автора «Откровения» превращаются в волнующий рассказ о грядущем.

Сохранившиеся списки дают четыре основные редакции «Откровения». Первая редакция представлена двумя вариантами. На славянский язык текст «Откровения» переводился дважды, и оба раза в Болгарии: оба перевода восходят к различным вариантам первой греческой редакции «Откровения». Славянский перевод стал известен не позже начала XII века. На русской почве, в XV в., возникает оригинальная русская переработка «Откровения», названная интерполированной редакцией, в основу которой были положены: старый славянский перевод, дополненный сказаниями о царе Михаиле и об антихристе, фрагментами из Жития Андрея Юродивого.

В «последние лета» придут («божим повелением и попусшением») измаильтяне и поплелят всю землю. И начнут они «плоть человекю ести и кровь пити». В том проявится гнев Божий, ниспосланный на все живое. Людям это будет наказание за их беззаконие, за то, что нравственно пали они, погрязли в грехах. Будут измаильтяне царствовать семь лет, и особую немилость проявят в отношении христиан, «ходящих по закону Господню». В «Откровении» рисовалась ужасающая картина: христианских младенцев будут убивать, с их матерями творить блуд «в честных церквах». Многие предадут Христа «и последуют прелести». И проснется тогда Михаил, царь греческий, и с великой яростью «вздвижнет оружие... и поплелит жены и чеда их, а на живущаа въ земли обетованней сънидоут сынове цареви съ оружиемъ и потребет их от земли»¹⁹.

Сила Бога — в царе Михаиле: она сокрушит измаильтян. Они подчинятся Михаилу. По всей земле не будет больше ратей и мятежей «и оумиритесе земле, и будет тишина на земли, — читаем во втором славянском переводе, — якова же не бысть, ни имать быти, понеже последнаа естъ. И на конецъ века будет веселие на земли, и вселетесе человеци съ миром и обновет грады»²⁰.

Но «нападет» на людей «пагуба», потому что будет в их сердцах «тма и печаль». И разгневется на них Господь. Чудесным образом Михаил удалится (а согласно интерполированной редакции «Откровения», он взойдет на корабль, который унесет его — по Божьему повелению — на один из морских островов. Чтобы пребывать там до поры до времени — ему «уреченного»).

«Тогда, — читаем во втором славянском переводе, — отвързутсе врата севернаа и изыдоут силы языческаа». Рассказ об этом божьем наказании специально поименован: «О затворенних тартарохъ». О «тартарох» или «татарах» (как можно прочитать в некоторых рукописях) нет ни слова в первом славянском переводе. В интерполированной же редакции «Откровения» говорится не о татарах, а о тех нечистых народах, которых затворил в горах Александр Македонский. Во главе нечистых народов будут стоять 24 царя. В числе первых и главных — Гог и Магог.

Кто бы они ни были, эти народы будут уничтожены архистратигом Михаилом. И затем «сидет» греческий царь Михаил и вселится в Иерусалиме («седморица време»). В этот момент явится антихрист. Михаил, благочестиво процарствовав, взойдет на Голгофу, «идеже естъ... древо крстное, на нем же пригвоздесе Господь нашъ» и возложит поперх креста свой царский венец, поднимет руки к небу и передаст царство свое Богу. Крест же «взыдет» на небо. Это будет последний царь. За ним последует антихрист, который «седеть въ церкви Божии равно Богу». Но уже недолог отмеренный срок. В решающей схватке со злом антихрист будет побежден и наступит для всего человечества Страшный Суд.

В *интерполированной редакции* эти события развернуты подробнее. После гибели Гога и Магога царем станет в Царьграде некто «рахилин сын», и сотворится такое беззаконие, какого не было от Сотворения Мира, «повелит бо совокупитися отцу со дщерью, а брату с сестрою». Кто не согласится с этим, будут преданы смерти. Бог разгневется и повелит «громю и молниям страшным сходити на

землю». Люди начнут от страха умирать, погибнет и царь беззаконный. Возникнут брани и нестроения. Царем станет «отметник» Христов — язычник. Он «сотворит во святых место идоль» и повелит им поклоняться. Потом в Риме будут 108 дней царствовать трое юношей. Они разделят между собой мир, но поссорятся и начнется мировая война. Будет много крови, беззаконие. Праведники будут скрываться в горах. И вот тогда «восстанет некая жена от Понта, именем Модонна», и *будет царствовать она в Царьграде*. Эта «дочь дьявола» породит много злобы, в граде будет мор, люди станут убивать друг друга: сын отца, отец сына. И назовет себя царица Богом. Разгневавшись, Бог пошлет Михаила архангела; тот «подрежет его (град.— А. Ю.) серпом и обернет им и оударит его скипетром, и тако погрузит его с людьми и самую жерновом обернет во глубину морьскую, и ту погибнет град»²¹. На торгу останется один столп — в него будут положены «честные гвозди» Господни.

В этот момент «божиим повелением» царь Михаил будет перенесен «от морских островов» — в Иерусалим на царство и будет в нем царствовать 12 лет. К нему придет из Капернаума антихрист и будет он кроток и смирен, богобоязнен и нищелюбив, любящий правду, ненавидящий мзду и идолослужение. Но пройдет 12 лет — и Михаил пойдет на Голгофу. Снимет свой царский венец и возложит его на животворящий крест. И воздев руки к небу, «предаст царство свое Богу». Крест «взыдет на небо», а Михаил уснет вечным сном. Антихрист же своими чудесами привлечет к себе людей, «сядет во церкви, яко Бог». Будут веровать в него как в Бога и «сотворят себе его царя»: «Ты еси Спас наш!». Наступит для людей время главного выбора — между Христом и антихристом. Господь пошлет Илию и Еноха обличать антихриста. Он убьет их. Тогда Господь пошлет ангела своего, который возьмет святое евангелие и честный крест, вознесет священные реликты на небо. Убиенные от антихриста вознесутся, а земля будет сожжена на семьсот локтей в глубину. Сгорит все живое. Вострубят ангелы, восстанут все, кто жил когда-нибудь — «во един возраст будут в 30 лет». И тогда явится престол Господа. Звезды падут с неба, не будет ни луны, ни солнца, море иссохнет. И сойдет Христос судить всех живых и мертвых. Антихрист и все, кто был верен ему, попадут во тьму кромешную, после чего на Суде «вопрошен» будет род людской.

Характерно, что история будущего, рассказанная в «Откровении», не стала отчужденным фактом апокрифической литературы. Мысли о собственном будущем *естественно соотносились* с подобными эсхатологическими произведениями средневековья.

Как отмечал Н. С. Тихонравов, в XV в. на основании «Откровения» Мефодия Патарского составлено было «полное по годам изложение страшных событий, которые должны были ознаменовать конец мира. 6935 (1427) годом должно было начаться тяжелое время: будет в этом году печаль, голод, нашествие злых иноплеменников. Царство царя Михаила распространится по всей земле, привольно будет жить всякому, много будет золота и серебра. В следующем году родится *антихрист*, и будет во время рождения его трус таков, какого никогда не было прежде того времени окаянного и лютого. Плач великий поднимется по всей земле, в солнце и луне появятся знамения. «Увы, увы! (плачет предсказатель) Будет тогда нам грешным горе — беда великая!» В 6940-м (1432) году останется только *три года до пришествия Господня*. Царство будет антихристово: в людях нужда великая, источники водные все высохнут; и начнут плакать небеса, солнце, луна и земля, как в златокванную трубу. В лето 6954-е (1446) сойдут на землю пророки и станут предсказывать страшное пришествие владыки Христа, Бога нашего; Илия пророк и Енох праведный будут обличать беззаконие и говорить антихристу: «Змей! Змей окаянный! Прельстил стадо Христовых овец». А он скажет: «Возьмем и побьем сех пророков; я — Христос Сын Божий, я — Сын Девы, я восстал из мертвых!» Схвативши пророков, антихрист убьет Илию и Еноха; и кровь их не пойдет никуда, но полежит на земле до Суда. Сойдут пред Судом ангелы, возьмут сатану, называемого антихристом, всех воинов его, всех прельщенных им и, связавши узами нерушимыми, ввергнут его со всеми его слугами в геенну огненную.

В таком виде рисовалось последнее время благочестивым людям, начитавшимся предсказаний Мефодия Патарского. Помышляя о близких испытаниях и бедствиях, писатель приведенной статьи умолял своих читателей: «Не имейте веры словам антихриста, о бедные и страшливые человеки!»²². К сожалению, Тихонравов, описы-

вая этот источник, не указал, где именно он его обнаружил, и найти его пока не удастся. По всей видимости, это были чьи-то пометы на пасхальной таблице первой половины XV века.

История библейская, пророческо-апокрифическая не существовала отдельно — ее сопрягали с собственным представлением о будущем, и возникала порой своеобразная картина этого будущего.

В пасхальных таблицах XV века находим предсказания последних событий за 22 года до наступления седьмой тысячи лет. Неизвестный интерполятор обозначил *рубежи, которые предшествуют главному событию.*

6978 год (1469/70): «начало цесарства антикрисова». Гог и Магог будут царствовать и с ними 70 цесарей. При этом Магог называется «Пермским». Бог разгневется на них — «хулы их дея да сег[о] ради цесаря греческаг[о] Михаила поострит на ня и вьставит его и ть обратит лице свое на вьсток и погубит сыны агаряны в 14 лето цесарства своег[о] и ты потребит, а и чада их огне погубит». Упоминание греческого царя Михаила явно свидетельствует, что интерполятор использовал «Откровение» Мефодия Патарского.

6990 год. «Изиде Михаил цесарь в острова морския» сроком на пять лет. «Тогда вста Андралих цесарь, сын беззаконный и будет цесарь в Константине граде».

Последовательность фактов здесь произвольная — авторская. События из «Откровения» перемежаются с событиями из Жития Андрея Юродивого — и все это вместе увязывается с «нашей» хронологией.

Царь Иоанн (о котором говорится в Житии Андрея Юродивого) будет царствовать 32 года. По окончании этого благополучного царствования наступит время иное. Царем станет Анралих. Он будет править три года. Это будет один из самых беззаконных царей. По его приказу совершатся беззакония, каких не было от Сотворения Мира и не будет до конца его.

6993 год. «Посем встанет ин цесарь... отметник Исус Христов».

6995 год. «Посем встанет первыи цесарь Михаил и цесарствовати имать лето едино». И при цесарстве его соберутся все святыи и пойдут в Иерусалим к тому месту, «кидеж стояста нозе Господа нашего Исус Христа».

Этот фрагмент навеян «Откровением» Мефодия Патарского. В Житии Андрея Юродивого рассказывается, что придет царь «от Аравии». Он будет царствовать только год. Он придет в Иерусалим на место, где стояли ноги Господа и отдаст ему свой царский венец и душу.

6997 год. «Посем встанут три юноши и цесарствовати имать в Костянтине граде 150 дни и по сих встанет жона Мондана от Понта»: она будет царствовать в Царьграде «и при сеи потопит имать град».

6997 год. «Посем встанет антикрис и цесарствовати имать в Иерусалиме полчетверта лета начень (от индикта) все лето и явиться Илия и Енох и стояти имут пред антикрисо (так! — А. Ю.) три лета, обличая его».

Илия и Енох, согласно «Откровению» Иоанна Богослова будут проповедовать слово Божие, разоблачая антихриста, и будут им убиты: «И когда кончат они свидетельствовать свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними; и победит их, и убьет их. И трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят» (Откр. 11. 7—8). Но в конце концов антихрист будет побежден во Втором пришествии Христа.

6999 год. «Се же есть последнее лето седмыя тысящи».

7000 год. «Конец седмые тысящи, доселе оуставиша святыи отци наши держати паскалию до лета седмотысячнаг[о]. Неции же глаголять: тогда ж будет Второе пришествие Господне. Глаголеть же святыи евангелист Марко: о дни том и о часу никтоже не весть ни ангели небесныя, ни Сын, токмо Отец, Отец един, слава Тебе Господи, створшему вся, не отверзи нас от своего лица, но изволи помиловати нас вьскресенья ради»²³.

В 1492 г. Второго пришествия ждали особенно трепетно. И в разное время. Некоторые были уверены, что оно последует в марте. Ведь в марте месяце был создан Адам, иудеи освободились от египетского плена, произошла смерть Спасителя. Значит — в марте будет и кончина мира²⁴. Но счет времени шел уже в основном по сентябрьскому стилю, а потому многие связывали конец света именно с сентябрем. Срок этот был ограничен: между 12 июля 1492 г. и 27 января 1493 г.,

когда «с недели мытаря и фарисея начинался очередной пасхальный цикл 7001 лета»²⁵. Но и после того, как прошел 1492 год, ожидания Страшного суда не утихли, а наоборот, усилились, и стали даже причиной социальных катаклизмов.

Итак, идея конца света не воспринималась отвлеченно и кардинальным образом повлияла на формирование ценностных ориентаций людей. Именно в это время ожиданий конца света создается Русское государство и возникает государственная символика.

Во всех редакциях «Откровения» Мефодия Патарского можно найти главный драматический фрагмент, рассказывающий о том, что, когда греческий царь Михаил отдал свой венец Богу, наступит время, когда не будет власти вообще. Но явится человек, который своими чудесами заставит поверить ему многих людей, — они увидят в нем мессию, избавителя. В первом славянском переводе читаем: «И тогда разидеться всяка власть и старейшинство». Так должно быть по пророчеству патриарха Иакова.

В 49-й главе книги Бытия говорится о том, что призвал Иаков сыновей своих и сказал: «Соберитесь, и я возведу вам, что будет с вами в грядущие дни» (Быт. 49. 1—2). В речи патриарха содержались предсказания о «последних днях». Рувим, старший сын, будет лишен первенства (права первородства) за оскорбление, которое он нанес своему отцу осквернением его ложа, Симеону и Левию предсказывается неблагоприятное будущее. Четвертому сыну, Иуде уготована другая судьба — его колено царственное. В трудах отцов церкви считалось, что благословение, данное Иуде, таинственно предзнаменовало все, что относится к Христу. О судьбе двух последних сыновей Иакова от Лии говорилось, что им уготована роль приморских владетелей. Особый интерес представляет то, что сказал Иаков о Дане, своем сыне от наложницы: «И да будет Дан змий на пути, седяй на распутии, оугрызая пяту конску: и падет конник вспяты, спасения ждый Господня» (Быт. 49. 16—18)²⁶. В синодальном переводе змей определяется аспидом, что соответствует и древнерусской традиции.

Человечество вступит на свой последний путь, искушаемое *антихристом*. Читаем дальше в первом славянском переводе «Откровения» Мефодия Патарского: «Сын пагоубный раждаете от племени Данова по пророчеству Иакова патриарха, еже речь: «Видехъ змия лежеша на путии имоуша конь за *петоу*, и седе конь на задноу ногу, жьды избавлени от Господа. Что есть конь? Истинная вера праведных. *Пета же что? Последни день*. Да иже боудеть *тъгда святых тако на кони* седеше на вере приходити начноуть на сына пагоубунааго и хапати (змей. — *А. Ю.*) начнет конь, рекше *блзнитыи начнет* (соблазнять начнет. — *А. Ю.*) верные *въ последние дни лъжами своими зънаменыи и чудотворении*». Начнет антихрист исцелять хромых, глухим возвращать слух, слепых делать зрячими. Солнце превратит в тьму и месяц в кровь. Сами знаменья и чудеса будут такими, что только избранным Божиим будет дано устоять от натиска этого мирового зла.

Во втором славянском переводе «Откровения» читаем: «Змии при пути седеи на стъзах, хапле пету коню и паднет всадникъ спасение ожидае Господне». Символическое толкование образов здесь в целом такое же, как и в первом переводе, хотя имеются и дополнительные штрихи: «Конникъ оубо есть истинна и благоверие праведных, пета же последни день. И тогдашнии святии въ време оно (оно определялось в тексте седьмым тысячелетием. — *А. Ю.*) на коне истине въседшей вере оухаплены боудут от змиа сиречь от сына погыбели, въ петоу въ последни день». В интерполированной редакции повторялась версия первого славянского перевода²⁷.

Возникший образ, как видим, глубоко символичен. Каждый элемент (конь — образ веры; всадник — святой на коне; пята — «последний день») несет в себе особый смысл. Заметим попутно, что само реальное убранство коня имело глубоко символическую основу. На передних и задних луках царских седел изображалась вполне определенная символика — двуглавый орел, единорог, лев, ездец, покоряющий копьём змея. Известен покровец второй четверти XVII в., на котором вышит двуглавый орел с ездецом в центре. Изображения двуглавого орла имелись на подножных пластинах стремян, на золоченых решмах, украшавших переносицу коня, на золоченых чекмах наузов, отличавшихся особой красотой благодаря кистям, сделанным из пряденого золота, серебра и жемчуга²⁸. Изучая символику Толстовской Псалтыри XI—XII вв., Л. С. Ковтун обратила внимание на то, что узда

олицетворяла собой «евангелье»²⁹. Усиление торжественности в убранстве коня, видимо, соответствовало реальному повышению статуса Русской церкви в конце XVI в., ставшей из автокефальной митрополии самостоятельной патриархией (1589 г.)

В святоотеческой литературе образ змея распространялся не только на дьявола, но и на антихриста³⁰. Произошло это отождествление и в силу особой популярности пророчества Иакова и потому, что антихрист — сын дьявола, а значит во всем ему подобен, и прежде всего в способности прельщать людей. В одном из сказаний об антихристе, которое традиция приписывала Ипполиту римскому, находим даже рассуждение на эту тему: «Будет Дан змия на пути, угрызая скотску, змия бо есть сам диавол, иже прелсти Еву в раи во образ змии. Глаголется же и антихрист — змий, понеже имать имети всего диавола в себе, прелщати род человеческ, яко же от рода Данова родится антихрист».

Согласно «Откровению» Мефодия Патарского родится антихрист в Хоразине, вскормлен будет в Вифсаиде, а воспитан в Капернауме. По другим сведениям, он придет из Вавилона. Он будет во всем подобен Христу: «От колена Иудова раждается Христос, сие от колена Данова родится антихрист... По всему бо уподобится хошет льстец Сыноу Божию; львь Христос, львь и антихрист, явися Христос агнец, и ть явится яко агнец, в нятр сии влькъ, обрезан Спас в мире был, ть подобне обрезань будет, посла Христос апостолы во вся языки и ть подобне послет лъжныя апостолы, съвъкупи расточеныя овця Спас, и ть подобне съберет расточеныя люди, даст Господь знамение иже в него верующим чьстныи крест, и ть подобне даст свое знамение, в образе человекчи явися Господь, и ть подобне в образе человекчи изыдет»³¹.

В свое время В. Истрин опубликовал интересное сказание об антихристе в списке XVI века. Называется оно: «От книги глаголемыя Тефологии сие совокупление вкратце избрано о антихристе». В этом сказании изображен символический портрет антихриста: описывается его внешний вид и даются пояснения. «Дан будет змии колубер на пути кераст на стези хапая пята коньску, — гласит сказание, — да падет всадник его вспять... Также уподобляет антихриста змию колыберу сего ради, понеже тои любит от урожения быть под сению — сего антихриста дела попушения такоже всюду по темнете и по неправде прострутся»³².

Vipera cerastas отличается двумя небольшими рожками над глазами, длина ее 65—70 см.; цвет желтый с более темными пятнами и полосками. Живет во всей северо-восточной Африке, а также каменистой Аравии. Эта viperа обладает способностью необыкновенно быстро зарываться в песок; видны бывают лишь рожки, глаза и часть спины.

Названия аспид и кераст закрепились за реальными змеями. В основу символично-геральдического образа были положены некоторые реальные черты змей: аспид, к семейству которого относят (и, возможно, относили в древности) кобру, явно обладал большой головой, а кераст (*Vipera cerastas*) — двумя рожками.

В современной классификации аспид и кераст относятся к разным семействам — соответственно Elapidae и Viperidae³³.

Средневековые люди наделяли животных мифологическими чертами и верили в их сущую подлинность. В природе животных они видели природу души, а потому создавали свой особый — символический мир живого и сущего. В основу толкований животных была положена мысль, высказанная в «Физиологе», что «двойко каждое творение, хотя бы в нем предполагали зло, но и добро обретается». Лев, воскрешающий мертвых львят, означает Воскресение Христа, но образ льва выражает идею земной власти; страус, забывающий свои яйца в песке — образ губительной безответственности, но в то же время — идеальное воплощение созерцательного одиночества в пустыне; ночная птица сова — символ духовной слепоты, а также дух созерцания, змея — воплощенное зло и одновременно символ мудрости³⁴ и т. д.

Считалось, что аспид — это змея «крилата», у нее птичий нос и две ноги³⁵: «Аспид есть животно двоножное имать крила и лицом подобен есть якоже змии великии: обаче есть ширьшая глава его. Имаг же и хвост великии, яко же змием и имать злый яд»³⁶; «а иные глаголют аспид змей, невысоко летает, аще ли бы высоко летал, то бы... погубил всю страну, где живет»³⁷. Помимо аспиды в источниках упоминаются и керасты как огромные змеи: «Ина змия народитца из яйца,

а яйцо что гусиное. И бывает длиною в 16 аршин, а кожа на ней что оу ящуре, неймет ея никоторое оружие железное, а языка оу ней нет, а живет в реке и з берегу человека и скотину и зверя хватает и пожирает»³⁸. В целом эти представления были характерны и для западного средневековья³⁹.

Итак, на древнейших великокняжеских печатях мы видим не дракона, а змею, или аспида-кераста⁴⁰. Аспид-кераст, хватающий коня за пятку, олицетворял собой антихриста.

Кроме аспида обыкновенного, был еще и аспид глухой. Ему приписывались особые свойства. «Аспида есть змия крилата, нос имеет птиче и два хобота, а в кое земли вселится, ту землю пуну учинит, живет в горах каменных, не любит же трубнаг[о] гласа». Почему же у этого аспида два хвоста («хобота»)? «Аспида оуши свои затыкает, абы не слышати гласа обавнича»⁴¹, т. е. заклинателя. Аспид глухой — существо гневное: «Ходя семо и овамо от гнева своего влагает хвост свои во ухо свое отравляется»⁴². Аспид сам себя убивает от гнева, ибо вкладывая хвост в уши, он отравляет себя ядом, который содержится в хвосте. В одном лицевом сборнике первой четверти XVII в. О. В. Белова обнаружила миниатюру, изображающую глухого аспида: у него птичья голова, загнутый клюв, змеевидное тело, которое завершается раздвоенным хвостом, уши, четко обозначены крылья и когтистые лапы⁴³. Изображения глухого аспида встречаются и в средневековых bestiариях: змей припадает одним ухом к земле, другое закрывает хвостом, чтобы не слышать пения заклинателя, вызывающего его из норы. В сочинениях западноевропейских авторов образ аспида уподоблялся то грешнику, не внимающему божественному слову, то самому дьяволу⁴⁴.

Глухой аспид осмысливался символически; в древнерусской культуре его отождествляли с образом дьявола, но обозначали им также иудеев, не принявших спасительного божественного слова: «Июдеом же проповеда Моисеи, они же не вероваша Господу Богу рождышуся от Девы Мария. Такжеже затычет уши свои и очи, да не слышат гласа Господа нашего Исуса Христос[а]»⁴⁵; «сему аспиду уподобишася жидове, от зависти бо не терпяще душеспасительнаго поучения слышати затыкаху уши своя... яко аспид глухий затыкая и уши свои»: ⁴⁶.

Геральдический образ змея совмещал в себе семантику аспида глухого и кераста (рогатой гадюки) — вот почему художники, изображая рога, создавали своеобразный контур, очень напоминающий ухо. Особенность образа змея заключалась в его многозначности. Например, у художника (и заказчика) был выбор — показать рога или ухо. Рога — более нейтральный знак, чем ухо, обозначение которого подчеркивало то, что изображен именно аспид глухой.

Изображение уха на голове змея, имеющего раздвоенный хвост, видно на золотой булле 1514 года, привешенной к известному договору Василия III с императором Максимилианом⁴⁷. Заключение этого договора было связано со многими важными обстоятельствами. Василий III совершил второй и неудачный поход против Смоленска, принадлежавшего тогда Великому княжеству Литовскому, и теперь готовился предпринять третий, которому суждено было войти в историю триумфальным успехом русского войска. Тем временем резко ухудшились отношения Габсбургов с Венгрией и Польшей. Польша оказалась втянутой в антигабсбургскую коалицию. Максимилиан, чтобы заставить Польшу отказаться от планов поддержки национальных стремлений венгров, решил составить свою — антипольскую — коалицию в составе Дании, Саксонии, Бранденбурга, Тевтонского ордена и, конечно, России — старого врага Польши. Для создания коалиции и привлечения в нее Ордена и России, со специальной миссией был направлен Георг фон Шнитценпаумер. Он сначала побывал в Кенигсберге у гроссмейстера Ордена Альбрехта, а затем в начале февраля 1514 г. прибыл в Москву⁴⁸. 4 августа 1514 г. и был заключен договор, согласно которому обе державы вступали в союзнические отношения, признавались права России на Киев, украинские и белорусские земли, обе стороны обязывались выступать вместе против общего врага — Польши⁴⁹: «И мы имеем быть на нашего неприятеля Зигимунда короля Полскаго и великого князя Литовскаго в соединении», — говорилось в заключенном договоре⁵⁰. Тот геральдический акцент, который мы находим в изображении на золотой булле, свидетельствует, видимо, о фиксации русской стороной глубины религиозных расхождений. Не исключено, что подобным образом выражалась идея, что католики, подобно иудеям, не слышат божественного слова.

Изображение того, как аспид-кераст пытался ухватить коня за пятку, явно отвечало духу времени — ведь ожидания Второго пришествия и Страшного Суда осознавались как единственная из возможных реальностей будущего. На рисунке золотой буллы 1517 г., опубликованном Ф. Бюллером⁵¹, но к сожалению, еще не проверенном на аутентичность⁵², видно, как змей не только угрожает левой передней ногой коня, но и буквально ухватил ее. В этом нет ничего невозможного, поскольку по подлинным печатям видно, что жало змея в некоторых случаях касается пятки коня⁵³.

Близость развязки земной истории ощущали не только на Руси, но и в Западной Европе. Там распространилось предсказание астрологов, что в 1524 г. от Рождества Христова и 7032 г. от Сотворения Мира будет конец света: «Будет в то лето вселенныя странам и царством, и облаstem, и обычаем, и градом, и достоинствам, и скотом, и белугам морским, вкупе всем земнородным... пременение, и изменения, и преиначение, и потемнение в то лето, не узрится солнцу и луне». Это — точный пересказ предсказания на 1524 год, опубликованного в «Новом альманахе» И. Штефлера и Я. Пфлауме в 1513 г. в Венеции и вторично напечатанного в 1518 году⁵⁴.

Помимо всего прочего, изображения на печатях и буллах содержат указания на ту роль, какую *должен* играть православный государь православной державы в последнее время. Как известно, Филофей, монах Псковского Елеазарова монастыря ответил в своем послании псковскому дьяку Мисюрю Мунехину на распространившийся прогноз о конце света в 1524 г. и опроверг взгляды немецкого врача и астролога Николая Булева, утверждавшего, что первенство в христианском мире принадлежит католическому Риму. Филофей обосновал мысль о переходе функции опоры христианства от первого Рима к Царьграду, а затем к России — Третьему Риму⁵⁵.

Итак, кто же поражает копьем змея? Современному человеку нелегко настроиться на символическое восприятие действительности — а именно таким оно было в средние века. Копье — не буквально оружие, а символ конечной судьбы мирового зла. Впрочем, следует уточнить: на первых печатях изображается, возможно, не копье, а царский жезл или скипетр⁵⁶. Действительно, ни в одной ранней печати не найти главного признака копья — его острого наконечника. В печати 1542 г.⁵⁷ также нет еще этого наконечника. Между тем скипетр упоминается в определенном контексте в «Изложении пасхали» 1492 года митрополита Зосимы. Этот контекст дает основания предполагать, что изображался именно жезл. Зосима писал: «И предасть ему (великому князю Ивану III. — А. Ю.) Господь Бог скипетр, непобедимо оружие на вся врагы, и неверныя покори под нозе его, и вся съпостаты предаст ему Господь Бог в руце его»⁵⁸. Описанный образ великого князя перекликается с образом, помещенным на государственной печати: ведь современники считали, что изображен на печатях «сам царь»⁵⁹. Во второй половине XVI в. скипетр трансформируется в копье, и потому на печатях конца века⁶⁰ уже можно видеть именно *копье с острым наконечником*, пронзающее тело змея. Не исключено, что эта смена функций как-то связана с тем, что сразу после взятия Казанского ханства скипетр стал особым символом царской власти, изменившись при этом по форме.

То, что «сам царь» изображен на коне, весьма симптоматично. Разумеется, речь идет не о буквальном понимании образа царя, а опять-таки о символе государственной власти. И тут, вероятно, следует вернуться к образу царя-победителя, представленному в «Откровении» Мефодия Патарского. Греческий царь стал олицетворением противостояния злу вплоть до Второго пришествия Христа. Греческий царь, заметим, поставляется на царство ангелами и передает свою земную власть самому Богу.

Дошедший до нас в позднем списке текст сказания о царе Михаиле интересен своей контаминацией разных легенд, содержание которых объединяется личностью греческого царя-победителя. По этому сказанию, царь Михаил выводится из рода «нагомудрецов», о которых рассказывается в апокрифах, и в частности в «Александрии». Греческий царь изображен в сказании как святой, безгрешный и праведный: «А встанет царь отрок отроков Маковицких, идеже близ рая живяху, Адамови внуци: безгрешнии же соуть всии человецы, а [не] носят одеяние, но, яко родишися, тако и хождяху, не укрывашеся наготу свою»⁶¹. Представление о том, что всадник может

быть голым (или полуголым), скорее всего и было связано с этим мотивом безгрешности, о котором говорит сказание. Семантика голого тела в таком аспекте не могла испугать русского средневекового человека, и ее уж никак нельзя назвать «легкомысленной». В этой связи обращает на себя внимание то, что в западноевропейских изданиях книги С. Герберштейна рядом с портретом Василия III, сидящего на троне, помещался гербовый щит с изображением раздетого всадника в виде Геркулеса в развевающемся плаще; на офорте А. Хиршфогеля 1546 г., где показан проезжающий в санях Герберштейн, виден русский герб с изображением обнаженного человека, поражающего змея⁶². При всей возможной неточности в передаче вида печатей синхронные западноевропейские источники все же отражают, как нам думается, некую первичную семантику государственного символа⁶³.

Византия пала, как и предсказывало «Откровение» Мефодия Патарского. Наследницей Византии стала Русь, и центр православия переместился в Москву. Русский великий князь и государь олицетворял собой богоспасаемую территорию. Именно эта идея, утвердившаяся в сознании современников, в конечном счете положена в основу геральдического образа. Это не только политическая, но и этноконфессиональная претензия.

Своеобразным предтечей Филофея с его идеей Третьего Рима выглядит митрополит Зосима, который в уже упомянутом «Изложении пасхалии» провозгласил великого князя «новым царем Константином», а Москву «новым градом Константином»⁶⁴. «Изложение пасхалии» (1492 г.) — это первый литературный памятник, в котором прямо идет речь о перенесении на Москву прежнего значения Византийской империи⁶⁵. Важно подчеркнуть, что Зосима этот перенос связывал с «последними летами»⁶⁶. Кроме того, в «Сказании о князьях Владимирских» конца XV в. излагалась версия о происхождении русских князей от «Августа кесаря». И. Н. Жданов считал автором этого памятника Пахомия Логофета и рассматривал его как «оправдательный документ» для получения права на византийское наследство «на почве обособившейся восточно-православной церковности»⁶⁷.

Выражение «Новый Рим» в отношении Константинополя употреблено в переработке «Изложения пасхалии», выполненной в 1495 г. в кругу игумена Троице-Сергиева монастыря Симона. Любопытно, что в том же, 1495 году, игумен стал митрополитом всея Руси, и при этом поставление совершалось уже по новому чину, который, как заметил Б. А. Успенский, «разительно напоминал поставление патриарха в Константинополе... Этот новый чин поставления... воплощает ту же идею, которая была провозглашена в «Изложении пасхалии», т. е. восприняет Москвы как нового Константинополя. Митрополит символически получал власть от великого князя, подобно тому, как в Константинополе патриарх получал ее от византийского императора (василевса), или «царя»... Московский великий князь уподоблялся таким образом византийскому «царю», заявляя о себе как о преемнике византийских императоров»⁶⁸.

Таким образом, идеи Филофея возникли не на пустом месте. Впрочем, интерпретация этих идей сводится порой к совершенно бездоказательному утверждению об имперских амбициях русских государей. Но Третий Рим — это не Третий Рейх. Идеи вечности земного царства не могло быть даже теоретически, ибо средневековые люди верили в Христа, в Его Второе пришествие, грядущее царство которого одно только и могло претендовать на категорию вечности, подлинного инобытия.

Филофей не просто знал сочинения, приписываемые Мефодию Патарскому, но активно их использовал. Истрин обратил внимание на один сборник из собрания А. С. Уварова⁶⁹, содержащий послание старца Филофея Василию III: «Ис книги святого Мефодия Патрського от (так! — А. Ю.) послания к великому князю Василию Московскому. Старого оубо Рима церкви падеся неверием, Апинариевыми ереси, втораго же Рима Константина града церкви агарянскими внуцы секирами и оскордами разсекоша двери. Сия же ныне Третьяго новаго Рима державнаго твоего царствия святая соборная апостольская церкви, яже в концых вселенныя в православней христианстей вере во всеи поднебестней паче солнца светится. И да весть твоя держава, благочестивыи царю, яко вся царства православныя христианския веры снидошася в тво едино царство, един ты по всеи поднебестней христианом царь, и ныне молю тя и паки премолю еже выше писах, внимаи Господа ради, яко вся христианская царства снидошася в твое царство, посем чаем царства, емуже

несть конца. И внемли благочестивыи царю, яко христианская царства снидошася во твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти, оуже твое христианское царство инем не останется по великому Богослову».

Четвертому Риму не бывать, потому что никакого другого Рима вообще не будет, Московское царство будет последним перед Вторым пришествием Христа, и русский царь будет последним христианским царем на земле. В одной рукописи, на которую также обратил внимание Истрин, высказываются взгляды на Третий Рим через призму «Откровения» Мефодия Патарского: «Всемогушцы створитель Московско царство послидны на земли устроил и прославил, тако е хочет цело и непоколебно и до скончания века милостиво сохранити»⁷⁰. Речь, таким образом, шла о своеобразной русской идее коллективного спасения: сам Бог «хочет», чтобы держава последнего православного царя стояла «непоколебимо» до Второго пришествия Христа. С середины XVI в., когда ожидания Страшного суда обострились до предела, на печатях возникает характерная комбинация: на лицевой стороне — всадник, поражающий копьём змея, на оборотной стороне — единорог, который олицетворял собой власть Христа⁷¹.

Фигура царя-победителя на гербе Русского государства символизировала русского царя, который и передаст власть Богу в Его Второе пришествие. По существу, это — геральдическое воплощение идеи Третьего Рима, богоспаемого царства. Конь в этой композиции — сама православная вера, которую царь и государь должен сохранить в чистоте. Поражение змея скипетром-копьем — это уверенность в победе добра, торжества Христа в последней схватке со злом.

Высочайшее напряжение эсхатологических ожиданий, особенно напряженных после того, как наступила сакраментальная семитысячная дата, не могло сохраняться долго. Уже в конце XVI в. такого рода переживания слабеют. Это заметно и по геральдическим образам. С конца XVI и на протяжении всего XVII в. в композиции езdeckа, поражающего копьём змея, происходит изменения. Змей уже не угрожает пятке коня, как прежде⁷². Это не значит, что сошли на нет ожидания конца света; они усиливались в преддверии 1666 г., но их острые моменты находят уже иное воплощение.

Естественно, что уникальная атмосфера конца XV — начала XVI в. со временем стала забываться, и образ царя-победителя на коне постепенно терял свою былую эсхатологическую определенность. Во второй половине XVII в. меняется отношение официальных властей и к идее Страшного суда. Русская церковь, особенно после проведения никонианских реформ, стремится доказать, что Страшный суд наступает для каждого христианина в момент его смерти. Идея Третьего Рима, идея исключительности и богоизбранности русской земли, теряет свою былую привлекательность и обоснованность для тех, кто пошел на изменения в русских обрядах ради канонического единения с греческой церковью. Эта идея остается достоянием старообрядцев, по-прежнему веривших в то, что Страшный суд наступит вот-вот и этот «День Господень» осуществится во вселенском масштабе.

8 марта 1730 г. состоялось утверждение 88 гербов, составленных для русских городов. Издавая соответствующий указ, правительство впервые объяснило, что центральная часть герба — всадник, поражающий копьём змея, — есть изображение св. Георгия Победоносца, хотя еще в XVII в. верили в то, что этим образом олицетворяется или сам государь, или его наследник⁷³. Святой Георгий, надо сказать, оказался наилучшей заменой образу царя-победителя, ибо даже после смены персонажей не нарушался общий композиционный замысел: на коне был святой воин. Изменился только исходный смысл, щемяще-трагический, волнующий своей глобальностью, а потому, возможно, и недолговечный.

Примечания

1. SCHRAMM P. E. *Herrschaftszeichen und Staatssymbolik*. Bd. 1. Stuttgart. 1954; ALEF G. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle. — *Speculum*, 1966, Vol. 41, № 1; HELLMANN M. *Moscau und Byzanz*. — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1969, Bd. 17, H. 3; ЯНИН В. Л. *Актовые печати Древней Руси X—XV вв.* Т. 2. М. 1970; STÖKL G. *Testament und Siegel Ivans IV*. Opladen. 1972; КАМФНЦЕВА Е. И., УСТЮГОВ Н. В. *Русская сфрагистика и геральдика*. М. 1974; СПАССКИЙ И. Г. *Монетное и монетовидное*

- золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III. В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. VIII. Л. 1976; СОБОЛЕВА Н. А. *Русские печати*. М. 1991; СОБОЛЕВА Н. А., АРТАМОНОВ В. А. *Символы России*. М. 1993; ХОРОШКЕВИЧ А. Л. *Символы русской государственности*. М. 1993; ЛИНД ДЖ. *Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времени Ливонской войны*. В кн.: *Архив русской истории*, 1994, № 5.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 6. СПб. 1853, с. 296; КОТОШИХИН Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1884, с. 41; КАМЕНЦЕВА Е. И., УСТЮГОВ Н. В. *Ук. соч.*, с. 122—128.
  3. Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Вып. 1. М. 1880, с. XVII.
  4. СОБОЛЕВА Н. А. *Ук. соч.*, с. 207.
  5. РЫСТЕНКО Л. В. *Легенды о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах*. Одесса. 1909, с. 32—33; КИРПИЧНИКОВ А. *Святой Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды*. СПб. 1879; ВЕСЕЛОВСКИЙ А. Н. *Разыскания в области русских духовных стихов. Святой Георгий в легенде, песне, обряде*. СПб. 1880. Ч. II; АЛПАТОВ М. В. *Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси*. В кн.: АЛПАТОВ М. В. *Этюды по истории русского искусства*. Т. 1. М. 1967; ЛАЗАРЕВ В. Н. *Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве*. В кн.: ЛАЗАРЕВ В. Н. *Русская средневековая живопись*. М. 1970; ВИЛИНБАХОВ Г., ВИЛИНБАХОВА Т. *Святой Георгий Победоносец*. СПб. 1995.
  6. *Вопросы истории*, 1993, № 4, с. 177 (рец. И. Н. Данилевского).
  7. Автор приносит искреннюю благодарность Ю. М. Эскину и И. А. Балакаевой за предоставленную возможность ознакомиться с материалами Древлехранилища Российского государственного архива древних актов (РГАДА).
  8. РГАДА, ф. 135, отд. 1, рубр. II, № 78 (1497 г.), № 79-а, 79-б (1504 г.); рубр. IV, № 21 (1514 г.), № 22 (1526 г.), № 26 (1542 г.).
  9. Там же, отд. III, рубр. II, № 47 (1584 г.); отд. I, рубр. IV, № 33 (1621 г.); № 34 (1627 г.), № 41 (1658 г.); № 22, 33, 34.
  10. Там же, д. 28 (1577 г.).
  11. Там же, отд. III, рубр. II, № 47 (1584 г.).
  12. Там же, отд. I, рубр. IV, д. 29 (1605 г.).
  13. Там же, № 41 (1658 г.).
  14. ШЕВЫРЕВ С. П. *История русской словесности*. Ч. 4. М. 1860, с. 82.
  15. *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею*. Т. 1. СПб. 1841, № 253; ПОРФИРЬЕВ И. *История русской словесности*. Ч. 1. Казань. 1876, с. 434.
  16. ВАДКОВСКИЙ А. В. *Исследование о поучениях Фотия, митрополита киевского и всея Руси*. — *Православный собеседник*, 1875, март, с. 313.
  17. ШЕВЫРЕВ С. П. *Ук. соч.*, с. 83.
  18. *Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая половина XIV в.)*. Вып. 1. Л. 1987, с. 283—285.
  19. ИСТРИН В. *Откровение Мефодия Патарского. Тексты*. В кн.: *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР)*, 1897, кн. 4, с. 111, 112.
  20. Там же. В первом славянском переводе: «И боудеть на земли тихость велика, яка же несть была ни боудеть, яко последная есть година» (ИСТРИН В. *Ук. соч.*, с. 98).
  21. ИСТРИН В. *Ук. соч.*, с. 113, 114, 126, 128.
  22. ТИХОНРАВОВ Н. С. *Древняя русская литература*. В кн.: ТИХОНРАВОВ Н. С. *Соч.* Т. 1. М. 1898, с. 230.
  23. ГОРСКИЙ А. В., НЕВОСТРУЕВ К. И. *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки*. Отд. II. Вып. 3, М., 1862, с. 583 (№ 316): сборник XV в. с дополнениями XVI века.
  24. ШЕВЫРЕВ С. П. *Ук. соч.* Ч. 4. М. 1860, с. 85.
  25. ПЛИГУЗОВ А. И., ТИХОНЮК И. А. *Послание Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмиричности счисления лет*. В кн.: *Естественнонаучные представления Древней Руси*. М. 1988.
  26. *Цит. по тексту Елизаветинской Библии (Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами*. М. 1993).
  27. ИСТРИН В. *Ук. соч.*, с. 99, 113, 129.
  28. ДЕНИСОВА М. М. «*Конюшенная казна*». В кн.: *Государственная Оружейная палата Московского Кремля*. М. 1954.

29. КОВТУН Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.-Л. 1963, с. 171.
30. САХАРОВ В. Эсхатологические сочинения и сказания в древне-русской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула. 1879, с. 84.
31. СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. Сказания об антихристе в славянских переводах. СПб. 1874, с. 80, 38.
32. ИСТРИН В. Откровение Мефодия Патарского. В кн.: ЧОИДР, 1897, кн. 2, с. 219.
33. ПЕНГО К. О родовых и видовых признаках гадюки. Харьков. 1870; Catalogue of Colubrine Snakes in Collection of the British Museum. London. 1888; BOULENGER G. A. Catalogue of the Snakes in the British Museum. London. V. 1—3. 1893—1896; СЛЕПЦОВА М. Н. Змеи. СПб. 1912; БОБРИНСКИЙ Н. А. Определитель змей Туркестанского края. Ташкент. 1923; ТАЛЫЗИН Ф. Ф. Змеи. М. 1963.
34. Средневековый bestiарий. М. 1984, с. 22—23.
35. БЕЛОВА О. В. Названия и символы животных в памятниках восточно- и южнославянской книжности XII—XVII вв. М. 1996, с. 264—267 (машинопись: приложение к канд. дисс.).
36. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). Собрание Московской Синодальной библиотеки, № 388, л. 5об. (сообщено О. В. Беловой).
37. Библиотека Академии наук. Рукописный отдел (БАН РО), № 33.9.1, л. 80об. (азбуковник XVII в. Сообщено Беловой).
38. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Собрание Д. В. Пискарева, № 197, л. 70 (азбуковник XVII в.; сообщено Беловой).
39. Средневековый bestiарий, с. 196—197.
40. КОВТУН Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. Л. 1989, с. 210.
41. БЕЛОВА О. В. Ук. соч., с. 265.
42. ГИМ ОПИ. Собрание Московской Синодальной библиотеки, № 377, л. 41 (сообщено Беловой).
43. БАН ОР, № 24.5.32, л. 66об. (сообщено Беловой).
44. Средневековый bestiарий, с. 197.
45. БЕЛОВА О. В. Ук. соч., л. 266—267.
46. РГАДА, ф. 187, оп. 2, д. 202, л. 17—17об. (сообщено Беловой).
47. FIEDLER J. Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I und Vasilij Ivanovič Grossfürsten von Russland von dem Jahre 1514. Wien. 1863. Приношу благодарность госпоже Йскре Илиевой-Шварц (Австрия) за оказанную помощь в установлении аутентичности рисунка золотой буллы 1514 года.
48. ЗИМИН А. А. Россия на пороге нового времени. М. 1972, с. 156.
49. ПИСАРЕВСКИЙ Г. К истории сношений России с Германией в начале XVI века. В кн.: ЧОИДР, 1895, № 2, с. 2—21.
50. Собрание государственных грамот и договоров российских государей (СГГид). Ч. 5. М. 1894, с. 63.
51. Снимки древних русских печатей, № 6.
52. Ф. Бюллер указывал на то, что золотая булла хранится в Берлине. В настоящее время предпринимаются усилия, чтобы установить ее местонахождение.
53. РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. IV, № 22 (1526 г.), № 26 (1542 г.).
54. ГОЛЬДБЕРГ А. Л. Три «послания Филофея». В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 29. Л. 1974, с. 69—70.
55. МАЛИНИН В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев. 1901; STREMOUKHOFF D. Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine. — Speculum, 1953, Vol. 28, № 1; ANDREYEV N. Filofey and His Epistle to Ivan Vasilyevich. — Slavonic and East European Review, 1959, Vol. 38; ГОЛЬДБЕРГ А. Л. Идея «Москва — третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI века. В кн.: ТОДРЛ. Т. 37. Л. 1983.
56. Скипетр происходит от греческого слова, означающего «посох, жезл» (ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М. 1971, с. 639—640); см. также: Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб. 1847, с. 131; СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб. 1903, стб. 375.
57. РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. IV, № 26 (1542 г.).
58. Русская историческая библиотека. Т. 6. Изд. 2-е. СПб. 1908, стб. 799.
59. ЛАКИЕР А. Б. Русская геральдика. М. 1990, с. 137—138.
60. На печати 1584 г., скорее всего, изображено копые: оно пронзает шею змея насквозь и выходит наружу, но из-за стертости изображения трудно разобрать, есть ли наконечник у копыя (РГАДА, ф. 135, отд. III, рубр. II, № 47). Обращает на себя внимание изначальная нетождественность символических образов на монетах и печатях. При великом князе

Василии III на монетах изображался великий князь с мечом, впоследствии же — после денежной реформы 1534 г. — великий князь изображался с копьем (ПСРЛ. т. 6, с. 296).

61. ЧОИДР, 1897, кн. 2, с. 195.
62. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московии. М. 1988.
63. Возможно, в формировании у иностранцев впечатления, что изображен полуголый (или даже голый) всадник, сыграли роль какие-то устные беседы с русскими людьми. Кроме того, всадник, которого мы встречаем на первых русских печатах, в самом деле, полуголый, ибо, по крайней мере его колени всегда были непокрыты, а это одно уже, для средневековых людей, значило много.
64. ТИХОНЮК И. А. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы. В кн.: Исследование по истории СССР XIII—XVIII вв. М. 1986, с. 55.
65. КАЗАКОВА Н. А., ЛУРЬЕ Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.-Л. 1955, с. 190.
66. Русская историческая библиотека (РИБ). СПб. 1908. Т. 6. Стб. 799.
67. ЖДАНОВ И. Н. Русский былевой эпос. СПб. 1895, с. 62—63.
68. УСПЕНСКИЙ Б. А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим». В кн.: Русское подвижничество. М. 1996, с. 467.
69. ЛЕОНИД (Кавелин), архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей Собрания графа А. С. Уварова в четырех частях. Ч. 4. М. 1894, № 2054.
70. ИСТРИН В. Ук. соч., с. 240—241.
71. КОВТУН Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья, с. 29, 404; СПАССКИЙ И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III, с. 115—117; СОБОЛЕВА Н. А. Ук. соч., с. 139; ХОРОШКЕВИЧ А. Л. Единорог большой государственной печати Ивана Грозного. В кн.: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В. Б. Кобрин. М. 1992.
72. На печати 1584 г. змей уже не угрожает пятке коня (РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. II, № 47).
73. КАМЕНЦЕВА Е. И., УСТЮГОВ Н. В. Ук. соч.; ХОРОШКЕВИЧ А. Л. Символы русской государственности, с. 15—20.

Черносотенцы в 1917 году

П. Ш. Чхартишвили

28 февраля 1917 г. живший в Петрограде дворянин, статский советник, профессор, бывший член Союза русского народа (СРН), затем член Главного совета Всероссийского дубровинского союза русского народа (ВДСРН) Б. В. Никольский, расстрелянный в 1919 г. большевиками, писал: «У нас под окнами убили черносотенную старуху, обличавшую бунтующих солдат... Тревожит и смущает меня повсеместная пальба по толпе и солдатам из пулеметов: кому и зачем это нужно?.. — Господи Иисусе Христе!.. не вытерпел, оделся и пошел на улицу... видел, как доколачивали окна Астории и шли громить реформатскую церковь... Везде одно и то же: любопытство, веселое ощущение полной безнаказанности, сдерживаемое тайным страхом, изредка пьяные и гулянье, гулянье и гулянье. Словом, анархия на себя смотрит и удивляется. Боже упаси, когда хлебнет вина и попробует крови... Насколько я понимаю нашего обожаемого [монарха. — П. Ч.], он пойдет на какое угодно соглашение с кем угодно. Чем бы дело ни кончилось, ликвидация династии, видимо, неизбежна. Это все входит в общее стихийное восстание против немецкого гнета»¹.

Его же запись от 3 марта: «В витринах... красуются Родичевы, Керенские, Шингаревы и т. д. ... Повсюду жиды студенты из городской милиции... Чем бы ни кончилась война, внутренние раздоры неизбежны. Не знаю, миновать ли нам и террора». Наконец, из его письма от 9 марта: «Меня спрашивают язвительно, признаю ли я теперешних министров такими государственными людьми, которые соответствуют моим политическим убеждениям. А я отвечаю: нет, не признаю; но признавали вы государственными людьми, соответствующими вашим убеждениям, Штюрмеров, Протопоповых, Добровольских и всех прочих? Между тем, вы им подчинялись!.. Они — правительство временное, и они — единственное начало порядка среди анархии»².

Переориентация некоторых правых монархистов началась еще до 27 февраля 1917 года. В. М. Пуришкевич, один из основателей СРН, товарищ председателя его Главного совета, затем основатель Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) и председатель его Главной палаты, с началом в 1914 г. первой мировой войны временно отошел от политики, в 1915 г. посчитал вредным съезд ультраправых и не принял в нем участия, впоследствии покинул правую фракцию IV Государственной Думы. Он участник убийства Г. Е. Распутина. Писал в апреле 1917 г., что старый строй прогнил сверху донизу, и обвинял депутатов Петросовета в подрыве престижа Временного правительства в глазах народа³.

Многие перестроились в марте 1917 года. Бывший председатель СРН в Москве

Чхартишвили Павел Шалвович — ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации.

и Всенародного русского союза И. И. Восторгов (расстрелян большевиками в 1918 г.) заявил, что солидарен с новым правительством. Дворянин и землевладелец, шталмейстер, сенатор, бывший член Главного совета СРН А. А. Римский-Корсаков подал вместе с другими членами Государственного совета письменное заявление министру-председателю Временного правительства князю Г. Е. Львову о готовности служить новому строю. Одесская черносотенная газета «Русская речь» заявила о своей лояльности. Домовладелица, вдова полковника, член Главного совета и казначей СРН, затем спонсор ВДСРН, верная соратница председателя Главного совета ВДСРН А. И. Дубровина, Е. А. Полубояринова обратилась, если верить прессе, в Петросовет с просьбой разрешить ей возобновить издание вестника Союзов русского народа дубровинской газеты «Русское знамя», закрытой Исполкомом Петросовета 5 марта. В случае согласия революционных властей на эту просьбу газете Полубояриновой неизбежно пришлось бы скорректировать свое направление. Пресса сообщила, что о своем признании Временного правительства заявили: Г. Г. Замысловский, бывший член Главного совета СРН; В. П. Соколов, один из главных учредителей СРН, товарищ председателя его Главного совета; С. А. Кельцев, председатель Русского монархического союза; что черносотенный «революционер»-эмигрант Илиодор возвращается из Норвегии, чтобы служить верой и правдой свободной святой Руси⁴.

У одних черносотенцев происходила переоценка ценностей, не обязательно конъюнктурная. Других вынужденное отречение Николая II освободило от присяги на верность ему. У третьих исчезла материальная заинтересованность в «исповедании» правого монархизма. Четвертыми руководил страх перед возможными репрессиями. А репрессии последовали. В Петрограде были закрыты, кроме «Русского знамени», «Земщина» — газета председателя Главного совета СРН Н. Е. Маркова (Маркова 2-го), «Гроза», «Колокол»; конфискована типография СРН в Тучковом переулке. Сообщалось о конфискации помещения редакции «Ивановского листка» (Иваново-Вознесенск), закрытии черносотенной газеты в Ростове-на-Дону. Были произведены обыски у Дубровина, Полубояриновой, Кельцева, редактора «Земщины» С. К. Глинки-Янчевского, члена правой фракции IV Государственной Думы Замысловского; в провинции — у местных руководителей «союзников» и черносотенных активистов; и вообще, как докладывал Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства прокурор Новгородского окружного суда, «у лиц, заподозренных в несочувствии революции». Случались безрезультатные обыски, порой находили компрометирующие материалы: правомонархическую литературу и воззвания, архивы Союзов, их отделов и палат, их переписку; документы о вербовке в организации, портреты вождей Союзов, знамена, членские значки; иногда найденное частично или полностью конфисковывалось, порой даже уничтожалось. У активиста Шадринского отдела (Пермская губ.) СРН Ф. И. Петрова-Коновы отобрали, помимо прочего, револьвер и патроны; председатель елисаветградского (Херсонская губ.) Союза истинно русских людей М. И. Иванов распрощался с домашней типографией; у аккерманских (Бессарабская губ.) «союзников» добыли фотокарточку группы правых боевиков 1907 года⁵.

28 февраля в Петрограде был арестован и доставлен в Таврический дворец Дубровин, 1 или 2 марта — бывший прокурор Киевской судебной палаты, руководивший следствием по делу М. Т. Бейлиса, Г. Г. Чаплинский. 3 марта взяли председателя Астраханской народной монархической партии Н. Н. Тихановича-Савицкого, тогда же или днем позже — бывшего члена Главного совета СРН и организатора убийства в 1906 г. члена I Государственной Думы М. Я. Герценштейна, секретаря Главной палаты РНСМА Н. М. Юскевича-Красковского. 10 марта отдал себя в руки властей художник, сотрудник «Русского знамени» и «Земщины», писавший статьи под псевдонимом «Зло», Л. Т. Злотников. 11 марта задержали Полубояринову. 20 марта в Таврический дворец явился и Глинка-Янчевский. 23 марта арестовали бывшего боевика СРН, вдову основателя и председателя Общества активной борьбы с революцией и анархией В. Н. Степанову-Дезобри. Среди арестованных: один из основателей СРН, участник убийства Герценштейна А. В. Половнев; член СРН, соучастник того же преступления М. П. Пименов; основатель и председатель Армавирского отдела СРН В. Ф. Морозов; председатель Туапсинского отдела СРН Бутенко (Половнев и Юскевич-Красковский были помилованы Николаем II после осуждения их за убийство Герценштейна; в 1919 г. Половнева рас-

стреляли большевики). Пресса сообщала о взятии под стражу провинциальных лидеров правых монархистов в Саратове, Орле, Одессе, Ялте. Сход 24 деревень Рожновской волости Нижегородской губ. постановил арестовать черносотенного волостного старшину Пахомова. Главный совет СРН (Петроград, Басков пер.), как показал впоследствии в ЧСК Марков 2-й, был разгромлен в дни переворота. В. П. Соколов рассказывал в ЧСК, что делопроизводство и архив Союза были сожжены толпой, знамена увезли в Государственную думу. Марков добавил, что «Земщину» тоже разгромили. В прессе промелькнула информация, что на станции Уваровка Московской губ. толпа избила члена Можайской уездной земской управы черносотенца Киселева ⁶.

Многие из арестованных оказались больными или старыми, находиться в сырых и холодных камерах и казематах им было вредно (к тому же, как они считали, и не за что). Чаплинский писал из Петропавловской крепости министру юстиции А. Ф. Керенскому: «Давая предложение о привлечении Бейлиса, я знал, что вооружаю против себя многих, это меня страшно удручало, но не могло остановить в исполнении велений совести и служебного долга... Я был глубоко убежден в участии Бейлиса в этом убийстве и обязан был представить собранные о нем данные на суд присяжных». Далее заключенный уверял, что никогда не был одержим юдофобством, что своим распоряжением об аресте Бейлиса спас его от самосуда толпы, а киевских евреев — от погрома. 4 марта по болезни был освобожден Юскевич-Красковский, 13 марта вышел на волю Злотников. В конце марта отпустили сотрудника «Земщины» М. С. Глинку-Янчевского (сын С. К. Глинки-Янчевского).

На начальном этапе Российской революции 1917 г. (27 февраля — 18 апреля) в настроении и деятельности черносотенцев прослеживаются две противоположные тенденции. Переворот придал дополнительный импульс некоторым правым и ультраправым, пробудил дремавших к активности. В то же время стремительность переворота, массовая его поддержка в России, полуторамесячная эйфория в стране внесли растерянность и уныние в стан сторонников павшего режима или критиков этого режима справа. 21 марта Н. Н. Глубоковский писал из Петрограда в Москву бывшему члену Главного совета СРН, затем члену ВДСРН, тайному советнику, члену Государственного совета акад. А. И. Соболевскому: «Настали разбойничьи времена». 2 апреля М. Носков с печалью сообщал из Витебской губ. в Петроград Б. Никольскому, что в Трухалева пасхальную заутреню «батюшка служил с опаской и боялся звонить в колокола, так как прибывшие в отпуск солдаты стояли в церкви в шапках и курили».

В те недели началась новая волна черносотенной агитации: против Временного комитета Государственной думы, революции, Временного правительства, нового строя и за освобождение царя. С помощью листовок и литературы, а также устно агитаторы и распространители слухов возбуждали верующих православных, бедняков, крестьян, солдат, вообще толпу. Натравливали на евреев, интеллигенцию, богатых, помещиков и на «темные силы».

И. И. Дудниченко — сын обер-офицера, секретарь президиума правомонархического совещания 1915 г., уполномоченный Главной палаты РНСМА в Бессарабской губ., председатель Оргеевского отдела (Бессарабская губ.) СРН, сотрудник «Русского знамени» и «Земщины», не позднее 23 марта 1917 г. был задержан за агитацию против переворота и доставлен в Одессу. П. Ермолов — активный член СРН, священник в г. Боровичи Новгородской губ., в дни переворота был подвергнут домашнему аресту за раздачу населению листовок контрреволюционного содержания. К 9 марта его освободили, взял подписку о недопущении с его стороны на будущее «вредной для революции пропаганды». Быковец — жандармский агент, арестован за агитацию в Чернигове. Н. А. (П. А.) Штротберг — барон, задержан в Петрограде, затем отпущен. Серафим — екатеринбургский епископ: произнес контрреволюционную проповедь 2 марта. Некто Левицкий занимался вымогательством денег у евреев, угрожая погромом (с. Пересечин, Бессарабская губ.). Некто Васильева задержана «за агитацию» в середине апреля в Баку, отправлена в тюрьму ⁷.

В ходе борьбы с подстрекателями не позднее 6 марта киевская «союзническая» типография «Двуглавый орел» была опечатана и охранялась милиционерами. Перед Пасхой Киевский исполнительный комитет постановил призвать войска к охране

населения от эксцессов. Киевское православное духовенство писало в своем воззвании: «Ради Господа Иисуса Христа, ради великой свободы и нашей любви к родине не слушайте темных людей. Церковь не с ними». Газеты сообщали, что бессарабским комиссаром приняты нужные меры и что в Одессе распространители провокационных листов задерживаются милицией и солдатами. Черносотенцы в это время еще не оправились от удара. Главным в их жизни за 27 февраля — 18 апреля было то, что новые власти вели борьбу с представителями дофевральского правого монархизма, а не слабые попытки черносотенного сопротивления революции, редкие вспышки навсегда поверженного, как многим тогда казалось, движения.

С началом Апрельского кризиса эпилог дофевральского черносотенства не прекратился. Пресса сообщала об аресте 27 мая — 9 июня и доставке в Петроград члена правой фракции IV Государственной Думы Маркова. 19 апреля забрали и поместили в Петроградскую одиночную тюрьму «Кресты» чиновника МВД, бывшего члена Главной палаты РНСМА, директора-распорядителя Петроградского общества по борьбе с дороговизной Г. И. Кушнырь-Кушнырева. 13 мая был арестован и заключен сначала в «Кресты», затем в арестный дом на Фурштатдский ул. статский советник граф А. И. Коновницын, бывший председатель Одесского СРН. В мае и июне ЧСК искала в Петрограде бывшего члена Главного совета и издательского комитета СРН, секретаря редакции «Русского знамени» А. И. Прусакова и недавно отпущенного по ошибке Юскевича-Красковского; первого нашли, второго — нет⁸.

Л. Тиханович-Савицкая писала военному и морскому министру Керенскому: «Третьего июня исполнилось три месяца, как мой муж... сидит в заключении, арестованный астраханским исполнительным комитетом... По словам Комитета... никакого обвинения к мужу предъявлено быть не может, отпустить же его не хотят, опасаясь, что он, будучи видным монархическим деятелем..., поведет контрреволюционную пропаганду. Муж указывает Комитету на неосновательность этих опасений, так как считает преступным заводить смуты во время войны; он все время боролся против этого, а теперь, говорит, и подавно, когда Государство стоит на краю развала». Она продолжала: «...невозможно лишать человека свободы, держать его, больного, в духоте, в пыли, на сквозняке, в обстановке, угнетающей морально..., лишь на основании одних предположений о его дальнейшей деятельности, к тому же это подрывает провозглашенные принципы свободы и законности и становится похожим на партийную месть. Ленинцев, проповедующих измену Родине, оставляют свободными, а монархистов, беззаветных патриотов, держат взаперти, на основании одних предположений... Кроме того, муж говорит, Правительству следует принять во внимание, что в непродолжительном времени власть перейдет к толпе и солдатам, сторонникам Ленина, и политические заключенные могут подвергнуться смертельной опасности».

С 20 апреля по 12 мая ЧСК обыскивала и осматривала опечатанные квартиры Дубровина и Полубояриновой. В кабинете Дубровина нашли в камине много пепла от сожженной бумаги. Архив ВДСРН, погромную литературу и прочие материалы, представлявшие интерес для следствия, отвезли из этих квартир в Камеру вещественных доказательств ЧСК и частично — на хранение в бывшее Петроградское охранное отделение. С 21 апреля по 28 июня в ЧСК дали показания два десятка черносотенцев: Замысловский, Половнев, Полубояринова, Соколов и др. Следователь ЧСК Ф. И. Вереницын требовал возбудить уголовное преследование против Чаплинского. ЧСК постановила исследовать виновность А. С. Степанова в покушении на графа С. Ю. Витте. Сообщалось о возбуждении уголовного преследования против бывшего Одесского городского головы Б. А. Пеликана, видного деятеля СРН и РНСМА.

Но ЧСК, допросив, освободила Маркова; объявила заключенному Дубровину, что ничего преступного за ним не обнаружено; сообщила прокурору Петроградской судебной палаты, что материала, изобличающего Полубояринову в каком-либо преступном деянии, не добыто и что привлекать ее в качестве обвиняемой не предполагается. Затем, как информировала пресса, Полубояринову по болезни перевели из «Крестов» в больницу⁹.

Для черносотенцев в период между Апрельскими и Июльскими событиями характерно следующее настроение: «Нет отрады ни единой», «все не радостно, просто тоска», «везде один развал», «катимся в пропасть», «теперь Россию может

спасти только чудо», «тяжело видеть настоящее и думать о будущем». 24 мая Соболевский писал Никольскому: «Положение бывшей России, уходящей от нас святой Руси, — критическое». И. И. Солосин, из Петрограда в Москву, Соболевскому: «...очень сгущена атмосфера — того и гляди, разразится грозой... Хочется, однако, думать, что пройдет наваждение, прозреет народ и, может быть, организуется для мира и порядка. Велик Бог Земли русской!..». Наблюдение Никольского (Петроград, 18 июня): «На улицах все чаще и смелее говорят о монархии. Конечно, от речей ничего не бывает, но самый факт весьма знаменателен».

О позиции послефевральских черносотенцев по важнейшим проблемам, стоявшим перед Россией, в недели с 19 апреля по 2 июля свидетельствуют частная переписка, черносотенная пресса и либеральные газеты. В последних помещалась информация об аргументах подстрекателей и распространителей слухов.

В вопросах боеспособности войск, обороны страны, заключения демократического мира у черносотенцев — размежевание, ведущее к различному отношению к большевикам. Одни, отмечая факт развала армии и флота, перестроенных «усердием товарищей» на небывалых, демократических началах, предсказывали России «тевтонское ярмо» и возмущались: «Идет совершенно открытая пропаганда в пользу Германиии». Иное утверждала вышедшая снова «Гроза». Ее редактор Н. Н. Жеденов, дворянин, бывший земский начальник, член СРН, председатель Общества изучения иудейского племени, сотрудник «Русского знамени», член Главного совета ВДСРН, после Февраля — один из активнейших деятелей изучаемого движения. Газета заявляла, что продолжать войну — безумие и преступление, ставящее всю Россию на край пропасти; что война идет ради интересов евреев, «инородцев» и западных союзников; что русские войска обречены на поражение, после которого все равно будет заключен сепаратный мир, только уже на позорных условиях.

По аграрному вопросу «Гроза» довольно неопределенно писала, что русский крестьянин задыхается в новшествах и ищет свежего воздуха. Что касается положения с продовольствием, та же газета писала: Республика «напустила» голод: если раньше народ «питался только чечевицей с рыбой да хлебом вдосталь, то ныне недостает у него и хлеба». По рабочему вопросу: своевольная, вредная для всех забастовка — грех; однако рабочий голоден, бос и оборвался. Идет натравливание «пролетариев» на «буржуев» (как сообщал Солосин Соболевскому). О финансах: «бумажными деньгами хоть пруд пруди, а купить на них нечего». Относительно наведения правопорядка в стране: главные деятели «великой русской революции» совершенно неспособны навести порядок, всякая власть исчезла, общественная безопасность под угрозой, милиция прячет провизию. Предпочтительной для России формой правления называли монархию. Царь отрекся только временно, уже идет рать восстановить его в правах (так говорили агитаторы). При Романовых, при всех их недостатках, Россия все-таки «росла и поднималась как опара на хороших дрожжах» (Соболевский — Никольскому). Нынешняя власть ответа перед Богом не несет, при царе безбожники православных святынь не трогали («Гроза»). По религиозному и церковному вопросу: церковь почти развалена; правительство (говорили агитаторы) «приказало все кресты на церквях обломать...», безбожники (писала «Гроза») выступают за уничтожение церквей, «богослужение пренебрегается, проповедь бессильна...», «явное безверие и богохульство, отвержение всяких истинных начал веры»¹⁰.

Отмена в марте 1917 г. национальных ограничений, казалось бы, лишила национальный вопрос прежней остроты. Но уравнение евреев в правах с русскими привело черносотенцев в бешенство, одинаковое у диких лабазников и некоторых академиков. Сокращение границ государства (признание Временным правительством права Польши на выход из состава России и т. п.) било по патриотическим чувствам части населения бывшей империи, а процесс частичной автономизации внутри страны — по шовинистическим. На этапе с 19 апреля по 2 июля для черносотенной позиции в национальном вопросе характерны следующие моменты: горсточка «продавшихся людей», не столько русских, сколько евреев и грузин, играет русским народом; война ведется по требованию американских евреев во имя укрепления положения евреев в России; евреи поддерживают капиталистов, «втерлись» в управление Россией, собираются уничтожить церкви, взвинчивать цены, скрывают товары и продукты, в очередях не стоят. Паны и евреи (так говорили подстрекатели в Подольской губ.) «сковали царя и хотят ввести панцину».

Часть черносотенцев традиционно враждебно относилась к противоположному политическому флангу. Но среди них уже намечалась и другая тенденция по отношению к большевикам, причем порой взаимная. Ультраправых кандидатских списков на городских выборах не было, и 22 июня Соболевский писал из Москвы в Петроград Никольскому (голосовавшему в мае за кадетов): «Я голосую за список большевиков (они теперь моя пассива), веду за собой сестру и братьев и убеждаю знакомых». Девятью днями раньше в Москве на митинге в Марьиной роще оратор-большевик доказывал, что меньшевики объединились с евреями-социалистами. «А жида, — кричал этот большевик, — гибель для дела пролетариата!». Большевистские нападки на капиталистов одних черносотенцев возмущали, другие же сами проповедовали антибуржуазные настроения. В отношении к Временному правительству все черносотенцы и большевики были практически едины¹¹.

Черносотенная агитация постепенно усиливалась. Объектами нападков, кроме перечисленных выше, стали инородцы, рабочие, студенты, генералы, господа, буржуи, торговцы. Распространители слухов и провокаторы работали в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, Кишиневе, Житомире, Подольской губ., Витебске, Ростове-на-Дону, Пензе, Нижегородской губ., Екатеринбурге, Ельце, Сергиевом Посаде среди солдат, крестьян, верующих, учащихся, подростков, бедных женщин, солдаток, старушек, в очередях, в толпе. В подстрекательстве замечены «степенный человек» (по виду старший дворник), солдат, монахи, игуменья и др. Безвластие, безработица, дороговизна, бестоварие, нехватка предметов первой необходимости, прогрессирующий продовольственный кризис повлекли самочинные, часто безрезультатные, обыски, проводившиеся толпой в Киеве, Юрьеве, Ростове-на-Дону, Житомире, Петрограде, причем обыскивались чаще всего еврейские подвалы, квартиры, лавки, магазины и склады. А пресса информировала об антисемитских демонстрациях в Кишиневе, призывах к еврейским погромам и подготовке к ним в Киеве, Витебске, Одессе, Петрограде, Кирсанове (Тамбовская губ.), избивении киевского торговца Каплана, участии бывших членов СРН в нападении на Елецкую тюрьму. Группа московских черносотенцев выпустила воззвание с угрозой устроить 11 июня Варфоломеевскую ночь для интеллигентов, евреев и рабочих. В Витебске и Петрограде подстрекатели шумели о еврейском засилье в милиции, Советах, районных думах и призывали к убийству определенных лиц. Либеральная газета сообщала, что в Петросовет на имя члена его Исполкома меньшевика И. Г. Церетели доставлено письмо: «Совет черной точки постановил лишить вас жизни». Председатель Исполкома Петросовета меньшевик Н. С. Чхеидзе тоже получил письмо от Совета черной точки: «Совет, признавая вашу деятельность вредною для государства, решил прекратить ее». Некоторых агитаторов-погромщиков или их сообщников задержали или арестовали: в Житомире — В. И. Мельникова (члена правой фракции IV Государственной думы от Волынской губ.) и Кульбицкого; в Петрограде — управляющего кофейней «Пекарь» Валей-Балташева; в Пензе — прапорщика Орестова, гимназиста Здановского, реалистов Кузьмина и Мерова; в Н.-Новгороде — Ганохина-Ярочкина; в Тирасполе — Кириллюка.

В Киеве началась в июне кампания по проведению выборов в Городскую думу. Различные группы русских жителей города и русские национальные организации образовали Блок русских избирателей, в который вошли: общество «Русь», Клуб прогрессивных русских националистов, Южно-русский демократический союз, Киевский отдел Национальной демократическо-республиканской партии. В условиях невозможности выставления отдельного черносотенного кандидатского списка русские националистические организации привлекали к себе сторонников из черносотенно настроенной части жителей города.

Не позднее 25 июня в Петрограде был учрежден союз «Святая Русь». Совет союза помещался на Старорусской улице. Поскольку политическую платформу союза опубликовала газете Жеденова, можно предположить, что он стал членом союза. Есть сведения о членстве в этом союзе С. Глинки-Янчевского, Злотникова, Оловенниковой (видимо, родственница известного московского правого монархиста В. В. Оловенникова). Союз объявил о своих целях: 1) поддерживать в государстве главенство хозяина Русской Земли — народа русского, состоящего из великороссов, малороссов и белорусов; 2) восстановить православие до силы прежних времен и противодействовать попыткам умаления в государстве первенствующего положения православной церкви; 3) сохранить Россию единою и неделимою державою

в пределах не меньших, чем до войны. В целом союз «Святая Русь», если судить по его официальному лицу, был организацией не вполне черносотенной, но пограничной с нею — шовинистической.

Итак, для времени с 19 апреля по 2 июля характерны продолжение борьбы властей с дофевральским черносотенством и активизация аналогичного послефевральского движения, усиление антисемитски окрашенных волнений. После попытки левого государственного переворота 3—4 июля и июльской катастрофы на Юго-Западном фронте (21 августа к тому же пала Рига) либерально-патриотическая Россия ударила в набат.

Содержавшийся в Фурштатском арестном доме Дубровин направил в ЧСК протест против обвинений в прессе в его адрес о прикосновенности его к убийствам черносотенцами в 1906—1908 гг. трех членов Государственной думы и к покушению на жизнь Витте. В ответ ЧСК объявила заключенному, что опровержение частных газетных заметок не входит в ее обязанности. Петроградец К. Лавринович сообщил в ЧСК, что разыскиваемый Юскевич-Красковский в конце марта 1917 г. переменял адрес и поселился без прописки в доме на углу ул. Бассейной и Преображенской в комнате Н. Д. Облеухова (бывший товарищ председателя Главной палаты РНСМА), перейдя на нелегальное положение. 2 августа был утвержден закон о внесудебных арестах и высылках, на основании которого министр внутренних дел эсер Н. Д. Авксентьев арестовал Юскевича-Красковского. Пресса сообщала, что пойманного поместили в «Кресты»¹².

ЧСК вторично допросила находившегося на свободе Маркова, который показал: «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены, отделы наши сожжены, а руководители, которые не арестованы, — в том числе и я, пока не арестован, — мы скрываемся». Марков добавил, что его в Курске хотят застрелить, «так как во главе комитета общественной безопасности стоит профессиональный убийца Голощапов», и отказался выдать ЧСК имена неизвестных ей руководителей СРН. Связвил: «„Гроза“ теперешнего типа, как приходится читать, по-видимому, загнана свободой печати в подполье». Освобожденный из-под стражи Тиханович-Савицкий писал 9 июля министру юстиции, что Астраханский губернский исполнительный комитет постановил отдать его под надзор в Минеральных Водах «без права самовольной отлучки оттуда, т. е. восстановил ссылку... Я вынужден подчиниться ему и выезжаю из Астрахани по его указанию; но в то же время не считаю возможным такое незаконное, своевольное решение Комитета, подрывающее авторитет судебной власти и вносящее анархию, оставить неопротестованным, и настоящим прошу... заставить его подчиниться требованию Министра Юстиции и возвратить мне свободу, освободив от ссылки». Активный участник правомонархических совещаний 1915 г., бывший председатель Союза русских людей, председатель Одесского отдела ВДСРН Н. Н. Родзевич выступил в газете В. В. Шульгина «Киевлянин» против украинизации, против «маньяков и спекулянтов украинофильства». А одновременно одобрительно сообщал в Петроград Никольскому, что «украинство» унаследовало от правых протест против еврейства, космополитизма, социализма и анархии¹³.

Картину настроения черносотенцев в июле — августе 1917 г. можно составить по письмам Глубоковского из Эссентуков в Москву Соболевскому: «действительно феерия, но только из шабаша ведьм на Лысой горе..., прискорбно за погибшую великую Россию, возвращаемую к первобытным временам... Черт знает, что творится в окаянном и поганом Петрополе!.. Что готовят нам эти безумцы? Получается убийственное впечатление, что они по сознательной преступности губят родину и всех нас неуклонно гонят в пропасть..., не вижу ни малейшего утешения, нет ни единой точки опоры, за которую могла бы удержаться растоптанная государственность наша». Неустановленный автор писал Пуришкевичу: Керенского и всех его сподвижников выгнать из пределов России; «почему не публикуют тайные договоры?». По ним, утверждал корреспондент Пуришкевича, вся Россия продана. Керенский, Брусилов, Корнилов и компания предателей гонят войска в наступление. «Побойтесь Бога и заговорите громко против убоя армии». Чем больше будет убито нашего войска, предупреждал он, тем скорее Россия перейдет в руки врагов и будет закрепошена евреями.

Имеются сведения о существовании в июле—августе черносотенных организаций и групп либо близких к ним. Их можно разделить на три вида: классически-черносотенные (редакция петроградской газеты «Гроза», Союз спасения Родины,

киевская типография «Обновление» — бывш. «Двуглавый орел»); черносотенные как бы на 2/3 (в идеологии отсутствует монархизм, но присутствуют реакционно трактуемое православие и антисемитизм): «Свободная Русь» и киевский Русский солдатский комитет; пограничные: союз «Святая Русь», киевский Блок русских избирателей, одесские Русский государственный союз и Национально-демократическая партия¹⁴.

«Русские ведомости» сообщали об обнаружении при обыске в ЦК РСДРП(б) литературы СРН и большого количества открыток с изображением ритуального убийства, об аналогичных находках в штаб-квартире анархистов. В двух крупных городах состоялись выборы в Городские думы, и 23 июля в Киеве Блок русских избирателей завоевал третье место из 10, собрав 15% голосов, а 6 августа в Одессе Русский государственный союз (монархисты) получил 2,5%.

Начинались антисемитские выступления. В Петрограде толпа избила до смерти еврея, у которого продовольственная управа нашла большое количество продовольственных запасов. Толпа в Москве жестоко избила старика-еврея, сапожника, у которого ничего не обнаружили. Произошел еврейский погром на Озерном базаре в Екатеринославе. В Калуше (Галиция) озверевшая толпа грабила еврейские дома, насиловала женщин, избивала детей и стариков. Во время бунта в Нижнем Новгороде вооруженные эвакуированные лица и черносотенцы обстреляли правительственный военный отряд.

Государство принимало ответные меры. Из Одессы в Подольскую губ. был командирован отряд инструкторов для борьбы с черносотенной агитацией среди крестьян. По стране прокатилась волна превентивных обысков (не всегда безрезультатных) у известных в прошлом черносотенцев. Обнаруженную во время этих обысков старую погромную литературу порой конфисковывали. Но в киевской типографии «Обновление», которой заведовала секретарша «Двуглавого орла» Куделенко, следственные власти нашли приготовленные к набору новые черносотенные прокламации. В Ярославле у Н. С. Соколова изъяли текст «Походной песни боевой дружины Гомельского отдела» и патроны для берданки. В Костроме у бывшего председателя Костромского отдела СРН торговца Н. М. Соловьева и у бывшего члена СРН Я. С. Надеждина отобрали револьвер и револьверные, ружейные и винтовочные патроны. 1 августа министр юстиции народный социалист А. С. Зарудный заявил журналистам, что союз «Святая Русь» серьезной опасности не представляет. В Петрограде задержали продавщицу черносотенных брошюр. Там же в ночь на 15 июля (в очерке Б. И. Колоницкого ошибочно указано 15 июня) контрразведка арестовала Жеденова и препроводила его в «Кресты», где он встретился с Глинкой-Янчевским и Злотниковым. Продержав их в заключении 18 дней, всех троих отпустили. Одесская секция общественной безопасности арестовала за черносотенную агитацию трех бывших членов СРН. 26 августа Временное правительство выслало из России нескольких человек, включая С. Глинку-Янчевского.

Итак, для этапа с 3 июля по 26 августа характерны дальнейшая активизация описываемого движения и появление информации о ряде организованных групп классических послефевральских черносотенцев и близких к ним по духу. Группы эти, вероятно, были немногочисленными. Когда этап, начавшийся попыткой левого переворота, подошел к концу, Россия оказалась на пороге правого переворота. Но выступление генерала Л. Г. Корнилова провалилось. Немцы же в начале октября заняли острова Эзель и Моон.

В эти последние два месяца буржуазной демократии меры властей против деятелей дофевральского черносотенства плавно сходили на нет. Были проведены обыски у активистов СРН в Харькове и «Двуглавого орла» в Киеве. Кое-кого еще продолжали допрашивать, иные еще сидели в тюрьме. ЧСК решила не предъявлять никакого обвинения Замысловскому и лишь осмотрела архив ВДСРН, взятый в мае в квартирах Дубровина и Полубояриновой. Дубровин обратился в Министерство юстиции с ходатайством об освобождении из-под стражи по болезни. На последовавший запрос Министерства юстиции ЧСК ответила, что даже если Дубровин будет привлечен в качестве обвиняемого, то мерой пресечения вряд ли будет избрано содержание под стражей. 14 октября в прессе появилось сообщение об освобождении Дубровина под залог в 2 тыс. руб. (впоследствии он был расстрелян большевиками). Главное управление по делам милиции требовало отменить незаконное постановление о высылке Тихановича-Савицкого из Астрахани. Соболевский

уже записался в кандидатский список по выборам в Учредительное собрание от Трудовой группы, беспартийных крестьян и общественных деятелей. 21 октября прапорщик В. Б. Никольский писал отцу с Юго-Западного фронта о солдатах: «В разговорах с ними чувствуешь полную возможность иметь с ними прекрасные отношения, но отсутствие идеи чувствуется... Идеи нет у меня самого, а как же я сообщу... какую-либо идею в таком случае. Ни он (солдат), ни я не верим никому и боимся верить друг другу»¹⁶.

Тем временем в погромную агитацию включились некоторые профессора и гайдамаки. К традиционному списку мишеней (спекулянты, имущие слои и пр.) добавились учителя, комиссары, демократические организации, милиция, Городские думы. Либеральная газета сообщила, что на митинге в Егерском полку 12 октября в Петрограде выступавший там некто Гвоздев назвал Керенского «продажным жидом». Распространялись антисемитские прокламации в Одессе, Костроме, Орле (за подписью исполкома общества «Коричневой руки»). Подобные же прокламации, распространявшиеся в Харькове, содержали монархические лозунги. Агитация порой встречала сочувственный отклик. Кроме того, имела такая часть населения, которая сама была готова действовать и не нуждалась в идеологической обработке. Поступали сообщения о еврейских погромах в Киеве (на Владимирском базаре) и Киевской губ., Харькове, Смоленске, Рославле (Смоленская губ.), Тамбове, Николаеве, Вознесенске (Херсонская губ.), Орле, Тирасполе, Подольской губ., Бендерах.

Пресс сообщала, что в Одессе из толпы стреляли по комиссариату. В Киеве на Владимирском базаре была избита милиция и обезоружена правительственная боевая дружина, пытавшаяся остановить погром. В Рославле убили двух или трех евреев и около 20 ранили. В Екатеринославе на базаре убили нескольких милиционеров. В Астрахани пробили голову губернскому комиссару. В Сороках (Бессарабская губ.) разогнали Городскую думу. В Волынской губ. срывали выборы в волостные земства: разгоняли избирателей, избивали членов избирательной комиссии и уездной земской управы. Было опубликовано сообщение о готовившемся побеге Пеликана и других черносотенцев из Одесской тюрьмы.

4 октября министр-председатель и Верховный главнокомандующий Керенский признал необходимым принять экстренные меры к предотвращению погромов. С протестами против черносотенного разгула или с контрагитацией выступили ВЦИК, партия эсеров, Московский и Ростовский-на-Дону Советы. 20 октября тверские большевики выпустили листовку, в которой говорилось: «Под нашим знаменем... хотят устроить черносотенный погром, чтобы награть и разгромить общественные организации, чтобы этим расстроить ряды революционных рабочих и солдат! Ничего общего с черносотенными хулиганами наша партия не имеет и решительно от них отмежевывается». С надлежащими заявлениями выступали съезд Союза городов в Москве, Пятницкая районная управа (Москва), Витебское городское самоуправление. Церковный собор в связи со случаями осквернения еврейских храмов и кощунственного отношения к еврейским святыням в Галиции и Буковине просил Керенского принять меры к предупреждению повторения подобных явлений, позорящих высокое звание русского воина. Собор приказал духовенству «разъяснять воинам преступность кощунства, а также всяких насмешек и глумлений над чужими верованиями, к каким бы религиям они ни относились!». В ответ газета Жеденова буквально взорвалась негодованием¹⁷.

Прогрессивные силы не ограничились проповедями. В Одессе была закрыта монархическая газета «Южная Русь». Там же красногвардейцы оцепили помещение, в котором проходило собрание Русской народно-государственной партии, участники заседания были переписаны, собрание закрыто. Производились обыски у черносотенцев. У бывшего председателя Бакинской палаты РНСМА священника Рождественского обнаружили пять пудов погромной литературы. Нагайки и револьверы изъяли у одесских гимназистов-черносотенцев. Были арестованы подстрекатели в Тирасполе, Одессе, Москве. В Петрограде воины-евреи организовывали самооборону. Вмешательство милиции, солдат, юнкеров, казаков, кавалерии, броневиков, коменданта, начальника округа, атаманов (у гайдамаков) прекращало кое-где погромы и вносило успокоение. В Тирасполе войска стреляли в погромщиков. Однако в ряде случаев войска и патрули не мешали громилам¹⁸.

Таким образом, осенью послефевральское черносотенное движение достигло апогея. Временному правительству становилось все труднее сдерживать напор

экстремистов. Мы видим, что на протяжении восьмимесячного рывка России к свободе и демократии, закончившегося крахом, черносотенство существовало в условиях увлечения большинства населения страны антимонархическими и левыми настроениями и распространения атеизма. В новых обстоятельствах черносотенцам приходилось действовать при подавленной и легально стесненной прессе их движения, сведенной революционными властями к минимуму. Но своих читателей Жеденов и его единомышленники находили.

Во взглядах ряда черносотенцев патриотическое чувство присутствовало (его обостряли, в частности, оккупация части родной страны вражескими армиями и начинавшая разгораться внутренняя трагедия России), но оно у них неизменно сочеталось с шовинизмом. Двойственным было отношение черносотенцев к демократии. С одной стороны, они выступали против демократических организаций, «делателей свободы». С другой — восставали против урезания свобод властям и даже заступались в первой половине октября 1917 г. за Советы. В идеологии этого движения видны элементы ксенофобии. Призывы черносотенцев нередко носили популистский характер и содержали аргументы, рассчитанные на низменные инстинкты аудитории. Об их отношении к «образованным» следует заметить, что с одной стороны, имелись нападки на студентов, учителей, адвокатов и вообще на «грамотеев»; а с другой — существовала своя, черносотенная интеллигенция.

Власти Временного правительства свернули расследование деятельности лидеров дофевральского правого монархизма. Доказать нарушения последними законов Российской империи было нелегко, а ЧСК считала возможным строить обвинение на базе именно этих законов, а не на основе «революционной законности». Кроме того, органы юстиции и близкие к ним структуры не были в марте—октябре 1917 г. свободны от лиц, близких по своим убеждениям к обыскиваемым, арестовываемым и допрашиваемым черносотенцам. Это неизбежно сказывалось на ходе следствия и вообще на борьбе с данным движением. С косвенной поддержкой государством правых монархистов Февральский переворот не покончил, прекратились лишь прямая государственная поддержка и субсидирование черносотенного движения властями. Большой помехой этому движению послужили репрессивные меры революционных органов. И все же с упразднением Департамента полиции и охранных отделений, с арестами покровителей и вождей, с началом обысков у активистов и прочими акциями движение не исчезло. Оно только потеряло элемент организованности сверху: стало стихийным и самоорганизующимся. Последнее обстоятельство показывает, что это было не просто искусственно вносимое, навязанное части народа и поддерживаемое извне движение, но и (как это ни печально признать) движение части самого народа. Вывод о народном составе движения напрашивается и при перечислении профессий, рода занятий и т. д. у установленных лиц, принимавших участие в черносотенно-погромных выступлениях, а также тех черносотенцев, у которых власти конфисковывали оружие и боеприпасы: тут и депутаты Совета, и чиновники, и торговец, бывшие городовые, гимназисты, солдаты, фабричные рабочие, крестьяне, чернорабочие, эвакуированные, дезертиры и хулиганы.

Иной социальный срез дает характеристика общественного положения, занятий и т. д. установленных вдохновителей и подстрекателей: налицо член Государственной думы, барон, профессора, дворянин, офицеры, священник, бывшие охранники, игуменья, монахи, почтовые чиновники, управляющий кофейней, бывшие полицейские, гимназисты, реалисты, солдаты, гайдамаки. Тогда существовали и развивались два сближавшихся погромно-антиправительственных движения: справа и слева от действующей власти, и оба постепенно набирали силу.

Примечания

1. КОЛОНИЦКИЙ Б. И. Правозэкстремистские силы в марте—октябре 1917 г. (на материалах петроградской печати). В кн.: Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. СПб. 1992.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 588, оп. 1, д. 11336, л. 81—83; оп. 2, д. 126, л. 12; СТЕПАНОВ С. А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М. 1992, с. 329; Союз русского народа (С.Р.Н.). М.— Л. 1929, с. 435; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.—Л. 1925—1927. Т. 7, с. 389.

3. Падение... Т. 6, с. 193; т. 7, с. 401; С.Р.Н., с. 436—437; Речь, 28.IV.1917; Совершенно секретно, 1993, № 11.
4. ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916, д. 358, л. 7, с. 26—27; ф. 1780, оп. 1, д. 28, л. 198; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 449, оп. 1, д. 486, л. 1; Падение... Т. 7, с. 319, 341, 346—347, 398, 405—406, 419; С.Р.Н., с. 428, 430—431, 436—438; Одесская почта, Раннее утро, Речь, Русские ведомости от 5—12.III.1917.
5. ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 499, л. 23—23об.; д. 500, л. 1; д. 852, л. 16, 19; д. 860, л. 38—40об., 125—127, 156—156об., 171; д. 861, л. 3—3об., 5—5об., 22, 27—28об., 31—31об., 72—72об., 157—159об.; ф. Р-1074, оп. 1, д. 18, л. 7об., 13, 14—14об., 21—22; Падение... Т. 6, с. 188—189; С.Р.Н., с. 424; Одесская почта, Раннее утро, Русские ведомости от 4—21.III.1917.
6. ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916, д. 244, т. 1, л. 108; ф. 1467, оп. 1, д. 497, л. 2, 6, 7; д. 839, л. 24—25об.; д. 859, л. 156; д. 860, л. 77—78; д. 861, л. 5—5об.; д. 1012, л. 3об.; ф. 1782, оп. 1, д. 49, л. 4—4об., 5об., 10об., 13об., 14об., 21, 22об., 28об., 30—30об.; д. 165, л. 1—2; ф. 1791, оп. 2, д. 521, л. 4—4об.; Падение... Т. 6, с. 192; т. 7, с. 421, 424; С.Р.Н., с. 31, 57, 436, 438—439, 442; Гроза, Раннее утро, Речь, Русские ведомости от 5.III — 12.X.1917.
7. ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916, д. 244, т. 2, л. 82; ф. 588, оп. 1, д. 722а, л. 61; оп. 2, д. 115, л. 16об.; ф. 1467, оп. 1, д. 839, л. 24—25об.; д. 861, л. 24—24об.; ф. 1782, оп. 1, д. 49, л. 5об., 14об., 22, 28, 30—30об.; д. 165, л. 1—2; РГАЛИ, ф. 449, оп. 1, д. 129, л. 17; д. 486, л. 1; Падение... Т. 7, с. 419; С.Р.Н., с. 430; Раннее утро, Речь, Русское знамя от 1915 — 3.V.1917.
8. ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 859, л. 3, 93, 101—101об., 152—153; д. 862, л. 12об.; Падение... Т. 4, с. 123, 232; С.Р.Н., с. 277, 432; Киевлянин, Одесская почта, Раннее утро, Речь, Русские ведомости от 3.III — 11.VI.1917.
9. ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 61а, л. 3—3об.; д. 317, л. 18; д. 497, л. 15, 21, 41, 45, 61, 72, 74; д. 499, л. 24—26, 29, 31—32об., 35—35об.; д. 500, л. 7—14; д. 839, л. 1—2; д. 859, л. 98; д. 862, л. 45—46, 121—122; д. 1006, л. 1—3; д. 1012, л. 3—4; оп. 2, д. 521, л. 8—9; Падение... Т. 7, с. 394; С.Р.Н., с. 29, 32, 34, 37—38, 40, 43, 53, 58, 62, 274, 436, 438; Киевлянин, Речь от 7—14.VI.1917.
10. ГАРФ, ф. 102, оп. 4, 1916, д. 126, ч. 9, л. 7а—7аоб.; ф. 588, оп. 1, д. 722а, л. 62об—63, 74—74об.; д. 1133б., л. 152; РГАЛИ, ф. 449, оп. 1, д. 129, л. 22; д. 220, л. 16об.; д. 358, л. 5—7об., 9; Гроза, Речь от 25.IV. — 29.VI.1917.
11. ГАРФ, ф. 588, оп. 1, д. 722а, л. 62об—63об., 74—74об.; РГАЛИ, ф. 449, оп. 1, д. 358, л. 9; Гроза, Киевлянин, Речь от 27.IV. — 29.VI.1917.
12. ГАРФ, ф. 588, оп. 1, д. 722а, л. 71; ф. 1467, оп. 1, д. 500, л. 14—14об., 16—16об.; д. 805, лл. 16—17; д. 859, л. 149—150; Падение... Т. 7, с. 391; С.Р.Н., с. 435; Голос революции, Гроза, Киевлянин, Речь, Русские ведомости, Утро России от 25.IV. — 5.VIII.1917.
13. ГАРФ, ф. 588, оп. 2, д. 127, л. 11—11об.; ф. 1791, оп. 2, д. 521, л. 4—4об.; Падение... Т. 6, с. 191, 193, 201; С.Р.Н., с. 339—340, 437; Киевлянин, 22.VII.1917; Русское знамя, 15.VII.1915.
14. ГАРФ, ф. 117, оп. 1, д. 700, л. 22—24; ф. Р-9550, оп. 15а, д. 273, л. 1; РГАЛИ, ф. 449, оп. 1, д. 129, л. 24, 25, 36; Голос революции, Русские ведомости, Утро России от 16.VII. — 26.VIII.1917.
15. ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 860, л. 77—78, 183, 186—187; Голос революции, Гроза, Киевлянин, Русские ведомости, Солдатская мысль, Утро России от 7.VII. — 27.VIII.1917; Национальная правая..., с. 118.
16. ГАРФ, ф. 588, оп. 1, д. 1186, л. 134об.; ф. 1467, оп. 1, д. 500, л. 18—19об.; д. 847, лл. 27—62об.; д. 861, л. 5об.; д. 1006, л. 10об—11; д. 1022, л. 1—4об.; ф. 1791, оп. 2, д. 521, л. 1об.; С.Р.Н., с. 366; Голос революции, Раннее утро, Утро России от 31.VIII. — 14.X.1917.
17. ГАРФ, ф. 1791, оп. 6, д. 227, л. 4; ф. Р-9550, оп. 15а, д. 465, л. 1; д. 560, л. 1; д. 888, л. 1; д. 1044, л. 1—2об.; оп. 156, д. 142, л. 1; д. 701, л. 1—2об.; Биржевые ведомости, Голос революции, Гроза, Киевлянин, Раннее утро, Утро России от 29.VIII. — 26.X.1917.
18. ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 859, л. 171—172; д. 860, л. 23—24, 25об., 42—42об., 119—119об., 171—172; д. 861, л. 25—25об., 116, 117—117об.; Гроза, Киевлянин, Раннее утро, Утро России от 1.IX. — 25.X.1917.

Термины «царь» и «царство» на Руси

А. И. Филюшкин

Титул «царь» восходит к латинскому *Caesar*. Это слово было компонентом официального титула правителей Римской империи со времени полководца и писателя, диктатора Гая Юлия Цезаря (100—44 до н. э.). Его имя вскоре стало отождествляться с понятием императора, и потом все римские императоры принимали титул «цезарь». После падения Западной Римской империи традиции цезарского правления сохранились в Восточной Римской империи, откуда этот титул и попал к славянам. В Западной Европе греческий термин «кесарь» понимался как «император». Именно так трактовал его Карл Великий, принявший из рук папы Льва III императорскую корону в 800 году. А от имени Карла Великого произошел титул «король».

Но западное «король» значительно отличалось от понятия «царь» на Руси. Несмотря на то, что король считался помазанником Божиим, прямым представителем и наместником Бога на Земле так называли не его, а римского папу. Царь же на Руси выступал непосредственным наместником Бога на Земле, что было обусловлено заимствованием термина напрямую из Византии, где император совмещал высшую политическую и высшую церковную власть. Поэтому в основу общественного статуса российских царей была положена евангельская формула из послания апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (К римл., XIII, 1—2)¹. Эта норма в качестве канона поведения и главной морали русского человека была заложена в середине XVI в. в «Домострой» — своеобразный устав повседневной жизни².

В идеологии царей любое выступление против власти расценивалось как выступление против Бога, то есть было страшным грехом. В этом кроется одна из причин того, что отстаивание прав личности перед лицом власти не получило в русском средневековом обществе достаточного распространения. Такое отстаивание чаще было связано с элементами полууголовными («бунташные людишки»), либо двоедушными (вроде первых русских диссидентов — князя А. Курбского и Г. Котошихина), либо принимали форму религиозной оппозиции (раскольники). Сама же концепция царства основывалась на христианской историософии. Царь понимался как носитель всецелой полноты и величия власти. Первым образцом такой власти на Земле считался Отец как глава семейства (Бытие, III, 16; К ефесянам, V, 23; VI, 1—3). Когда умножаются семейства, возникают племена; когда множатся племена, возникают государства. Но последние слишком велики для отеческого управления. Тогда Бог дает этой первоначальной власти облик царя, наделяя его высшей и самодержавной силой (Книга премоудростей Соломона, VI, 3; Книга пр. Даниила, II, 21; IV, 14; Книга пр. Иеремии, XXVII, 5—8).

Вот почему царь считался наместником Бога на Земле. Он вступал в свои права через особый обряд, обладал особыми знаками власти, его особа была священна. Однако царь нес

Филюшкин Александр Ильич — кандидат исторических наук, преподаватель Воронежского государственного университета.

также ряд обязанностей: защищать свой народ от внешних и внутренних врагов, устанавливать законы, назначать местных правителей, быть стойким хранителем веры, служить нравственным примером для подданных, являться носителем истины и Божественной справедливости (Исход, XVIII, 19—24; Второзаконие, I, 12—17; 1-е посл. Петра, II, 14; 1-я книга Царств, VIII, 11—12; Ев. от Матфея, XXVII, 11; Ев. от Марка, XV, 2; Ев. от Луки, XXIII, 3; Ев. от Иоанна, XVIII, 33—37). Титул царя был принят российскими правителями не сразу. В Киевской Руси носитель верховной власти назывался князем, великим князем, в ранний период иногда каганом (заимствовано в Хазарском каганате).

На Руси IX—XI вв. верховную власть получал старший в княжеском роду Рюриковичей. После его смерти великокняжеский престол переходил не его прямому наследнику, как происходит при наследственной монархии, а следующему по старшинству Рюриковичу. Эта система начала разрушаться по мере увеличения числа князей — потенциальных претендентов на власть. Установить старейшинство среди многочисленных Рюриковичей становилось сложно и грозило усобицами. Любечский съезд князей 1097 г. реформировал политический строй Древней Руси: на смену принципату Рюриковичей пришла система династического старейшинства. Их владения были официально разделены на три отчины: Изяславичей, Святославичей, Всеволодовичей. А внутри отчин князя устанавливали наследование по династическому принципу.

В период феодальной раздробленности полнота власти в уделах находилась в руках местных князей. Иногда правитель назывался самодержцем, единодержцем, но это еще не было титулом. Смысл термина заключался в констатации отсутствия соправителей в пределах данного княжества³. Уже древнерусские авторы называли некоторых князей царями. Но, как правило, употребление такого названия было связано с религиозным аспектом: в случае, если князь присваивал себе церковные полномочия, он по аналогии с византийским императором именовался царем. Царями порою называли также канонизированных князей или правителей, почитаемых за святых. Так что употребление этого термина в XI—XIII вв. не служило официальной титулатурой верховной власти и несло в себе религиозно-идеологическое содержание.

Истории Руси известен лишь один случай принятия королевского титула князем: Галицкий князь Даниил в 1253 г. послом папы римского был коронован и поименован королем. Данный акт обусловили дипломатические причины: Даниил искал в Европе союзников для борьбы с золотоордынской угрозой, а западные владыки стремились через присвоение титула короля Галицкому князю подчинить его своему влиянию и приступить к католицизации его земель. Планы сторон не были осуществлены, и королевский титул Даниила так и не закрепился за его наследниками.

Предпосылки к возникновению института царства складываются на Руси XV века. Русское централизованное государство нуждалось в более совершенной и абсолютной форме власти, чем великокняжеская. В ту пору понятие царства имело на Руси три основных источника: царство Золотой Орды, Византийское православное царение, факторы международной обстановки. Все они наложили сильный отпечаток на типологию верховной власти в России и особенности ее развития. После установления золотоордынского ига власть хана из улуса Джучи («царя» по русским летописям, которого они отличали от «каана» — общемонгольского хана) разрушила традиционную систему отношений «власть — подданные». Получение ханского ярлыка на великое княжение теперь не зависело напрямую от родового старшинства претендентов. Над русскими князьями появилась новая инстанция в лице царя из Сарая, которая не считалась ни со старейшинством на Руси, ни с династическими правами. Одновременно происходил переход от вассалитета к подданству-министериялитету⁴. Теперь все подданные, независимо от их социального статуса, оказывались в одинаково подчиненном положении по отношению к верховному правителю — государю. Потом это нашло свое выражение в знаменитой формуле Ивана IV Грозного: «Жаловать своих холопов вольны и казнить вольны же».

Ослабление Орды и распад ее в XV в. при параллельном складывании Российского централизованного государства изменили прежнюю систему взаимоотношений, но не ее сущность. Важнейшая ее составляющая — царская власть над князьями — с ликвидацией золотоордынского ига оказалась как бы вакантной. Между тем, понятие зависимости княжеской власти от царской инстанции уже глубоко проникло в русское политическое сознание. Ярко отражен данный аспект в летописи: «От цариц той Золотой Орды начало наша Русская земля: великое княжение принимали... все княжения великих князей, которые ныне в области Московского государства. И те все великие князи... ездили в тою Золотую Орду для всякие sprawy и начальства, и те ордынские цари давали им свои ярлыки за своими печатями и руками своими подписывали»⁵.

Преодолеть этот давний комплекс неполноценности можно было только одним способом: побить былых господ, подчинить их и самим превратиться в царство. Вот еще одно следствие краха ига. Крупным военно-политическим событием, символизирующим победу Руси над Ордой, стало и взятие Казани в 1552 г., названное в российских источниках «всемирной победой» над «презлым царством сарацинским»⁶. В ряде памятников это взятие рассматривается как прямое следствие принятия Иваном IV царского титула (например, у А. М. Курбского) или же дата принятия титула смещена и уже сама напрямую связывается с покорением Казанского ханства (например в фольклорном «Казанском цикле»): Иван IV взял с татарского хана Симеона-Едигея царскую корону: «И снял царскую перфиду, он царский костыль в руки принял. И в то время князь воцарился и насел в Московское царство»⁷.

Симптоматично, что одновременно с ликвидацией ханской власти над Русью еще Иван III принял титул «государя всея Руси», расцененный в Западной Европе как равнозначный королевскому. С 1470-х годов Иван III и Иван Иванович Молодой при переговорах с Ливонией именовались царями. При новгородско-шведских переговорах Иван III назывался кайзером. Он звал себя царем также в грамоте 1484 г., отправленной в Кафу к Захарии Скарье. В 1490-е годы этот титул применительно к московскому правителю употреблялся уже в ряде документов европейской дипломатии. Наконец, в 1498 г. происходит первое в русской истории венчание на великое княжение Дмитрия — сына Ивана Молодого, внука Ивана III. Во время него Иван III пытался закрепить за собой титулы царя и самодержца. Данный акт, по мнению А. Л. Хорошкевич, был расценен современниками как претензия на титул императора. Именно с 1490-х годов в качестве государственной символики на Руси стал применяться императорский двуглавый орел⁸.

Политическое становление царства облегчалось и таким наследием ига, как система министриалитета, при которой все подданные, независимо от их социального статуса, считались одинаково находящимися в холопской зависимости от государя. В 1516 г. бояре впервые назвали себя в челобитной Василию III «холопами государевыми»⁹. Это мешало возникновению крупной политической оппозиции как серьезного противовеса росту абсолютной власти великого князя. Тем не менее, ни Иван III, ни Василий III официально еще не приняли титула царя, хотя неоднократно пытались это сделать.

Главной причиной того была неразработанность национальной концепции царства. Хотя ее компоненты и были заимствованы из Византии, прямое подражание не устраивало Москву, ибо падение Константинополя в 1453 г. дискредитировало византийские порядки в глазах россиян. Происхождение расценивалось как Божья кара за отступничество греков от истинного православия. В XVI в. появились произведения, прямо называвшие недостатки политического строя Византии и ее впадение в латинскую ересь причиной гибели империи от турецкого нашествия («Сказание о Магмет-салтане» И. С. Пересветова, «История о осьмом соборе» А. М. Курбского и пр.). Неудачной оказалась и политическая судьба Дмитрия-внука, венчанного на великое княжение по византийскому обряду. Он потом пал жертвой борьбы за власть после Ивана III, и самый факт его венчания был дезавуирован. Это не помешало Василию III занять в 1505 г. великокняжеский престол, хотя номинально (до его смерти в заточении в 1509 г.) великим князем считался Дмитрий. Сразу же потом, в 1510 г., Василий III попытался провозгласить себя царем, но безуспешно.

Идеологическое оформление царства шло в первой половине XVI в. в среде иосифлян. Важную роль сыграли в том «Послание» Спиридона-Саввы (1511—1523 гг.) и «Сказание о великих князьях Владимирских» (первая редакция — до 1527 г.) В них были сформулированы политические легенды, обосновывавшие права русских правителей на царский титул. В послании говорилось о прямом родстве Рюриковичей с императорами древнего Рима через некоего Пруса, родственника императора Августа. В сказании содержалось упоминание о присылке Владимиру Мономаху из Византии царских регалий и якобы имевшем место венчании его на царство митрополитом Неофитом. В середине XVI в. обе легенды включили, в качестве официальной версии русской истории, в важнейшие документы и памятники государственной идеологии — «Чин венчания на царство», «Государев родословец», «Степенную книгу». Они приводились иностранным дипломатам в качестве доказательств прав Ивана IV на царский титул.

В основе национальной концепции лежало христианское учение о царстве. Однако свой отпечаток на нее наложила новая международная обстановка. После Флорентийской унии (1439 г.) западной и восточной церквей и падения Византии в 1453 г. Россия осталась единственной в мире сильной и независимой православной страной: «А инога царства волнаго и закона христианскаго греческаго нету, и надею на Бога держат во умножения веры христианския на то царство руское, благовернаго царя рускаго», — писал Пересветов¹⁰. Это осознание

себя последними носителями истинной веры порождало особое чувство ответственности перед Богом и миром за судьбы православия. В национальных источниках русский народ начинают называть «Новым Израилем», новым богоизбранным народом. По аналогии с Ветхим Заветом, согласно которому возвышение Израиля наступило с появлением царей у древних евреев, русские средневековые идеологи обосновывали нужду России в царе как защитнике веры; царе как покорителе бусурманских царств; царе как устроителе жизни народа по правде и справедливости; царе, аналогичном правителям библейского Израиля.

Очень четко эта концепция была изложена в «Степенной книге» 1563 года. Там заложена та идея, что ступени русской истории, коих 17, — это «лествица» русского народа в Царствие Небесное. Такими ступенями являются подвиги правителей во имя России и православия. Конечным же итогом русской истории должно стать введение ее царем своего народа как Нового Израиля в Царство Божие. Отпечаток на формирование самобытного института царства наложило и политическое давление со стороны Западной Европы. Священная Римская империя германской нации стремилась вовлечь Россию в орбиту своей политики, гарантом чего считались пожалование московскому правителю титула короля и католицизация России. Впервые этот титул был предложен Ивану III через венгерского короля Матвея Корвина в 1482—1483 годах. В последующем желание правителей Империи пожаловать московским государям «королевство» неоднократно высказывалось западными дипломатами и Ивану III, и Василию III.

Побудительным мотивом этих действий, помимо желания расширить сферу влияния католической церкви и Империи, было стремление вовлечь Россию в антимусульманскую коалицию и использовать ее боевую мощь против Турции. Королевский титул являлся приманкой, в обмен на которую русский правитель должен был подчинить интересы своей страны задачам внешней политики католической Европы. Показательна в этом плане миссия в Москву Ф. де Колло (1518 г.): России предлагались церковная уния и общий поход против турок. При этом Империя настаивала на заключении русско-литовского мира, даже ценой российских территориальных уступок: европейские дипломаты требовали от Москвы защиты их интересов и участия в крестовом походе.

Особую остроту придавала ситуация Реформация. Римский двор стремился не допустить проникновения в Россию лютеранской ереси. Правда, к концу правления Василия III интерес Запада к России ослабел, ибо московские правители отвечали твердым отказом на их предложения. И в дальнейшем вопрос о «королевстве» поднимался только в связи с дипломатической игрой. Когда же Иван IV венчался 16 января 1547 г. на царство, то этот акт ознаменовал собой начало серии крупномасштабных реформ 1550-х годов по перестройке политического механизма, органов управления, социальной структуры и духовной жизни общества. Инициатором и вдохновителем и церемонии венчания, и последующих преобразований выступили митрополит Макарий, ряд бояр и высокопоставленных дьяков: Д. Р. и В. М. Юрьевы, Ф. И. Сукин, Н. А. Фуников и другие.

Венчание проходило в Успенском соборе Московского Кремля. Церемонию вел митрополит Макарий. Вместе с освященным собором он входил в алтарь, где облачался в святительские одежды. Из государевых палат духовник великого князя Ф. Бармин вместе с казначеями Сукиным, И. И. Третьяковым и боярами под колокольный звон переносили царские регалии — крест, скипетр, бармы и венец в собор к митрополиту. Он их освящал, после чего никто, кроме владыки, не смел к ним прикоснуться. Затем в собор проходил из палат Иван IV в сопровождении князей Юрия Васильевича и Владимира Андреевича, а также бояр и детей боярских. Он шел «царским путем», который охраняли окольничие и прочие «чиновники». После молебнов великий князь и митрополит сажались на уготованные места, Макарий произносил поучающие речи к государю. Последний держал ответную речь. Затем Иван IV благословлялся крестом, на него с молитвою возлагались бармы, венец и скипетр, подносимые членами освященного собора. Следовали моления, провозглашение «многия лета» и поздравительные речи митрополита к царю. После обедни государь целовал Евангелие и кланялся земле, снимая и надевая венец. Тут же осуществлялось миропомазание царя. Процессия выходила из собора тем же «царским путем» и переходила к другому кремлевскому храму с молениями и поклонами.

Чин венчания 1547 г. содержит информацию о трактовке царства на Руси. В нем была заложена идея, что царство — это гармоничный мир, управляемый Богом и монархом. Последний обладает определенными обязанностями, которые перечислил в речи к государю митрополит. Главной из них является защита подданных от опасности: «соблюдати стадо его [Христа. — А. Ф.] от волков нерушимо». В случае выполнения царем своих обязанностей он будет после смерти «с Христом царствовать». Эта роль государя предопределена заранее, и на

ней лежит печать рока, богоданной судьбы. В качестве символа предопределенности во время ритуала венчания царь должен был идти уготованным ему «царским путем». Путь завершился на «царском месте». Его после церемонии разрешалось народу обдирать, дабы каждый унес с собой частицу царского поставления. После обряда монарх должен был восемь дней не умываться и не менять платья, так что ему выдавался специальный «плат для утирания»¹¹.

После установления на Руси царства исторические обстоятельства (частичный провал реформ 1550-х годов, опричнина и неудачная Ливонская война) стали вносить практические коррективы в вышеописанную концепцию царства. Она приобрела тенденцию к гипертрофированию полномочий царя и уменьшению его ответственности за содеянное. Наиболее четко эта перемена прослеживается по посланиям Грозного, в которых он пространно обосновывал свое право на безграничный произвол, отстаивал мысль, что «вольной службы» и «свободы» не бывает вообще, и укорял своих адресатов за нежелание безропотно покориться и беспрекословно отдавать жизни за любой каприз государя¹².

Главный оппонент, князь Курбский, видел в этом росте царского самовластья нарушение полномочий, дарованных монарху от Бога, и отступление от традиционной концепции царства. По Курбскому вознесшийся самовластьем государь впадает в ересь, грехопадение и в конечном итоге превращается в Сатану на троне (князь иллюстрировал этот тезис легендой о царе Фосфоре)¹³.

В конце XVI—XVII вв. институт царства на Руси менялся в идеологическом отношении незначительно, зато дважды претерпевал политическую трансформацию. Первой было следствие установления сословно-представительной монархии, когда возросла роль земских соборов. Их наивысший расцвет приходится на правление Михаила Федоровича (1613—1645 гг.). При Алексее Михайловиче (1645—1676 гг.), напротив, вновь усиливается авторитарность власти, полномочия царя приобретают абсолютный характер.

Примечания

1. Новый Завет. Киев. 1991, с. 200.
2. Домострой. М. 1990, с. 33.
3. ТОЛОЧКО А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев. 1992, с. 72.
4. КОБРИН В. Б., ЮРГАНОВ А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы). — История СССР, 1991, № 4, с. 55; ЮРГАНОВ А. Л. У истоков деспотизма. В кн.: История Отечества: люди, идеи, решения. М. 1991, с. 38—42.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 27. М. — Л. 1962, с. 162.
6. Казанская история. М. — Л. 1954, с. 43.
7. Сказания князя Курбского. СПб. 1868, с. 12; Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М. 1869, с. 284; Исторические песни XIII—XVI веков. М. — Л. 1960, с. 91.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 166, оп. 1, д. 2, л. 2—3об.; ХОРОШКЕВИЧ А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М. 1980, с. 88, 102.
9. ХОРОШКЕВИЧ А. Л. Великий князь и его подданные в первой четверти XVI в. В кн.: Сословия и государственная власть в России, XV — середина XIX вв. Ч. 2. М. 1994, с. 165.
10. Сочинения И. С. Пересветова. М. — Л. 1956, с. 161.
11. БАРСОВ Е. В. Древнерусские памятники, посвященные венчанию царей на царство, в связи с греческими их оригиналами, и с историческим очерком чинов царского венчания, в связи с развитием идеи царя на Руси. — Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1883, кн. 1, отд. 1, с. 1сл.; Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологическою комиссиею, т. 1, 1846, с. 41—53.
12. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 113, № 552, л. 497—534; ф. 173, № 196. I, л. 1сл.; ф. 228, № 176, л. 682—699об.; РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 133, л. 1—4; ф. 166, оп. 1, д. 2, л. 1сл.; ф. 197, портф. 3, д. 16, л. 1—6; ф. 199, портф. 127, д. 10, л. 1—3.
13. Сказания князя Курбского, с. 4, 38.

Ф. Каваллотти — бард итальянской демократии

Г. С. Паповян

Феличе Каваллотти (1842—1898) в последние десятилетия XIX в. возглавлял в Италии демократическую оппозицию политике правящих кругов, все более склонявшихся к авторитарному режиму. «Бардом демократии» называли Каваллотти современники. Историки фашистской Италии относились к нему с осуждением. «Политиком, лишенным исторического чутья», считал его С. Чилибрици. «Каваллотти ничего не дал итальянскому народу ни в литературе, ни в политике» — отозвался о нем Б. Муссолини¹. Каваллотти представлял новое демократическое движение, наследовавшее традиции демократического течения в национально-освободительном движении в Италии (Рисорджименто). В ходе освободительной борьбы «партия действия», основанная Мадзини, ставила целью не только объединение страны, но и демократизацию ее общественного строя. Идеологи и политики демократического течения Мадзини, Гарибальди, Феррари сыграли огромную роль в формировании идей и взглядов Каваллотти.

Детство и молодость Каваллотти совпали с эпохой борьбы за независимость Италии, и отзвуки этой великой борьбы он пронес через всю жизнь. В детстве он был свидетелем расстрелов австрийскими солдатами итальянских патриотов на улицах его родного Милана. В семье он получил патриотическое воспитание и с тринадцати лет писал свободолюбивые стихи. В 1859 г. он пытался вступить в пьемонтскую армию, чтобы сразиться с австрийцами, но по молодости лет не был принят. Тогда он взялся за перо журналиста. Его первые статьи посвящены борьбе за освобождение Италии. В одной из них Каваллотти писал: «Гарибальди начал в Сицилии новую эпоху — эпоху прямых действий народа, и кто не помогает сицилийской операции, тот пренебрегает долгом патриота»². В 1860 г. Каваллотти с отрядом генерала Медичи отправился на помощь Гарибальди в Сицилию. Во время выборов в первый парламент итальянского королевства Каваллотти в печати и на митингах выступал против партии «умеренных», а с началом войны 1866 г. вернулся добровольцем к Гарибальди.

С окончанием войны за независимость для демократического движения в Италии настал новый этап. Демократы не сумели возглавить освободительную борьбу и уступили руководящую роль умеренно-либеральному течению. В результате, хотя Италия и стала единым государством, республикой она не сделалась, как мечтали демократы; не добились они и всеобщего избирательного права. Жертвы, принесенные участниками освободительной борьбы, кажутся им несоизмеримыми с достигнутыми результатами. Формируется новое демократическое течение, менее доктринерское, с более реалистической гибкой политикой, более учитывающее особенности момента. В 1867 г. Каваллотти и А. Биццони основали газету «Gazzettino rosa», ставшую вскоре боевым органом радикальной демократии. Антиправительственная полемика, которую вела газета, вызвала репрессии. Каваллотти был арестован. Едва выйдя из тюрьмы, он продолжил борьбу с правительством на страницах миланского

«Secolo» — органе демократов, ему снова грозила тюрьма, но на этот раз он спасся бегством в Швейцарию.

1873 год стал переломным для Каваллотти и всего демократического течения. Вместе с группой демократов он был избран в парламент, что означало поворот в отношении демократов к парламентской деятельности. До этого соблюдалась установленная непримиримыми республиканцами традиция отказа от участия в деятельности парламента монархического государства. В демократическом лагере поступок Каваллотти вызвал острую полемику. Непримиимые напоминали, что Мадзини никогда не избирался в парламент, а республиканцы Каттанео и Марио, будучи избранными в 1861 г., отказались от обязательной для депутата присяги. В редакции «Gazzettino gosa» произошел раскол. Биццони выступал против «вчерашних друзей, вошедших в Монтечitorio хоть и с добрыми намерениями, но бессильных что-либо сделать». Впрочем, так думали не все. Апостол итальянской демократии Гарибальди признавал пользу, которую может принести парламентская деятельность. В письме к Каваллотти он отмечал, что и «здесь можно продвинуть вперед святое дело»³.

Сам Каваллотти, выступая перед избирателями, оправдывал свое решение: «Я думаю, что можно и в парламенте приносить пользу делу демократии, не стремясь к министерским портфелям и не фантазируя о не реальном сейчас парламентском большинстве, но поддерживая и пропагандируя здесь те идеи, что родились на улицах, за его стенами, и достаточно двадцати голосов, даже пяти, даже одного, чтобы заставить правительство услышать протестующий голос страны»⁴. Этот шаг Каваллотти свидетельствовал об осознании демократами бесперспективности позиции ортодоксальной непримиримости. В парламенте демократы вели полемику с «правыми», критикуя их социальную политику, внешнюю политику, бюрократическую централизацию, новые налоги и т. д. Когда в 1876 г. под нажимом общественного мнения правительство «правых» пало, Каваллотти приветствовал приход к власти «левых» во главе с Депретисом. В рядах «левых» было много гарибальдийцев, их лозунги были популярны среди широких масс, при прежнем правительстве «левые» блокировались с демократами по многим вопросам. То, что не удалось «партии действия» в освободительной борьбе, должна была принести «парламентская революция». Однако «левые» не спешили с выполнением обещаний: не отменили налогов, не ввели всеобщего избирательного права.

Разочарование демократов в политике «левых», их трансформизм (сползание на позиции «правых») обусловили образование в 1878 г. «крайней левой» партии — парламентской группировки радикально-демократической направленности во главе с Каваллотти. С «крайней левой» связана вся последующая политическая деятельность Каваллотти. Программными документами радикалов стали выступления Каваллотти на заседании новой демократической ассоциации в Турине в 1883 г. и на съезде радикальной демократии в Риме в 1890 г., где был принят «Римский пакт» — предвыборная платформа радикальной оппозиции. В этих документах, в особенности в «Римском пакте», подготовленном исключительно Каваллотти, был предложен план буржуазно-демократических реформ в стране. «Римский пакт», помимо прочего, имел целью сплочение различных фракций левой оппозиции и был поддержан радикалами, республиканцами и даже социалистами, к тому времени уже вышедшими на арену политической жизни Италии как самостоятельная партия.

Круг вопросов, затронутых в «Римском пакте», широк: от изменения конституции и введения всеобщего избирательного права до реформы армии и решения аграрного вопроса. Политическая программа «Римского пакта» предусматривала общую демократизацию режима в стране, и ее реализация должна была подготовить реформы социального характера. Свобода для всех граждан должна стать средством справедливого и мирного решения социального вопроса; первым условием политической свободы должно стать всеобщее избирательное право, которое даст возможность привлечь к политической жизни широкие массы. Здесь же Каваллотти излагает свою концепцию демократического государства. Образцом он считает республику типа швейцарской или конституционную монархию по типу английской. Отрицательно его отношение к государствам с авторитарной формой правления. Таковы империя Наполеона III и бисмарковская Германия, где не существует парламентского режима и где нелепо искать образец. Критикуя современный ему итальянский парламент, погрязший в коррупции, эгоизме, интригах, притворстве и лицемерии, Каваллотти, тем не менее, связывает возможность демократизации общественной жизни с парламентской системой власти, ибо в парламенте народ осуществляет свое право суверена, а народный суверенитет — «право вечное, имманентное, неприкосновенное». Подчеркивая приоритет парламента перед исполнительной властью, Каваллотти выступал против тенденции последней поставить себя над парламентом, проявившейся в практике и Депретиса, а в дальнейшем — и Криспи.

В социальной программе, критикуя концентрацию собственности в руках немногих,

Каваллотти предлагает на основе реформы налоговой системы облегчить бремя беднейших классов и сделать собственниками всех людей. В своей программе Каваллотти сделал попытку решения аграрного вопроса. Одним из первых он заговорил о проблеме крестьянского юга Италии, где голод и нищета вызвали массовую эмиграцию населения. Планам латифундистов, старавшихся смягчить остроту аграрного вопроса за счет колонизации африканских территорий, он противопоставил план «внутренней колонизации» на основе передачи крестьянам 4,5 млн гектаров пустующих земель, принадлежащих государству, латифундистам и церкви, с дальнейшей организацией на них крестьянских кооперативов при помощи благотворительных обществ.

В «Римском пакте» Каваллотти достаточно осторожно коснулся рабочего вопроса, столкнуться с которым ему пришлось ранее. Будучи демократом, он не мог не высказать сочувствия угнетенному «четвертому сословию». Но, как и Мадзини, он предпочитал, чтобы рабочее движение не выходило из-под опеки буржуазной демократии. Однако в отличие от Мадзини, ему пришлось иметь дело с оформившейся партией, сразу противопоставившей себя всем буржуазным партиям. В 1886 г. Каваллотти, обеспокоенный вступлением рабочей партии в предвыборную борьбу, сделал шаг, в котором позднее раскаивался. Он обвинил рабочую партию в подкупе со стороны правительства Депретиса. Когда в ответ на это Депретис, «реабилитируя» себя, разогнал рабочую партию, Каваллотти, вождь радикальной оппозиции, прекратил борьбу с преследуемой партией. В дальнейшем Каваллотти уже искал союза с социалистами и протестовал против запрета рабочей партии, хотя собственно социалистическим идеям он всегда оставался чужд.

Вопросы внешней политики для него были второстепенными. Здесь он порой жертвовал демократическими принципами. Тем не менее во Франции, ставшей республикой, он видел родину великой революции, пример для подражания. Когда правящие круги Италии склонились к ориентации на центральноевропейские государства и был создан Тройственный союз, Каваллотти отнесся негативно к этому, отчасти подкрепляя враждебность к Австро-Венгрии антиавстрийской традицией Рисорджименто. Однако после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он увидел в Австро-Венгрии спасительный барьер против «чужовишного» усиления России, представляющего непосредственную угрозу Италии в Средиземном и Адриатическом морях.

Апогеем политической деятельности Каваллотти стало его противостояние правительству Криспи в 1893—1896 годах. Разумеется, это не противостояние двух различных личностей, а борьба двух разных концепций государственного развития. Характерно, что и Криспи когда-то был гарибальдийцем и участвовал в освободительной войне. Но на этот раз он олицетворял иную доктрину. Он был выбран правящими кругами в критический момент обострения социальных противоречий как фигура популярная, как сильная личность, не только способная заставить замолчать недовольных, но и добавить имперского величия итальянской государственности. Именно тогда зазвучала риторика колониальных завоеваний и заговорили о достойном для Италии месте в мире.

Фактически при Криспи была предпринята первая попытка восстановления авторитарного режима, потом она повторилась при правительстве Пеллу. Первым проявлением репрессивного курса Криспи стала расправа с движением сицилийских фаши (крестьянских объединений на юге Италии). Восставшие крестьяне требовали раздела земли, отмены налогов, реформы местного самоуправления. Правительство Криспи объявило в Сицилии чрезвычайное положение, восстание было потоплено в крови, тысячи участников были преданы суду военных трибуналов. В ходе дебатов в парламенте главной причиной событий в Сицилии Каваллотти назвал бедственное положение крестьян: «Лишь волнения, вызванные нищетой, с избытком переполняющей чашу народного терпения, могут вырасти до таких страшных взрывов возмущения, заставляющих правительство терять голову, объявлять отечество в опасности и выходить за рамки законности». Тогда из 342 депутатов итальянского парламента лишь 45 радикалов и социалистов протестовали против репрессий в Сицилии.

В январе 1894 г. на страницах демократической газеты «Secolo» в специальном обращении «ко всем итальянцам» Каваллотти выступил с проповедью «святого братства и любви». Призвав к сбору средств в пользу жертв сицилийских событий, он противопоставил репрессиям правительства «братскую солидарность той трудящейся буржуазии, которой знакомы труд и лишения и которая не имеет ничего общего с эксплуататорами, рукоплещущими чрезвычайному положению»⁵.

При всем этом форма вооруженной классовой борьбы, в которую вылилось движение фаши, для Каваллотти была неприемлема, и он называет «безумцами, мятежниками, бунтовщиками» участников движения. В то же время, как полагает Каваллотти, вся политика

правительства Криспи направлена на разжигание классово́й борьбы. Именно таковыми Каваллотти считает меры правительства по введению новых налогов, и в частности, на предмет первой необходимости. Налоги потребовались правительству для того, чтобы провести бюрократическую централизацию государственного аппарата, для увеличения военного бюджета, связанного с участием в Тройственном союзе, наконец, для военной экспансии в Африку.

В ответ на призыв Криспи к жертвам Каваллотти от имени «крайней левой» заявил, что жертвы стране обходятся слишком дорого, что налоговая политика правительства в первую очередь ударяет по беднейшим классам, меры правительства способствуют противопоставлению одного класса другому, богатых собственников — бедным потребителям и ведут к открытой классово́й борьбе. Отмечая, что новые налоги не погасят дефицита в бюджете, что для этого нужно изменить всю политическую, финансовую и экономическую политику правительства. Каваллотти предлагает свой план экономии: децентрализацию государственного аппарата, сокращение расходов на армию и полицию.

Криспи, однако, не ограничился экономическими мерами, он начал наступление на политические свободы. Специальным указом число избирателей было снижено с 10% до 7%, что вызвало немедленный протест Каваллотти. В июне 1894 г. он протестовал против принятия законов, ограничивавших свободу печати. В октябре 1894 г., когда правительство объявило социалистическую партию вне закона и запретило собрания и митинги республиканцев, Каваллотти потребовал в парламенте отмены всей этой системы чрезвычайных законов, трибуналов и тюрем.

Именно Каваллотти впервые в истории итальянского парламента применил тактику парламентской обструкции, вызвав настоящую ярость Криспи. И если правительство предлагало «меры общественной безопасности» против неблагонадежных, то Каваллотти, обычно требовавший немедленного решения вопроса, когда речь шла о сокращении военных расходов, здесь требовал перенести заседание, отложить обсуждение и т. п. Позднее эта тактика широко применялась демократической оппозицией в период диктатуры Пеллу в 1898 году. Отношение Каваллотти к экономическим и политическим мерам Криспи было подготовлено всем его предыдущим опытом радикального демократа. Однако есть область, в которой он заметно эволюционировал в сторону радикализма именно в период правления Криспи. Речь идет об отношении Каваллотти к колониальной политике Италии в Абиссинии.

К признанию аморальности колониальных завоеваний итальянская демократическая оппозиция пришла не сразу. Риторика империализма порой захватывала воображение и убежденных демократов. Сам Каваллотти в 70-е годы вторил общему хору и лозунгам «великой Италии». И еще в 1887 г. он поддерживал экспедицию в Африку. Но в 1894—1896 гг. он подвергает критике захватническую агрессивную политику итальянского правительства. И дело не только в сокрушительных поражениях итальянской армии. «Позорной» войне в Африке он противопоставил войны Рисорджименто, когда сражались за «святые идеалы». По мнению Каваллотти, абиссинская война не вызывает энтузиазма и не имеет популярности. Более того, он сочувствует абиссинцам, «отстаивающим свою свободу». Когда после поражения итальянцев при Адуа Криспи взывал к патриотизму депутатов, стараясь добиться согласия на продолжение войны, Каваллотти доказывал, что нельзя смешивать честь нации с интересами правительства ⁶.

Негативные результаты африканской кампании привели к созданию в парламенте мощной антиправительственной оппозиции. Впрочем, еще в июне 1894 г. Каваллотти потребовал отставки правительства из-за нарушения им конституции. Он подчеркивал, что в случае конфликта между парламентом и правительством парламент прибегнет к посредничеству короля, и тогда король должен отстранить правительство от власти. Если же король станет на сторону правительства, то здесь должен вмешаться судья, который выше правительства, парламента и короля, то-есть народ. В этом послые заложен уже призыв к общественному мнению, который нашел отражение в «моральной кампании» Каваллотти против Криспи.

В 1895 г. Каваллотти опубликовал в «Secolo» «Обращение к честным людям всех партий», в котором обвинил Криспи в мании величия, авторитаризме, вестмогательстве, финансовых махинациях и даже в двоеженстве. В падении Криспи в 1896 г. несомненна и роль Каваллотти. Его долгая настойчивая борьба с Криспи поражала воображение современников. П. Бардацци в книге «Феличе Каваллотти в жизни, политике, искусстве» так представляет эту борьбу: «С одной стороны, диктатор и вся коррумпированная система власти, с другой — человек, чье оружие лишь разум и мораль». В годы фашизма историк Чилибрицци писал: «Никто никогда не простит Каваллотти его беспощадной борьбы против Криспи». Столь же категоричен и другой историк-фашист Корпачи: «Борьба с Криспи — это обвинительный документ против радикализма, и в первую очередь против вождя его — Каваллотти» ⁷.

Даже будучи радикалом, Каваллотти представлял путь к демократии как путь эволюционный, мирный, парламентский, отрицая путь революций, классовых битв, гражданских войн. Так, выражая сочувствие Парижской коммуне, он называл ее «кровавой драмой», а среди ее участников симпатизировал тем, кто, подобно Малону, был чужд крайностей. В последние годы жизни Каваллотти все настойчивее подчеркивает свою приверженность эволюционному пути. В 1897 г., за год до смерти, в письме близкому другу — демократу Колаянни он признается, что «смешно надеяться на революционный метод, и только эволюционный путь открывает двери в демократическое будущее»⁸.

Начав свою политическую деятельность в наиболее романтический период в истории новой Италии, Каваллотти на протяжении всей жизни романтически сохранил верность идеалам свободы и демократии. Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая политическая судьба Каваллотти, если бы в 1898 г., отстаивая свои политические убеждения, он не был убит на дуэли.

Примечания

1. CILIBRIZZI S. Storia parlamentare politica e diplomatica. Vol. 3, p. 70; Turati e Kuliscioff. Carteggio. Vol. VI. Torino. 1949, p. 83.
2. BARDAZZI P. Felice Cavallotti nella vita, nella politica, nell'arte. Milano. 1898, p. 22.
3. Movimento operaio, 1955, № 1, p. 38; PALLOTTA G. Parlamento e popolo in Italia. R. 1953, p. 179.
4. Discorsi parlamentari di Felice Cavallotti. Vol. 1. R. 1914, p. 767.
5. Ibid. Vol. 2, p. 280; BARDAZZI P. Op. cit., p. 242.
6. Discorsi parlamentari di Felice Cavallotti. Vol. 2, p. 373.
7. BARDAZZI P. Op. cit., p. 276; CILIBRIZZI S. Op. cit., p. 70; CORPACCI F. I partiti politici in Italia dalla Destra alla Grande Guerra 1861—1918. Messina. 1939, p. 151.
8. Democrazia e socialismo in Italia. Carteggi di Napoleone Colajanni, 1878—1898. Milano. 1959, p. 159—160.

Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы

С. Смит

Последнее десятилетие отмечено широкими дискуссиями о переходе от модернизма к постмодернизму. Некоторые отрицали этот переход, другие же соглашались с тем, что он имеет место. Однако прийти к соглашению о характерных чертах постмодернизма, ответить на вопрос, является ли он разновидностью модернизма или же представляет собой новую стадию социального развития, не удалось¹. Начиная с 1991 г., некоторые ученые стали рассматривать развал коммунизма как еще одно доказательство того, что наступил конец модернизма, ссылаясь на то, что бывшие коммунистические общества сейчас сближаются с западными в плане «кризиса корпоративизма», отмеченном децентрализацией, приватизацией, глобализацией и социальными движениями. Я не стремлюсь спорить по этим вопросам. Но тем не менее, для того чтобы подойти к обсуждению интеллектуальных течений, ассоциируемых с постмодернизмом, считаю уместным привести краткое описание различных социальных и культурных тенденций, для него характерных. Один из наиболее проницательных критиков, английский географ Д. Харви, характеризует их следующим образом: «Восприятие времени и пространства изменилось, уверенность в единстве научных и моральных суждений рухнула, эстетика заняла место этики как центра социальной и интеллектуальной сферы, визуальные изображения преобладают над словесными описаниями, эфемерность и фрагментация взяли верх над вечными истинами и единой политикой, объяснения из сферы материальных и политико-экономических основ переместились в область автономных культурных и политических феноменов»². По мнению польского социолога З. Баумана, возникновение постмодернизма свидетельствует о потере интеллектуалами уверенности в себе, в связи с тем, что они ощутили себя неспособными выработать «авторитетные суждения относительно познаваемости истины, моральной оценки и эстетического вкуса». Их опыт в рамках постмодернистского общества он охарактеризовал как «беспокойство, ощущение потерянности и утрату ориентира»³.

Я не ставлю своей задачей выяснение того, насколько верной является эта характеристика постмодернизма и роли интеллектуалов. Вместо этого я намереваюсь проанализировать некоторые тенденции современной мысли, которые часто характеризуются как постмодернистские. Это — постструктурализм, философия деконструктивизма, постмарксизм и некоторые течения феминизма. Во многих отношениях различия между ними перевешивают сходство, но при этом их объединяют некие общие черты, которые могут быть определены как постмодернистские. Первым, и самым главным, является то, что все они отрицают устойчивые эпистемологические основы, неоспоримые теоретические посылки и закономерности. Их объединяет то, что французский теоретик постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар определил как отличительный признак постмодернизма, а именно «неприятие «фундаментальных нарративов» (*grands récits*), то есть недоверие к абсолютным или универсальным нормам

Смит Стив — профессор истории Эссекского университета, Великобритания.

и всеобъемлющим теоретическим системам. Во-вторых, все направления постмодернистской мысли признают языковую концепцию реальности, утверждая, что то, что мы воспринимаем как «реальность», на самом деле социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами лингвистической системы. Третье, логически вытекающее из вышесказанного: поскольку мир познаваем только через языковые формы, постмодернистская система отрицает концепции представления и обозначения, являющиеся основой общественных наук. Согласно теории постмодернизма, наши представления о мире не могут отразить или быть соотнесены с реальностью, которая существует за пределами языка, и они могут быть соотнесены только с другими языковыми выражениями. Язык, таким образом, отделен от контактов с внешними обозначениями. В-четвертых, эти направления мысли отвергают положение о социальной целостности, как и понятие о причинности, будучи приверженными разнообразию, плюрализму, фрагментарности и неопределенности. И, последнее, все они ставят под сомнение рациональный, единый субъект, который был основой западной мысли, начиная с эпохи Просвещения, предпочитая рассматривать его как социально и лингвистически фрагментированный⁴.

Prima facie (на первый взгляд), эти подходы могут показаться абсолютно несовместимыми с системой исторического анализа, который традиционно основывался на понятиях причинности, социальной обусловленности, тенденциях исторического развития, роли человеческого фактора, авторского замысла и устойчивой значимости понятий. Тем не менее, в последние годы все большее число историков, изучающих социальную, культурную и интеллектуальную историю, особенно в США и Великобритании, в меньшей степени — во Франции и Германии, стали проявлять интерес к постмодернизму. Для того чтобы понять причины этого, я считаю необходимым сделать краткий обзор развития социальной истории на Западе, начиная с 1960-х годов.

Эти годы стали свидетелями возрождения социальной истории, отмеченной повышенным интересом к социальной теории: марксизму, социальной антропологии, неовеберианской социологии, демографии и количественным методам. Несмотря на различия в теоретических основах, социальная история в тот период базировалась на материалистическом понимании общества, которое подчеркивало объективную природу экономических и социальных структур и политических учреждений и рассматривало человеческое поведение как детерминированное экономическим, социальным и политическим окружением. Начиная с 1970-х годов, направленность социальной истории заметно изменилась — ученые стали придавать большое значение не «жестким» социальным фактам, а проблемам культуры, символической и смыслообразующей природе человеческих действий. Частично это изменение было результатом растущего интереса историков к социальной антропологии (в частности, это относится к специалистам по раннему периоду новой европейской истории). Особенно популярным среди историков был семиотический подход к анализу культуры, предложенный американским социальным антропологом К. Гирцем, утверждавшим, что формы культуры должны «исследоваться как тексты, как созданный на основе социального материала продукт воображения», а интерпретация культуры должна связывать «действие с его смыслом, а не поведение с его детерминантом»⁵. Применение семиотического анализа при изучении истории культуры в определенной степени привело историков к использованию текстового типа исследования с характерным для последнего отсутствием интереса к «социальному материалу», который, по мнению Гирца, был выражен в культурных текстах⁶. Сходные процессы происходили повсюду. Так, в рамках французской школы «Анналов» подход к изучению истории культуры изменился радикально — произошел перенос первостепенного внимания ученых с моментальных структур (менталитета), понимаемых как собирательные, социологические и даже подлежащие количественному определению единства, на исследование более неустойчивых социальных и культурных систем. Р. Шартье сыграл в этом повороте центральную роль. К 1980-м годам, утверждал он, «взаимоотношения между текстом и реальностью» не определяются зависимостью ментальных структур от их материалистических детерминантов. Это сами представления о социальном мире создают социальную реальность»⁷.

К концу 1980-х годов этот поворот от того, что может быть охарактеризовано как позитивизм, в сторону герменевтического подхода к исследованию социальной истории подтолкнул некоторых историков полностью принять постмодернистскую точку зрения. Этот подход был впервые применен в 1970-х годах литературоведами, культурологами и философами. Но для историков особое значение, кроме всего прочего, сыграла книга М. Фуко, выдающегося французского философа, называвшего себя «историком настоящего», который многое сделал для возбуждения интереса, в частности, и к постструктурализму. Его

исследования сумасшествия, тюрем и сексуальности были вызваны желанием понять, как знание взаимодействует с властью. Он стремился показать, как феномены, подобные сумасшествию или сексуальности, конструировались в объекты знания в рамках рационалистических или научных систем, и таким образом делались доступными для политического управления и контроля. Для Фуко концепция дискурса была центральной в процессе понимания взаимоотношений между знанием и властью. Теория дискурса рассматривает все социальные феномены как семиотически конструируемые коды и правила, что дает возможность подвергнуть их лингвистическому анализу⁸. Основную задачу он видел в том, чтобы проанализировать институциональную основу дискурса, точек зрения и позиций, занимаемых людьми в процессе речевой деятельности, и тех взаимоотношений власти, которые они допускают и предполагают. Общая концепция «дискурса», понимаемая как ряд символически выраженных социальных феноменов или как особо институционализированный способ речи и письма, быстро вошла в лексикон социальной истории, и сейчас употребляется теми, кто не проявляет интереса к постмодернизму в других аспектах⁹. Исследования другого французского философа Ж. Дерриды, также оказали известное влияние; его стратегия деконструктивизма имела огромное значение для литературной критики в англоязычных странах. Деррида поставил целью показать, как бинарные оппозиции, которые являются основополагающими для западной философии и культуры, такие, как субъект/объект, видимость/реальность, речь/письмо, образовали такую иерархию ценностей, которая стремится не только установить истину, но также служит для исключения и девальвации низших (как предполагают) терминов. Деконструктивизм — это стратегия, направленная на то, чтобы показать, как тексты и дискурсы разрушают философию, которую они отстаивают, иерархические противопоставления, на которые они безоговорочно опираются, посредством определения в текстах риторических процессов, порождающих предполагаемую основу для аргументации¹⁰.

На данном этапе я считаю наиболее уместным продолжить анализ влияния постмодернизма на социальную историю, более подробно остановившись на трех аспектах: 1) история социального класса; 2) феминизм и гендерная история (история рода, пола); и 3) так называемая постколониальная история (очень кратко).

История социального класса. Возрождение социальной истории на Западе может быть датировано 1963 г., когда была опубликована книга английского историка Е. П. Томпсона «Становление английского рабочего класса». Эта работа, хотя и написанная убежденным марксистом, оспорила концепцию класса как социального статуса, напрямую зависящего от положения человека в системе капиталистического производства. Не отрицая тот факт, что появление рабочего класса было вызвано развитием индустриального капитализма, Томпсон рассматривал социальный класс как появление исторических персонажей, которые стали способны интерпретировать свой опыт политической и экономической эксплуатации посредством нового термина «класс». Целое поколение социальных историков продолжило линию Томпсона, направляя внимание на те методы, которые простые люди использовали в борьбе за то, чтобы оформить свой опыт посредством культуры. Несмотря на то, что Томпсон придавал большое значение человеческому фактору и «сознанию», тем не менее он и его последователи никогда не упускали из вида то, что сознание определяется материальными условиями жизни.

Связь между тем, что марксисты называли «социальным бытием» и «социальным сознанием» была подвергнута сомнению в 1980-х годах. В сфере рабочей истории две работы, в частности, оспорили эту связь. Первой была книга французского историка Ж. Рансьера «Ночь пролетариата», впервые опубликованная на французском языке в 1981 г., но ставшая влиятельной только после перевода на английский язык в 1989 году. Автор оспорил давно установившееся исходное положение о важности места работы и мастерства в зарождении классового сознания и боевого настроения. В отличие от Томпсона, который подчеркивал решающую роль квалифицированных рабочих в развитии классового сознания, Рансьер рассматривал это как результат отчуждения рабочих, стремившихся получить образование ради того, чтобы выбраться из угнетающего окружения. По мнению Рансьера, основную роль здесь играл тот рабочий, который в результате контактов с периферийным интеллектуалом берется за сочинение стихов или основывает газету, поскольку начинает размышлять о будущем, свободном от капиталистической эксплуатации. И, самое главное, это знакомство с литературным языком и вовлечение эстетического чувства в жизнь рабочего делает возможным создание такого мировидения¹¹.

Другим плодотворным трудом было авторитетное эссе английского историка Г. Стедмена Джонса, посвященное пересмотру истории чартизма, опубликованное в 1983 году¹².

Этот автор отверг традиционную интерпретацию чартистского движения в Англии как вызванного гневом, нищетой и социальным упадком, связанным с промышленной революцией. Стедмен Джонс утверждал, что «идеология чартизма не может быть сформулирована, если отвлечься от ее лингвистических форм», и сделал заключение, что различные группы народа призывают к действию на языке «естественных прав», который выражает их чувство отчужденности от политического процесса. В отличие от Томпсона, утверждавшего, что рабочие люди активно вырабатывали классовое сознание, опираясь на уроки, извлеченные из опыта, и Стедмен Джонс и Рансьер поставили под сомнение концепцию опыта, настаивая на том, что «пережить опыт» класса возможно только при условии, что явно определен дискурс (или дискурсы) класса. Отстаивая роль языка в формировании новых реалий классового общества, эти авторы возвестили начало постмодернистского подхода.

В настоящее время влияние постмодернистского метода на изучение истории отчетливо выражено. Лишь некоторые историки продолжают рассматривать класс как простое следствие экономического и социального положения людей, как нечто, напрямую определяемое способом производства. Вместо этого класс рассматривается как социальное самосознание, сконструированное на основе дискурса. Дискурсы класса придают смысл опыту, служат для политической ориентации и организации поддержки отдельным проектам. Д. Варман, автор эссе о парламентской реформе в Англии в начале XIX века утверждает, что и «идея и язык среднего класса не отражали социальную реальность, а скорее были горячим спором с этой реальностью». Он делает вывод, что «не подъем среднего класса стал основной причиной принятия билля о реформе в 1832 г., а сам этот билль вызвал последующий рост «среднего класса»¹³. С этой точки зрения, класс представляет собой не столько объективную социологическую реальность, сколько методы создания социальной реальности для заинтересованных сторон и с их участием, является силовым полем, содержащим многообразные и противоречивые значения.

Этот постмодернистский подход способствовал освобождению исторического анализа от телеологической направленности, исходившей из того, что классовое сознание заложено в структурах классовой эксплуатации, а также и от необходимости искать специальные объяснения в тех случаях, когда классовое сознание не является ясно выраженным. Внимание историков оказалось теперь направленным на исследование того, как формируется классовая идентичность — кто является включенным и исключенным, кто задает тон, чей голос авторитетен, как существующая практика и учреждения, базирующиеся на классовой основе, способствуют или затрудняют формирование интересов рабочего класса.

Феминизм и история женщин. Еще в 1970-х годах, задолго до постмодернизма, историки-феминисты начали оспаривать традиционные методы анализа социального класса на том основании, что эти подходы не брали в расчет опыт женщин. Так, например, исходное положение историков рабочего движения о том, что организация рабочих для защиты своих прав являлась естественным процессом, было подвергнуто критике со стороны феминистов, так как это не являлось верным в случае с рабочими-женщинами, чье отношение к работе было связано с обязанностями по дому, а также с идеологией, в рамках которой женщины рассматривались как зависимые от мужчин и, следовательно, заслуживающие более низкой заработной платы. Феминистские историки того поколения показали, что состояние рынка труда определялось и такими факторами, как пол, семейное положение и возраст, а также отметили, что мужчины-рабочие стремились не допустить женщин в определенные секторы рынка рабочей силы, поскольку женский труд был низко оплачиваемым. На протяжении 1980-х годов феминистские историки, так же как и социальные историки в целом, стали придавать гораздо большее значение исследованию не только таких материальных аспектов, как домашнее хозяйство и работа, но и культурным факторам, ассоциировавшимся с понятиями «мужчина» и «женщина». Например, феминистские историки показали, что социальное самосознание рабочего было скрыто представлено в терминах, связанных с определением мужественности, дискурсы класса вуалировали фундаментальные представления о половой принадлежности, которые сформировали распространенный дуализм, ассоциировавший мужчин с работой и сферой общественных отношений, а женщин — с домом и частной сферой — домашним хозяйством.

Есть основания полагать, что этот поворот был лишь частично следствием влияния постмодернизма на социальную историю. Пожалуй, более важным был отказ от изучения истории женщин в чистом виде в пользу подхода, основанного на концепции «гендера». Гендерный подход ориентирован на выявление путей социальной организации полов в разные исторические периоды, охватывая опыт как мужчин, так и женщин. Обращение к концепции гендера не может быть связано с постмодернизмом как таковым, поскольку многие

феминисты не приняли постмодернистские подходы, будучи убежденными в том, что коренные социальные преобразования требуют создания глобальной теории, критически объясняющей фундаментальные основы неравноправия полов и социального подчинения. Впрочем некоторые феминисты увидели в системе постмодернистского анализа возможности для разрушения идеологии мужского доминирования и открытия новых путей исследования в рамках гендерной концепции истории. Центральной фигурой здесь была американка Джоан Скотт, специалист по истории Франции XIX века¹⁴. Скотт объяснила свою неудовлетворенность изучением истории и опыта женщин в чистом виде не тем, что она ставила под сомнение важность данной темы, но тем, что попытки включить женщин в систему основного исторического исследования фактически не затрагивают тех основных положений исторического понимания, которые изначально отражают мужскую точку зрения. Другими словами, она пришла к выводу, что самые основные категории и иерархии приоритетов, используемых историками, были основаны на игнорировании опыта женщин. Ее уверенность в том, что основные категории и иерархии приоритетов истории как науки не учитывают опыт женщин, привела ее к постмодернистской эпистемологии, в целом, и теории деконструктивизма Ж. Дерриды, в частности. По ее словам, «история больше не является описанием тех событий, которые происходили с женщинами и мужчинами, и тем, как они реагировали на это, а вместо этого история описывает, как создавались субъективные и собирательные понятия о мужчинах и женщинах как категориях идентификации». Скотт использовала постмодернистскую точку зрения как способ исследования того, как образуются и утверждаются гендерные иерархии, и как внешне нейтральные концепции могут выражать скрытый интерес мужчин. Подобным образом она продолжила линию теоретиков феминизма в других дисциплинах, использовавших постструктуралистский метод для пересмотра западной мысли, начиная с эпохи Просвещения. Например, американский политолог К. Пэтмен стремилась показать, как кажущаяся нейтральной концепция гражданства на самом деле была создана на базе дискриминаций на основе пола, этнического сознания, возраста и т. п.¹⁵ Сходным образом, феминистские философы поставили своей целью продемонстрировать, как центральная для философии Просвещения идея о познающем субъекте была основана на таких категориях личности, знания и истины, которые подсознательно исключали опыт женщин.

Интерес к вопросам пола (рода) способствовал расширению сферы исследования феминистскими историками, исходившими из того, что они играют активную роль в формировании социальных отношений во всех сферах жизни. Ученые начали анализировать исторические темы, выходящие за рамки аспектов, непосредственно связанных с социальными ролями женщин и мужчин. Интересные работы были посвящены политической истории. Историки-гендеристы исследовали, как правительство использовало представления о традиционных ролях мужчины и женщины в обществе для оправдания первой мировой войны, как гибель молодых мужчин обосновывалась понятиями «мужественности» (необходимостью защищать слабых женщин и детей), и долга (сыновья должны выполнять волю своих вождей или отцов, короля), отождествляющими «мужественность» с силой нации. Закономерно и то, что нация была представлена символическим женским образом (Мать Россия). Гендерная история, особенно там, где она испытала влияние постмодернизма, поставила под сомнение исследования. Темы, ранее считавшиеся недостойными внимания, такие, как домохозяйство, сексуальность, проституция, стали полноправными предметами анализа, будучи соотнесены с другими традиционными темами, что способствовало выявлению того, как формируются скрытые ранее системы значений и авторитетов¹⁶.

Несмотря на то, что постструктуралистский феминизм стремился исследовать предрасудки мужчин в рамках предпологаемо абстрактных, универсальных интеллектуальных течений, западные феминисты вызвали огонь на себя, отстаивая универсальный подход, который подразумевал, что только одна разновидность процесса женской эмансипации, а именно основанная на опыте западных женщин среднего класса, является действительно феминистской. Феминисты, исследовавшие тему с незападных позиций, настаивали на том, что подчинение женщин в странах третьего мира отличается от подчинения женщин в развитых капиталистических странах и не может быть понято без изучения наследия колониализма и его воплощения в феноменах расы и класса. Вышесказанное подводит меня к третьей сфере исторического исследования, подвергшейся влиянию постмодернизма — истории колониального правления. Я рассмотрю этот вопрос очень кратко.

Постколониальная история. Появление междисциплинарной дисциплины, известной как «постколониальные исследования», связано с опубликованием палестино-американским

автором Эдвардом Саидом книги «Ориентализм», оказавшей весьма большое влияние¹⁷. КПродолжая линию М. Фуко, Саид рассматривал систему знаний о Востоке, развитую западными учеными в XIX веке, как такой исследовательский подход, который был призван поддерживать колониальное завоевание, оккупацию и господство. Восток же изображался как нечто инертное, неизменное, религиозное и пассивное. Нации Востока как объекты научного исследования рассматривались с позиций колониальных правителей. Этот образ Востока служил фоном, на котором выступали преимущества динамичной, модернизированной, рациональной Европы. Эта тема стала центральной для постколониальных исследований. Например, Гьятри Спивак, индийский культуролог, анализируя западную литературу, показал, как образ колонизируемых народов был создан на основе представлений о себе колониалистов и европейского опыта образования централизованных государств. К колониям же подходили как к «другим». Под влиянием постмодернистской системы мышления историки утверждали, что сама история как дисциплина неотделима от универсализации национальных государств в результате развития европейского империализма. Дипеш Чакрабартти, бенгальский историк, развил идею о том, что концептуальные основы академической истории тесно связаны с испытанным влиянием модернизации определением гражданства и национального государства¹⁸. История неевропейских стран писалась на основе европоцентристских представлений и при этом неизменно использовались такие термины, как «неспособность», «отсутствие» или «несоответствие», исходя из европейских стандартов. Другой индийский историк, Гуан Пракаш, из Принстонского университета, подобным же образом критиковал марксизм, отмечая, что несмотря на то, что марксизм осудил колониальную эксплуатацию, как теория он был основан на исторической концепции, которая универсализовала опыт Европы¹⁹.

Рассматривая эти три аспекта, я стремился показать, как постмодернизм способствовал развитию новых методов исторического анализа. Однако неправомерно утверждать, что большинство западных социальных историков приняло постмодернистскую точку зрения. На самом деле, правильнее говорить, что многие историки рассматривают эпистемологические и философские основы постмодернизма как весьма опасные для собственной дисциплины. И, разделяя некоторые их сомнения по поводу ценности постмодернизма, о чем я скажу в заключении, считаю нужным проанализировать его позитивное влияние на изучение истории.

Не представляется возможным вернуться к представлениям о прошлом как зафиксированной, объективной реальности, которая должна быть беспристрастно описана историками. Прошлое приобретает смысл только тогда, когда оно получает отражение в научных трудах историков. Постмодернистский подход, с его упором на первостепенное значение языка, может помочь историкам более ясно осознать свою сферу деятельности: во-первых, как прошлое отражается в письменных источниках, и, во-вторых, как ученые представляют его в своих исследованиях.

1. Рассматривая значение источников как базы исследования, постмодернизм отмечает тот факт, что их не следует понимать только как хранителей документальной информации (как «окна в прошлое»), они должны восприниматься как тексты, созданные в определенных системах значений и при том редко однозначных, бесспорных.

2. Постмодернисты подвергли критике видение прошлого как установленного порядка вещей, получившего отражение в языке; они настаивают на том, что прошлое было создано самими историками. Американский философ Хайден Вайт проанализировал труды различных историков с целью показать, как их дискурсы оказывали влияние на темы исследования, которые они намеревались реалистично описать и объективно проанализировать. Вайта особенно интересовало, какие методы историки использовали для того, чтобы описать события, каким образом они строили свои описания и какой метафорический язык использовали для связи описания и очевидных интерпретаций²⁰. Историкам следует более ясно отражать принципы описания, которые они используют при анализе прошлого, и концептуальные основы и иерархии приоритетов, на которых основан этот анализ.

Позвольте привести пример. Я был поражен глубоким сходством между описаниями советского периода российской истории в советской историографии и у западных историков. Последние ясно представляли себе, насколько официальная идеология Коммунистической партии определяла историческую науку. Они критически подходили к такому официальному источнику, каким являлась советская пресса, зная и о цензуре и об идеологическом контроле. И тем не менее, даже историки, наиболее враждебно относившиеся к коммунистической системе, склонны были использовать терминологию, принятую в советском

«фундаментальном нарративе», то есть исходить из тех фундаментальных принципов, на которых основывалась советская реальность. Если посмотреть на то, как описывалась советская политическая система, становится очевидным, что большинство западных историков не принимали голую апологетику, присущую официальным описаниям, например, такие понятия, как «триумфальное шествие советской власти» в 1917—1918 годах. Многие предпочитали строить исторический нарратив, опираясь на концепции развития однопартийного государства или тоталитарной системы. Тем не менее, эти антисоветские нарративы имели сходную структуру с официальным описанием. Их объединяло, например, общее понимание власти, как чего-то исходящего «сверху вниз» — из учреждений партийного государства. Точнее, они разделяли с официальной идеологией представление о телеологической структуре, когда вся советская история рассматривалась как движение в определенном, заданном направлении.

Аналогичное заключение можно сделать и в отношении экономической истории: некоторые западные историки, негативно оценивая функционирование командно-административной экономики, в то же время редко подвергали сомнению официальный нарратив, излагавший историю советской экономики в рамках прогрессивного развития планового народного хозяйства. Такой подход побуждал западных историков концентрировать свое внимание на аспектах, которые официальной идеологией расценивались как важнейшие, и игнорировать те, чье существование официальная идеология или отрицала, или рассматривала как пережитки прошлого. Рынок, например, расценивался как некий придаток к плановой экономике, в худшем случае как вредный для нее (спекуляция, черный рынок). Даже наиболее убежденные противники командно-административной экономики не смогли предложить альтернативное изложение советской экономической истории, которая бы брала в расчет то соображение, что рынок и в советский период продолжал играть значительную роль в социальном развитии. С позиций постмодернизма в принципе не существует причин, по которым не следовало бы писать историю советской экономики, в которой бы рынок находился в центре повествования, включая и мешочничество, и нэпманов и так далее, отодвигая плановую экономику на второй план.

Я не намерен оспаривать тот факт, что советское партийное государство систематически концентрировало власть в своих руках или то, что оно стремилось заменить рынок плановой экономикой, но хочу заметить, что, принимая эти тезисы как организующие принципы в своем историописании, западные историки неосознанно принимают и те принципы, согласно которым режим конструировал советскую реальность. В частности, часто эти историки принимали заявления вождей о том, что они стремятся к осуществлению определенных целей как данность и затем использовали этот тезис как отправную точку для оценки исторических событий. Постмодернистский подход предоставляет возможность разрушить официальную версию советской реальности и создать новые принципы посвященного ей нарратива.

Возможно, после всего сказанного у читателя возникает недоверие к моей защите постмодернизма, поскольку совершенно очевидна ограниченность языкового метода анализа для изучения советской истории, ибо советская реальность несводима к простому тексту. При всем том огромном влиянии, которое имела идеология, опыт миллионов людей основывался не столько на языке, сколько на жестких фактах войны, голода и репрессий.

Отталкиваясь от этой мысли, хочу сделать несколько замечаний и по поводу ограниченности возможностей постмодернистского подхода к историческому анализу.

1). Стремление социальных историков исследовать значимость деятельности людей, выявившееся с 1970-х годов, было значительным шагом вперед по сравнению с детерминистским пониманием человеческого поведения. Постмодернистские методы способствовали и лучшему пониманию того, как посредством языка формируется, если можно так выразиться, «за спинами» личностей социальное значение. Но советский пример напоминает нам и о том, что человеческий опыт в социальном мире не является результатом лишь общих систем значения. Его формированию способствуют такие факторы, как физические и социальные потребности, например, голод или болезнь, неравноправие в разделении богатства и власти, а также конфликты социальных и экономических интересов. Их значение всегда определяется через дискурс, но каким бы образом они не обретали социальное значение, они реальным образом ограничивают способность отдельных людей и социальных групп к действию. Другими словами, существует понимание того, что жизнь социума определяется экономическими, социальными и политическими реальностями, которые формируют опыт независимо от тех культурных конструкций, посредством которых они образованы.

2). В свете вышесказанного необходимо более критически рассматривать принятую в постмодернизме языковую модель. Постмодернисты совершенно справедливо настаивают на том, что язык — это самодостаточная система, которая служит связующим звеном между нами и реальностью. Однако их концепция игнорирует существование реальности за пределами языка. Язык может содержать в себе социальный мир, но он может быть также использован для его описания или объяснения. Более того, одни речевые акты более успешно соотносятся с социальным миром чем другие²¹. Таким образом, можно признать существование концепции обозначения, учитывающей материальные условия выражения, на что указал М. М. Бахтин много лет назад. Его диалогическая концепция языка особенно важна, так как признает существование и того, что язык — это автономная система значений и того, что он определяется тем социальным контекстом, поддержанию которого он способствует. Бахтин предположил, что функция дискурса как силового поля является результатом взаимодействия внутри него антагонистических материальных интересов. Язык может создавать социальный мир, но его значение также определяется человеческими отношениями, системами коммуникации и функционирования власти, которые образуют контекст лингвистической коммуникации. Мы должны придерживаться некоего компромисса (который постмодернизм не может принять) и признать, что язык порождает, но также и отражает социальную реальность, а исторические тексты могут содержать в себе социальный мир, но также и являться его порождением.

Примечания

1. CROOK S., PAKULSKI J., WATERS M. Postmodernization: Change in Advanced Societies, Lnd. 1994.
2. HARVEY D. The Condition of Postmodernity: an Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford. 1989, p. 328.
3. BAUMAN Z. Intimations of Postmodernity. Lnd. 1992.
4. BEST S. and KELLNER D. Postmodern Theory: Critical Interrogations. Lnd. 1991, p. 5.
5. GEERTZ C. Thick Description: Towards an Interpretive Theory of Culture.— In: The Interpretation of Cultures. N. Y. 1973, p. 14.
6. SPIEGEL G. M. History, Historicism, and the Social Logic of the Text in the Middle Ages.— Speculum. Vol. 65, 1990, pp. 65—66.
7. CHARTIER R. Intellectual History or Sociocultural History? The French Trajectories. In Modern European Intellectual History: Reappraisals and New Perspectives. Ithaca. 1982, p. 41.
8. BEST S. and KELLNER D. Op. cit., p. 26; WEEDON C. Feminist Practice and Poststructuralist Theory. Oxford. 1987, p. 109.
9. SCHOTTLER P. Historians and Discourse Analysis.— History Workshop Journal, Vol. 27, 1989, pp. 37—65.
10. CULLER J. On Deconstruction. Lnd. 1983, p. 86; BEST S. and KELLNER D. Op. cit., p. 21.
11. RANCIERE J. The Night of the Proletarians: the Workers' Dream in Nineteenth-Century France. Philadelphia. 1989.
12. STEDMAN JONES G. S. Languages of Class: Studies in English Working-Class History. 1832—1982. Cambridge. 1983.
13. WAHRMAN D. Virtual Representation: Parliamentary Reporting and Languages of Class in the 1790 s.— Past and Present, № 136, 1992, p. 111, 113.
14. SCOTT J. W. Gender and the Politics of History. N. Y. 1988.
15. PATEMAN C. The Sexual Contract. Stanford. 1988.
16. HULL I. V. Feminist and Gender History through the Literary Looking Glass: German Historiography in Postmodern Times.— Central European History, 1988—1990.
17. SAID E. W. Orientalism. N. Y. 1978.
18. CHAKRABARTY D. Postcoloniality and the Artifice of History: Who Speaks for «Indian» Pasts?— Representations, 37, Winter, 1992.
19. PRAKASH G. Writing Post-Orientalist Histories of the Third World: Perspectives from Indian Historiography— Comparative Studies in Society and History. 1990.
20. WHITE H. Metahistory: the Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore. 1973.
21. SPIEGEL G. History and Postmodernism.— Past and Present, № 135, 1992, p. 200.

В советской литературе термин «тоталитаризм», если и встречался в работах политологов и историков, то речь шла о зловредном сопоставлении режима, существовавшего в СССР, с тоталитарными диктатурами в западных странах, и это опровергалось, как клевета. Особенно интенсивно «доктрина тоталитаризма» разрабатывалась в годы холодной войны.

С конца 80-х годов и у нас стали появляться работы о советском тоталитаризме; в них содержались сопоставления и различия с зарубежными диктатурами XX века. Книга, о которой идет речь, исследуя ряд тоталитарных движений и режимов, определяя их типологию, учитывает эти различия. Рецензируемый труд, созданный авторским коллективом сотрудников Института всеобщей истории РАН (под руководством Я. С. Драбкина, Н. П. Колововой), — первое обобщающее исследование темы. И хотя в нем представлены лишь европейские страны, географический и тематический охват очень широк. Речь идет прежде всего о движениях и режимах, существовавших в предвоенные десятилетия (в СССР, Германии, Италии, событиях 30-х годов в Испании), а также о тех, которые возникли в результате второй мировой войны в странах Восточной Европы. Освещены и история тоталитарных режимов, их отношение к религии и церкви (к сожалению, лишь в применении к Германии и Италии), положение искусства в этих странах и т. п.

Открывает книгу введение, озаглавленное «Рабочая гипотеза» (автор Я. С. Драбкин), в котором раскрывается сущность понятия «тоталитаризм», возможности и пределы его применения; рассказано о том, как возник замысел монографии и происходили его реализация, решение многих непростых вопросов.

Рассматривая исторические корни тоталитаризма, В. В. Дамье раскрывает отличия в генезисе тоталитарного строя в нашей стране, где он был установлен сверху, от Италии и Германии, где этот режим возник из массовых движений. Представляется спорным лишь мнение автора, будто нэл во второй половине 20-х годов изжил себя и привел к «обнищанию широких слоев населения» (с. 40). Не ведет ли это к «реабилитации» Сталина, который решительно покончил с нэпом, задуманным, как известно, «надолго»? Той же точки зрения придерживается и А. В. Шубин, который, рассматривая проблему «нэл и сталинизм», о сути нэпа и ходе его реализации почти ничего не говорит. Быстрое индустриальное развитие, как свидетельствует опыт других стран, вовсе не требовало уничтожения самостоятельности крестьянства (как полагает автор). Политика Сталина, которая вела к этому, была несовместима с нэпом.

Шубин попытался по-своему взглянуть на про-

цессы индустриализации и коллективизации, на другие события послеоктябрьской истории и в определенной степени это ему удалось. Говоря, например, о «военном коммунизме», автор достаточно убедительно обосновал вывод, что он являлся формой тоталитарного режима (с. 58); в то же время подчеркивается ее неустойчивость. Объективностью отличается оценка белого движения, которое кое-кто в наши дни склонен идеализировать.

Но со многими и в подборе источников, и в трактовке происходившего согласиться нельзя. Открытие архивов привело к тому, что стали явными некоторые «кремлевские тайны»; появились многочисленные документальные публикации и основанные на первоисточниках исследования. При всем уважении к таким зарубежным авторам, как Р. Конквест, Н. Верт, Д. Боффа, чьи труды до недавнего времени представляли едва ли не единственный источник о происходившем в сталинские времена, следует признать, что их утверждения и предположения при сравнении с публикуемыми ныне документами подчас оказываются неточными. Новые материалы Шубин приводит лишь благодаря ссылкам на книгу О. В. Хлевнюка «Сталин и Орджоникидзе» (М. 1993) и сборник «Неизвестная Россия. XX век» (т. 1. М. 1992).

В какой-то мере по этой причине ряд суждений и оценок автора субъективен и не подкреплен серьезными аргументами. Это касается, например, трактовки целей коллективизации. Как утверждает автор «для индустриального рыбка нужен был хлеб» (с. 68), и еще раз подчеркивает: «Наступление на крестьянство было возобновлено уже в конце 1930 г. — «стройкам пятилетки» нужен был хлеб» (с. 75). Следовательно, коллективизация затевалась в целях увеличения сбора хлеба. Но это совершенно не соответствует действительности: «раскулачивание» не могло иметь результатом ничего иного, кроме резкого падения урожая, ибо из деревни изымались лучшие, наиболее опытные хозяйства, уничтожалась немалая часть инвентаря и тяглового скота и т. д. Правители страны были настолько глупы, чтобы не учитывать этого заранее. Здесь же идет речь об усиленном вывозе из страны сырья, «а также хлеба». На деле хлеб был едва ли не главной статьей вывоза. Не убедителен вывод автора о том, что в начале 30-х годов «в крупнейших городах было улучшено снабжение, здесь относительная сытость стала доступна всем» (с. 76). Лишь в 1935 г. были отменены карточки, в том числе «в крупнейших городах».

Статья Сталина «Головокружение от успехов» рассматривается, как «отступление» в ходе коллективизации. Документы свидетельствуют, однако, что отступления не было, а был излюбленный Сталиным прием переключивания вины за провалы и «перегибы» на других. Впрочем, автору

это известно — он пишет о попытке «свалить ответственность» за провалы коллективизации на региональную партийную элиту» (с. 74).

Вызывает возражения и трактовка некоторых аспектов террора 30-х годов. Автор следует за Конквестом (в распоряжении которого не было важнейших документов, исходящих от центральных партийных инстанций), полагающим, что в развертывании террора Сталин проявлял некую умеренность. У нас отсутствует сколько-нибудь точная статистика динамики репрессий, но нет сомнений, что после убийства Кирова и в последующие два года от террора пострадало большое количество людей, причем практически все они не имели никакого отношения ни к этому убийству, ни к сопротивлению режиму. Автор склонен преувеличивать и степень недовольства населения, и остроту противоречий в ВКП(б), хотя и признает, что недовольство руководство страны сумело нейтрализовать рядом мер, в том числе хорошо поставленной пропагандой. Что касается партии, то нельзя всерьез воспринимать рассуждения о том, что было бы, «если бы» лидеры оппозиции 20-х годов вернулись к власти. Подобное было совершенно исключено: тоталитарные диктатуры, руководимые такими харизматическими личностями, как Гитлер или Сталин, прекращают существование только после смерти диктатора.

Автор склонен рассматривать репрессии 30-х годов, как обращенные почти только против потенциальных недругов Сталина в партийном аппарате, а также командных кадров армии. Документы, ставшие ныне достоянием гласности, в частности, «Расстрельные списки», публикуемые уже не один год, показывают, что жертвами террора в той же (или в еще большей) степени являлись рядовые члены партии или вообще беспартийные — театральные гардеробщицы, железнодорожные кассиры, колхозники, уничтожавшиеся по доносам в связи с неосторожно брошенными словами или чтобы завладеть имуществом жертвы. Наконец, фантастичным выглядит утверждение, будто Ягода решил судьбу Каменева и Зиновьева; это не было его прерогативой, да и к чему ему было «прятать концы в воду» (с. 82)? Автор, по-видимому, полагает, что Ягода, долготелый ревностный исполнитель воли Сталина, был в чем-то «виноват» перед ним? «Сталинским ставленником» был не один Ежов. Все тогдашние деятели были таковыми. Замена же Ягоды Ежовым имела в своей основе то же стремление переложить вину — в данном случае за «четырёхлетнее запоздание» с массовыми репрессиями — с большой головы на здоровую.

Исследуя становление тоталитаризма в фашистской Германии, М. Б. Корчагина характеризует основные тенденции экономического развития страны, прослеживает реализацию замыслов нацизма во внутренней и внешней политике, в частности подготовку к агрессивной войне. К недостаткам следует отнести скудость источниковедческой ба-

зы. Основными источниками явились советские монографии прежних лет и статьи немецких авторов из 2—3 сборников или из справочных изданий. Что касается исследований советских авторов, то большая их часть не выдержала испытания временем.

В трактовке событий, предшествовавших установлению франкистского режима в Испании — гражданской войны 1936—1939 гг., преодолена привычная для нашей литературы схема, исходящая из абсолютной непогрешимости компартии, в том числе в отношении к аранхо-синдикалистам, и игнорировавшая пагубную деятельность советских спецслужб в поисках «троцкистов», якобы наносивших большой вред делу борьбы против фашизма. Что касается характеристики строя, воцарившегося в 1939 г., то авторы (С. П. Пожарская, А. В. Шубин) справедливо рассматривают его, как авторитарный (с. 176).

Важное место в книге закономерно уделено второй мировой войне. Она составила существенный рубеж в истории тоталитарных режимов, положив конец существованию фашистских стран в Западной Европе и явившись определенной гранью в развитии СССР, возглавившего «социалистический лагерь». Поставив вопрос «Война Гитлера» или «война Сталина», автор (Я. С. Дабкин) дополняет анализ тоталитарных институтов подробными личностными характеристиками германского и советского диктаторов. Это, конечно, обогащает предпринятое в книге исследование — необычайно велика была роль этих диктаторов в жизни двух государств, в том числе во всем, что связано со второй мировой войной. Вызывает однако сомнения сама постановка вопроса — чья это была война; она была и войной Гитлера, развязавшего ее, и войной Сталина, давшего «фюреру» зеленый свет для нападения на Польшу и ставшего соучастником последнего. Да и при всем своем диктаторском величии Сталин и Гитлер не могли действовать абсолютно единолично. Попутно одно уточнение. Автор пишет, что механизм рождения советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. раскрыли лишь публикации последних лет (с. 264). Но ведь основные документы, связанные с ним, были напечатаны (в США) уже в 1948 году.

В связи с войной в книге представлен один из значительных аспектов темы о тоталитаризме — Сопротивление диктаторским режимам. Оно велось на всех этапах их существования, но, конечно, наибольший размах приобрело в годы войны. Н. П. Комолова, рассматривая эту проблему, поставила узловое вопросы темы, в определенной степени преодолела гипертрофию коммунистического фактора в движении Сопротивления, которая в течение десятилетий была присуща нашей литературе. Но краткость не позволила автору с желательной полнотой рассмотреть некоторые стороны самотверженной борьбы, которую вели против тоталитарных диктатур патриоты различных стран.

Серьезное достоинство рецензируемого труда

в том, что в нем весьма обстоятельно анализируются пути преодоления тоталитаризма в разных странах. Работы, посвященные этой теме на материале СССР — России, многочисленны (и весьма неравноценны), исследований же о преодолении нацизма или итальянского фашизма гораздо меньше. В книге на примере Германии, Италии и других стран изучена проблема выхода из того тяжелого состояния, которое было результатом господства тоталитарной диктатуры.

Наиболее обстоятельно изложен итальянский опыт. Это закономерно: Италия значительно раньше других государств фашистского блока сбросила с себя ярмо тоталитаризма, многое в этом смысле было сделано там решительнее и быстрее, чем в других странах. Комолова показывает, что вместе с тем под влиянием холодной войны и в Италии процесс демократизации оказался не вполне завершенным. Спорным представляется лишь тезис, что в Италии социальные корни фашизма не были уничтожены (с. 366); ведь более, чем за полвека, ни одной сколько-нибудь серьезной угрозы со стороны неофашизма в Италии не возникало.

Гораздо более сложная ситуация сложилась после разгрома нацизма в Германии. М. Б. Корчагина прослеживает трудный процесс преодоления фашистского наследия в экономике и политической сфере страны, особенности и итоги денацификации в различных зонах оккупации. В ходе изложения анализируются документы основных политических группировок на востоке и западе страны. К сожалению, очень мало внимания уделено экономической реформе, осуществленной Л. Эрхардом в июне 1948 г.; между тем она заложила экономические основы развития Западной Германии на десятилетия и поэтому представляет для нас определенный интерес.

Исследуя выход Испании из франкистского режима, С. П. Пожарская и С. М. Хенкин приходят к выводу, что при наличии доброй воли серьезнейшие разногласия могут быть не доведены до конфронтации, а, наоборот, сведены к минимуму, позволяющему совместными усилиями преодолеть тяжелое наследие диктатуры и добиться подлинной демократизации, которая сочетается с экономическим подъемом.

Структурно раздел «Преодоления» недостаточно продуман; так, в него включена глава «СССР и режимы народных демократий» (автор Шубин), хотя в том же разделе имеется глава «Кризис тоталитарных учреждений на востоке Европы» (автор Шубин). Трудно понять, почему в книге отсутствует необходимый анализ событий и процессов в СССР за более чем 30-летний период после смерти Сталина (а также в России после распада СССР). Те несколько страниц, которые уделены этому, не отвечают задаче (очень невнятно — по видимому, из-за краткости — сказано здесь о глубоком отставании в научно-технической области, исключая, конечно, военную и космическую сфе-

ры, и его причинах). Глава «Праворадикальные движения в Западной Европе» (автор А. Л. Семenov) мало отвечает проблематике этого раздела — речь здесь идет не о преодолении тоталитарных порядков, а, наоборот, о попытках их реставрации. По неизвестной причине отсутствует анализ лево-радикальных движений, а об опасности со стороны экстремистских сил в России вообще не сказано ничего, а это было бы весьма желательно.

Анализ проблемы «Искусство при тоталитаризме» подтверждает близкое родство как будто противоположных по своей социально-экономической сущности режимов, какими были нацизм и итальянский фашизм, с одной стороны, и сталинизм — с другой. Рассматривая эти проблемы, В. М. Володарский приходит к интересным наблюдениям и выводам и о художественной политике тоталитарных диктатур и их методах управления этой сферой, и о разительном сходстве тех и других в архитектурных замыслах и воплощениях, и о многом другом. Жаль лишь, что автор ограничил изложение архитектурой и изобразительным искусством; не менее интересны были бы сравнения развития литературы, театра, кино и других отраслей культуры.

Выше уже шла речь об изъятых источниковедческой базы в некоторых главах. Как ни странно, пробелы относятся не только к иностранной литературе по данному вопросу, которая поистине неисчерпаема, но и к отечественной, несравненно менее многочисленной. Так, например, нет ни одной ссылки на такие издания, непосредственно касающиеся предмета исследования, как сборник «История и сталинизм» (М. 1991), монография А. Н. и Л. А. Мерцаловых «Сталинизм и война» (М. 1994). Есть и другие аналогичные примеры.

Оригинальны заключительные выводы Дамье и Дабкина, которые, подводя «итоги века», рассматривают вопросы, поставленные в книге, вновь подвергают их обсуждению, фиксируя при этом расхождения в позициях авторов по затронутым проблемам. Среди них — какие факторы были решающими для перехода от авторитарного строя Ленина — Троцкого к тоталитаризму Сталина. Дамье связывает это главным образом с овладением бюрократической номенклатурой всеми господствующими позициями в обществе и государстве. Иное мнение на этот счет у Шубина: различия между Лениным и Сталиным некардинальны, возможность же победы тоталитаризма была заложена уже в марксистском учении. Точка зрения Дабкина сводится к тому, что в происшедшем в Советской России повинны не марксистская идеология, а неуспех мировой революции и условия «осажденной крепости», которые диктовали всемерное ужесточение режима. Разногласия касаются и некоторых аспектов преодоления тоталитаризма и возможных альтернатив ему. Эти страницы книги резко контрастируют с унификацией мнений, длившейся десятилетиями.

Сознвая неполноту осуществленного анализа,

авторы называют некоторые аспекты темы, требующие дальнейшего углубленного изучения. Но оценивая данный труд в целом и соглашаясь с тем, что в одной книге невозможно поставить и адекватно

осветить все аспекты тоталитаризма, следует признать, что первый опыт комплексного исследования этого феномена оказался плодотворным.

Л. И. ГИНЦБЕРГ

Е. А. ДУДЗИНСКАЯ. *Славянофилы в пореформенной России.* М. Институт российской истории РАН. 1994. 278 с.

Доктор исторических наук Е. А. Дудзинская (Институт российской истории РАН) давно работает над историей российского славянофильства. Ее монография «Славянофилы в общественной борьбе» (М. 1983) посвящена славянофильству 40—50-х годов XIX века. Рецензируемая книга продолжает и завершает исследование этого общественно-политического течения, конечной гранью которого, по определению автора, является рубеж 70—80-х годов.

Исследователи больше внимания уделяли «раннему» (дореформенному) славянофильству, о пореформенном же говорилось лишь в общих трудах и в нескольких специальных статьях. Рецензируемая монография является первой обобщающей работой на указанную тему. В отличие от большинства авторов, исследовавших преимущественно идейно-теоретическую сторону славянофильства, в монографиях Дудзинской особое внимание обращено на «практическую деятельность» славянофилов: их участие в подготовке и проведении реформ 60—70-х годов, деятельность в пореформенных органах самоуправления, предпринимательство в сельскохозяйственной, промышленной и финансовой сферах. Вместе с тем большое место в ней занимает исследование идейных и общественно-политических взглядов пореформенного славянофильства.

Монография написана на основе изучения литературно-публицистических трудов славянофилов, их переписки (в значительной части еще неизданной), мемуаров, материалов о хозяйственной деятельности, официальных документов различных учреждений и ведомств. В историографическом введении автор указывает на два основных подхода к оценке славянофильства: первый, основанный на убеждении, что славянофилы как представители либерального дворянства хотя и выступали за отмену крепостного права, однако чужды были буржуазным тенденциям и в силу этого были противниками развития капитализма; второй исходит из оценки славянофильства как разновидности буржуазно-помещичьего либерализма и основан на убеждении, что «славянофилы задолго до реформы, на своем личном опыте осознавшие кризис крепостного строя, ратуя за скорейшую отмену крепостного права и проведение реформ, предлагали, по сути, капиталистический путь развития

России», и «наряду с интересами дворянства, защищали интересы нарождающейся буржуазии, с которой уже в то время были связаны множеством неразрывных уз» (с. 13). Сама Дудзинская разделяет второй из этих подходов.

Автор отрицает разделявшийся ранее многими исследователями вывод С. С. Дмитриева о том, что после реформы 1861 г. наступил «период заката и распада славянофильства, превращение его в исключительно реакционное направление»¹, утверждая, что «детальное исследование пореформенного славянофильства дает основание для существенно иных выводов». По ее мнению, «нет оснований объявлять о крахе славянофильства и связывать его с реформой» (с. 12). Напротив, правильнее говорить о том, что наступила пора наиболее активной деятельности славянофилов, направленной на решение задач, возникших в связи с социально-экономическим развитием пореформенной России. Сохранялись, отмечает она, сложившиеся еще до реформы 1861 г., личные, дружеские связи между славянофилами; у них «по-прежнему бывали споры и расхождения во мнениях, которые лишь подтверждают, что славянофильское направление действовало в русле живой традиции, отличительной чертой которой с самого начала была острая полемичность» (с. 14). Однако, как отмечает автор, эта полемика не отрицала единства общей позиции по принципиальным вопросам, которые трактовались в русле традиционных славянофильских взглядов.

Дудзинская считает неправомерным применение к различным этапам славянофильства определений «раннее», «старое», «позднее», «истинное», указывая не только на неопределенность таких понятий, но и на то, что по своему характеру это направление общественно-политической мысли в течение своей полувековой истории было единым. Автор имеет в виду то «классическое славянофильство», которое сложилось как направление в 30-х годах и «сошло с исторической сцены со смертью всех его видных представителей [на рубеже 70—80-х годов — В. Ф.], но до этого им предстояла еще почти четвертьвековая активная деятельность, — срок, равный дореформенному времени их участия в общественной жизни России, который был лишь прелюдией к активной деятельности после реформы» (с. 15).

Убежденные сторонники отмены крепостного права славянофилы, как указывает Дудзинская, были «в первых рядах эмансипаторов», принимали деятельное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы 1861 года. Книга содержит первое в нашей литературе подробное освещение этого вопроса. Указывается как на сходство, так и на различия позиций славянофилов относительно условий проведения крестьянской реформы. «Все славянофилы сходились в том, — указывает автор, — что крестьяне должны быть освобождены с землей и за выкуп», а различия состояли в том, что одни хотели получить немедленный выкуп и сразу заняться «интенсивной перестройкой своих хозяйств на капиталистический лад», другие стояли «за установление для крестьян более или менее длительного срочно-обязанного периода, в течение которого они будут освобождаться постепенно» (с. 16). Анализируя аргументацию обеих сторон, автор подчеркивает, что эти расхождения не имели принципиального характера.

В книге приводятся интересные данные из переписки А. И. Кошелева, Ю. Ф. Самарина и В. А. Черкасского о том, как проводилась в жизнь крестьянская реформа в их имениях, как восприняли ее крестьяне. Переписка славянофилов за 1861—1863 гг. полна описаниями крестьянских бунтов, жалобами на плохое выполнение в их имениях барщины, на случаи отказа крестьян платить оброки. Характерны высказывания наиболее видных славянофилов о необходимости сурово подавлять крестьянское неповиновение. Так, Самарин настаивал на этом, даже признавая справедливость возмущения крестьян грабительским характером реформы. Черкасский выступал за сохранение розги и вообще за применение «жесточких мер» для сохранения «порядка и дисциплины» в своих имениях. Ему вторил Кошелев: «Для барщинских имений розга в руках старост необходима» (с. 31). Автор делает вывод, что славянофилы «пройдя все этапы реализации реформы, проявили абсолютную верность своему классу и такую же беспощадность к выступлениям крестьян» (с. 35).

Проблема русской общины всегда интересовала славянофилов. Спор о ее происхождении, характере и судьбах широко развернулся в публицистике 50—60-х годов и был связан с подготовкой и проведением крестьянской реформы. В этот спор активно включились и славянофилы, которые, как отмечает автор, были безусловными сторонниками сохранения общины, хотя «мнение об общине в славянофильской среде ни до, ни после реформы не было единодушным». Однако они сходились в том, что «община — основа государственной устойчивости не только потому, что крестьянство исполняет большинство повинностей, но и в особенности потому, что крестьяне являются подлинными представителями русской народности». Высоко ценили они в общине и ее способность к самоуправлению, которая «позволяла ей

на протяжении веков адаптироваться к различным изменениям в общественно-экономическом строе государства» (с. 73). Споры же об общине внутри славянофильского кружка велись «не столько для возражения оппоненту, сколько для уяснения различных сторон дискутируемого вопроса» (с. 81). И все же Дудзинская приходит к выводу, что пореформенное социальное расщепление крестьянства заставило славянофилов внести существенные коррективы в свои взгляды на общину: «К середине 70-х годов члены славянофильского кружка сошлись на том, что выступая за сохранение общинного землевладения, следует поощрять выделение из общины зажиточного слоя, который вместе с дворянами составит новое сословие «землевладельцев», в чем они видели «возможность не только социально-экономического, но и политического обновления» (с. 95).

Пореформенная предпринимательская деятельность славянофилов, как справедливо отмечает автор, «еще не была предметом специального изучения». Монография существенно восполняет этот пробел. В ней приводятся интересные данные об успешной промышленной, торговой и финансовой деятельности Самарина, Кошелева, И. С. Аксакова, Черкасского, обладавших большими имениями. Их предпринимательская деятельность началась еще в крепостную эпоху (этот вопрос подробно освещен в первой монографии Дудзинской). Реформа 1861 г. создала более благоприятные условия: «помогла им укрепить свое хозяйство, прирастить земельные владения, применить вольнонаемный труд, ввести прогрессивные способы обработки земли, модернизировать промышленные предприятия на основе новейшей технологии, расширить товарно-денежные связи» (с. 119). В монографии излагается содержание предлагаемой славянофилами программы строительства железных дорог в России, их предложения по эксплуатации недр, учреждению банков и коммерческих предприятий.

Большое внимание уделено анализу общественной деятельности славянофилов в пореформенное время: участию в земствах и в нелегальных съездах земских либералов, составлении «адресов» на имя царя, работе Московской городской думы, обсуждению ими в русской подцензурной и в издаваемой за рубежом вольной печати злободневных вопросов современности.

В монографии впервые дано систематическое изложение политических взглядов славянофилов в пореформенное время. В прежней литературе исследовательская мысль «колебалась в широком диапазоне оценок от радикальных до крайне реакционных», что в значительной мере диктовалось конъюнктурными мотивами (с. 202—203).

Аргументированно опровергается достаточно распространенное мнение о том, что после реформы славянофилы якобы взяли «решительный крен вправо и по существу слились с правительством».

Дудзинская утверждает, что и в эту эпоху славянофилы развивали в сущности те же политические воззрения, которых придерживались ранее, хотя и с учетом поставленных временем новых проблем. Так, дальнейшее развитие получила их идея созыва всесословного законосовещательного Земского собора как выразителя «общественного мнения» перед монархом. Собор призван был, не ограничивая самодержавной власти царя, стать фактором «единения царя с народом» и вместе с тем гарантом от революционных потрясений. В этом-то и заключался «конституционализм» славянофилов, которые, по мнению автора, были противниками конституции. Однако приведенный Дудзинской материал свидетельствует, что они в принципе не отрицали возможности и желательности введения конституции в России, но не на «западный манер», а «в русском платье» и при том, что конституция должна быть дарована царем; пока же Россия к этому не готова. Как писал Самарин, «народная конституция у нас пока быть не может, а конституция не народная, т. е. господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, — есть ложь и обман» (с. 240).

Защита самодержавия обычно приводится в качестве аргумента «консервативности» политических взглядов славянофилов. Дудзинская доказывает несостоятельность этого утверждения. Защита самодержавия как политического института вполне совмещалась у них с острой критикой монархов и их политических режимов. «Отношение к личности монарха и членам царской семьи славянофилы не отождествляли с отношением к самодержавию как форме власти». Не признавали они и божественного происхождения царской власти. «Действие самодержавия распространяется только на государство, — приводит автор слова Аксакова. — Если самодержавие переступает эти пределы, вторгаясь в сферу церковную или частную, в область личной совести и личной свободы человека, то оно переходит в уродство, становится узурпацией, тиранией» (с. 224).

Большой интерес представляет рассматриваемая в монографии проблема «славянофилы и революция». Как указывает автор, славянофилы, будучи принципиальными противниками революции и революционных методов решения социальных и политических проблем, с симпатией относились к декабристам и петрашевцам, как к людям высокой нравственности и благородных порывов.

В итоге пореформенное славянофильство Дудзинская трактует как одну из разновидностей

буржуазно-помещичьего либерализма, «оппозицию власти, либеральную, благонамеренную, но готовую в период обострения революционной ситуации прийти на выручку самодержавному правительству, помочь ему справиться с революционным движением путем проведения либеральных буржуазных реформ» (с. 264, 266).

Монография содержит вместе с тем ряд традиционных взглядов и представлений, от которых уже отошла современная историческая наука. В первую очередь это выражается в сугубо «классовом» подходе при оценке не только взглядов и поступков славянофилов, но всего пореформенного исторического процесса, что неизбежно приводит к односторонности и преувеличениям. Автор подчеркивает «буржуазность» воззрений славянофилов, их стремление «опереться на кулака» (автор склонен видеть в этом «раннюю идею аграрного бонапартизма» — с. 97), утверждает, что «дворянство с отменой крепостного права теряло свое прежнее положение в социальном, экономическом» и даже «в политическом (?) отношениях» (с. 232).

Вряд ли можно согласиться со следующим категорическим утверждением автора: «Своей публицистикой они (славянофилы — В. Ф.) способствовали консолидации разрозненных отрядов русской буржуазии, происходящих из разнородных элементов, включающих все сословия России, в класс капиталистического общества, осознающий свою монолитность и единство своих классовых задач» (с. 135). В настоящее время подвергается серьезному сомнению тезис о возникновении на рубеже 70—80-х годов XIX в. «второй революционной ситуации» в России. Автор считает, что столыпинская аграрная реформа проводилась «всецело в интересах кулака» (с. 96), между тем как специальные исследования последних лет опровергают такую одностороннюю трактовку.

Эти замечания не ставят, однако, под сомнение научную значимость монографии, которая представляет интерес и актуальностью обсуждавшихся более ста лет назад славянофилами проблем.

В. А. ФЕДОРОВ

Примечания

1. ДМИТРИЕВ С. С. Славянофилы и славянофильство. — Историк-марксист, 1941, № 1, с. 89.

G. VOIGT. *Russland in der deutschen Geschichtsschreibung. 1843—1945.* Akademie Verlag. Berlin. 1994. 475 S.

Г. ФОЙГТ. *Россия в немецкой историографии. 1843—1945.*

Проблемы истории России всегда были в поле зрения немецких историков. Мощный импульс немецкая историография России получила в эпоху Просвещения. Хронологические рамки монографии профессора университета имени Гумбольдта Герда Фойгта охватывают время преобладания среди немецких исследователей консервативного взгляда на историю России. Книга сочетает в себе хронологический и проблемный принцип изложения: наряду с характеристикой основных направлений и концепций, исторических школ и институтов она содержит много интересных сведений о конкретной научной деятельности известных и менее известных историков кайзеровского, Веймарского и нацистского этапов, которым посвящены отдельные главы (Т. фон Бернарди, Л. К. Гётц, К. Штелин). В приложении — переписка многих историков между собой и с различными государственными инстанциями (всего 63 письма). Большинство документальных материалов получено автором в итоге кропотливой архивной работы и вводится в научный оборот впервые.

Рассматривая истоки немецкой историографии России, автор указывает на деятельность работавших в России немецко-российских историков (Г. З. Байер, Г. Ф. Мюллер, Х. Л. Бакмайстер), выделяя заслуги наиболее значительного из немецких знатоков российской истории А. Л. фон Шлёцера, испытавшего на себе влияние идей Просвещения — универсальности мира, взаимозависимости народов и их культур. Как видно из книги Фойгта, на начальном этапе немецкой историографии проблемы культурно-духовных факторов преобладали над изучением социальных и экономических процессов. После Венского конгресса «участие немецких историков в работе учебных и исследовательских учреждений России потеряло свое прежнее значение, но сохранился взаимный научный и культурный обмен... Но при этом история великой российской державы оставалась в общей чуждой немецкому народу» (с. 17—18). Охарактеризовав русофильство немецких консерваторов начала XVIII в. как реакцию на идеи Просвещения, автор останавливается на основных этапах развития немецкой консервативной историографии России в начале XIX в., для представителей которой Россия являла собой подтверждение их гипотезы о том, что любое общество нуждается в сильной авторитарной власти не только для самосохранения, но и для поддержания своего международного влияния. Русское государство и его политика рассматривались исключительно как дело его правителей и правящей верхушки — великих князей, царей и их окружения. Так, мотивы поступков Ивана Грозного, Петра Великого и Александра I объяснялись чисто субъективными, подчас даже иррациональными причинами.

В качестве примера подробно рассматривается деятельность и научные труды Бернарди (1802—1887), для чего автор использовал его опубликованные, а большей частью неопубликованные дневники, извлеченные из Потсдамского архива, главным образом в части, относящейся к изучению России. Фойгт отмечает, что Бернарди не столько стремился сообщить новые сведения по отдельным вопросам, сколько в первую очередь показать внутреннюю непрерывность русской истории. Поэтому в его двухтомной истории России, написанной в нарративной манере, трудно найти законченные характеристики отдельных исторических периодов или анализ проблем развития России. В центре внимания Бернарди стоит государство и его руководители, крайне персонифицированная внешняя политика, дворцовые интриги и борьба течений в верхних слоях дворянства, в то время как социальные и экономические процессы остаются большей частью вне внимания. Бернарди, как отмечает автор, переносил свое «прусское отношение» к государству на всю русскую историю. Он пытался внедрить в немецкой историографии «неудачное понятие старорусскости» как противоположность и отрицание модернизаторских усилий Петра I. Но Бернарди впервые в немецкой историографии России попытался выделить в прошлом этой страны ряд надвременных констант, определяющих содержание русской истории. К ним он относил двойственность в отношении к Западной и Центральной Европе.

В главе, посвященной теории «европеизации России» и ее отражении во взглядах А. Брюкнера, одного из первых немецких историков, сумевшего, по мнению Фойгта, осветить историю России не только на основе определенных принципов и весьма продуктивно исследовать ее важнейшие проблемы, но и изложить ее общие характерные черты и принципы внутреннего развития. Такими чертами тысячелетней русской истории Брюкнер считал борьбу с внешними культурными влияниями и политическими силами, причем пассивная реакция, готовность к конструктивному усвоению играли, как ему казалось, более существенную роль, чем собственные национальные черты, активная внешняя политика, завоевания или распространение влияния России. Поэтому история России не была для Брюкнера национальной историей возникновения и расширения великого народа с собственной культурой, или историей государства и его внешней политики. Она состояла для этого историка из мозаически сочетающихся внешних факторов. Он писал о трех волнах внешнего влияния: византийской, татаро-монгольской и европеизации. При характеристике последней он уделял особое внимание роли иностранцев на русской

службе и деятельности русских представителей за границей.

Фойгт отвергает обвинения современников Брюкнера в том, что последний де не был оригинален и в том, что у него «отсутствовал новый материал для исторического знания». Он утверждает, что ценность труда Брюкнера заключалась в новизне нарисованной им общей исторической картины. В противоположность консервативному русофильству, ориентированному в историко-политическом отношении на докапиталистическую, патриархально-христианскую русскую историю, и в отличие от Бернарди и ряда других историков, видевших в прошлом России выражение определенной государственной идеи и результат произвольных действий политиков, Брюкнер впервые последовательно развивал идею дуализма Европы и Азии, Запада и Востока, рассматриваемых им как историческая конфронтация двух несовместимых величин и культурных принципов в борьбе за «душу России» (с. 82). Его теория соответствовала национальному мышлению вильгельмовского времени и преследовала цель обосновать как чужеродность России, так и необходимость развития дипломатических и торговых отношений с ней.

Переходя к проблеме понимания России в немецкой историографии «поздней кайзеровской империи», Фойгт обращает внимание на то, что на нее повлияла переоценка роли и места России в европейской политике в конце 90-х гг. XIX — начале XX века. В это время консервативные историки были заняты созданием образа России как потенциального врага и возможного объекта экономической эксплуатации (с. 86). Автор показывает, что с начала XX в. немецких сторонников царской аристократии и консерваторов-реформистов объединяло стремление исследовать возможности сохранения стабильности в России в условиях растущей угрозы социального взрыва. Возможность же осуществления либерально-буржуазных реформ практически исключалась. Именно в это время оформилось научное направление, ориентированное на изучение восточноевропейских стран (в том числе и истории) во главе с Т. Шиманом, советником Б. Бюлова, Х. К. Гогенлоз и Вильгельма II, а в 1911 г. начал выходить «Журнал восточноевропейской истории».

Фойгт нашел верные слова для характеристики четырехтомного труда Шимана, посвященного Николаю I. Вопреки сложившемуся мнению о Шимане, как об историке монархическом, автор считает, что этот труд не отличался царистской апологетикой и русофильством. Шиман неоднократно осуждал «особый николаевский абсолютизм», правовой произвол, судебную и административную систему, разгул коррупции. Не случайно Е. В. Тарле в некрологе на смерть Шимана, отдав должное его блестящему знанию русской истории, подчеркивал, что с 1912 г. тот изучал Россию, которую ненавидел и не уважал и в течение всей своей жизни никогда не прекращал ее бояться.

Заслуживают быть особо отмеченными главы, посвященные Гётцу и Штелину. Теолог, историк церкви, права и экономики, южногерманский ученый Гётц, профессор университета в Бонне пользовался в свое время заслуженной известностью не только в Германии, но и был широко известен в России как знаток древнерусской истории и права, как исследователь Русской правды. Он блестяще знал русский язык, как современный, так и церковнославянский, глубоко проник в сложные взаимосвязи русской и западной культуры, широко использовал в своих работах сравнительно-исторический и ретроспективный методы анализа. Был избран действительным членом Императорского Общества истории и древностей, почетным членом Археологического института. В 1913 г. юридический факультет Киевского университета присвоил ему звание почетного доктора права.

Характеризуя развитие изучения истории России в Веймарский период, автор обращает внимание на два определяющих фактора: политическую ангажированность большинства историков в связи с Рапалльским договором и укрепление научных связей с историками новой России¹. В главе о Штелине Фойгт открывает новые страницы таких взаимосвязей. Спектр исторических исследований обогатился не только за счет расширения изучения русского революционного движения XIX и XX вв., но и благодаря сдвигу в сторону всего круга немецко-российских связей — дипломатических, экономических, культурных и технических.

Как отмечается в монографии, при этом немецкие университеты продолжали оставаться местом сосредоточения правых политических сил, прежде всего Немецкой народной партии. Но влияние историков, настроенных крайне антисоветски, все же сократилось. Русские эмигранты плохо интегрировались в немецкую историческую науку, их политическая репутация, идеологическая и религиозная ориентация были несовместимы с линией Рапалло, а сами они плохо воспринимали ярко выраженный немецкий этатизм. «Евразийская трактовка русской истории, распространенная в двадцатые годы среди эмигрантов, вызывала у немецких историков часто интерес лишь как временное явление. Она считалась несерьезной и произвольной конструкцией» (с. 228), замечает автор. Немного шансов было и у праворадикальных сил. Тема исторической угрозы Европе, раздробленной на мелкие государства, со стороны единой России нередко возникала в различных публикациях, но все же не была характерной для немецкой историографии России этого периода. В основном прошлое России рассматривалось все же как вариант общеевропейской истории. Определенное влияние оказывали и поездки в Советскую Россию².

Анализируя состояние исторической науки в годы нацистского режима и проследив судьбы историков в это время, Фойгт подчеркивает, что

«известные ученые, имевшие репутацию уважаемых специалистов и личностей, решающим образом участвовали в насаждении национал-социалистической идеологии, научных представлений и понятий» (с. 235). Одновременно были уволены такие видные специалисты как О. Хётч. «Северо- и Восточногерманское исследовательское содружество» во главе с А. Бракманном превратилось не только в научно-консультационный орган нацистского министерства внутренних дел, верховного командования вермахта, министерства пропаганды и верхушки СС, но также и в исполнителя различных «деликатных поручений», связанных с выводом культурных ценностей с восточных территорий и подготовкой географических карт. Соответствующие разделы монографии Фойгта содержат много интересных сведений о биографиях и деятельности нацистских историков и развиваемых ими концепциях русской истории.

Новый ценный труд Фойгта принесет большую пользу отечественным специалистам по российской истории и немецкой историографии.

В. А. АРТЕМОВ

Примечания

1. Частично эта проблема получила освещение в монографии Г. Шляйера, в которой автор основное внимание уделил творчеству леволиберальных историков Веймарского периода. SCHLEIER H. Die bürgerliche deutsche Geschichtsschreibung der Weimarer Republik. Brl. 1975.
2. Об этой роли О. Хётча см. ГИНЦБЕРГ Л. И. Друзья новой России: движение в защиту Советской страны в Веймарской Германии. М. 1983, с. 111—112.

А. Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М. Интерпракс. 1995. 416 с.

Перемены в мировом историческом знании, как и во всей социально-гуманитарной сфере, обусловлены критическим переосмыслением природы и возможностей творческого научного познания. Эти изменения оказывают заметное влияние на сложившиеся представления о содержании труда историка, путях возникновения новых концепций и методов, формах их бытования в профессиональном историческом сообществе и вне его.

Проблемы поиска и становления новой теоретической рефлексии в исторической науке в условиях существенных модификаций модернистской науки и культуры рассматриваются в книге доктора исторических наук А. Л. Ястребицкой (Институт научной информации по общественным наукам РАН), посвященной изучению европейской историографии средневековой культуры и города в XX веке. Скромно заявленная как учебное пособие для высшей школы, эта работа выходит за рамки обычных требований, предъявляемых к произведениям такого рода.

Внешне книга выглядит как совокупность историко-историографических очерков, которым предшествует теоретико-методологическое введение, содержащее определенные элементы критической саморефлексии. Заглавия очерков говорят сами за себя: «Как писали историю средневекового города в прошлом и как ее пишут сегодня», «Новая социальная история европейского города: пути ста-

новления», «Новые горизонты», «Урбанистический образ жизни. Компоненты средневековой культуры», «Город в системе повседневной культуры средневековья: костюм и мода».

По сути, автор поставил перед собой цель не только описать феномен «новой исторической науки», но и показать многообразные возможности использования ее как в профессиональной культуре отечественной историографии, так и в практике вузовского образования. В книге органично сочетаются общенаучные и образовательные задачи. Читателю предлагается системное представление о состоянии исторического знания в прошлом и настоящем.

Концепция историографического процесса, предлагаемая в книге, увязывается с авторской интерпретацией истории города и городской культуры. Следуя современным историкам культуры, автор предлагает «несколько сместить ракурс» прочтения свидетельств источников «с внешних, лежащих на поверхности констатаций, на те внутренние мотивы и побуждения, которыми они собственно и были порождены, и тогда за их внешним фасадом обозначатся контуры некоего образа, идеала, к воплощению которого стремились» (с. 293).

Ястребицкая видит свою задачу и в том, чтобы, используя историко-антропологический подход к европейскому средневековью, воссоздать це-

лостную картину городской жизни «как специфической единой социокультурной системы. И представления о времени, пространстве, космосе, и хозяйственная деятельность, и строительство укреплений, и организация внутригородского пространства, власти и управления, и социотопография рассматриваются как взаимосвязанные, тесно переплетающиеся феномены единой культуры» (с. 228). Картины жизни и быта средневекового города (очерки IV—V) написаны ярко, красочно и содержат в себе новый, интересный фактический материал.

В работе рассматриваются открытия «новой исторической науки» (прежде всего «новой социальной истории») в проблематике средневековой городской культуры и истории повседневности и их вхождение в интеллектуальное ядро исторической профессии. В поле внимания автора — труды французских, немецких, австрийских, польских, чешских, российских медиевистов. Центральное место в анализе занимает школа «Анналов».

Автор показывает, как по мере преодоления господства позитивизма и постулата моноистинности, определялись новые проблемные поля, концепции и познавательные процедуры, каким образом признание историками относительности антиномии «старого» и «нового» содействовало обогащению европейской историографии средневекового города. При этом Ястребицкая знакомит читателя с содержанием «классических» и современных методов, применяемых специалистами при изучении данной темы (с. 285, 334, 341—345, 347, 349, 391, 394).

Интересны попытки автора понять, как связаны между собой разные компоненты исторического знания, как «старые» установки и ориентации, лишившись некогда приоритетного положения, выполняют, тем не менее, важные функции в историческом познании, как идет свободный творческий поиск «по краям», в поли- и внедисциплинарной среде.

Повышенное внимание к «динамике исследовательской мысли» побуждает Ястребицкую избрать такой ракурс наблюдения, при котором «особенно рельефно проступает ускользающая обычно органическая взаимообусловленность исследовательских поколений, отдельных работ, направлений» (с. 18—19).

Перед читателем ставятся фундаментальные познавательные и методологические вопросы: как соотносится дисциплинарное историческое знание в его непрерывном изменении и взаимодействии «вчера» и «сегодня», «нормы» и «маргиналиев» с прагматикой обучения исторической профессии; где проходят условные границы и обнаруживаются поля пересечения высокого профессионального знания и знания практического, формируемого в процессе «наставничества-ученичества». В книге отчетливо прослеживается мысль, что историческое образование должно не только констатировать

существование различных теоретико-методологических «измерений» прошлого, но и утверждать идеи многономативности истины, дискретности и континуитета знания (труд историка — его признание — забвение — возрождение через критическое переосмысление — вхождение в новую форму).

Еще одна важная сюжетная линия — нравственно-дидактическая (случай, к сожалению, достаточно редкий в современной отечественной историографической практике). Последовательно раскрывая перед читателем содержание предписаний исторической профессии и их динамику, смысл соблюдения основополагающих правил, несмотря на смену исследовательских парадигм и предпочтений, Ястребицкая формулирует непростые этические проблемы, возникающие перед историком. Автор по сути размышляет о том, что можно и чего нельзя делать историком-исследователю, какова система «священных запретов», лежащая в основании его труда, остается ли она неизменной тогда, когда меняется содержание исторического знания, соотношения между субдисциплинами, когда обновляется и расширяется методологический инструментарий, размываются границы между историописанием и другими социально-гуманитарными областями. Книга содержит апологию исторической профессии как творчества, стиля мышления и письма, наконец, как специфического образа жизни.

Ястребицкая адресует свою работу одновременно и историком-профессионалу, и гуманитарно широкого профиля, который хотел бы понять содержание процессов, происходящих в историографии XX века, и иметь современные представления о средневековье, что побуждает автора особенно тщательно выбирать форму и язык повествования. Категории и понятия, составляющие концептуальный каркас книги, отобраны продуманно и с большим вкусом. При этом информационно насыщенный текст не выглядит перегруженным понятийными конструкциями. Автор недвусмысленно дает понять, что язык исторической профессии, сложившейся на рубеже XIX—XX веков, достаточно жесткая зависимость историков от определенного словоупотребления, имеют противоречивые следствия для труда историка. Согласованность, нормативность профессиональной лексики обеспечивают возможность профессионального общения. Вместе с тем, этот необходимый атрибут профессии порождает известные препятствия для проникновения «живого», «необязательного», внедисциплинарного языкового элемента.

Автор глубоко убежден в высокой ответственности историка за свой труд. «Специфика «ремесла» историка, его профессии, определяется тем, что познание им прошлого носит непрямой характер: оно всегда опосредовано совокупностью памятников, которые мы именуем источниками... Историк всегда начинает свою работу, имея

определенную презумпцию, порожденную его предшествующим опытом, его мировоззрением, его убеждениями. Сложность этого процесса познания прошлого состоит в том, что в нем также существует обратная связь: презумпция исследователя не есть нечто жестко обусловленное, рождающееся вне и до работы над источником, — напротив, она формируется и перестраивается в ходе этой работы и под влиянием ее. Изменение

отношения к источнику и изменение общего подхода к истории идут, как правило, рука об руку» (с. 6). Это рассуждение свидетельствует об открытости авторской концепции истории исторического знания; оно приглашает читателя к серьезной и вдумчивой работе над текстами современной историографии.

Г. И. ЗВЕРЕВА

G. ASELIUS. «*Russian Menace*» to Sweden. *The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism*. Stockholm. Almquist and Wiksell International. 1994. 455 p.

Г. ОСЕЛИУС. «*Русская угроза*» Швеции. Система представлений элиты, обеспечивающих безопасность малой державы в эпоху империализма.

В книге доктора истории Гуннара Оселиуса, сотрудника Шведского военного колледжа, нет набивших оскомину рассуждений на тему: угрожала ли Россия Швеции на рубеже XIX и XX вв. или нет. Во взаимоотношениях двух соседних стран, разумеется, присутствовали моменты, которые могли быть охарактеризованы той или иной из них как угрожающие ее безопасности. Предметом монографии является специфический феномен в коллективном сознании существовавшего в Швеции узкого, сравнительно однородного и относительно автономного слоя, принимавшего внешне- и оборонно-политические решения, — дипломатов и офицеров высоких рангов, а также нескольких ведущих политиков, — слоя, который именуется элитой обеспечивающих безопасность. Речь, таким образом, идет о восприятии указанной элитой действительной или мнимой опасности, исходившей со стороны могущественной великой державы (в книге она именуется «русская угроза», причем кавычки принадлежат автору).

Изложение подразделяется на два периода — 1880—1905 и 1905—1914 годы. Такая периодизация логична, поскольку 1905 г. принадлежит, если исходить из геополитической точки зрения, к поворотным пунктам в истории и Швеции, и России. Швеция, в результате расторжения шведско-норвежской унии, оказалась отрезанной от Атлантики и Арктики, а Россия, не говоря уже о революционных потрясениях, потерпела поражение в русско-японской войне и, согласно господствовавшим в ту эпоху представлениям, должна была изменить направление своей великодержавной экспансии с востока на запад, от Тихого океана к Атлантике.

При чтении глав III—VI складывается вполне определенное впечатление, что в шведской элите обеспечивающих безопасность и, шире, в шведском общественном мнении чрезмерно драматизировались явления и события, расцениваемые как конкретные проявления русской великодержавной

экспансии по отношению к Соединенным королевствам Швеции и Норвегии, но которые в действительности не выходили за рамки внутрисоветских процессов и межгосударственных отношений между Россией, с одной стороны, и Швецией-Норвегией — с другой.

Так, тревога по поводу русских военно-морских баз в Арктике (в значительной степени, кстати сказать, инспирированная британской дипломатией — с. 119—122) оказалась совершенно напрасной. Знаменитого шведского историка Х. Эрне, опубликовавшего во время своего пребывания весной 1882 г. в Петербурге ряд анонимных статей в шведской печати, в которых содержалась поистине фантастическая характеристика панславизма как якобы массового движения, придерживавшегося террористической тактики, Оселиус называет «главным подстрекателем подобного понимания панславизма как революционного движения» (с. 144). На деле вся «панславистская угроза» Соединенным Королевствам свелась к планам строительства русской церкви в норвежском порту Вардё, которым активно (и успешно) противодействовал шведско-норвежский консул в Архангельске (с. 149—155). Явно нереалистически оценивалась ситуация в соседнем Великом Княжестве Финляндском: так, финноманы характеризовались «как инструменты русской внешней дипломатии или как союзники панславистов» (с. 159); им, как и панславистам, приписывались «методы, которые имели либо демагогический, революционный, либо подрывной характер» (с. 161).

Меры по «противодействию угрозе» — под которыми подразумевается, по существу, практически вся политика по отношению к России, — были весьма разнообразными, но недостаточно эффективными для того, чтобы установить нормальные отношения с восточным соседом (с. 201—202).

В книге освещаются и периодически повторявшиеся проявления «внезапного испуга перед

вторжением извне»: — в марте 1887-го, конце 1890-го, январе 1891-го, начале 1901-го и зимой 1902-го годов (с. 196—198). Оценивая этот феномен, Оселиус пишет, что «за этими внезапными испугами.., которые почти всегда приходились на начало года», легко обнаружить столкновение интересов при обсуждении государственного бюджета, особенно его военных статей (с. 198). Шведские военные подвергались критике со стороны тех, кто боялся, что в конце концов население настолько привыкнет к этим ложным слухам и тревогам, что в решающий момент не обратит внимания на сигнал о действительной военной опасности. Но даже будучи, казалось бы, разоблаченными, адепты «русской угрозы» твердили, что «угроза — постоянно на нашем дверном пороге» (с. 200). Или: «...Не только война сама по себе, но даже опасность, возможность войны не могут не оказывать оздоровительное влияние на нацию» (с. 211).

Ключевой для книги вопрос: какова была та система представлений, то мировидение, которое питало страх перед «русской угрозой»? Основоплагающим для подобных представлений элиты обеспечивающих безопасность были, по мнению автора, социал-дарвинистские предрассудки, что в современном мире действовали «хищные великие державы», «безжалостно расширяющие свое жизненное пространство за счет малых наций» (с. 211). К таким «хищникам» относится и царская империя, бывшая, так сказать, «наследственным» противником Швеции. Автор указывает, что Россию «никоим образом» нельзя считать единственной державой, «которой следует бояться» (с. 210). Как и политика других великих держав, русская внешняя политика характеризовалась как «экономическая по своей мотивации, глобальная по широте охвата и экспансионистская по форме» (с. 206). Элите обеспечивающих безопасность была присуща консервативная реакция на те новшества, которые принес с собою капитализм, и «русская угроза» связывалась с общим развитием международных отношений: «опасности, вытекавшие из внутреннего развития царской России, представлялись соотносимыми с опасностями, угрожавшими всей Европе» (с. 239). Наиболее подверженными нападению извне считались северные провинции (Норрланд), на эксплуатацию природных богатств которых возлагались особые надежды в плане будущего национального возрождения Швеции (с. 240). Для издававшейся элитой обеспечивающих безопасность оборонно-пропагандистской литературы был характерен образ Швеции

как «спящей нации, созерцающей воспоминания о прошлой славе» (с. 215). В книге используется выдвинутое американским политологом Р. Ротштейном определение «малой державы» (с. 8). Впрочем, сами шведские дипломаты предпочитали избегать этого термина, учитывая соображения протокольного характера (с. 212).

После 1905 г. картина заметно меняется. Расторжение унии, отделение Норвегии от Швеции пробудило шведское общество от длившегося десятилетиями сна, заставило его произвести определенную переоценку ценностей. Это сказалось и на менталитете шведской элиты обеспечивающих безопасность. Ослабевают социал-дарвинистские установки. Были внесены коррективы и в образ России. Русскую внешнюю политику начали толковать в контексте стратегических соображений (с. 365). Но при этом русским приписываются определенные иррациональные качества, вытекающие из «непостижимой для европейцев ментальности, соединенной с воображением, которое не знает пределов». В предшествующую эпоху отнесение России к числу противников в будущей войне «не обязательно включало в себя чувства презрения или снисходительности» (с. 367).

В 1905—1914 гг. для шведской военно-политической элиты характерно убеждение в том, что «малой державе удастся выжить при некоторых обстоятельствах», что «малое, но богатое и хорошо подготовленное в военном отношении государство могло бы стать привлекательным союзником для великих держав» (с. 370, 373). Что касается выбора званых союзников, Швеция колебалась между Великобританией и Германией, причем, по мнению Оселиуса, к последней относились с известной настороженностью. Теперь основные усилия по самоутверждению были сконцентрированы на Балтике.

В качестве недостатка книги следует указать на довольно слабую связь изложения с предшествующими историческим развитием, прежде всего с русско-шведскими войнами, которые, собственно, и сформировали представление о России как «наследственном» противнике Швеции. О пресловутой фальшивке-«завещании Петра Великого» говорится в таком контексте, который может создать представление, будто стремление России к завоеваниям обосновывалось экономическими соображениями, что вообще не согласуется с текстом упомянутого подложного документа.

М. Ю. ЧУКАНОВ

Уточняющее дополнение к письму С. Н. Щеголихиной

В письме С. Н. Щеголихиной (Вопросы истории, 1995, № 3), посвященном моральным качествам участников гражданской войны, был упомянут военный комиссар г. Таганрога Родионов, названный коммунистом. На это ссылается и А. Г. Латышев в своей книге «Рассекреченный Ленин» (М. 1996, с. 55—56). На деле Родионов был левым эсером. История его назначения такова. В ночь на 18 января 1918 г. в Таганроге на совместном собрании большевиков, левых эсеров, анархистов и беспартийных постановили организовать инициативную группу для руководства действиями и предъявить белым юнкерам через исполком городского совета требование сложить оружие и покинуть город. Был образован военно-революционный комитет: председатель большевик А. Глушков, заместитель председателя левый эсер И. Зайцев, гражданский комиссар большевик В. Стернин (позднее — политкомиссар Доно-Кубанского фронта), военный комиссар и начальник штаба Красной гвардии левый эсер И. Родионов. После захвата в мае Ростова н. Д. немцами отпор им вначале был дан под руководством Родионова, который объединил разношерстные группы украинских отрядников. Во внутренней сводке оперотдела Народного комиссариата по военным делам от 30 мая сообщалось: «Наступление немцев через Батайский мост задержали местные партийные дружины команды Родионова в составе около 600 чел. при 2 орудиях... Общего управления на Дону и Северном Кавказе нет. Армией командует т. Родионов, но он совершенно один»¹.

В связи с появлением там немецкой ландверной дивизии под Ростов были переброшены воинские части Кубано-Черноморской советской республики. Возник Ростовский боевой участок. Его командующим был назначен кубанец-хорунжий И. Л. Сорокин. К нему в непосредственное подчинение вошли «командующие войсками товарищ Родионов, товарищ Середя и мобилизованные Донской

области»². Военный руководитель Северо-Кавказского окружного военного комиссариата А. Е. Снесарев, представив 8 июня 1918 г. военруку Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевичу доклад о результатах своей поездки по железной дороге Царицын—Великокняжеская—Тихорецкая, сообщал: «Только одна 2-я дивизия Родионова и отряд Сорокина преграждают пути наступления немцу со стороны Ростова, да и эти части оказываются сильно потрепанными в непрерывных боях. Лично видел большой транспорт раненых, прибывших с Батайского фронта»³.

В диспозиции № 1 от 2 июня главком войск Кубано-Черноморской федеративной республики К. И. Калнин указал своими заместителями Сорокина и Родионова. По сведениям на 20 июня, во 2-й дивизии Родионова числилось около 1500 человек личного состава, на 15 августа — около 5000 штыков. Бывший председатель Реввоенсовета 11-й армии Я. В. Полуян в докладе Реввоенсовету РСФСР отмечал, что под руководством Родионова и частично Сорокина в течение июня — июля 1918 г. Красная армия без обмундирования, без лекарств и докторов, без смены и резервов героически задерживала немецкую дивизию в ожесточенных боях под Батайском⁴.

Поскольку Щеголихина касалась личных качеств красных командиров в связи с их политическим лицом, приведу, как в подтверждение, так и для уточнения ее высказывания, пример с С. П. Колышко. Этот бывший поручик, доброволец Красной армии, командовавший войсками Таманского фронта в июне — июле 1918 г., попал в руки денкинцев. Военно-полевой суд белых в Екатериндаре приговорил его к восьми годам каторги. Добавлю, что за участие в революционном движении этот Колышко после первой российской революции отбывал ссылку в г. Таре Тобольской губернии. А после разгрома денкинцев он стал помощ-

ником начальника штаба кавкорпуса Д. П. Жлобы. В сентябре 1920 г. его откомандировали формировать 1-ю Польскую Красную армию, потом назначили начальником артснабжения в этой армии. В ноябре 1920 г. он был зачислен в резерв политработников и стал сотрудником мобилизационно-учетного отделения Политуправления РСФСР. В январе 1921 г. его откомандировали в распоряжение Высшего совета народного хозяйства. Этот Колышко, родившийся в 1881 г. в Варшаве, кроме русского языка знал еще польский, немецкий и французский. Он был энергичным человеком, но не внушал большевикам особого доверия и не ладил с комиссарами, отчего был раз даже арестован. В его анкете отмечено, что он сочувствовал большевикам с 1904 г., а до вступления в ряды РКП(б) в июне 1920 г. числился анархистом-коммунистом и анархистом-индивидуалистом. В начале 30-х годов он состоял членом Всесоюзного общества политкаторжан⁵.

На примерах Родионова и Колышко (а подобных им было множество) можно утверждать, что

дело обстояло сложнее и не выглядело столь прямолинейным, как об этом писала С. Н. Щеголихина.

Н. А. Ефимов, доцент

Примечания

1. КИРИЕНКО Ю. К. Крах калединщины. М. 1976, с. 193; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, ф. 70, оп. 3, д. 647, л. 20; ПЕТРЕНКО С. Правда о Сорокине. — Путь коммунизма, Краснодар, 1922, № 1, с. 113; Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 1, оп. 2, д. 23, л. 47.
2. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 730, л. 5, 7.
3. Там же, ф. 1, оп. 2, д. 148, л. 55, 56.
4. Там же, ф. 25896, оп. 9, д. 19, л. 2об.; д. 730, л. 2об.; ф. 100, оп. 3, д. 59, л. 2об.; оп. 10, д. 23, л. 9; ф. 1363, оп. 1, д. 71, л. 1об.; ф. 33504, оп. 1, д. 6, л. 15об.
5. Центр документации новейшей истории Краснодарского края, ф. 2830, оп. 1, д. 786, л. 12, 5, 6об., 7.об.; д. 1210, л. 5об.

Contents

Articles. **R. G. Skrynnikov.** Ancient Russia: The Myths of Chronographs and Reality; **D. M. Glantz.** The Operation of «Mars» (November — December 1942); **G. M. Adibekov.** Comintern after Its Official Dissolution (1943—1944). Historical Profiles. **D. I. Vdovichenko.** Enver Pasa. History and Fates. **A. V. Golovnin.** A Memoir for the Few. **Historians on Time and Themselves.** The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Druzhinin. **Publications.** Right Wing Politicians and Constitutional Monarchists in Russia, 1907—1908. **Contributions.** **A. L. Jurganov.** The Symbol of Russian State and Medieval Consciousness; **P. Kh. Chkhartishvili.** Black Hundreds in 1917. People. Facts. Events. **A. I. Filiushkin.** The Terms «Tsar» and «Tsardom» in Russia; **G. S. Papovian.** F. Kavallotti — the Bard of Italian Democracy. **Historiography.** **S. Smith.** Postmodernism and Social History in the West: Problems and Perspectives. **Reviews on Books:** Totalitarianism in Europe of the 20 th Century. From the History of Ideologies, Movements, Regimes, and the Surmount of Them; **E. A. Dudzinskaja.** Slavophiles in Post-Reform Russia; **G. Voigt.** Russland in der deutschen Geschichtsschreibung; **A. D. Yegorov.** The Liceis of Russia (An Attempt of Historical Chronology); **A. L. Yastrebitskaia.** Medieval Culture and Town in the New Historical Science; **G. Aselius.** «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. **Letters to the Editor.**

Учредители: ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 8, 1997

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 26.05.97. Подписано в печать 07.07.97. Формат 70 × 108/16. Бумага писче-бланочная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 19,05. Тираж 10 100. Заказ 2611. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Зарубежным подписчикам журнала "Вопросы истории"

Уважаемые господа!

С января 1997 г. в России выходит научно-теоретический журнал "Философия и общество", посвященный проблемам философии и теории истории социальной философии (затрагивается и иная тематика). В журнале "Вопросы истории" в прошлом и текущем году неоднократно печаталась его реклама. Редакция нового журнала ставит своей целью публиковать новаторские концептуальные материалы. Журнал является изданием, которое не зависит ни от каких организаций.

Выходит один раз в два месяца. Объем — 270—300 стр.

К сожалению, по причине российских общенациональных трудностей в настоящий момент новые издания не могут получить права организовывать подписку для зарубежных читателей (кроме республик бывшего СССР). Но издатели и редакция очень желали бы познакомить со своим журналом всех, кого интересует подобная тематика и кто может читать на русском языке. Для этого нужно всего лишь прислать заявку по адресу издательства, указав свой подробный адрес. Мы вышлем вам первый номер журнала бесплатно, а также сообщим условия приобретения следующих номеров. Если наше издание вас заинтересует, вы сможете получать его регулярно.

Адрес издательства:

Russia (Россия), 400059, г. Волгоград, п/о 59, а/я 114,
издательство "Учитель" (журнал "Философия и общество"),
тел. 42-53-91, факс 42-20-63, код 8-8442

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**